САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

САРАНЦЕВ Николай Владимирович

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ, ТРАНСФОРМАЦИЯ

(начало 1900-х – конец 30-х годов)

Специальность – 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук

Научный консультант – профессор,
Доктор исторических наук В.Д.Полищук

Саратов – 2002

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Демократические реформы, затрагивающие все сферы человеческих отношений, преодолевая авторитарные традиции российского общества, кардинально влияют на его развитие. Эти трансформационные процессы, властно подчиняя себе человеческое сознание, постепенно удаляют из него представления о том, что с помощью небольшой группы людей, осуществляющих насилие и принуждение, можно очень быстро достигнуть позитивных политических целей, а следовательно, способствовать разрешению и других наиболее жгучих проблем социального, экономического и духовного характера.

Неординарность ситуации, сложившейся в современной России, не может оставить ученых равнодушными и вызывает у них вполне понятный профессиональный интерес. Отечественные обществоведы, открыто разрывая со всеми социально-политическими условностями прошлого, добились наконец уникальной возможности рассматривать исторический процесс с «объективистских» позиций, избегая при этом как нудного морализирования, так и нечленораздельных «криков боли». Ни идеологические, ни политические стереотипы, ни симпатии и антипатии эмоционально-психологического плана (хотя они и продолжают оказывать существенное влияние на исследователей), уже не способны остановить поступательного продвижения к истине. Казалось бы, постижение феноменов реальной жизни и их адекватное отражение, очищенное от негативных внешних и внутренних воздействий, возможны. Однако действительного и вполне адекватного осмысления произошедшего пока не случилось. Споры о роли коммунистической партии, значении социалистической революции и профессиональных революционеров в созидательной деятельности по воплощению утопических планов в жизнь не утихают. Оценки разнятся до диаметрально противоположных, оставляя ря-

дового российского гражданина в недоумении и растерянности: гордиться своей историей или стыдиться ее.

Само существование этой альтернативы является весьма тревожным признаком общественного недуга, нуждающегося в глубокой социальной диагностике и интенсивной терапии. Очевидно, что из предания анафеме или пения дифирамбов, не сложится социальное «тело» новой России, не выстроится ее «душа», не получится здорового и результативно функционирующего организма, способного вывести общество из кризисного состояния.

Сегодня страна, как и много десятилетий назад разделенная «красными» и «белыми» поясами, пытается найти общепризнанные подходы к пониманию феномена большевистского политического руководства, выяснить особенности его трансформации из революционной замкнутой группы в эффективный «властвующий класс». Исторические аналогии и оценки при анализе событий и процессов прошлого и нынешнего времени играют важную роль. Они помогают избежать повторения ошибок, преодолеть искушение принятия простых, ведущих к быстрым результатам решений, так как это почти всегда приводило к серьезным негативным последствиям.

Одним из наиболее приемлемых методологических подходов, анализ которого помогает ответить на многие вопросы нынешней жизни российского общества, приблизиться к пониманию исторических истоков сложившейся в стране ситуации, является элитизм. Впервые элитизм заявил о себе у нас в качестве актуальной, подлинно научной проблемы только в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века, когда «циркуляция» элит открыто проявилась в эмпирической плоскости и поставила ряд вопросов, потребовавших теоретического разрешения. Между тем Запад почти в течении века успешно практически использовал его концептуальные плоды.

Потребность в обновлении России, борьба за возможность осуществления политического воздействия и контроля, вынудила к заимствованию имеющегося теоретического и эмпирического опыта у исследователей Ита-

лии, Франции, США, Англии и других стран, ибо их идеологические пристрастия значительно меньше влияли и влияют на анализируемые политические доктрины и выдвигаемые теоретические учения. Позитивный характер элитистской теории, базирующийся на объективных закономерностях общественного развития (а не только на деятельности отдельных личностей или клановых группировок), позволяет преодолеть перегибы экономического детерминизма и, вычленив из всей совокупности связей и отношений только социально-политические вопросы, сосредоточить внимание на деятельности властвующего партийного меньшинства. Партийно-политическая властвующая элита рассматривается нами как высшая, достаточно самостоятельная, устойчивая и относительно привилегированная группа, обладающая необходимыми, востребованными в данной политической системе, психологическими, социальными, нравственными качествами и участвующая в принятии и осуществлении властных решений путем использования государственных инструментов или воздействия на них. Другими словами – это та часть общества, которая, благодаря своему статусному положению и качествам, имеет непосредственный доступ к политическим ресурсам государства.

Выбор темы исследования обусловлен ролью политических лидеров и элит, которую они сыграли и продолжают играть в российской истории, изобиловавшей тяжелейшими потрясениями, катастрофами, ожиданиями и надеждами, меняющимися ощущениями могущества и бессилия в решении насущных проблем. В течение XX века наша страна неоднократно была ввергнута в состояние, грозящее распадом государства, развалом экономики, разрывом общественных связей. Выдающийся английский историк и экономист А.Тойнби справедливо определял такое время как «смутное», как «время всеобщих раздоров», надлома цивилизации, исходящего из недр социального тела. Катастрофичность такой исторической ситуации, по его мнению, заключается в том, что общество разрушается и по вертикали (возникает длинная череда локальных войн и политических конфликтов), и по горизонтали

(происходят восстания, а затем и «изменения в положении правящего меньшинства»), к власти приходят новые социальные группы. Причины всякой смуты ученый видел в «неспособности лидеров продолжать игру с толпой», которая неизбежно сопровождается серьезным кризисом всей системы, а возможно и крахом политического режима[1]. Аналогичность переживаемого Россией периода заставляет отечественных политиков и исследователей в очередной раз задуматься над сакраментальными вопросами «Кто виноват?» и «Что делать?» с целью найти решения наиболее важных проблем. Однако сделать это в полном объеме не удается. Научные успехи касаются лишь отдельных вопросов, закрывающих некоторые «белые» пятна прошлого.

Проблема роли властвующего меньшинства в обществе относится к числу достаточно разработанных. Применительно к отдельным странам Запада она хорошо изучена, многие ее детали убедительно проработаны. В то же время аналогичные концептуальные аспекты, касающиеся российской истории, остаются пока неосвещенными, хотя следует отметить, что русские исследователи на заре элитизма внесли достойный вклад в анализ механизма власти и управления. Книга М.Я.Острогорского «Демократия и политические партии»[2], рассматривала политические проблемы Англии, но по причинам цензурного характера не могла увидеть свет в России и была издана в конце XIX века во Франции. В Советском Союзе. господствующая партия открыто не признавала существования элит и не желала делиться тайнами власти и государственного управления с кем бы то ни было. Попытки научного осмысления функционирования властвующего меньшинства строго пресекались вплоть до конца 80-х годов прошлого века[3]. Публикация трудов, анализирующих властные механизмы в советском обществе, была невозможна. Отсюда становиться понятным интерес, проявляемый к данной проблеме сегодня. Этот интерес, в основном, удовлетворяется за счет работ теоретического характера, в большей степени относящихся к политологическим, социологическим, философским и методологическим аспектам. В этом плане в

первую очередь следует отметить работы таких авторов как Г.Ашин, Л.Бабоева, Б.Головачев и Л.Косова, Т.Коваль, В.Лупацкий, О.Мясников, Д.Ольшанский, В.Пастухов, Г.Силласте и других, которые, демонстрируя неодинаковые подходы, помогают уяснить общие принципы формирования, функционирования, рекрутирования новых кадров в правящие элитные группы, тенденции в их развитии и ротации.

Существование политических элит сегодня ни на Западе, ни в России уже ни у кого не вызывает сомнения. Однако значимость этих проблем в современном российском обществе вряд ли возможно объективно оценить без исторического исследования особенностей и специфики условий их возникновения, становления, функционирования и эволюции. Объективную картину советской политической элиты позволяют представить исторические публикации, появившиеся в последнее десятилетие XX века. Их анализ позволяет выделить несколько групп работ, рассматривающих объект исследования под определенным углом зрения с той или иной степенью полноты.

К первой группе отечественных ученых, разрабатывающих элитистскую проблематику, по нашему мнению, следует отнести С.Андреева, О.Джавлакова и В.Михеева, Т.Коржихину и Ю.Фигатнера, Н.Лапину, А.Николаева, В.Пашина, С.Перегудова[4] и др. Эти авторы анализируют в качестве одной из важнейших составляющих частей правящей элиты производственно-управленческую и технократическую ее часть. Их научный интерес распространяется на характерные черты и особенности этой элитной категории, на воздействие технократии и меритократии на политическую элиту в деле выработки и принятия властных решений, не затрагивая ее природы, трансформационных процессов и внутренних отношений. В этих работах категория «элита» употребляется достаточно редко. Чаще используются понятия «организаторская интеллигенция», «хозяйственная номенклатура», «управленческий аппарат», «директорский корпус» и т.д. Партийное крыло осуществляющей власть элиты рассматривается ими как частный случай бо-

лее общей проблемы – проблемы правящей элиты. Основной слабостью данных работ, с точки зрения нашего исследования, является отсутствие равномерного анализа всех структурных элементов правящей элиты, определения их ролевых функций и взаимодействий.

Другую группу составляют ученые тесно примыкающие к технократическому направлению исследования, но рассматривающие значимость различных групп правящей элиты с точки зрения их способности определять и осуществлять на практике политику социально-экономической модернизации страны. При этом авторы не ограничиваются нормативно-институциональным уровнем анализа, а дополняют его изучением макросоциальных изменений в функционировании соответствующих институтов власти, вводя для этого социокультурный контекст, выражающийся в понятии «трансформация». К числу таких исследователей следует отнести Е.Авраамову, Д.Бадовского, И.Дискина, Н.Ершова, О.Крыштановскую, И.Куколева[5], которые стремились дополнить проблему анализом значимости правящего социального субъекта в осуществлении перестроечных и постперестроечных реформ. У всех названных работ недостаточна, или вовсе отсутствует, эмпирическая база, прослеживается философско-политологический уклон рассмотрения поставленных вопросов с подчеркнуто выраженным акцентом на современность.

К третьей группе публикаций можно причислить труды исследователей отечественной регионалистики С.Барзилова и А.Чернышова, Р.Галлямова, А.Магомедова, В.Мохова, В.Сироткина, М.Фарукшина, А.Шутова[6] и др. Изучая политическое амплуа региональных элит России, эти ученые приходят к выводу, что длительная и внешне незаметная эволюция правящего слоя советского общества – региональной элиты – привела к таким социальным и политическим последствиям, которые стали мощными элементами саморазрушения советского социума. Итогом этого эволюционного процесса стало создание такой системы отношений, при которой произошла конвертация

полномочий по распоряжению государственной собственностью в права собственности на государственное имущество. Система новой политической власти должна была лишь узаконить эти права. В работах анализируются отношения центра и территорий, различающихся конституционным, политическим и экономическим статусом, рассматривается ожесточенное столкновение позиций и интересов различных субъектов политики. Однако научные интересы этой группы авторов концентрируются на заключительном, постсталинском историческом периоде, когда номенклатура уже окончательно сложилась в бюрократию и, утвердившись в качестве господствующего «класса», обрела собственные федералистские интересы. Кроме того, при моделировании трансформационных процессов элит предпочтение отдается не историческому, а прогностическому аспекту проблемы.

Четвертая группа состоит из работ, принадлежащих перу М.Афанасьева, В.Березовского и В.Червякова, А.Крэстевой, Г.Либмана, А.Варбузова, Э.Сухаревой, Д.Лейн, Н.Кудеярова, Г.Процко, Г.Сердюкова, В.Шпака, Р.Рывкиной, Л.Селезнева, Е.Охотского[7], рассматривающих деятельность современных российских политических элит. Эти исследователи, занимаясь выявлением значимости различных слоев в демократической модернизации страны, концентрировались на особой роли политической элиты. Анализу подвергалась ее внутренняя структура, выяснялись основания для их идейно-политических ориентаций, способствующих объединению или размежеванию, определялось воздействие наследия номенклатурной системы на ход отбора и деятельности новых кадров. Ценность данных трудов обуславливается прояснением причин изменений в правящей элите, возрастании роли одних политических элитных групп и убывании других. Но они не дают ответа на вопросы, касающиеся истории формирования и функционирования конспиративных контрэлит, деятельности строго централизованных властвующих партийно-политических элитных групп.

Все перечисленные исследования, в той или иной мере, несут на себе отпечаток теоретико-концептуального подхода к проблеме. Данное положение, по нашему мнению, нельзя ставить в вину выше названным авторам. Оно может быть вполне оправданно, поскольку вытекает из самой темы исследования и несет в себе определенный политологический, социологический и философский потенциал.

Между тем, число публикаций, раскрывающих собственно историческую сторону темы, и сегодня остается весьма ограниченным и явно недостаточным. Рассмотрение проблем научной разработанности данных вопросов в исторической науке правомерно начать с трудов основателей Российской социал-демократической рабочей партии, которые имеют двойное значение: носят теоретический и источниковый характер. В данном случае нас интересует теоретическая сторона вопроса.

Основателям РСДРП безусловно принадлежит приоритет в идейных замыслах и организационных действиях, послуживших началом формирования элиты профессиональных революционеров, трансформировавшейся в дальнейшем во властвующую элиту советского общества. Теоретики и практики РСДРП, политики, публицисты, руководители и рядовые очевидцы далеких событий оставили свидетельства и воспоминания, содержащие сведения о начале организационной борьбы. Первый и наиболее существенный вклад в освещение этих вопросов в России внесли вожди социалистического движения: П.Аксельрод, А.Богданов, В.Засулич, В.Ленин, Ю.Мартов, Г.Плеханов, А.Потресов и некоторые другие. Эти люди стояли у истоков подпольной партийной организации, активно участвовали в дискуссии о ее идеологической базе и организационном строении, вырабатывали эталонные требования к элитным кадрам революции, осуществляли практическую селекционную работу. В их трудах обобщался революционный опыт, отстаивались собственные взгляды, выявлялись ошибки, вносились поправки, делались необходимые выводы. Содержание этой литературы в определенной

мере отразило личные позиции авторов, их политический темперамент, отношения к другим представителям руководства, к центральным институтам и отдельным органам управления партией. Вызванные прагматическими потребностями, эти публикации заложили основу российской обществоведческой (исторической в том числе) литературы по проблеме. По содержанию опубликованных в это время работ можно вполне объективно судить о складывающейся в партии политической атмосфере, психологии различных групп, господствовавшем тогда политическом сознании и т.п.

Изданные в качестве практических рекомендаций работы всех этих авторов котировались весьма высоко. Они свидетельствовали о том, что именно в начале 900-х годов закладывались основы многих проблем, которые позднее, после революции, привлекли к себе пристальное внимание как мирового сообщества, так и ученых-специалистов. Однако необходимо иметь в виду ту строгую партийную цензуру и внутренние табу (авторы считали, что нельзя оглашать сведения, которые могут нанести партии даже малейший ущерб), позволявшие писать и печатать только то, что было необходимо и выгодно политическому истеблишменту.

В 20-е годы усилиями ленинского политического окружения начинает активно развиваться жанр исторических биографий. В первых открытых печатных изданиях, вышедших в свет сразу после прихода большевиков к власти, обосновывалась необходимость утверждения ведущей роли их партии, позитивного значения руководства Центрального Комитета и Политбюро, Советского правительства, подчеркивалась харизматичность большевистских вождей в деле проведения коммунистических преобразований. Написанные по горячим следам событий, работы А.Бубнова, Н.Бухарина, Г.Зиновьева, Л.Каменева, В.Ленина, И.Сталина, Л.Троцкого, Е.Ярославского имели ярко выраженную эмоционально-романтическую окраску. Ценность этих трудов заключалась, главным образом, в том, что они содержали принципиальные партийные установки, исходящие от большевистского руководства, опреде-

ляли принципы подбора и воспитания партийных кадров, претендующих на элитные посты. Однако развернувшаяся вскоре внутрипартийная борьба надолго закрыла доступ читателей ко многим интереснейшим и важнейшим литературным материалам, на основе которых можно было делать выводы о роли и качествах большевистской контрэлиты в революционном перевороте и ее участии в новаторском созидательном процессе.

Окончание гражданской войны и введение новой экономической политики способствовали появлению публикаций, принадлежащих перу руководящих и ответственных работников РКП(б), которые с определенной степенью откровенности, но не всегда объективно и полно (в угоду складывавшейся новой иерархии вождей), раскрывали некоторые вопросы жизнедеятельности представителей властвующего партийного меньшинства. Усиливается агитационная и пропагандистская работа, направленная на повышение авторитета политических лидеров страны. Увеличивается выпуск соответствующей литературы, причем не только в центре, но и в регионах. Все настойчивее утверждается такая оценка работы властвующей элитной группы, которая не должна была оставлять сомнения в ее превосходстве над элитой старого режима. В письменных работах и выступлениях Н.Крупской, А.Луначарского, М.Покровского, Ф.Раскольникова, М.Ульяновой, А.Шляпникова и некоторых других, изданных в этот период времени, встречаются достаточно осторожные высказывания о проблемах межэлитных и внутриэлитных отношений. Причем, если на раннем этапе преобладали статьи в журналах и газетах, публикации стенограмм устных выступлений, то к середине 20-х годов (при увеличении их общего количества в периодической печати) появляются книги, брошюры и сборники статей-воспоминаний. В них уже не столь случайно, бессвязно и фрагментарно, а более цельно и последовательно выражались критические взгляды авторов по поводу наличия внутрипартийных «раскольнических» групп, давалась их негативная характеристика, определялось отношение к отдельным персоналиям, занимавших

высокие посты. Нередко можно было встретить намек на наиболее востребованные качества, обладатель которых мог попасть в элитную группу, описывался первый опыт «пролетаризации» партийных органов и правительственных учреждений. Однако и в этих публикациях не было (да и не могло еще быть) цели отразить проблемы политической элиты в полном ее объеме, совокупности позитивных и негативных факторов.

Литература с биографическими данными об элитных субъектах с большим пиететом отзывалась о революционных борцах, каждому воздавалось по «способностям и заслугам», подчеркивалось их активное участие в свержении старого режима и защите «власти Советов». Таким образом закладывался своеобразный фундамент пирамиды политического авторитета с необходимым в таких случаях атрибутивным набором превосходных эпитетов. Однако в результате наметившегося в большевистской элите раскола, окончательно произошедшего после смерти Ленина, политические дифференты начинают смещаться, а потом и вовсе меняются на прямо противоположные. Публикация Л.Троцким статьи «Уроки Октября» была воспринята резко отрицательно и расценена, уже сложившимся аппаратом партии, как покушение на авторитет своего руководства. Статья по существу оспаривала право лидеров аппарата на высшие властные позиции в партийных и государственных структурах. С этого момента любое несогласованное оглашение действительных сведений о личностных качествах и роли в революционной истории тех или иных большевистских функционеров оценивалось однозначно негативно. Фактор цензуры и целенаправленной пропаганды возрастал. Теперь четко фиксировались и тиражировались не столько действительные, естественно сложившиеся субординационные и координационные связи и отношения, сколько искусственно создающиеся в ущерб исторической правде. Аппарат отсекал все, что могло причинить урон его властным позициям, а следовательно, и позициям его лидеров.

Положительным моментом в формировании литературного банка в этот период является то, что массовым тиражом издаются протоколы и стенограммы важнейших политических форумов (съездов, конференций, пленумов), речи и статьи руководителей партии, по которым, в определенной мере, можно было проследить за деятельностью властвующей верхушки, ее борьбой с оппозиционными группами. В этих материалах, разумеется, не могли быть четко и ясно представлены действительные причины разногласий в «тонком слое профессиональных революционеров» и особенности ее борьбы с нарождающейся сталинской номенклатурой. Главная их задача состояла в пропаганде и агитации, популяризации и романтизации революционной борьбы, в позитивном отражении значимости профессиональных революционеров в деле социализации общества. На самом деле, к тому времени уже был поставлен вопрос о перемещении их на роль безвластных «почетных представителей старшего поколения». Тем не менее в этих литературных трудах содержится масса интереснейших фактов, характеристик и подробностей, без которых портрет властвующей элиты был бы сублимированным и весьма схематичным.

В более поздний период почти полностью закрываются архивы[8] (архивное хозяйство передается в ведение НКВД): одни официальные материалы засекречиваются, другие подвергаются купированию и идеологической обработке, а робкие попытки обнародования правдивых воспоминаний воспринимаются как антипартийные вылазки и враждебная деятельность. Историческая наука становится прерогативой Центрального Комитета РКП(б). Монополия на историческую правду стала принадлежать исключительно партийному руководству, поэтому в течение многих десятилетий в нашей стране почти не появлялись работы, посвященные деятельности таких партийно-политических органов, как Центральный Комитет, Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК, Революционный Военный Совет Республики, Центральный Исполнительный Комитет, Совет Народных Комиссаров и др. В

лучшем случае к печати допускались публикации, специально, для определенных нужд подготовленных ответственными работниками партийного аппарата по заданию высших инстанций к знаменательным датам и по какому ни будь конкретному вопросу[9]. Только ЦК стал определять, о чем и как нужно говорить и писать, что полезно, а что вредно для партии и народа, как следует дозировать информацию, что можно, а что нельзя освещать в предназначенных к публикации материалах. Функционирование властных политических органов и объективные биографии возглавлявших их персоналий превращались в строжайшую тайну, доступную очень узкому кругу самых доверенных лиц. Занавес над этими сведениями начал несмело приподниматься только после XX съезда КПСС, а вполне открылся лишь в постперестроечный период. Во времена безраздельного господства КПСС исследования роли партии ограничивались только «успешным руководством в деле формирования, повышения, увеличения или улучшения чего-либо». Позитивно действующими лицами могли выступать только вожди и их ближайшее окружение, либо безличные решения и постановления партийных инстанций, резолюции съездов, конференций, пленумов. Никаких критических замечаний о деятельности партийных органов, тем более Центрального Комитета или его Политбюро, либо находящегося у власти партийного функционера со стороны рядовых членов партии (не говоря уже о беспартийных) по их собственной инициативе не допускалось. Категорически нельзя было затрагивать политическую власть, способы поддержания лидирующих позиций правящей партии, отрицательные качества ее вождей и элитных групп, выявлять и указывать на допущенные ошибки. Разрешалась только хвалебная оценка. Критика, самая жесткая и безудержная, высочайше инициировалась и поощрялась лишь в случае планов отстранения кого либо от власти. Нарушение этих негласных положений могло обернуться серьезными неприятностями.

С конца 30-х и до середины 50-х годов рассмотрение проблем партийного руководства безраздельно определялось конъюнктурой «Краткого курса

истории ВКП(б)». Все исторические работы этого периода ориентировались на изложенные в данном издании идеологические положения и оценки, выход за пределы которых был непозволителен.

XX съезд КПСС положил начало этапу формирования объективной исторической литературы, в которой делались попытки научного осмысления произошедших событий. Авторы новых публикаций уже без прежнего подобострастия относились к сталинскому руководству. Имеющееся ранее в распоряжении «ближнего круга» безоговорочное право на шельмование и устранение известнейших революционных деятелей, составляющих значительную часть «большевистской гвардии», ему больше не принадлежало. Многим незаконно репрессированным (если они официально не состояли в оппозиционных группах) возвращались добрые имена. В этом процессе значительную роль играли историки.

Период, охватывающий временной отрезок со второй половины 60-х до середины 80-х годов, ознаменовался публикацией исторических работ, затрагивающих два существенных аспекта элитистской проблематики: процесс подготовки и воспитания партийных кадров в советско-партийных учебных заведениях (См.: М.П.Фильченков, С.В.Аксенов, Т.А.Ремизов, Л.С.Леонова, Л.М.Чижова)[10] и борьбу с оппозиционными течениями и группами в КПСС (См.: К.И.Варламов, Н.А.Сломихин, В.М.Иванов, А.Я.Вяткин, В.В.Романов, Ф.М.Ваганов, И.М.Москаленко, А.Г.Титов, А.М.Смирнов, К.Д.Шалагин)[11]. В обоих случаях партия, готовящая кадры и борющаяся с оппозиционерами, представлена в исследованиях как безличное и праведное целое, а Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК, ЦКК другие структуры РКП(б) – ВКП(б)-КПСС лишь противостояли чужеродным элементам, которые строили козни и намеренно вредили «делу народа». Авторы не рассматривали политическую элиту как особый слой, обладающий властными полномочиями, совершенно не затрагивали личных отношений, не давали персональных характеристик победителям во внутриэлитной борьбе, а побежденных оценивали

только негативно; не акцентировали внимание и на способах, приемах и методах, используемых в борьбе за власть и т.д.

Первое появление исследований партийного аппарата, кадровой политики партии в целом, подбора, расстановки и воспитания руководящего состава КПСС, относящееся к разряду, безусловно, научных, приходится на начало 80-х годов. К такого рода трудам вышедшим в доперестроечное время, следует отнести монографии А.М.Королева, Л.А.Малейко, И.И.Пронина, Е.З.Разумова[12] и некоторых других. Эти авторы лишь намечают подходы к исследуемым нами проблемам, характеризуя партийных руководителей не адекватно, а как однородную массу, обладающую определенными гомогенными социологическими показателями.

Непродолжительный перестроечный этап породил значительное количество статей, брошюр, сборников, монографических исследований, дающих представление об элитных персоналиях большевистской партии. В первую очередь это касалось тех ее представителей, которые сгорели в огне сталинского молоха: виднейших партийных, государственных и хозяйственных работников, военных, чекистов, ученых, инженеров, писателей, деятелей искусства. Их биографии представляют важную информацию об отношениях, царивших в руководстве партии, принципах подбора и способах продвижения в элитные группы, но не раскрывают проблему в целом.

Обнародование большого числа документов и материалов, не могла не сопровождаться нарастанием объема исторических исследований, которые, в той или иной степени, косвенно или прямо, способствуют прояснению отдельных вопросов партийно-политической элиты Советского Союза. Из работ, увидевших свет на рубеже 90-х годов, к таковым следует причислить труды О.В.Волобуева, С.В.Кулешова, А.И.Зевелева, Н.Н.Маслова[13].

В центре внимания Л.И.Грача, И.А.Ивлева, Н.Н.Разуваевой, А.И.Сажина[14] находились проблемы совершенствования методов работы управленческих кадров. Главным образом эти авторы разрабатывали явно за-

поздалые практические рекомендации руководителям партийных, государственных и хозяйственных органов, которые на заключительном этапе перестройки уже не могли спасти ни старый политический режим, ни членов правящей элиты. Историческим фоном для этих работ служили ошибки, допущенные управленцами в послевоенный период.

Возможность работы с ранее закрытыми и засекреченными партийными документами сегодня превратилось в реальность, сложились условия для всестороннего осмысления процессов формирования механизмов политической власти в СССР в 20-30 гг. и тех официальных и неофициальных отношений, которые складывались внутри руководства РКП(б) – ВКП(б). Продолжают появляться сборники документов, справочная литература, приоткрывающие завесу тайны над многими фактами жизни и деятельности большевистских лидеров и всей группы кадров партийно-политической элиты в целом[15]. Однако в историческом багаже современной России пока не слишком много работ, вычленяющих и рассматривающих эти проблемы в единстве, а количество авторов, исследующих их, еще меньше[16].

«Урок правды», усвоенный современными отечественными историками, вынесенный из всего предшествующего периода времени, стимулировал публикации сборников ранее закрытых документов и материалов, относящихся к 20-м – началу 50-х гг. Эти исторические источники существенно расширили объем доступной для изучения и анализа информации[17]. Открылись фонды партийных и государственных архивов, исследователям предоставляются данные, имеющие, до недавнего времени, гриф секретности. Устранение с пути отечественных авторов препятствий, затрудняющих использование ранее закрытых материалов, касающихся политических биографий элитных субъектов большевистской партии, впервые позволило нашей исторической науке подойти к проблеме адекватно. К ряду ученых-историков, внесших наибольший вклад в освещение этого периода, можно отнести

Д.Волкогонова, Н.Зенковича, В.Логинова, Р.Медведева, Е.Плимака, С.Поварцова, В.Роговина, Г.Смирнова, Н.Смирнова, К.Столярова и других.

Трилогия Д.Волкогонова: «Сталин», «Троцкий», «Ленин», – удостоенная Государственной премии России, ввела в научный оборот немало документов из закрытых секретных архивов и даже «Особой папки»[18]. Д.Волкогонов (как и некоторые другие авторы) утверждал, что за ужесточение политики в период гражданской войны и за последующий террор ответственность лежит на Ленине, что между Лениным и Сталиным вообще можно поставить знак равенства. Такая позиция не нашла понимания и встретила резкий отпор со стороны Н.Дедкова, А.Панцова, Е.Плимака, Г.Смирнова, А.Чечевишникова[19]. Оценивая труды Волкогонова, следует заметить, что они не свободны от отдельных ошибок, неточностей, некоторых сомнительных оценок и скороспелых выводов, однако общая характеристика политической атмосферы во властвующей партии передается им достаточно точно.

Другой автор – В.Роговин[20] – отвергает взгляды как апологетов сталинизма, так и современных «демократов». Опираясь на оппозиционные (большей частью троцкистские) издания 20-30 годов, он стремился доказать, что единственно возможным путем развития мог стать путь, предлагаемый Л.Троцким. Обострение межэлитной борьбы, вызвавшей «великую чистку», по его мнению, было реакцией на рост оппозиционных настроений как внутри страны, так и в международном коммунистическом движении. В своих произведениях В.Роговин исследует причины и механизмы «великой чистки», рассматривает попытки противостоять большому террору внутри Центрального Комитета РКП(б). Он с сожалением относится к упущенным Л.Троцким возможностям удержаться у власти и утверждает (весьма спорно), что его победа представляла единственный шанс успешной реализации коммунистических идеалов. Но история не имеет сослагательного наклонения и дискуссия на подобную тему можно считать бесперспективной.

Приближенным к Сталину людям посвящает свои работы еще один из известных российских историков – Р.Медведев[21]. В книге «Они окружали Сталина» излагаются шесть кратких биографий, шесть политических портретов людей, в разное время входивших в ближайшее окружение вождя: В.Молотова, Л.Кагановича, А.Микояна, К.Ворошилова, Г.Маленкова и М.Суслова. Эти члены сталинской элиты, подобранные в нее им лично. Все они, уступая по важнейшим показателям элите ленинской гвардии, не были профессионально готовыми к той роли, которую возложил на них Сталин, но отвечали представлениям Сталина о собственном «ближнем круге». Необходимость таких партийных субъектов для установления тоталитарной диктатуры не вызывает сомнения. Они были нужны ему, он был нужен им, чтобы сохранить собственную долю влияния и власти.

Кроме политических биографий Р.Медведев исследует социально – политические и экономические условия, породившие сталинизм, вызвавшие к жизни номенклатуру и обострившие до крайности борьбу за власть в партии и государстве[22].

Р.Медведеву вторит Н.Зенькович, утверждающий, что, ко всему прочему, вождя окружала очень недружная команда, поскольку все они враждовали между собой. Сталин и не хотел иметь около себя дружной команды. Он ценил другое. Почти все члены его элиты не только сами были старательными и энергичными работниками, но и умели заставить работать своих подчиненных, используя, главным образом, метод запугивания и принуждения. Споры, доносы, оговоры, интриги и вражда в среде второй волны коммунистической элиты (номенклатуры) поощрялись Сталиным. Он настойчиво следовал принципу «разделяй и властвуй». Подогревая честолюбивые настроения в своем окружении, он стремился извлечь из взаимной неприязни приверженцев друг к другу максимальную выгоду.

Завеса тотальной секретности недавно приоткрылась и над ведомствами специальных служб ЧК – ОГПУ – НКВД, выполнявшими роль карающего

меча партии. В этом плане определенный интерес представляет серия статей А.Какурина и Н.Петрова в журнале «Свободная мысль», в которых можно найти не только богатый справочный материал, но и ответ на некоторые важные политические вопросы о причинах массовых репрессий. Большое значение имеет работа В.Некрасова ««Тринадцать «железных» наркомов. История НКВД – МВД от А.И. Рыкова до Н.А. Щелокова. 1917 – 1982 годы»»[23]. Автор, сам генерал милиции, рассказывает о службе и быте людей, в разные годы возглавлявших «карающие органы», об их отношениях с лидерами партии и государства.

Длительное время параллельно с отечественной исторической наукой, но совершенно в ином измерении, почти не соприкасаясь с ней, шел процесс освещения рассматриваемой проблемы за пределами СССР. Приоритет в создании наиболее глубоких и фундаментальных исторических исследований функционирования и трансформации руководящих органов партии, их роли в управлении государственными и правительственными учреждениями, принадлежит, к сожалению, не советским и российским, а виднейшим ученым, работающим и публикующимся на Западе. Имея возможность работать с документами и воспоминаниями бывших большевиков, оказавшихся по другую сторону «баррикад», не связанные идеологическими догмами и иными ограничениями, эти историки предприняли ряд попыток создать общую картину функционирования политического руководства страны Советов. Среди них наиболее заметную роль играют Дж.Боффа, Н.Верт, М.Геллер и А.Некрич, Э.Карр, С.Коэн, Р.Пайпс и др. Зарубежные авторы имели почти беспрепятственный доступ к источникам и право свободной их интерпретации. Однако, несмотря на заслуживающие внимания обобщения и выводы, почти все их исследования грешат мелкими фактическими ошибками и неточностями.

Американский советолог Р.Пайпс, принадлежащий к группе сторонников тоталитарной концепции истории СССР, рассматривая проблему с либерально-консервативных позиций и полагая свободу высшим человеческим

благом, утверждает, что она может быть достигнута лишь при условии уважения к государственным институтам и закону. Пайпс пытается не ограничивать свои исследования только борьбой за власть, в чем видели квинтэссенцию русской революции некоторые другие историки Запада. Он приходит к выводу, что к моменту смерти Ленина все институты и все приемы будущего «сталинизма» были уже наработаны. Задача Сталина состояла лишь в том, чтобы, овладев уже созданными рычагами власти, довести их до логического завершения и утвердить свой авторитет вождя. Именно это обстоятельство и явилось побудительным мотивом его селекционной работы. Основным препятствием на пути к цели была «большевистская гвардия», которая не желала признавать за ним права на ленинское наследие[24]. Этим он и объясняет сталинскую репрессивную политику против бывших соратников.

Другой представитель американской исторической науки С.Коэн, принадлежащий к так называемой «ревизионистской школе», отвергает бытующее утверждение, будто истребление ленинской элиты было по самой своей природе имплицитно присуще большевизму и находилось в русле ленинско-большевистской традиции[25]. В книге о Бухарине С.Коэн характеризует его как одного из наиболее ярких представителей ленинской элиты. Автор, описывая революционную гвардию, приходит к убеждению, что она была, «как бы ни отрицали этого ее руководители, ... не идеологическим или даже организационным монолитом», а лишь «федерацией договаривающихся между собой групп, группочек, фракций и течений». Такие «федерации», – по его мнению, – вообще характерны для всех политических партий и, скорее всего, для руководства всех крупных революций»[26]. Эта точка зрения, по нашему мнению, объективнее отражает ситуацию.

Американские историки, более других, обращают внимание на психологическую мотивацию политической деятельности элитных субъектов и целых социальных групп. Например, Р.Такер в опубликованной книге «Сталин: путь к власти. История и личность»[27] исследуя их влияние на процессы фор-

мирования личности диктатора и его элитного окружения, старается ответить на вопрос, почему и как складывается деспотический режим. Р.Такер опирается на вывод американского психолога К.Хорни, который считал, что у некоторых людей может происходить с детства отождествление себя реального с идеальным представлением о себе («я» идеальным) как защитный психологический механизм. Многие из большевистских вождей, по мнению Р.Такера, являлись примерами именно такого личностного типа. Официальный внешний культ личности Сталина на самом деле отражал не только его внутреннюю потребность, но и потребности других лидеров, да и большинства партийной элиты, видевших в этом возможность для самореализации.

Такер справедливо утверждает, что советская элита в лице Ленина имела сильного, но не деспотического лидера, которого окружала целая плеяда прославленных революционных деятелей рангом пониже: Л.Д.Троцкий, Г.Е.Зиновьев, Л.Б.Каменев, Н.И.Бухарин, А.В.Луначарский, К.Радек и другие. В сравнении с ними Сталин не был столь известен вне высших партийных кругов, где многие оценивали его как весьма посредственную личность, которой не стоит опасаться. Но потребовалось немного времени, чтобы он стал руководителем высшего ранга и в качестве Генерального секретаря ЦК РКП(б) приобрел в партии ключевую позицию, обеспечивавшую ему огромное влияние на партийных функционеров среднего и низшего звена, которых он продвигал на самые значимые посты. Ленин, осознав, что некоторые свойства характера Сталина: «грубость», «подозрительность», «нелояльность», – присущие и другим видным деятелям большевиков, опасны в должности, от которой зависит назначение и смещение высших чиновников государства, попытался его удалить с этого поста. Люди, обладавшие аналогичными качественными характеристиками (а таких в партии было большинство), и делавшие ставку на Сталина, испугались за свою собственную судьбу. Став опорой вождю, они помогали ему в проведении селекционной работы и с помощью массовых чисток и террора, сами того не сознавая, создали

систему личной диктатуры, при которой один человек стал принимать все важнейшие решения. Остальные члены сталинской элиты, являясь по существу эпигонами, были готовы, ради сохранения своих привилегированных мест, а зачастую и жизни, послушно ему поддакивать.

Представитель английской исторической науки Э.Карр издал скрупулезно проработанный и профессионально добротный труд, отразив в нем взгляды, оценки, мнения поколения людей, которые были современниками Октября и послеоктябрьских событий. Многие из них верили в «значительность ленинских свершений и их влияния на будущее», считали Сталина «великим деятелем» и «великим исполнителем марксистского завещания». Заслуга Э.Карра состояла в том, что он написал «не хронику революционных событий, а историю политического, социального и экономического устройства, которое возникло в результате этих событий»[28]. Несмотря на солидность четырнадцатитомного издания, по доперестроечным меркам он (как и все другие «буржуазные» историки) автоматически попадал в разряд фальсификаторов, и оценка его работы могла быть только негативной. Сегодня отзывы изменились. Он объявлен честным, объективным ученым[29], придерживающимся либеральных принципов и стремящимся на базе огромного исторического материала создать адекватную картину отображаемой эпохи и ее действующих лиц.

Э.Карр считал, что, несмотря на серьезные искажения, внесенные Сталиным и его элитной группой в ход революционных преобразований, сталинская политика, в основном, явилась закономерным продолжением дела Октября. Мы полагаем, что трагические события 30-х годов объясняются совокупностью причин, коренящихся, во-первых, в тоталитарной, командно-административной системе власти, не допускающей бесконечных дискуссий, сомнений, возражений и споров; во-вторых, в невозможности дальнейшего использования большей части «ленинской гвардии» по причине ее слабой компетентности; в-третьих, в ее стремлении, несмотря ни на что, сохранить

свое элитное положение через устранение сталинской группы. Наложение перечисленных обстоятельств на личностные качества вождя дало тот негативный эффект, который и выразился в понятии «культ личности».

Французская историческая мысль длительное время весьма противоречиво оценивала Советский Союз. Одни авторы под воздействием традиционных «левых» идей «подхватывали теории официальной советской историографии, согласно которым СССР никогда не сворачивал, несмотря на «ошибки» и «большие жертвы», с пути, ведущего от «диктатуры пролетариата» к «развитому социализму» и построению «нового мира». Другие – покрывали все словом «тоталитаризм», не видя ни одного динамичного исторического процесса в застывшей системе, где всемогущее государство подчиняется лишь собственным законам (сводившееся в основном к понятиям безальтернативности, застоя, иммобилизма) и объясняется лишь через посредство собственных определений»[30]. Н. Верту удалось удачно преодолеть этот дуализм за счет своей объективности, отсутствия пропагандистских и идеологических клише, концептуальной подачи материала.

М.Я.Геллер и А.М.Некрич, историки российского происхождения, но волею судеб жившие и работавшие в США и Франции, подготовили и издали многостраничный труд «Утопия у власти», в котором описали строительство «идеального» мира, стоившего непересчитанных и поныне жертв. Историю СССР они видят как историю трансформации политических субъектов, которые, не обращая внимания на обстоятельства, страстно желали реализовать утопию на практике[31].

Неверно было бы считать, что все работающие на Западе историки всего лишь ярые антисоветчики, имеющие единственную цель – опорочить советский строй, доказать его несостоятельность. Большинство из них, будучи преданными науке в самом благородном смысле этого слова, стремились, в силу своих интеллектуальных способностей и научных традиций, понять исключительно сложный исторический период нашей истории.

В 90-е годы на русский язык были переведены и опубликованы труды еще нескольких видных историков Запада (Б.Рассел, Р.Слассер, Л.Фишер, Д.Штурм), работавших с интересной источниковой базой и ранее неиспользуемыми архивными материалами[32]. Кроме того, западные ученые первыми стали проводить исследования, ставившие в центр внимания анализ психологических мотиваций поведения представителей советской властвующей элиты. Данный аспект, безусловно, имеет большое значение в современной науке. Ученые уже не хотят ограничиваться констатацией факта, события, явления, а стремятся объяснить их, исходя из психологической характеристики носителей властных решений и действий. Заметная роль в этом научном направлении принадлежит А.Буллоку. В сравнительном жизнеописании двух тоталитарных вождей, Гитлера и Сталина, он исследует вопросы достижения этими персонажами власти, ее использования, проявления своенравия в отношениях с другими элитными и неэлитными субъектами. Автор находит в них немало общего, ведь оба вождя создали во многом похожие политические системы, которым суждено было сойтись в смертельной схватке[33].

Среди российских литераторов, обративших свой взор на данный аспект проблемы, следует, пожалуй, выделить, неоднозначно воспринятую в научной среде работу – «Красная смута»[34]. Ее автор, В.Булдаков, считает, что сложная психология большевистских вождей может быть рассмотрена только на основе анализа конфликта между их грандиозным самомнением, в основе которого лежало убеждение в своем исключительном предназначении, и той суровой действительностью, которая грозила подорвать их мечту.

Все эти историки, приводя те или иные сведения, формулируя свои, иногда спорные взгляды и выводы, стремились проникнуться чувствами и сознанием людей, осуществляющих строительство новой жизни. Несмотря на высказывание Ленина о том, что ««надо не видеть «интригу» или «противовес» в инакомыслящих или инакоподходящих к делу, а ценить самостоятельных людей»»[35], его продолжатель – Сталин – был и остался до конца

своих дней человеком, не терпящим рядом с собой самостоятельных и инакомыслящих элитных субъектов.

Публикации, затрагивающие историческую грань вопросов большевистской партийно-политической элиты, пока в явном меньшинстве. Их число не может быть признано достаточным. Тем не менее, ограниченное количество работ, непосредственно обращенных к интересующей нас теме, разумеется, не означает полного отсутствия внимания к ней со стороны историков. Исследования, носящие четко выраженный исторический характер, подготовлены О. Березкиной, О. Гаман, Е. Гимпельсоном, С. Кислицыным, К. Литваком[36]. Труды этих ученых представляют существенный интерес в плане определения качественных характеристик членов большевистской партии и отдельных ее руководящих представителей на различных этапах становления советского общества.

Объемная теоретическая статья О. Гаман анализирует все властвующие политические элиты функционировавшие в рамках развития российской государственности. Большевистская элита рассматривается в ней как эпизод в контексте всеобщего исторического процесса. Автор сводит вопрос устранения «ленинской гвардии» из политической элиты большевиков к ее объективной несостоятельности в деле реализации индустриальных планов сталинского руководства. Другие причины субъективно-властного характера исследователем не выявляются и в расчет не принимаются.

Первым, кто в качестве своей цели поставил задачу определить культурный уровень среды, из которой и должна была произрасти группа высших партийных руководителей, был К. Литвак, который счел этот уровень весьма низким и явно недостаточным, чтобы обеспечить стране компетентное управление. Е. Гимпельсон, используя ранее закрытые данные партийных переписей, квалифицировал большевистские управленческие кадры с точки зрения их способности осуществлять властные полномочия в годы гражданской войны и военного коммунизма. О. Березкина делает акцент на анализе

состояния элиты РКП(б) – ВКП(б) периода НЭПа, прослеживая роль старой гвардии в деятельности партийных структур и констатируя устойчивый процесс уменьшения ее количественных, а следовательно и властных составляющих. Большевистская партийно-политическая элита квалифицируется как слой, обладающий низкими качественными показателями, которые не превышали общих усредненных данных всего населения страны, а нередко и уступали им. Все эти публикации не раскрывают многих факторов, так или иначе влияющих на формирование элитных групп партии в дореволюционной и постреволюционной России, не объясняют различий в требованиях предъявляемых вождями к элитным субъектам в различные периоды построения нового общества, не сопоставляют качественные характеристики аппаратных работников и оппозиции.

С. Кислицын, анализируя биографические данные определенной части элитных функционеров большевистской партии, рассматривал их как необходимую предпосылку «для осмысления феномена в целом». Он сосредотачивает внимание на политической элите как руководящем звене партии и государства в 20-е – 30-е годы, исследуя ее социокультурные характеристики. В работе освещаются, главным образом, отношения, сложившимся после гражданской войны и прихода в аппарат ЦК РКП(б) Сталина. Однако начальный процесс возникновения партийно-политической элиты, роль вождя-основателя в ее формировании, внутриэлитная борьба не нашли в работе адекватного отражения (проблема суживается до рассмотрения одной «антипартийной» группы Сырцова – Ломинадзе) и безусловно нуждаются в более подробном и целостном анализе. С. Кислицын связывает процесс трансформации большевистской элиты с попыткой сталинского руководства превратить ее в партноменклатуру. В своем диссертационном сочинении он, по нашему мнению, чрезмерно персонифицирует проблему, рассматривая большинство общих вопросов элитной партийной группы через призму биографии «средне типичного образа большевистского элитного деятеля»[37], двига-

ясь тем самым в направлении от частного к общему. Автор считает судьбу одного из таких элитных субъектов большевистской партии – С.И.Сырцова – весьма характерной и делает попытку на примере его биографии рассмотреть почти все проблемы политической элиты того времени. Между тем, давно доказано, что единичное и общее, элемент и система по своим качественных показателям не тождественны, и поэтому решать частные проблемы без предварительного уяснения проблем общих невозможно.

На наш взгляд, С. Кислицыну не удалось адекватно показать начальный процесс формирования элиты большевиков, рассмотреть эталонные требования, предъявляемые вождем к кандидатам на элитное положение в партии, достаточно четко выявить характерные особенности, свойственные партийно-политической элите на разных этапах ее существования, показать роль вождей и их ближайшего окружения в селекции кадров, выяснить влияние борьбы за власть в 20 – 30-е годы на трансформационные процессы в самой элите РКП(б) – ВКП(б), показать изменения в источнике формирования элитной группы партийных работников, правильно определить сроки начала трансформации большевистской элиты в сталинскую номенклатуру. Кроме того, автор высказывает весьма спорное мнение о том, что начало ротационных процессов в элите партии приходится на конец 30-х гг.

Нельзя не упомянуть о работе московского историка Е.А.Котеленец[38]. На основе отечественных и зарубежных научных разработок и общественно - публицистических литературных изданий она провела историографическое исследование, посвященное, в основном, изучению политических биографий Ленина, его соратников и оппонентов. Анализу подверглись наиболее значимые труды, вышедшие в свет в 1987-1999 гг., а также публикации русского зарубежья, включенные в научный оборот в указанное время. Автор обосновывает взгляд, что своеобразие «перестроечного» процесса привело советское общество к пониманию необходимости обновления исторического знания о Ленине и его окружении. Ученые-историки, по ее справедливому мне-

нию, должны избавиться от навязанных публицистами сугубо разоблачительных, либо однозначно восторженных оценок большевистских лидеров, вырваться из плена политической борьбы и партийных пристрастий, обеспечив адекватное отражение проблемы. Однако очевидно, что историографический анализ не может отразить проблему как токовую и не вскрывает еще не исследованные ее аспекты.

Работы других авторов, касающиеся истории политической борьбы в партийном руководстве, содержат лишь отдельные плодотворные идеи и конкретные факты, имеющие отношение к проблематике большевистской партийно-политической элиты. К ним можно отнести публикации Н.Барсукова и И.Юдина, А.Бейлина, Н.Васецкого, Д.Волкогонова, О.Волобуева, А.Володина и Б.Интенберга, М.Геллера и А.Некрич, Г.Герасименко, Л.Гордона и Э.Клопова, Е.Громова, В.Ермакова, М.Зезина и Т.Сивохина, В.Кожинова, А.Козлова, В.Козлова и Г.Бордюгова, А.Королева, Д.Лекович, Л.Малейко, Р.Медведева, В.Мельниченко, В.Роговина, В.Соловьева и Е.Клепикова, К.Столярова, О.Сувенирова, С.Федюкина, Ю.Фельштинского, О.Хлевнюка и других осветивших ряд вопросов связанных с деятельностью партийного «генералитета», оппозиционных лидеров и всего партийного авангарда. Некоторые перечисленные публикации явно испытывали влияние политической конъюнктуры, другие имели более сбалансированную и аргументированную точку зрения.

Изучение исторической литературы по избранной теме потребовало привлечения многообразной источниковой базы. Трудности с которыми автору пришлось столкнуться обусловлены тем, что термин «элита» стал употребляться сравнительно недавно. Официальные документы и архивные материалы не содержат прямых сведений об интересующем нас предмете. Более того, в скудных статистических сведениях, относящихся к периоду нашего исследования, невозможно было найти исчерпывающие данные о квалификационных характеристиках высших партийных слоев. Они были строго за-

секречены и находились в соответствующих отделах Центрального Комитета РКП(б)-ВКП(б). Затруднительно было анализировать и внутриэлитную борьбу, что, собственно, и представляет для нас значительный интерес. Официальная информация не предоставляла общественности возможности узнать о причинах назначений или смещений номенклатурных лиц (исключение составляют лидеры оппозиции). Политические традиции заложенные в 20 – 30 гг., не позволяли выявить наличия специфических политических интересов, а тем более расстановку политических сил в ЦК и Политбюро.

Ныне историческая наука России имеет возможность более объективно и всесторонне подойти к изучению проблемы с использованием соответствующих исторических источников. Стали доступными сочинения идеологических противников, книги, речи и статьи бывших «врагов народа», открылись многие ранее недоступные материалы архивов, идет активная публикация засекреченных в прошлом документов. Все перечисленные позитивные процессы позволяют по-новому взглянуть на первые десятилетия истории Коммунистической партии Советского Союза. Однако не все трудности удалось преодолеть. Нелегко обнаружить объективные статистические данные. Архивы (даже довоенные) открыты не полностью и частично недоступны рядовому исследователю (закрыта часть архива И.Сталина, относящаяся к периоду 1937-45гг., архивы Г.Ягоды, Н.Ежова, Л.Берия).

Источники, использованные для подготовки диссертации, можно разделить на несколько категорий: официальные документы РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б) и Советского правительства; неопубликованные документы из архивных фондов; речи, статьи и письма политических деятелей; справочники, сборники и каталоги; мемуарная литература; периодическая печать; результаты обобщенных социологических данных; монографии и статьи, содержащие эмпирический материал.

Наиболее изученными источниками являются официальные партийные и государственные документы. Однако во взаимосвязи и сопоставлении с

другими, недавно опубликованными или еще неопубликованными архивными данными, они обретают иное звучание, обнажают противоречия, выявляют свой скрытый смысл. Политический плюрализм позволяет по новому интерпретировать уже известные документы: стенограммы съездов, пленумов, конференций КПСС, партийные резолюции и постановления правительства. В советское время их можно было освещать исключительно в позитивном свете, а в случае провалов принятых решений вину перекладывали на политических противников или нерадивых исполнителей. Именно в этом случае начинает складываться авторская позиция, ведь «историк – часть истории и ее продукт» и это вполне нормальное явление.

Значительная роль среди источников принадлежит стенографическим отчетам съездов и конференций партии, пленумов ЦК и ЦКК. При внимательном прочтении, в выступлениях отдельных представителей партийной элиты, можно усмотреть не только прямо высказанные мнения, но и его оттенки, нюансы. Одновременно возможно отследить как какие-то проблемы обретают черты последовательности или неоднозначности, усиливая свою остроту и значимость, либо, напротив, ослабевая и сходя на нет. Определенную пищу для размышлений и выводов дают доклады съездам мандатных комиссий, публикация фамилий и партийного стажа делегатов съездов и выборных органов партии.

Исследование исторического аспекта проблемы побудило автора не ограничиваться только опубликованными партийными источниками, а прибегнуть к использованию архивных материалов. Следует оговориться, что, поскольку работа носит преимущественно теоретический характер и охватывает значительный временной период, невозможно было отразить на ее страницах все богатство имеющихся первоисточников. Поэтому архивные материалы привлекались автором в случае отсутствия или недостаточного количества опубликованных документов и с учетом возможностей строить на их основе теоретические обобщения. Диссертант работал с фондами пяти архивов:

Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Центрального архива Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ), Центра документации новейшей истории Саратовской области (ЦДНИ СО), архива управления Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации Саратовской области (Архив УФСБ РФ СО).

В РГАСПИ диссертант работал, главным образом, с фондами № 17 (Центрального Комитета партии) и личными фондами членов Политбюро: № 81 (Л.Кагановича), № 82 (В.Молотова), № 83 (Г.Маленкова), № 323 (Л.Каменева), № 324 (Г.Зиновьева), № 325 (Л.Троцкого), № 329 (Н.Бухарина), № 558 (И.Сталина), № 593 (М.Томского), № 669 (А. Рыкова); В ГАРФ – с фондами Президиума ЦИК СССР, секретариата Президиума ЦИК СССР, Президиумов ЦИКов союзных республик № Р-3316, документами комиссии по расследованию контрреволюционной вредительской деятельности групп специалистов на предприятиях и в учреждениях № Р-5446, фондами Совета Народных Комиссаров СССР № Р-7523; В ЦА ФСБ РФ с фондами рассекреченных материалов секретного делопроизводства № 2, № 66; В ЦДНИ СО – с фондами Саратовского губкома, крайкома, обкома РКП(б) – ВКП(б) № 27, № 55, № 594; В архиве УФСБ РФ СО с материалами полномочных представителей ОГПУ по НВК № 1, протоколами заседаний тройки ОГПУ по НВК, Архивно-следственными делами. 1918-1938 гг. № Р-6210.

Наиболее ценный материал, из всего богатого многообразия архивов, находится в фонде № 17 РГАСПИ, содержащем документы учетно-распределительного, организационно-распределительного, статистического отделов, отдела руководящих партийных органов (ОРПО), Секретариата ЦК, Оргбюро и Политбюро РКП(б) – ВКП(б), в которых находятся подготовительные материалы к съездам, пленумам и конференциям, не вошедшие в опубликованные источники, статистические данные о партийных кадрах, за-

нимавших ответственные и руководящие посты, отчеты, представляемые ежеквартально, ежегодно и др. С помощью выявленных при анализе тенденций и динамики формирования властвующей элиты можно с большой степенью достоверности ответить на вопрос о причинах элитных трансформаций. В личных архивах хранятся служебные записки, письма, стенограммы неопубликованных выступлений на партийно-хозяйственных активах и совещаниях, вскрывающие личные отношения большевистских вождей друг к другу, а так же их взаимосвязи с отдельными элитными субъектами.

В сравнении с фондами РГАСПИ фонды других архивов имеют вспомогательное значение. Фонды ГАРФ содержат данные о деятелях государственных и правительственных учреждений, о назначениях, перемещениях, освобождении от занимаемых должностей (чаще всего работников НКИДа), выводе из состава ЦИК и отзыва с дипломатической работы, лишения званий, наград и т.д. Документы ЦДНИ СО свидетельствуют, что Саратовская область являлась в 20-30 гг. достаточно типичным аграрно-индустриальным регионом страны. Она не относилась к самым крупным и наиболее важным областям, но и не принадлежала к самым слабым регионам. Судьба региональных партийных лидеров была вполне характерной и может быть экстраполирована на другие региональные центры страны. Изучение стенограмм областных партконференций, протоколов заседаний бюро, составов губкома, обкома, крайкома РКП(б) – ВКП(б) разных временных периодов, списков номенклатуры, директивных и информационных материалов, переписки с ЦК партии позволило составить впечатление о функционировании партийной элиты на региональном уровне, характере ее взаимодействия с руководящем центром.

Архивы ФСБ позволяют исследовать процессы развития внутриэлитной борьбы под углом зрения секретно-политического отдела (СПО) ОГПУ – НКВД, изучить механизм осуществление руководства партийным аппаратом карательными органами, роль полномочных представителей центра в регио-

нах, деятельность троек и особых совещаний в борьбе с лидерами оппозиционных групп и других противников режима.

Наше исследование в значительной мере опирается на сборники документов «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», недавно опубликованного каталога «Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919 – 1952 гг.». Ретроспективный анализ сборников и приводимых в них документов и материалов, последовательность постановки тех или иных вопросов на Политбюро, их корреляция и интенсивность дает возможность установить временные рамки проведения многих политических мероприятий, внимание к ним проявляемое со стороны лидеров партии.

В изданиях справочного характера, подготовленных и опубликованных как в доперестроечное, так и в перестроечное время, можно почерпнуть необходимые сведения о значительной части элитных персоналий: биографические справки из «Большой советской энциклопедии», «Большого энциклопедического словаря», «Исторической энциклопедии», Маленькой энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция», приложений к собраниям сочинений В.И.Ленина и т.д. К ним следует добавить опубликованные к этому времени сборники статей «Реабилитирован посмертно» и «Возвращенные имена»[39], которые знакомят читателей с долго скрываемыми сведениями о репрессированных партийных, государственных и военных деятелях.

Биографические сведения об отдельных партийных и государственных деятелях, данные о кадровом составе различных органах политической власти получены путем анализа целого ряда других справочных изданий. Самым ранним, по срокам выхода из печати, является справочник «Партия в цифровом освещении», увидевшим свет в середине 20-х годов. Наиболее подробным изданием до сегодняшнего дня остается Энциклопедический словарь Гранат «Деятели СССР и революционного движения России», в котором при-

водятся 245 биографий участников Октябрьской революции и строительства советского общества. Статьи словаря дополнены краткими биографическими сведениями за период с 1926 по 1939 гг. Немало уточняющих сведений можно извлечь из справочников, опубликованных в самое последнее время: «Двести двадцать девять кремлевских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК коммунистической партии в лицах и цифрах», «Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь», «Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник», «Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923-1991. Историко-биографический справочник» и др. Составители современной справочной литературы учли, вольно или невольно допущенные в более ранних изданиях, ошибки, упущения, умолчания и устранили их.

Ценнейшим, представляющим значительный исследовательский интерес, источником являются речи, статьи, записки и письма политических деятелей, которые тоже дают новые возможности. Публикуется, ранее тщательно скрываемое литературное наследие репрессированных партийных вождей, нередко старательно маскировавших истинные мотивы своих поступков густыми клубами идеологического тумана[40]. Большинство документов и исследовательских работ, проливающих свет на некоторые стороны рассматриваемой нами проблемы, стали публиковаться только в перестроечную и постперестроечную эпоху[41]. Появился доступ к материалам, принадлежащим перу оппозиционных деятелей. Их письма, обращения, ранее неизвестные широкому читателю, обнажают взгляды и настроения, влияющие на политическую линию партии и государства даже после смерти их авторов. Н.Бухарин, Г.Зиновьев, Л.Каганович, Л.Каменев, В.Ленин, Г.Маленков, А.Микоян, В.Молотов, П.Пономаренко, А.Рыков, И.Сталин, М.Томский, Л.Троцкий, Н.Хрущев, Д.Шепилов и др. в своих высказываниях высвечивают причины многих политических кампаний разворачивавшихся в 20 – 30 гг., что позволяет их адекватно осмыслить. Эти люди определяли политику пар-

тии и государства в течение нескольких десятилетий, находились в центре интересующих нас событий, обладали обширнейшей информацией. Поэтому совершенно естественно, что в материалах, ими подготовленных, находится немало свидетельств о принципах отбора и требуемых чертах формируемой политической элиты партии и государства.

Существенным дополнительным источником информации при работе над диссертационным исследованием послужила периодическая печать. Основное внимание уделялось официальным изданиям – «Правде», «Известиям». Однако из-за широких хронологических рамок работы затруднительно было изучить все изданные номера. Поэтому применялся выборочный просмотр по периодам, в наибольшей степени интересующий нас. Основное внимание было приковано к крупным политическим кампаниям и событиям (съездам, пленумам, сессиям, дискуссиям, разоблачениям врагов народа и т.д.). В газетах можно обнаружить некоторые документы официального характера, которые, по каким-то причинам, не вошли в сборники. Это данные текущей статистики, тексты выступлений и статьи интересующих нас лиц. Информация, касающаяся политических деятелей Советского Союза, функционирования партийных органов различных уровней привлекалась из специализированных журналов. Во второй половине 80-х – начале 90-х гг. лидером подобных публикаций выступал журнал «Известия ЦК КПСС», издание которых было возобновлено в 1989 году после 60-ти летнего перерыва. На страницах этого журнала регулярно публиковались малоизвестные документы партии, относящиеся к периоду первых лет советской власти и гражданской войны, протоколы комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30 – 40-х и начале 50-х годов. Весьма полезную деятельность по изданию документальных материалов и воспоминаний осуществляли журналы «Вопросы истории КПСС», «Вопросы истории», «Исторический архив», «Источник», «Отечественная история», «Родина» и др. Специализированные журна-

лы способствовали преодолению публицистического нигилизма некоторых современных изданий и выработке более объективной картины прошлого.

Следующей группой источников информации, которую порой больше нигде получить невозможно, является литература мемуарного характера. Автор отдает отчет в субъективности, а порой и преднамеренных искажениях действительности, отличающих данный вид публикаций. Но для первого дореволюционного этапа становления большевистской элиты трудно найти другой источник информации, кроме мемуаров участников тех далеких событий. Между тем, с начала 30-х годов настойчиво стала проявляться тенденция «недооценки» воспоминаний. До середины 50-х годов считалось, что воспоминания не могут быть полноценным основанием для исследователя, поскольку они «не способны объективно отразить события». Мемуарами можно было пользоваться лишь как иллюстративным материалом, даже в случае полного отсутствия других документов.

Объяснить такие требования можно тем обстоятельством, что уже в 20-е годы результаты некомпетентной деятельности большевистского руководства начинают активно освещаться на Западе. Именно там публикуются первые книги воспоминаний разочаровавшихся в российской революции и большевизме интеллигентов. Эти труды сложились в особый род литературных источников. К числу важнейших из них следует отнести публикации членов большевистской гвардии, занимавшихся партийной, дипломатической и хозяйственной работой. Члены РСДРП, порвавшие с новой властью и эмигрировавшие – Н.Валентинов, Б.Николаевский, Г.Соломон[42] раскрывают духовные корни ленинизма, позиции Ленина в разрешении ряда теоретических и организационных проблем. Доверительные отношения с большевистскими вождями позволили мемуаристам составить достаточно полное представление о личности Ленина, описать процесс зарождения элитной группы партии, характеризовать основополагающие принципы их консолидации. Все они выражают сожаление о своем «роковом» сотрудничестве с большевика-

ми. Авторы прямо говорили о преследующей их императивной потребности «описать все, испытанное..., те порядки и идеи, которые царили и продолжают царить в советской системе, угнетающей все живое в России...»[43]. Люди, много видевшие и лично связанные подпольной работой с В.Воровским, Г.Зиновьевым, Л.Каменевым, А.Коллонтай, Л.Красиным, В.Лениным, А.Луначарским, К.Радеком, Г.Чичериным и многими другими, откровенно описывали нравы, царившие в высших властных кругах в первые годы советской власти. Однако работа, требовавшая их длительного отсутствия в Москве, не позволяла иметь исчерпывающую и достоверную информацию об интригах и склоках, происходивших за кремлевскими стенами. Ценность воспоминаний этих авторов состоит в том, что в них мы находим описание событий, относящихся к моменту зарождения большевизма, его традиций, начала формирования революционной элиты и той роли, которую играли в этом процессе вожди движения.

Обращают на себя внимание две особые группы литературных источников, также выпущенных в свет бывшими членами большевистской элиты. Одна принадлежит перу работников службы безопасности, другая – НКИДа. Начиная с 30-х годов поток чекистов-перебежчиков и дипломатов-невозвращенцев в связи с разгромом оппозиций и усилением репрессий против их участников в Советском Союзе усилился. Почти все они, кроме тех, кто вскоре был уничтожен агентурой НКВД, писали и публиковали интереснейшие мемуары. Чекисты и дипломаты, в силу специфики своей работы и особого доверия к ним со стороны большевистского руководства и высших партийных органов, были лучше других информированы о кремлевской политической кухне. И те, и другие имели возможность близко наблюдать процесс перерождения, точнее, вырождения большевистской элиты, раньше многих поняли систему и механизмы функционирования новой власти.

Чекисты-резиденты (Г.Агабеков, В.Кривицкий, А.Орлов),[44] благодаря своему высокому служебному положению, имели возможность непосредст-

венно наблюдать за жизнью не только чекистской, но и партийной элиты, могли анализировать их взаимоотношения и взаимовлияние. Почувствовав надвигающуюся опасность термидорианского переворота, они предпочли не возвращаться в Советский Союз. В литературных трудах, имеющих обвинительный уклон, они доказывают, что некоторая часть партии, как правило, наиболее образованная, потеряла веру в то, что формируемая Сталиным партийная элита сможет выразить их идеалы. Вряд ли все они были идейными противниками советского строя, но в контексте других материалов, оценивавших тот же период нашей истории, их высказывания не выглядят малодостоверными и невероятными.

Заслуживают внимания воспоминания П.Судоплатова, одного из немногих советских чекистов, занимавшего пост начальника управления «С», репрессированного в 1953 г., но сумевшего дожить до наших дней. Его воспоминания «Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля» и «Спецоперации»[45] раскрывают дела разведки и контрразведки при тоталитарном правлении. Служба безопасности порой приобретала существенное, если не решающее значение в действиях власти. «Мотивы преступных репрессий, – отмечает П.Судоплатов, – в которых повинно руководство страны и НКВД, были связаны не только с личными амбициями Сталина и других «вождей», но и с той смертельной схваткой за власть, которая постоянно шла внутри их окружения»[46]. Эту борьбу правящая элита всегда умело прикрывала громкими лозунгами о «борьбе с уклонами», «борьбе с врагами народа», со «шпионами» и «террористами». В итоге жертвами всех этих кампаний всегда оказывались миллионы ни в чем не повинных людей. Выводы П.Судоплатова расходятся с «мифом о побудительных мотивах действий» сталинской номенклатуры, распространяемым и так называемыми «консерваторами», и так называемыми «реформаторами» в бывшем кремлевском руководстве. Излагая свой субъективный взгляд очевидца, автор стремился показать, как работали механизмы, приводящие в действие политическую машину страны, как

ценой колоссальных жертв создавалось могущественное государство, в известной мере определявшее развитие мировых событий в 30 – 90-е годы.

Другую группу литературных источников, состоящую из воспоминаний ответственных работников наркомата иностранных дел, одного из самых привилегированных советских учреждений, отличает высокая культура и образованность авторов. Писательский талант Ф.Раскольникова, А.Бармина, Г.Беседовского не вызывает сомнения[47]. Они сделали головокружительные карьеры в военной, дипломатической и хозяйственной сферах. Среди высокопоставленных чиновников аппарата народного комиссариата иностранных дел все они слыли способными и перспективными дипломатами. Эти люди приглашались на приемы к Сталину, избирались на партийные съезды, находились в постоянных служебных и неслужебных контактах с другими лидерами партии и руководителями дипломатического ведомства. В их мемуарах мы находим очень меткие характеристики членам различных элитных групп, их типичные черты. Необходимо подчеркнуть, что, кроме книг Г.Беседовского и А.Бармина, иных воспоминаний о работе НКИД в период 20-х – начала 30-х годов, практически не существует из-за репрессивной политики Сталина. Между тем именно Народному комиссариату иностранных дел партийные лидеры придавали огромное значение в деле пропаганды и обеспечения тайных операций за рубежом. Эти люди делали свои ставки на Троцкого и составляли существенную часть его оппозиционной группы. Им казалось, что в атмосфере разрухи и отчаяния только Троцкий, «наиболее способный» член большевистского руководства, окажется именно той фигурой, которая сумеет вывести всех к светлому социалистическому будущему и «все наладить». Воспоминания троцкистов помогают взглянуть на проблему внутрипартийной борьбы со стороны оппозиционной группы, создать более объективную картину происходящих событий.

В книгах Г.Беседовского и А.Бармина, в отличие от некоторых других изданий русской эмиграции тех лет, не содержится ни сенсационных разо-

блачений, ни заведомо ложных обвинений. В изданиях приводится большое количество вполне правдивых эпизодов и тонких наблюдений, рисующих живые портреты наиболее видных людей той исторической эпохи, имеющих черты, которые были свойственны политической элите партии в целом.

В ряду воспоминаний революционных деятелей большевистской партии, советских чекистов и дипломатов особняком стоят воспоминания одного из работников аппарата Центрального Комитета РКП(б), сотрудника секретариата Сталина – Б.Бажанова. Бажанов хорошо знал «настоящий механизм коммунистической власти», был лично связан по работе с некоторыми ее носителями. В своих записках он, по его собственному утверждению, «всегда старался быть скрупулезно точным», описывая только то, что «видел или знал с безусловной точностью». Однако Бажанов стремился придать своим воспоминаниям исключительный характер и, безусловно, преувеличивал собственные способности и заслуги перед партией и ее вождями. Его воспоминания написаны с позиций антикоммунизма, сформировавшегося по причинам личного свойства[48], а следовательно, не всегда объективно отражают происходившие события.

«Доперестроечный» период в Советском Союзе на субъективизм авторов работавших в жанре революционно-политической мемуаристики накладывал еще и цензурные ограничения. Тем не менее, значение мемуаров для анализа внутриэлитной борьбы переоценить трудно. Повысить же меру достоверности информации, полученной из воспоминаний, можно сопоставляя их друг с другом и с другими источниками. Огромный интерес для историка представляют мемуары тех, кто в результате политических чисток выдвинулся и длительное время пребывал не просто в элитной группе партии, а в непосредственном сталинском окружении и, следовательно, знал проблему как бы изнутри, подходил к ней под иным углом зрения[49]. С сожалением приходиться констатировать, что партийные руководители 20-30-х годов оставили очень мало мемуаров, а имеющиеся написаны, как правило, под влиянием

официальной пропаганды своего времени. Однако политика «гласности» позволила ознакомить массового читателя с воспоминаниями тех, кто возглавлял в разные годы партию, государство и правительственные структуры: М.Горбачева, Л.Кагановича, А.Микояна, П.Пономаренко, М.Ракоши, Н.Хрущева, Д.Шепилова, А.Н.Яковлева, работавших на руководящих и ответственных должностях в аппарате ЦК КПСС – В.Болдина, К.Брутенца, бывших наркомов и их заместителей, руководителей отраслевых министерств и ведомств – В.Ванников, А.С.Яковлев, высокопоставленных военных – А.Василевского, Г.Жукова, Н.Кузнецова, С.Штеменко.

К анализируемым нами литературным источникам мемуарного характера можно с полным правом отнести свидетельства не только непосредственных и активных участников событий, самих элитных персоналий, но и людей, долгое время с ними общавшихся[50], а также членов их семей[51], которые щедро делятся известными им сведениями, «семейными тайнами», а иногда (справедливости ради необходимо об этом сказать) и «преданиями».

Оценивая всю группу исторических источников мемуарного характера, мы должны заметить, что они не равнозначны по своим информативным возможностям и приемам практического анализа. Мы сознаем, что достоверность мемуарного источника во многом зависит от личных качеств автора и промежутка времени, прошедшего между событиями и написанием воспоминаний о них. Однако очевидно, что ценность этих источников в том, что они обеспечивают «тот психологический фон и ту связь, без которой имеющиеся в наших руках отдельные документы могут оказаться непонятыми или понятыми неправильно»[52]. Наша позиция такова: без воспоминаний живых свидетелей происходящего писать историю крайне трудно, но по одним воспоминаниям историю писать невозможно. При работе с мемуарами следует помнить о необходимости выявлять жизненные позиции автора, определять эволюцию его взглядов, вскрывать причины написания воспоминаний, степень влияния конъюнктурных соображений и т.п., поскольку объективная дейст-

вительность в воспоминаниях отражена через субъективность авторского восприятия и авторской передачи.

Резюмируя краткий обзор исторических работ и источников, можно констатировать, что проблема роли и значения революционной большевистской элиты в нашей политической истории уже поставлена рядом авторов. Имеются некоторые теоретические наработки и обобщен определенный эмпирический материал. Все, кто так или иначе затрагивал вопросы отечественной политической элиты, признают ее определяющее влияние на выработку и принятие властных решений на всех этапах российской истории XX века. Вместе с тем в подавляющем большинстве публикаций исследуются лишь отдельные стороны, аспекты, грани темы, т.е. не охватывается ее целостность. Как в России, так и на Западе данная проблематика до последнего времени изучалась преимущественно политологами, философами, социологами, даже экономистами при определенной ее недооценке историками. Между тем политическая элита трансформировалась и с очевидностью превратилась в явление исторического порядка, изучение которого следует проводить в динамике общественного процесса. Отсутствие достаточного количества комплексных, целостных, вполне законченных исследований может привести к определенной теоретической и методологической путанице. Это отражается даже на используемой терминологии. Нередко происходит подмена понятий: одни и те же категории применяются для обозначения различных процессов и явлений политической жизни, в то время как разные понятия используются в одинаковом смысле. Почти отсутствуют попытки сопоставить эволюцию политической элиты в Советской России и властвующих элит других стран, их трансформации при переходе от одного политического режима к другому, анализа меняющихся качественных характеристик. Необходимо подчеркнуть, что даже по вопросам, освещенным в научной литературе, далеко не всегда удается добиться единства мнений. Во многом это обусловлено указанными выше причинами. В перечне дискуссионных про-

блем стоит вопрос о способности большевистской элиты осуществлять эффективную управленческую деятельность, отбирать в ее состав наиболее подготовленных, образованных и опытных руководителей. И сегодня продолжают высказываться диаметрально противоположные оценки ее деятельности. Существуют несовпадения в понимании конкретных событий и роли в них тех или иных деятелей. Из-за неразработанности истории проблемы еще остается немало загадок и «черных дыр». Все перечисленное обусловило характер и направленность настоящего диссертационного исследования.

Реализация основных установок нашей диссертационной работы выдвинула несколько исследовательских вопросов, без разрешения которых раскрытие темы представляется весьма затруднительным. Очевидно, что из идеологических соображений термином «элита» никогда публично не пользовались ни Ленин, ни Сталин, ни Хрущев, ни Брежнев. Не отрицая правомерности ранее используемых терминов, следует подчеркнуть, что употребление этой научной категории приобретает принципиальный характер. Таким образом мы подчеркиваем общность закономерностей и тенденций, существующих как в западном мире, так и в отечественных пределах.

Подчеркивая единство процессов, происходящих во всем мире, мы сознаем, что модернизация российского общества в XX веке имела, тем не менее, весьма специфический характер. Его особенности были порождены как цивилизационными отличиями, так и воздействием авторитарных идеалов. Внутриэлитные отношения, сложившиеся на этапе формирования партии и имманентно ей присущие, определяли после 1917 года и все иные отношения в стране. Властвующая партийная элита контролировала и диктовала основные параметры всем другим элитным группам, осуществлявшим масштабное управление.

Трансформационные подвижки постепенно превращали политическую элиту в «класс для себя», последовательно делая ее малопригодной для практического применения. Большевистская партийно-политическая элита по-

этапно оттесняется, а затем, в смертельной борьбе с новой номенклатурой, и вовсе уступает ей место во властных структурах. Работа завершается выводом о неспособности элиты «ленинской гвардии», столь же успешно исполнять позитивную роль в социально-экономических преобразованиях, как это ей удавалось в революционных и военных событиях.

Большевистская партийно-политическая элита, являющаяся главным объектом нашего внимания, в свой состав включает руководящих и ответственных работников аппарата ЦК РСДРП(б)-РКП(б)-ВКП(б), республиканских ЦК, губкомов, крайкомов и обкомов большевистской партии, высших чинов РВСР и тайной полиции, источники ее формирования и пополнения. Количество элитных элементов, находящихся на партийной работе, постоянно менялось и к концу рассматриваемого нами периода составляло около тысячи человек.

Предметом нашего исследования становятся психологические, социокультурные и деловые качественные показатели и характеристики партийно-политической элиты большевиков, востребованные на различных этапах отечественной истории первых сорока лет прошлого века, соответствующих решаемым задачам и запросам вождей.

Целью диссертационной работы является осмысленное изучение на конкретном историческом материале места и роли большевистской политической элиты как важнейшей составляющей всей правящей элиты страны, осуществляющей реальную власть в советском обществе. Для реализации поставленной цели необходимо разрешить следующие основные задачи:

– определить общие методологические основания, позволяющие применить к российским социально-политическим реалиям западные элитологические концепции и доктрины и выявить специфику влияния условий подготовки и проведения российской революции на процесс формирования и становления большевистской элиты;

– изучить причины возникновения и становления революционной элиты в России, источники пополнения, ее структуру и состав на различных этапах развития советского общества;

– оценить роль политических вождей в деле формирования большевистской элиты и тех групп, на которые они стремились опереться при ожесточенной схватке за власть;

– выяснить характер и причины конфликтов различных элитных групп в составе РСДРП – РКП(б) – ВКП(б);

– на основании анализа архивных и иных источников раскрыть динамику изменения качественных характеристик большевистской элиты, выявить наиболее востребованные ее свойства, определить принципы подбора и ротации;

– дать оценку и определить причины победившей во внутриэлитной борьбе группе сталинской номенклатуры.

Определение целей и задач исследования обусловило выбор его хронологических рамок, которые охватывают почти сорокалетний этап революционных и военных потрясений, перевоплощений и эволюций от момента возникновения партии ориентированной на слом старого феодального политического режима и до момента завершения трансформации элиты во властный номенклатурный альянс. Все перечисленные факторы, оказавшие существенное влияние на характеристику большевистской партийно-политической элиты, следует подразделить на четыре неравномерных периода.

Первый охватывает время с начала 900-х по октябрь 1917 гг., и вбирает в себя годы возникновения и формирования элиты социал-демократической партии, ее большевистской фракции, определения ее идеологических оснований и создания организационного фундамента. В этот момент делаются первые простейшие шаги по выстраиванию субординационных и координационных отношений, выявляются качественные способности элитных субъектов

агитационного, пропагандистского, литературного, организационного характера, осуществляется их подкрепление партийными структурами.

Второй сосредотачивается в промежутке между октябрем 1917 и началом 1921 гг. и укладывается в рамки «военного коммунизма» (до X съезда РКП(б)). Этот весьма противоречивый период характеризуется, с одной стороны, усилением радикальных настроений, с другой – осознанием вождем и его ближайшим окружением того обстоятельства, что только с помощью насилия воплотить в жизнь планы общественно-экономического переустройства не удастся. Элита революционной партии оказалась перед альтернативой: либо погибнуть, либо, поняв масштаб опасности, научиться управлять, отбирая для этого людей, накапливая опыт, приобретая специальные знания и навыки. Элитная группа революционной партии нашла себя в сражениях на фронтах гражданской войны, когда безраздельно господствовали кардинальные методы решения всех экономических, социальных, политических и духовных вопросов. Война, на время, отложила задачи полномасштабной реализации утопических планов и, следовательно, трансформации большевистской элиты;

Третий период (с 1921 до 1929 гг.) – это период, в основном, совпадающий с периодом осуществления Новой экономической политики, когда под влиянием внутрипартийной борьбы (различных ориентированных на других большевистских вождей субэлитных групп), начинается целенаправленный процесс «регулирования» партии, определяется ее количественный и качественный состав, источники пополнения элиты. Сложившиеся номенклатурные кадры, державшие в своих руках все рычаги партийного механизма, сумели, манипулируя слабо образованной массой рядовых членов РКП(б) – ВКП(б), выйти из внутриэлитной борьбы победителями.

Четвертый период (1930-1939 гг.) приходится на завершение ротационных процессов и окончательное устранение из элиты «ленинской гвардии»

как специфического социального слоя, еще недавно «определяющего всю партийную политику».

Предлагаемая нами периодизация легла в основу структуры диссертации.

Сосредотачивая свой научный интерес на процессе возникновения, становления и функционирования руководящей партийной группы, первоначально в качестве контрэлиты, а затем и властвующей элиты, мы стремимся показать процесс обновления, происходящий в борьбе различных коалиционных объединений, в ходе которого была устранена из политической жизни страны «ленинская гвардия». Важное место в работе занимает выявление причин эволюций элиты большевистской партии и тех эталонных характеристик, которые были приоритетными при ее формировании. Каждый из вождей РКП(б) стремился создать собственную элитную группу на которую он мог бы опереться, закрепляясь на вершине власти и осуществляя властные полномочия. У каждой элитной группы были свои статусно-ролевые функции в революции, гражданской войне, мирной созидательной новаторской деятельности. В исследовании вскрывается качественное своеобразие различных поколений партийной элиты, зависящее не только от социально-политических и экономических потребностей общества, но и, в значительной мере, от внутренней борьбы за влияние, контроль и власть, происходившей латентно и непрерывно. В ходе трансформационных процессов осуществлялось перерождение революционной элиты в партийную номенклатуру, в задачу которой входило ретрансляция полученных из высших властных структур директив и строгий контроль за их исполнением.

Новизна нашего научного исследования определяется, с одной стороны, сущностью авторского подхода к анализу проблемы, а с другой – содержанием ряда основных положений и выводов. Перечисленные во введении цели и задачи исследования другими авторами ранее не ставились. Диссертация является попыткой комплексного рассмотрения роли партийной элиты

большевиков в политических процессах истории России первых четырех десятилетий XX века. Опираясь на научное осмысление источников и исторического материала, диссертант предлагает собственную концепцию формирования и становления большевистской контрэлиты, ее трансформации в элиту властвующую и ротацию в течение 30-х гг. На основании новых методологических подходов в работе исследуются факты и явления политической жизни, связанные с превращением революционной элиты в элиту властвующую, анализируется ее взаимодействие с другими элитными группами (в первую очередь с чекистами и военными). Автор вводит в научный оборот ранее не публиковавшиеся документальные источники из фондов партийных, государственных и чекистских архивов. По мнению автора, элементы научной новизны заключаются:

1. В обосновании положения, что элита большевистской партии возникла на рубеже XIX – XX веков на базе социал-демократической организации профессиональных революционеров накануне II съезда РСДРП. Она формировалась и эволюционировала с учетом как необходимых объективных качеств претендентов в нее, так и под существенным влиянием случайных субъективных обстоятельств;

2. Аргументации фактора определяющей роли вождя при формировании, становлении и структурировании конспиративной революционной элиты. Выявлении предъявляемых к элитным партийным кадрам «большевистской гвардии» требуемых эталонных качеств;

3. Вскрываются предпосылки социально-психологического и морально-нравственного свойства порождавшие острые противоречия в различных элитных группах с далеко простирающимися политическими и социально-экономическими последствиями;

4. Выделяются основные этапы трансформации большевистской политической элиты, подчеркиваются их причинно-следственные отношения, оцениваются итоги;

5. Выявляются факторы и определяются условия, наиболее существенно воздействующие на специфику формирования и эволюции отечественной властвующей политической элиты;

6. Определяются границы, качественный состав и структура властвующей большевистской партийно-политической элиты на советском этапе функционирования, ее статусно-ролевые характеристики;

7. Оцениваются качества составляющие характерные особенности новой волны политической элиты – сталинской номенклатуры – и те основные черты, которые отличают ее от «ленинской гвардии»;

8. Вскрываются причины и определяется характер внутриэлитной борьбы, обосновываются ее итоговые результаты, даются качественные характеристики оппозиционных групп.

Несомненно, что столь широкие временные и весьма насыщенные событийно рамки научного интереса создают для исследователя определенные трудности. Эти трудности связаны не только с невозможностью отразить на страницах одной диссертации тот огромный объем конкретных исторических фактов, непосредственно связанных с темой, но и всесторонне обосновать изменения происходящие в этот период самого объекта исследования. Однако автор пошел на этот выбор сознательно, так как, еще раз повторимся, нас интересует этот властвующий социальной слой как важнейший объект и субъект истории России в XX веке.

При определении логики изложения и структуры работы нами выбран наиболее, по нашему мнению, оптимальный проблемно-хронологический метод группировки материала. Это оправдано, с одной стороны, хронологическими рамками исследования, с другой – его теоретическим характером. Диссертация включает введение, пять глав, каждая из которых состоит из

двух параграфов, заключение и список использованных источников и литературы. В первой главе излагаются методологические и теоретические основы авторского подхода к избранной теме. Вторая глава посвящена процессу возникновения и становления элиты социал-демократической партии, ставящей перед собой задачу насильственного ниспровержения существующего политического режима и превращения себя в элиту властвующую. Основное содержание третьей главы составляет анализ закрепления собственных позиций в годы гражданской войны с помощью политики «военного коммунизма». В четвертой главе вскрываются причины кризиса во внутриэлитных отношениях, борьбы «ленинской гвардии» и сталинских номенклатурных кадров. Пятая глава обосновывает институциализацию новой партийной элиты, устранение от власти «ленинской гвардии» и окончательной победы номенклатуры. Наконец, в заключении обобщаются итоги исследования, делается попытка прогностической оценки перспектив отечественной политической элиты.

Практическая значимость работы определяется разработкой нового подхода к анализу политических процессов, оказавших существенное влияние на современное социально-политическое развитие России. Результаты исследования могут применяться экспертными службами государственных органов, органов, партий и общественных движений при подготовке рекомендаций и аналитических материалов, направленных на консолидацию элитных групп. Выводы и положения, содержащиеся в данной работе, могут быть использованы для дальнейшей теоретической разработки проблемы конкуренции политических элит, а также в качестве методологической основы для более узких исследований истории формирования и развития отечественной властвующей политической элиты. Представляется целесообразным использовать материалы диссертации в преподавании ряда тем курса политической истории России, а также при изучении темы «Политические элиты» в курсе политологии.

Основные положения и выводы диссертации прошли апробацию в шести республиканских и региональных теоретических и научно-практических конференциях состоявшихся в Москве, Нижнем Новгороде, Самаре и Саратове в период с 1996 по 2001 гг.

Обосновывая главные положения нашего исследования, мы исходили из того, что детальная проработка всех заявленных проблем в его рамках просто невозможна. Такая трудновыполнимая задача нами и не ставилась. Мы также не претендуем на однозначную бесспорность всех выводов, содержащихся в работе. Дальнейшее более детальное изучение роли политической элиты без сомнения требует специальных исследований по отдельным периодам отечественной истории. Преследуемая цель носила более реалистический и ограниченный характер: раскрыть тенденции, характеризующие процесс формирования властвующей большевистской элиты; оценить ее потенциал; определить закономерности внутриэлитной борьбы; доказать необходимость ее замены. Начать анализ темы нам представляется целесообразным с некоторых методологических и теоретических уточнений.

Примечания к введению

[1] Тойнби А. Постижение истории. М., 1990.

[2] Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М.: Росспэн, 1997.

[3] Известна лишь одна небольшая критическая работа Ю. Айхенвальда «Наша революция. Ее вожди и ведомые» опубликованная в Советской России в 1918 году, когда большевистская партия еще не имела тотального контроля над издающейся литературой.

[4] Андреев С.Ю. Наше прошлое, настоящее, будущее: структура власти и задачи общества // Постижение. М., 1989; Джавлаков О.Т., Михеев В.А. Номенклатура: эволюция отбора (Историко-политологический анализ). М., 1993; Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становле-

ние, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7; Лапина Н.Ю. Руководители российских предприятий: переход к рыночной экономике // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 5; Николаев А.Н. Становление технократической элиты в России. Саратов. 1995; Пашин В.П. Партийно-хозяйственная номенклатура в СССР. (Становление, развитие, упрочение в 20-х – 1930 году): Дис.... докт. ист. наук. М., 1993; Перегудов С.П. Организованные интересы и российское государство: смена парадигм // Полис. 1994. № 2, 5.

[5] Авраамова Е., Дискин И.Е. Социальные трансформации и элиты // ОНС. 1994. № 3; Бадовский Д.В. Трансформация политической элиты в России – от «организации профессиональных революционеров» к «партии власти» // Полис. 1994. № 6; Дискин И.Е. Россия: трансформация и элиты. М., 1995; Его же. Россия: трансформация элиты и мотивация // Труды Интерцентра / Междисциплинарный академический центр социальных наук. 1994. № 1; Ершова Н.С. Трансформация правящей элиты России // Труды Интерцентра / Междисциплинарный академический центр социальных наук. 1994. № 1; Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // ОНС. 1995. №1; Куколев И.В. Трансформация политических элит в России // ОНС. 1997. № 4.

[6] Административно-политическая элита региона (Социологический анализ) Ростов-н/Д. 1994; Бадовский Д.В., Шутов А.Ю. Региональные элиты в постсоветской России: особенности политического участия // Кентавр. 1995. № 6; Барзилов С.И., Чернышов А.Г. Провинция: элита, номенклатура, интеллигенция (Социологический анализ) // Свободная мысль. 1996. № 1; Галлямов Р.Р. Политические элиты российских республик: особенности трансформации в постсоветский период // Полис. 1998. № 2; Гаман О. Региональные элиты современной России: штрихи к портрету // Диалог. 1996. № 8; Магомедов А.К. Политические элиты российской провинции // Мировая экономика и

международные отношения. 1994. № 4; Мохов В.П. Трансформация регио-нальной политической элиты в переходный период: некоторые тенденции. Ч. 2. М., 1997; Сироткин В.Н. Номенклатура в историческом разрезе // Через тернии. М., 1990. С. 293-334; Фарукшин М.Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис. 1994. № 6.

[7] Афанасьев М. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М., 1996; Его же. Правящие элиты России: образ деятельности // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 3/4; Его же. Клиентизм и российская государственность. М., 1997; Березовский В., Червяков В. Современная политическая элита России // Свободная мысль. 1993. № 1; Либман Г.И., Варбузов А.В., Сухарева Э.О. Проблемы политических элит в российском обществе // Социально-политический журнал. 1997. № 5; Крэстева А. Власть и элита в обществе без гражданского общества // Социс. 1996. № 4; Лейн Д. Перемены в России: роль политической элиты // Социс. 1996. № 4; Кудеярова Н.Ю. Идейно-политические ориентации элитных групп // Мир России. 1995. Т. 4. № 3/4; Процко Г.С., Сердюков Г.Н., Шпак В.Ю. Политическая элита. Ростов-н/Д. 1993; Рывкина Р.В. Влияние новой правящей элиты на ход и результаты экономических реформ // Социс. 1995. № 11; Селезнев Л.И. Политическая элита в современном обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.6. Философия, политология. 1995. № 1; Охотский Е.В. Политическая элита. М., 1993.

[8] Политбюро ЦК после смерти каждого известного деятеля партии принимало специальное решение об изъятии его личного архива. (См.: Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919-1952 / Каталог. В 3 т. Т. 1, 2.

[9] Руководящие кадры РКП(б) и их распределение. М., 1924; Рютин М. Руководящие кадры ВКП(б) // Большевик. 1928. № 15; Мехлис Л. Институт крас-

ной профессуры и проблемы кадров // Партийное строительство. 1930. № 2, № 6.

[10] См.: Фильченков М.П.. Из истории партийных учебных заведений // Вопросы истории КПСС. 1958. № 1; Аксенов С.В. Борьба КПСС за идейно-политическое воспитание рабочего класса в первые годы НЭПа (1921 - 1923 гг.). М., 1960; Ремизов Т.А. Культурно-просветительная работа в РСФСР (1921 – 1925 гг.). М., 1962; Леонова Л.С. Из истории подготовки партийных кадров в коммунистических университетах и советско-партийных школах в 1921-1925 гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 1964. № 5; Ее же. В.И. Ленин и партийные учебные заведения // Ленинские идеи живут и побеждают. М., 1970; Ее же. Исторический опыт КПСС по подготовке партийных кадров в партийных учебных заведениях. (1917-1975). М., 1979; Чижова Л.М. Из истории подготовки партийных работников (1921-1925 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1968. № 6.

[11] См.: Варламов К.И., Сламихин Н.А. Разоблачение В.И. Лениным теории и тактики «левых коммунистов». М., 1964; Иванов В.М. Из истории борьбы партии против «левого» оппортунизма. Л., 1965; Вяткин А.Я. Разгром Коммунистической партией троцкизма и других антиленинских групп: В 2 ч. Л., 1966; Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма. М., 1966; Борьба партии большевиков против троцкизма в послеоктябрьский период. М., 1969; Романов В.В. Борьба В.И. Ленина против антипартийной группы «демократического централизма». М., 1969; Ваганов Ф.М. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром. М., 1970; Москаленко И.М. ЦКК в борьбе за единство и чистоту партийных рядов. М., 1973; Титов А.Г., Смирнов А.М., Шалагин К.Д. Борьба коммунистической партии с антиленинскими группами и течениями в послеоктябрьский период. М., 1974 и др.

[12] См.: Малейко Л.А. Партийный аппарат: становление и развитие (1917-1941). Ростов-н/Д. 1981; Пронин И.И. Руководящие кадры: подбор, расста-

новка и воспитание. М., 1981; Королев А.М. Кадровая политика КПСС на современном этапе. М., 1982; Разумов Е.З. Проблемы кадровой политики КПСС. М., 1983.

[13] См.: Волобуев О.В., Кулешов С.В. Очищение: История и перестройка. М., 1989; Зевелев А.И. Истоки сталинизма. М., 1990; Маслов Н.Н. Идеология сталинизма: история утверждения и сущность (1929-1956). М., 1990.

[14] Грач Л.И. Идеология обновления и руководитель. М., 1990; Ивлиев И.А., Охотский Е.В. Партийный аппарат в условиях перестройки. М., 1990; Разуваева Н.Н. Коммунистическая партия и рабочий класс // Рабочий класс в условиях перестройки: опыт, проблемы. М., 1990; Сажин А.И. Кадровая политика КПСС: история и современность. М., 1989.

[15] Вишневский А. Высшая элита РКП(б) – КПСС (1917 - 1989): немного статистики // Население и общество: Информ. бюл. Центра демографии и экологии человека Ин-та народнохоз. прогнозирования РАН 1997. № 21; Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сб. док. М., 1995; Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. М., 1990; Политбюро (Президиум) ЦК партии в 1917-1989 гг.: персоналии. М., 1990; Сталинское Политбюро в 30-е годы. М., 1995; Письма И.В.Сталина – В.М. Молотову. 1925-1936 гг. Сборник документов. М., 1995.

[16] Коржихина Т.П., Фигнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7; Коржихина Т.П. История государственных учреждений СССР. Материалы к источниковедению и историографии (1917-1990) М., 1992; Павлова И.В. Механизмы политической власти в СССР в 20-30 годы // Вопросы истории. 1998. № 11-12; Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996; Его же. 1937-ой: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; Его же. Сталин и Орджоникидзе: Конфликты в Политбюро в 30-е годы. М., 1993; Его же. Политбюро ЦК ВКП(б) в 30-е годы: механизмы политической власти в

СССР. М., 1996; Его же. Л.П. Берия: пределы исторической «реабилитации» // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 139-154.

[17] Письма Н.И. Бухарина // Вопросы истории КПСС. 1988. № 11; Письма Луначарского А.В. – Жене // Вопросы истории КПСС. 1990. №11-12, 1991. № 2; Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. В 4 т. М., 1990; Письма Н.И. Подвойского – И.В. Сталину и Л.Д. Троцкому // Вопросы истории КПСС. 1990. № 8; Реабилитация. Политические процессы 30 – 50-х гг. М., 1991. Сталинское Политбюро в 30-е годы. (Сб. док.). М., 1995; Материалы декабрьского пленума ЦК ВКП(б) (1936 г.) // Вопросы истории. 1995, № 1; Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) (1937 г.) // Вопросы истории. 1992, 1993, 1994, 1995 гг.

[18]Волкогонов Д.А. Сталин. Политический портрет. В 2 кн. М., 1996; Его же. Троцкий. Политический портрет. В 2 кн. М., 1997; Его же. Ленин. Политический портрет. В 2 кн. М., 1994; Его же. Семь вождей. В 2 кн. М., 1997.

[19] Дедков Н.И. «Как я документально установил» или «Смею утверждать». О книге Д.А.Волкогонова «Ленин» // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М.: «Аиро-XX», 1996; Смирнов Г.Л. К вопросу о ленинской концепции социализма // Ленинская концепция социализма. М.: Политиздат, 1990; Плимак Е. Политическое завещание В.И.Ленина: истоки, сущность, выполнение. М., 1989. Панцов А., Чечевишников А. Исследователь и источник. О книге Д.А.Волкогонова «Троцкий» // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М.: «Аиро-XX», 1996.

[20] Роговин В.З. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М., 1992; Его же. Власть и оппозиции. М., 1993; Его же. Сталинский неонеп. М., 1995; Его же. 1937. М., 1996; Его же. Партия расстрелянных. М., 1997.

[21] Медведев Р.А. Они окружали Сталина. М., 1990.

[22] Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. М., 1990.

[23] Некрасов В.Ф. Тринадцать «железных» наркомов. М., 1995.

[24] Пайпс Р. Русская революция. В 2 ч. М., 1994; Его же. Россия при большевиках. М., 1997.

[25] Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888 – 1938. М., 1988; Его же. Предчувствие сталинизма // Огонек. 1990. № 28.

[26] Коэн С. Бухарин ... С. 31.

[27] Такер Р. Сталин: путь к власти. 1879 - 1929. История и личность. М., 1991.

[28] Карр Э. История Советской России. Кн. 1: Том 1 и 2. Большевистская революция. 1917 - 1923. М., 1990.

[29] Ненароков А.П. Вступительное слово к русскому изданию // Карр Э. История Советской России. С. 11, 13.

[30] Верт Н. История советского государства. 1900 – 1991. М., 1994. С. 5.

[31] Геллер М.Я., Некрич А.М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994; Их же. Утопия у власти. М., 2000.

[32] Слассер Р. Сталин в 1917 году. Человек оставшийся вне революции. М., 1989; Рассел Б. Практика и теория большевизма М., 1991; Штурман Д. О вождях российского коммунизма. В 2 кн. Париж. 1993; Фишер Л. Жизнь Ленина. В 2 т. М., 1997.

[33] Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание: В 2 т. Смоленск. 1998.

[34] Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

[35] Ленин В.И. – Н. Осинскому. Полн. собр. соч. Т. 54. С.73.

[36] Революционная элита переходного периода (1921-1927) // Свободная мысль. 1997. № 11; Гаман О. Политические элиты России в историческом процессе. Закономерность формирования и тенденции развития // Россия XXI. 1996. № 5/6; Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы: политический и нравственный облик (1917-1920гг.) // Отечественная история. 1997. № 4;

Литвак К.Б. К вопросу о партийных переписях и культурном уровне коммунистов в 20-е годы // Вопросы истории КПСС. 1991. № 2; Кислицын С.А. Эволюция и поражение большевистской элиты // История России в вопросах и ответах. Ростов-н/Д. 1997.

[37] Кислицын С.А. Большевистская политическая элита 20 – 30-х гг. Автореф. дис… докт. ист. наук. Ростов-н/Д. 1994. С. 11.

[38] Котеленец Е.А. Ленин и его политическое окружение в новейшей историографии (1987-1999). Дис… докт. ист. наук. (07.00.09). М., 2000.

[39] Реабилитирован посмертно. В 2 вып. М., 1988; Возвращенные имена: Сб. публиц. статей 2 кн. М., 1989.

[40] Вождь: (Ленин которого мы не знали). Саратов. 1991; Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996.

[41] См., например: Новый документ В.И. Ленина. «Протокол допроса о провокаторе Р.В. Малиновском (26 мая 1917 г.) // Вопросы истории КПСС. 1990, № 11. С. 20-26; Троцкий Л.Д. Моя жизнь (опыт автобиографии). В 2 т. М., 1990; Его же. Уроки Октября // К истории русской революции. М., 1990; Сталин И.В. Выступление на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1995. № 11-12; Луначарский А.В. – Жене. // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11, 12. 1991. № 2; Красин Л.Б. Контроль или производство // Огонек. 1989. № 24.

[42] Соломон (Исецкий) Г.А. Среди красных вождей. М., 1995; Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. М., 1995; Валентинов (Вольский) Н.В. Встречи с Лениным. Нью-Йорк. 1953; Его же. Разговор с Пятаковым в Париже // Страницы истории. Дайджест прессы. 1989. Л.: 1990; Его же. Наследники Ленина. М., 1991;

[43] Соломон (Исецкий) Г.А. Указ. соч., С. 4.

[44] Агабеков Г.С. Секретный террор: Записки разведчика. М., 1996; Кривицкий В.Г. Я был агентом Сталина: Записки советского разведчика. М., 1996; Орлов А. Тайная история сталинских преступлений // Огонек. 1989. № 46-52.

[45] Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1997; Его же: Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930 – 1950 годы. М., 1997.

[46] Там же. С. 91.

[47] Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990; Его же. Открытое письмо Сталину // Реабилитирован посмертно. Выпуск первый. М., 1988. С. 346 – 358; Беседовский Г.З На путях к термидору. М., 1997; Бармин А.Г. Соколы Троцкого. М., 1997.

[48] Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1997.

[49] Хрущев Н.С. Воспоминания. В 4-х Т. М., 2000; Каганович Л.М. Памятные записки. М., 1996; Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999; Шепилов Д.Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 3-12; Ракоши М. Видел как возникает культ личности // Источник. 1997. № 1.

[50] Чуев Ф. Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999; Его же. Так говорил Каганович. М., 1992; Куманев Г.А. О чем вспоминал П.К. Пономаренко // Отечественная история. 1998. № 5, 6.

[51] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. М., 1968; Ульянова М.И. О Владимире Ильиче (Последние годы жизни) // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1-6; Крупская Н.К. О Ленине. Сборник статей и выступлений. 3-е изд. М., 1971; Пятницкий В.И. Заговор против Сталина. М., 1998; Берия С. Мой отец – Лаврентий Берия. М., 1994; Аджубей А.И. Те десять лет. М., 1989; Разгон Л.Э. Непридуманное. М., 1989; Шляпникова И.А. Правда об А.Г.Шляпникове // Вопросы истории. 1988. № 3; Антонов-Овсеенко А. Берия. М., 1999; Аллилуева С.И. Двадцать писем к другу. М., 2000; Трояновский О. Через годы и расстояния. История одной семьи. М., 1997.

[52] Покровский М.Н. Избранные произведения. В 4 т. Т. 4. М., 1967. С. 559.

ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Незначительный с точки зрения глобальных масштабов всеобщей истории «смутный» этап на сравнительно небольшом политическом пространстве, казалось бы, не мог заставить исследователя обосновывать собственные историософские позиции и описывать методологические основы своей научной работы. Еще совсем недавно современное поколение историков могло ограничиться заявлениями самого общего характера о приверженности материалистическому мировоззрению, законам диалектики, требованиям историзма и партийности, принимаемых в качестве критериев научной объективности. Не мудрствуя лукаво, в монографических и диссертационных сочинениях выдвинутые постулаты подкреплялись положениями из произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, документов КПСС, соотнесенных с темой исследования. Доказывая заявленные методологические подходы и теоретические положения, авторы лишь приводили подтверждающие ремарки.

Кардинальные изменения, произошедшие в жизни российского общества, позволили отечественным историкам ознакомиться с работами, выполненными на совершенно иных методологических основах, чем это традиционно было принято в советской исторической науке, что заставило их пересмотреть свой методологический арсенал, внести в него существенные коррективы.

Из-за консерватизма общественного сознания быстрого отказа от прежних методологических позиций не произошло, выработка новых позиций продолжает сдерживаться. Неизбежная в таких случаях растерянность ряда исследователей объясняется боязнью применять рискованные решения при выборе наиболее приемлемых методологических ходов. Такие исследователи нередко подменяют процесс творческого поиска набором научно бессодержательных принципов исторического анализа. Как часто бывает в сложных ситуациях, некоторые авторы предпочли наиболее простые, лежащие на поверхности решения. История начала попросту переписываться. Но из-за отсутствия новой методологической базы происходит простая замена оценочных знаков с плюсов на минусы, позитивное становиться негативным. Старые догмы, расхожие клише, штампы и мифы заменяются новоиспеченными, но не приближающими к истине, а иногда даже отдаляющими от нее.

Историческая наука в современной России переживает кризис, который, по мнению профессора В.В.Журавлева, более всего напоминает «шок». Ученый справедливо указывает, что кризис – явление естественное. Преодоление его обеспечивает дискретное продвижение, подъем научного знания на новую высоту, что пока в российской науке происходит достаточно медленно. Наиболее активная работа ныне направлена на поиск этого «благотворного пути»[1].

Периодически повторяющиеся методологические кризисы демонстрируют стойкую неспособность ученых быстро находить правильные объяснения «неожиданно» возникающим в общественной жизни процессам и явлениям, давать рекомендации по адекватному их восприятию. Подобные переломные периоды в российской историографии XX века возникали неоднократно. Введение в 1917 году власти Советов с установлением политической и идеологической «диктатуры пролетариата» утвердило монометодологию и «... насильно вернуло ученых к докризисному состоянию»[2]. Марксистская

методология, хотя и не обеспечила полного преодоления кризиса, оказала определенное полезное влияние при изучении отдельных фабул отечественной истории. Она создала полную иллюзию единственно возможного пути развития, породила незыблемую веру в прогресс, науку, способную постичь общественные закономерности. Однако это обернулось неожиданной стороной – создало ореол непогрешимости и безошибочности марксистской теории лишь на время. Ряд ее постулатов сегодня выглядит, по меньшей мере, архаично и вызывает серьезные сомнения.

Очевидно, что результатом переживаемого нами смутного времени выступает ситуация фуркации с различными вероятностными последствиями: регрессии, стагнации или трансформации. Попытка социалистической модернизации в Советском Союзе была остановлена неодолимыми препятствиями, делавшими наиболее возможными процессы стагнации и даже регресса, но не трансформации. Резкие, предпринятые российской властью социально-политические шаги, поменяли экономический вектор, в основе которого была заложена общественная форма собственности, на прямо противоположный. Авторитаризм, сковывающий инициативу, сменился на анархический плюрализм с элементами либеральной автократии и еще более худшими последствиями, чем при режиме предшествовавшем. Социальные отношения переориентировались на изменения ролевых функций классов, групп и слоев. Господство имперской коммунистической идеологии и диалектико - материалистического мировоззрения трансформировалось в полную безыдейность, утрату основной массой населения прежних морально-нравственных ориентиров и ценностей. В управленческие структуры стали приходить люди еще совсем недавно не имевшие на то никаких легитимных оснований, так как не входили в высшую номенклатурную иерархию.

Происходящие ныне в российском обществе события наглядно демонстрируют неподготовленность к их оценке политиков, ученых, и, тем более,

рядовых граждан. Одни жизненные сложности, к которым народу удалось приноровиться, сменились, вопреки ожиданиям, другими. Противоречия, лежащие в основе этого всеобъемлющего российского кризиса, имеют глубинные исторические корни. Они обрели вполне закономерную негативную тенденцию задолго до того, как открыто проявились и вызвали крушение всей системы отношений. Важнейшей задачей нынешних исследователей-обществоведов является выяснение их истоков, объективных и субъективных факторов развития для предостережения от возможности повторения тех ошибок, которые так упорно тиражировались прежними, да и нынешними властями. Необходимость проведения научного анализа сложившейся ситуации диктуется и важностью одоления еще совсем недавно казавшихся аксиоматичными концепций и доктрин, отказа от какой-либо политической конъюнктуры. Научные потребности определяются необходимостью не только победы над старыми социальными теориями, но и построения новых концептуальных основ, соответствующих новым общественным реалиям.

Развернувшиеся в связи с этим дискуссии между философами, политологами, социологами и историками демонстрируют достаточно глубокий разрыв в мышлении, причем это касается не столько задач исторического познания и выяснения сущности человеческой истории, сколько форм мышления и способов их выражения, что нередко приводит к досадному взаимонепониманию. Мало того, наблюдается даже стойкое единение в неприятии рационального теоретического осмысления исторического процесса. Некоторым историкам, привыкшим «в эпоху исторического материализма» стыдливо замалчивать негативные факты и явления, все рациональные схемы, модели, гипотезы и теоретические построения кажутся опасным возвращением к идеологическому догматизму. Некоторые современные мыслители, видя нежелательного конкурента, утверждают, что теоретическая история принципиально невозможна.

циально невозможна. Высказывается даже мысль, что легче и удобнее существовать без теоретического осмысления исторических проблем[3].

Однако, на наш взгляд, именно сегодня историческая наука особенно нуждается в целостных схемах, моделях, новых теоретических обобщениях, эмпирических данных. Теория, в свою очередь, должна направлять поиск новых эмпирических сведений, преследующих цель не только достижения «полноты» исторического знания, а проверки и коррекции гипотез, развития рационального теоретического анализа исторического знания. Из частных эмпирических фактов, разумеется, невозможно вывести «идею истории», но на базе теоретически и эмпирически обоснованной структуры, на основе рационального знания о механизмах, тенденциях, закономерностях хода исторических событий рассуждения об ее «идее» или «смысле» становятся интеллектуально более ответственными, дающими существенно большую надежду на плодотворность. Именно поэтому так актуален поиск модели, которая будет «применять» в качестве новой парадигмы исторического процесса и исторической науки не только модернизированный марксизм, но и концепции А. Тойнби, М.Вебера, К.Поппера, В.Парето, Г.Моска, французской школы «Анналов», евразийцев и других, и которая может стать эталоном решения исследовательских задач.

К.Маркс представлял общественную историю в виде деятельности «…преследующего свои цели человека»[4]. Оценивая эту деятельность объективно, можно с полной уверенностью утверждать, что она существует лишь в настоящем, в «единстве одновременности». Только в настоящем существуют альтернативы выбора, множество векторов и форм развития, варианты методов и способов восхождения в будущее. Целостное и адекватное отражение действительности, «общества в настоящем», возможно лишь теоретически, в силу вероятностных альтернатив действий людей, связей и отношений, раз-

личного воздействия внешних факторов на каждого из действующих субъектов.

Сложность исследовательской работы историка по достоверному и адекватному отражению реалий прошлого многократно усиливается, когда внимание сосредотачивается на «единстве одновременности», ибо он изучает не параллельно и одновременно существующую жизнедеятельность, а уже прошедшее, существовавшее ранее. Историк анализирует документы, воспоминания о минувшем, скопившиеся в архивах материалы, публикации в периодической печати, мемуарную литературу и другие разновидности источников. Практически все виды источников (исключая в определенной мере статистику) носят, в значительной мере, субъективный характер, отражают потребности и интересы «преследующих собственные цели» людей.

Связь прошлого с настоящим или признается, или отрицается, но вопрос традиционно остается в центре внимания историков. Этой проблеме уделяется не меньше внимания, чем историческим оценкам анализируемых событий. Наследование прошлого осуществляется дискретным путем, объединяющим процессы эволюции и революции. Российская история изобилует моментами, когда пришедшие к власти общественно-политические силы, заражаясь синдромом Герострата, ставят цель порвать «связующую нить» и даже уничтожить наследие. Именно это, к примеру, было заложено лидерами большевистской партии в доктрине модернизации политической стороны марксистской теории, а затем осуществлено в их практической деятельности.

Марксистская концепция социалистической модернизации в ее ленинской интерпретации опиралась на отказ от всякого исторического наследия и на абсолютизацию роли государственного насилия и принуждения (диктатура пролетариата) как созидательного инструмента. Реализовать подобный взгляд на практике оказалось невозможным. Несмотря на значительные уси-

лия, предпринятые большевиками, полного и окончательного разрушения накопленного ранее потенциала не произошло. Прошлое перманентно цеплялось за революционные одежды, постоянно преследовало большевистских радикалов, на каждом шагу напоминало о себе. Попытка полного отказа от былого наследия не вынесла испытания действительностью, не прошла проверку временем и, следовательно, не могла оставаться руководством к действию. Хотя еще и сегодня некоторые сторонники «научного» радикализма мечтают о быстром преодолении ошибок и неудач, стремительном достижении процветания и благоденствия. Поэтому только отыскание и использование новых, наиболее перспективных теоретических воззрений способны помочь правильно объяснить исследуемые исторические процессы.

Анализ многообразия деятельности субъектов истории приводит некоторых ученых к отрицанию возможности выявления каких-либо исторических закономерностей. По их мнению, стихийное и беспорядочное «броуновское движение» в человеческом обществе не поддается систематизации и упорядочению. Поддержать такую трактовку и согласиться с ней нельзя. В противном случае утрачивается смысл и возможность познания человеческого сообщества, которое обретает общественную значимость только в случае выявления общих, часто повторяющихся, фиксированных и целенаправленных действий.

Диалектико-материалистическая концепция закономерного развития цивилизации, выраженная в марксизме, обнаружила слабости, недостатки, нестыковки, определенные натяжки. Именно этим объясняется реанимация интереса к западным социально-политическим теориям и универсальным моделям, но уже не с целью огульной критики, либо, напротив, безудержного восхваления и безоговорочного признания, а для решения с их помощью назревших российских проблем. Их адаптация к реалиям нашего отечества длительное время искусственно сдерживалась. В отличие от классической мар-

ксистской методологии, которая ориентирует на выбор единственной, «истинной» точки зрения, мы считаем, что зерна истины существуют практически во всякой научной концепции. Любой из множества подходов, трактуемый классической методологией как путь России, в неклассической методологии будет выглядеть как ракурс интерпретации. Вопрос о «путях» исторического развития будет решаться на пересечении этих ракурсов[5]. Причем ни один из ракурсов не является единственно возможным. Заведомая односторонность каждого из подходов очевидна, как очевидна и заведомая относительность правоты каждого. Именно кризисное состояние методологии, поразившее современную историческую науку в России (а по мнению ряда историков, также и на Западе), обязывает исследователя определиться с собственным видением исторического процесса, наметить свои подходы к анализу событий, фактов и явлений независимо от того, какой бы частный (по длительности, масштабности и глубине) сюжет он ни избрал для изучения.

В отечественном обществознании становится признаком хорошего тона «всесторонняя» критика марксизма. Практически любой исследователь считает своим долгом отдать дань негативной оценке теории Маркса. Однако чаще всего их «праведный гнев» обрушивается не столько на подлинные положения марксизма, сколько на его вульгарные интерпретации, глубоко застрявшие в общественном сознании. Яростным атакам прежде всего подвергается марксистское положение о первичности способа производства. Утверждается, что оно ведет к обеднению и искажению истории, отодвигая на задний план культуру и человека как ее творца, сводя роль людей в истории исключительно к производству материальных благ. Легковесность данного аргумента, как нам представляется, обусловлена недостаточностью понимания марксистского теоретического постулирования. Ведь исторический процесс, по Марксу, представляет собой диалектику субъектно-объектных отношений: человек самостоятельно творит материальные предпосылки собственного

существования, которые, в свою очередь, побуждают его к дальнейшим действиям и лишь в конечном счете определяют их. Влияние это происходит только в основном. Диалектика данных отношений такова, что присутствующая здесь причинно-следственная связь может носить как прямой, так и обратный характер. Поэтому нам кажется вполне объяснимым желание некоторых исследователей лишь заменить понятие «производственные отношения» на другое - «интеракция», а не отказаться от него вовсе[6], так как экономический детерминизм не является одним-единственным, не допускающим других типов связей и отношений. Именно экономическая теория позволила Марксу сформулировать и свою стратификационную теорию.

Отсутствие единства во взглядах на существование социальных законов порождает несогласие и при выяснении вопроса о всеобщности, непрерывности и направленности исторического процесса. Дискуссия, организованная журналом «Вопросы истории», показала, что некоторые авторы склонны считать эти законы имеющими стохастический (вероятностный) характер. Участник дискуссии Ю.К.Плотников утверждает, что законы исторического развития выступают как «законы-тенденции», так как они действуют через столкновение интересов множества отдельных стремлений и поступков людей[7]. Подход этого исследователя позволяет сделать вывод о том, что у истории существует выбор, что специфика развития отдельных стран, наличие в них тупиковых ситуаций и кризисных явлений – неизбежность социально-политического прогресса.

Обилие противоречивых мнений и взглядов побуждает нас выработать собственную позицию, основанную на определенной повторяемости, имеющей место на различных исторических этапах, в разнопространственных и разновременных человеческих сообществах. Признавая общие закономерности движения общества вперед по пути самосовершенствания, мы одновре-

менно не отрицаем и локальные закономерности, выступающие лишь как законы-тенденции.

Среди нынешних российских обществоведов, характеризующих процессы социального развития, немало приверженцев цивилизационного подхода к истории, пришедшего на смену подхода формационного. На самом деле формационный подход отличается от цивилизационного только тем, что фиксирует внимание ученых на других аспектах. Формационный подход сосредотачивается на различиях исторических эпох. Наиболее слабым его местом считается однолинейность, неизбежное упрощение, лишение истории всего богатства связей, отношений, опосредований. В нем выражено жестко детерминистское, а по сути фаталистическое представление об историческом процессе. Цивилизационный подход стремится к обобщенному, синтетическому взгляду. Он представляется не какой-то одной стороной человеческого бытия, а совокупностью форм жизнедеятельности человеческого сообщества. Однако ни тот, ни другой не противостоят представлению о повторяющихся циклах истории.

Признание существования экономических и социально-политических закономерностей различного рода и уровня вовсе не противоречит сделанному нами ранее выводу о невозможности достоверной реконструкции всех сюжетов прошлого. Полной адекватности достигнуть в этом деле вряд ли удастся и в будущем, но и оснований для признания агностицизма тоже нет. Исследовательская деятельность историка состоит не в достижении абсолютной истины, а в неуклонном приближении к ней. Этот путь серьезно осложняется тем, что собственная экзистенция историка обязательно проявляется в его творчестве. На выбор темы, методологии исследования, теоретической и источниковой базы, на изложение полученных результатов и выводов может наложить отпечаток возможная личная необъективность и политические пристрастия автора. Субъективный момент в той или иной мере присутствует в

каждом научном сочинении, за содержательной стороной которого всегда можно разглядеть способности, политический и общественный опыт, моральные качества и профессиональную подготовленность исследователя. Если исходить из давно сложившегося мнения, что каждый – уникальная и неповторимая индивидуальность, то не будет слишком большим преувеличением констатирующая формула: сколько историков, столько и историй.

Нам представляется вполне справедливым утверждение, что взгляды обществоведа детерминированы не столько изучаемым объектом, сколько современными ему воззрениями, присущими обществу, в котором он живет. Историк, может быть сам того не желая, смотрит на исследуемые события и явления с «высоты» своей эпохи. Над ним довлеют господствующие в сегодняшнем обществе ценностные ориентации, приобретенный опыт и накопленные знания. Все попытки раствориться в изучаемом периоде, отбросив все «нажитое» и «обретенное», к успеху привести не могут. Даже выявленные исторические источники приобретают субъективный характер. «Исторические источники, – писал один из наиболее авторитетных исследователей методологических проблем исторической науки А.Я.Гуревич, – сами по себе не существуют, в это достоинство памятники прошлого возводит лишь мысль историка»[8]. Другой ученый, профессор А.А.Королев, анализируя роль и значение исторических фактов, пришел к выводу, что их превращение в факты науки возможно только через посредство объяснения, интерпретации[9]. Однако охватить все существующие исторические источники одному исследователю невозможно. Исторический путь в полном его объеме освещается не одним, а множеством представителей исторической науки. Раскрыть содержательную сторону проблемы, показать исторические потребности можно лишь через реализацию научного интереса исследователя, ограниченного пространственными и временными рамками. Стремление соединить избранную тему со всем историческим фоном и действующими тенденциями удов-

летворяется за счет ранее сделанных открытий. Отсюда и востребованность историографического анализа, построенного во многом на доверии к уже совершенному другими. В этой ситуации при отборе материала существенно возрастает ответственность ученого, повышается значение его моральнонравственных качеств.

Позитивный и негативный исторический опыт, осмысленный российскими учеными, вполне способен вооружить целое поколение современных реально действующих политиков. Авторы обществоведческих трудов о современной России, опираясь на хорошо документированный материал и серьезное теоретическое обоснование, нередко объясняют отрицательные результаты деятельности институтов Советской власти объективными причинами. Они считают, что противоречия, помимо прочего, коренятся в сфере отношений между способностями политических руководителей, оказавшихся на деле группой слишком наивных и самонадеянных теоретиков, с одной стороны, и слишком высокими ожиданиями от их деятельности народных масс, с другой. Исторический опыт Запада, и с этим согласно большинство российских и зарубежных ученых, имеет неоценимое значение для настоящего. Он определяет направление, приемы и методы действий политических лидеров и элит, способствует самопознанию действительного человека настоящего времени.

Соглашаясь с фактом проявления субъективизма в освещении исторического процесса и оценке прошлого, мы все же полагаем, что допускать крайностей и явных преувеличений, нашедших свое концентрированное выражение в концепции презентизма, имеющего место в американской историографии, или тезисе М.Н.Покровского о том, что история – это политика, опрокинутая в прошлое, не следует. Подобные взгляды чреваты научной тенденциозностью и экстремизмом и не имеют ничего общего с требованием адекватности и объективности. В противном случае говорить о прогностиче-

ской роли исторических исследований не приходиться и в этом плане их значение будет близко к нулю.

Сосредотачивая внимание на этих обстоятельствах, некоторые обществоведы прямо отрицают теоретическую и прогностическую силу исторической науки, аргументируя собственные взгляды тем, что в истории законы проявляются не иначе как через деятельность людей и, следовательно, не могут иметь самостоятельной ценности. Возражения подобным взглядам строятся на признании исторических закономерностей, лишь отчасти проявляющихся в настоящем, а в значительной мере раскрывающихся в будущем.

Обоснование тенденций развития, определения векторов их действия выводят исследователя на проблему выяснения актуальности собственной работы. Актуальность исторических трудов нередко связывается с непосредственными задачами политического характера, возникающими при функционировании различного рода властных структур, их потребностью в аргументации, служащей оправданием своей оперативно-тактической деятельности. Однако данная ситуация неизбежно приводит к подмене исторической науки политикой, превращает ее в служанку власти и затрудняет достижения искомого результата.

Исторический опыт оценивается и используется последующими поколениями не одинаково. Общественные потребности далеко не всегда явственно проявляются. Поэтому говорить о заранее подготовленном наборе приемов и методов, перенесенных на иную историческую почву и примененных в новых временных обстоятельствах, вряд ли уместно. Опыт прошлого нуждается в переосмыслении. Его, главным образом, необходимо употреблять не только в случае возникновения кризисных ситуаций, а для их предупреждения, при выборе целей, путей и способов движения общества. Опыт нуждается в адаптации к меняющимся социальным условиям.

Выбор предмета и направления научного исследования почти всегда вытекает из необходимости приращения научного знания, повышения компетентности, совершенствования морально-нравственных качеств, навыков общественного поведения. Он также обусловлен и внутренней потребностью развития самого исторического познания: ликвидации «белых пятен» науки, преодоления отживших догм, исправления допущенных ошибок. Именно эти соображения сыграли ведущую роль при определении нами актуальности избранной темы, проявления интереса к ней.

Советское обществоведение в целом и историческую науку, в частности, до недавнего времени отличал классовый подход. Настоящее и прошлое, оценивающееся исключительно с классовых позиций, заставляло исследователей интерпретировать события, факты, источники якобы с позиций интересов рабочего класса в рамках теоретических установок КПСС. В соответствии с марксистской теорией, рабочий класс выдавался за самый прогрессивный и единственно заинтересованный в истинном отражении исторического прошлого и объективно существующей реальности. Общественные потребности подменялись классовым интересом, а по существу, принцип научной беспристрастности вытеснялся, замещаясь принципом партийности. Однако полного тождества объективности и партийности достичь не удалось. Напротив, историческая наука, испытывая на себе все большее давление партийной идеологии, удалялась от правдивости и адекватности прошлому. Реконструкция истории приобретала конъюнктурный характер. Научная объективность и историческая правда от классового подхода существенно пострадали.

Среди рассматриваемых проблем особняком стоит проблема используемого исследователем инструментария добывания исторического знания и его типологизации. Отбор источников и способы их анализа, определение структуры работы, выработка приемов доказательства выдвигаемых научных

тезисов-дело чрезвычайной важности. От правильного решения этих проблем зависит результат научной деятельности.

Специальная литература не дает ответа на вопросы о границах таких понятий как «метод», «способ», «подход», «принцип», «прием». Справочники и словари определяют их весьма туманно: «метод – это способ познания», «способ – образ действия, прием осуществления чего-либо», «подход – совокупность способов и приемов в рассмотрении чего-либо», «принцип – основное исходное положение какой-либо теории, учения», «прием – какое-либо действие»[10]. Нам не известны случаи попыток дать четкую типологизацию содержания данных понятий. Исследователями используются множество методов, приемов и подходов, среди которых чаще других встречаются: биографический, статистический, бихевиористский, структурно-функциональный, диалектического «снятия», математический квантитативный и некоторые другие.

Вся совокупность упоминаемых в публикациях инструментальных методов не может быть объектом нашего анализа, но некоторые примененные в настоящем исследовании или по каким-то причинам отвергнутые нами требуют более пристального внимания.

К самыми распространенным методам исторического анализа относятся иллюстративный и описательный, которые нередко смешивают друг с другом. Оба метода использовались исторической наукой как в СССР, так и на Западе. Иллюстративный метод получил распространение благодаря утверждению единой теории развития исторического процесса – марксизма-ленинизма. Идеологическое противостояние побудило и западных советологов постоянно доказывать жизненность капитализма и отыскивать «зияющие язвы» социализма. Исторические факты лишь иллюстрировали заранее сконструированные теоретические концепции. Теоретическая и политическая ан-

гажированность историков не приближала их к истине, заводила историческую науку в тупик. Плодотворно только движение от исторических фактов к выводу.

В отличие от иллюстративного, описательный метод расценивается некоторыми историками как полезный и даже необходимый. Историю, по мнению, например неокантианцев, невозможно предсказывать как природу и даже рационально объяснять, ее можно лишь описывать. К.Поппер считал, что следует ограничить историческое исследование поиском конкретных причинно-следственных связей с конкретными явлениями общественной жизни прошлого[11]. Недостаток подобного метода связан с принижением аналитической роли автора исторического труда, указанием на его неспособность к обобщенному осмыслению опыта минувшего, извлечению исторических уроков.

Описательный метод должен тесно увязываться с хронологией изложения. При этом возможно два варианта: либо хронологически-проблемный, либо проблемно-хронологический. Мы придерживаемся проблемно - хронологического подхода, когда выдвинутая проблема решается на основе хронологически размещенного исторического материала.

Дополнение проблемно-хронологического метода методом сравнительного анализа условий, фактов, источников восстанавливает на их основе действия исторических субъектов и приводит к установлению исторической истины. В нашем диссертационном сочинении такой прием используется для более отчетливой демонстрации выявленных закономерностей, проведения исторических аналогий, определения противоречий развития исторического процесса. Кроме того, анализ статистического материала, диагностика применяемого инструментария, определения механизма, орудия (инструмента)

достижения цели возможны лишь при опоре на данную комбинацию методов.

Усиление познавательного процесса, осуществляемого через сравнение, возможно при использовании метода ситуационного моделирования. Ведь развитие истории носит, во многом, вероятностный характер с возможностью реализации тенденций-альтернатив. Уяснить причины, движущие силы, механизмы произошедшего в реальности весьма важная задача. Ибо движение всегда связано с определением направления, расстановкой участвующих в его выборе сил, их влиятельностью, последствиями отказа от альтернативного решения проблемы.

Существенный интерес вызывает комплексный подход, демонстрируемый школой «Аналов»[12], который стремиться учесть при изучении прошлого различные экономические, политические, социальные, духовные, психологические, культурные, религиозные и иные обстоятельства. Конечно полностью реализовать такой подход чрезвычайно трудно. Неизбежно, что в исследовании та или иная сфера человеческих проявлений будет превалировать, но стремление принять их в расчет – фактор положительный.

К числу плодотворных идей, не так давно вошедших в арсенал российских обществоведов, следует отнести идею о методологическом и теоретическом плюрализме. К ее сторонникам можно отнести многих современных отечественных историков и весьма известных западных ученых, например П.Фейерабенда, К.Поппера и некоторых других, полагающих, что «…желающие максимально увеличить эмпирическое содержание своих концепций и как можно глубже уяснить их должны вводить другие концепции, т.е. применять плюралистическую методологию»[13] и выкорчевать архетипы прежней[14].

Отмечая важность синтеза различных доктрин, сведения их к определенному единству, мы считаем, что это позволяет лишь выявить действительные или мнимые первопричины взаимодействия сторон, но не определяет сущности возникающего нового качества. Разнообразие интегрирующихся методологических установок, теоретических взглядов, инструментальных методов, используемых ученым в исторической науке, не позволяет ему впасть в «тоталитарное мышление», а, напротив, дает возможность рассматривать проблему под любым углом зрения.

Предшествующие размышления подвигают нас к теоретическому обоснованию новизны и практической значимости нашего исследования.

Обосновывая собственную пристрастность в выборе темы научного изыскания и выделения ранее не рассматриваемых в качестве самостоятельных групп вопросов, требующих разрешения, мы рассчитываем на определенное приращение научного знания. Всякая новизна обеспечивается либо обращением к проблемам, ранее, по каким либо причинам не затрагиваемым, либо оригинальностью постановки целей и задач. Существует и ещё один критерий новизны – это применение новых методик анализа, инструментария, подходов к интерпретации и упорядочению источникового материала, введение в научный оборот новых документов.

Совокупность приведенных критериев формирует ту среду, которая становиться благодатным «климатом» для «свежего» взгляда на проблему, самостоятельных индивидуальных выводов, обобщений, интерпретаций. Новизна в освещении фактов достигается умением автора обнаружить тенденции развития, выявить характерные особенности процесса или явления, способностью восстанавливать прошлое, сопоставлять, анализировать, убеждать. Ценность сделанных исследователем обобщений и выводов проявляется, помимо прочего, в нестандартности его труда. Однако любая конкретно-историческая

работа освещает лишь некоторую часть пройденной человечеством дороги, помогает уяснению роли на этом трудном пути личностей и социальных групп, постижению сущности самого человека. Полученное знание предстает в виде затверженного человеческого опыта, облегчает ориентацию, помогает определиться с методами и способами действий, обеспечивает наиболее эффективные результаты функционирования. Процесс постижения прошлого гарантирует совершенствование самой человеческой личности, повышает ее культуру, улучшает другие качественные показатели.

Исторические исследования демонстрируют тесную связь методологии и теории. Как правило, объект исторической науки изучается с помощью понятий, являющихся аппаратом политологии, социологии, политической экономии, философии и других наук. Господство моноидеологии позволяло не задумываться над этими вопросами. Авторы, ссылаясь на дефиниции, найденные в трудах Маркса, Энгельса, Ленина, документах Коммунистической партии, особо не утруждали себя новыми формулировками. Сегодня личностное определение ключевых понятий по избранной для изучения теме является необходимостью. В противном случае общение между учеными будет носить характер «разговора» слепого с глухонемым. Выводы и обобщения одного исследователя не будут адекватно восприниматься другим и ценность его труда будет минимальной.

Тема нашего исследования не может быть раскрыта без выявления и анализа особенностей исторического развития России. Появление в последнее время значительного числа публикаций на эту тему нельзя расценивать как случайность. Наибольшее внимание, пожалуй, привлекает фундаментальный труд А.С.Ахиезера «Россия: критика исторического опыта» изданный в самом начале 90-х годов[15]. Идеи, предложенные им, рисуют вполне приемлемую картину минувшего, помогают прояснить своеобразие исторического самосознания ее народа.

Над российским государством постоянно довлел соблазнительный пример Запада. Его успешное экономическое и социально-политическое развитие вызывало у правящей элиты России чувство зависти, стремления к подражанию, желание в короткие сроки настигнуть уходящую вперед Европу. Претензии на ведущую роль в европейской политике заставляли политических лидеров подбирать себе наиболее способных и достойных помощников. Возникала дилемма: либо добиваться своих целей, противопоставляя себя Европе, либо в качестве ее союзницы. Силы, отражавшие это противостояние, находились под властным влиянием царя, вождя, лидера. Ситуация перманентной альтернативности порождала противоречивую социокультурную обстановку, проявившуюся в поведении, умонастроении, психологии классов, слоев, групп населения и отдельных личностей. Однако борьба не выходила за рамки дозволенного «главным арбитром». Жаркие идейные споры и политические интриги вполне уживались с умеренностью и терпимостью.

Синдром «догоняющей цивилизации» сказался на оценке исторического опыта Запада. Догоняющая, или, как ее назвал А.С.Ахиезер, «промежуточная» цивилизация породила систему «псевдо» – псевдодемократия, псевдорынок, псевдозаконность, псевдосвобода и т.п. Следует подчеркнуть, что это «псевдо» возникает всякий раз, когда происходит сравнение российских реалий с представлениями Западного мира. Западные ценности в России проявлялись своеобразно, превращаясь в нечто, не находившее прямых аналогов в других странах. Отсутствие общих штампов, во всех случаях годных для России, заставляло искать и находить нестандартные решения. Именно это объясняет уникальность и общечеловеческую ценность российского опыта.

Характеризуя роль 1917 года (взятого за наиболее существенную дату нашего исследования) в судьбе России, мы не можем согласиться с достаточно распространенным в западной историографии выводом о его «случайно-

сти», «ошибке истории», «злом умысле». Октябрьские события мы понимаем как искреннюю попытку большевистских революционеров осуществить радикальную модернизацию страны через совершение очередного крутого поворота. Однако из широких перспектив исторического выбора России в полной мере была реализована только одна возможность, приведшая к власти элиту большевистской партии.

Трудно однако пренебречь мнением, что победу РСДРП(б) вряд ли следует отнести к сознательному социалистическому выбору россиян в ее большевистской интерпретации. В стране, где 3/4 населения было неграмотным, на сознание людей можно было воздействовать привлекательностью, доступностью, понятностью и простотой лозунгов, обещанием справедливого устройства жизни, сохранением глубоко укоренившихся традиций и обычаев общинности и соборности. Большевистская партия в полной мере использовала амбивалентность массового сознания, состоявшего из ненависти к старому режиму и мечты в возможность установления новых порядков, избавляющих от преследований старого государства и его чиновничества.

Оставляя в стороне проблему адекватности марксистской теории процессам, происходящим в Западном обществе, заметим, что Россия не могла осуществить ее именно в силу своих цивилизационных особенностей. Новая власть стремилась проводить перемены по «западнической» идеологической схеме. Однако ее адаптация к российским условиям происходила своеобразно, оригинально, «по-своему». Это и привело к возникновению не похожей на марксистскую социалистическую модель систему общества, возникшую в слаборазвитой крестьянской стране.

Плодотворной, по мнению А.С.Ахиезера, можно считать только ту воспроизводственную деятельность социального субъекта, которая обеспечивает наибольший эффект и наилучший результат. Постоянное снижение показате-

лей, последовательно приводящих к ухудшению характеристик объекта, неизбежно влечет за собой деградацию политического режима в целом, а, в конечном счете и его гибель[16]. Разумеется, отсюда не следует нигилистическая оценка всей советской модели модернизации[17]. Иначе будет трудно объяснить достигнутое военное и политическое могущество, победу в Великой Отечественной войне, завоевания в космосе, успешное использования некоторых механизмов решения общественных проблем и т.д. Нельзя преуменьшать значение творческой роли масс, их неподдельный энтузиазм, не раз проявлявшийся в истории XX века. Однако нас, в первую очередь, интересует роль «тончайшего слоя» профессиональных революционеров в деле социальной революции и, особенно, позднейших инноваторских преобразований. Именно это является одной из задач данной работы, а наилучшим способом ее исследования, по нашему мнению, является элитистский подход. Он позволяет рассматривать в качестве закономерности исторического процесса смену постоянно борющихся друг с другом политических элит[18]. Сформулированная в виде универсальной доктрины элитистская теория гласит: одряхлевшая правящая элита, переставшая выражать потребности общественного развития, утрачивает легитимность и уступает свое место новой, более способной и адекватной группе, которая должна в течении определенного времени обеспечивать прогресс, процветание и стабильность. По замыслу авторов этой идеи историю делают не отдельные лидеры, не клики, клиентелы и камарильи, и, даже, не народные массы, а элита. Именно она является самой активной, влиятельной и полезной для общества политической, социальной, экономической и духовной силой, контролирующей всю совокупность властных ресурсов.

Нет сомнения в том, что в рассуждениях и отечественных, и зарубежных ученых – элитологов содержится существенная доля научной истины. Анализ российского исторического опыта первой половины прошлого века

подтверждает это. И хотя результаты исследований в нашей стране и на Западе были добыты с использованием различных методов, функциональные особенности большевистской властвующей элиты, процесса ее зарождения, эволюции и исчезновения происходили в соответствии с общими закономерностями и правилами.

Разумеется, в любом историческом сочинении для описания явлений, событий и процессов используется значительно большее количество категорий, понятий и терминов нежели те, которые были заявлены в данном разделе. Автора, однако, не покидает надежда, что высказанных положений достаточно для уяснения его позиций, оценок исследований предшественников, приемов и методов выбранных для анализа конкретных действий по формированию и деятельности политической элиты партии большевиков.

1.2 ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение функциональных и трансформационных процессов происходящих в XX веке в России, требует от исследователя прежде всего выяснения места и роли того социального слоя, который занимал в них главное политическое место. Современная мировая политическая литература (и это обращает на себя серьезное внимание), сравнивая нынешние российские события с революционными преобразованиями, приводит несколько типов воззрений на роль и значение революций и революционных элит. Термины «революция» и «революционная элита» составляли (и поныне еще составляют) существенный компонент семантического поля на значительном пространстве, включая разные страны мира. Из культового и лозунгового символа во многих мировых регионах они были превращены в смысловой компонент официальной идеологии и существенный элемент общественного мировоззрения.

Согласно марксистской теории, во всех, даже стабильных, обществах существуют противоречия между экономической структурой, общественными отношениями и политической системой: производительные силы, постоянно развиваясь, превращаются в главный источник противоречий, которые обостряясь, ведут к кризисам, открытым классовым конфликтам, столкновениям, и, в конечном счете, к революции; успешному проведению революции способствует пролетарская политическая партия, возглавляемая вождями-теоретиками, происходящими из непролетарских слоев. Э.Гидденс, оценивая марксистские взгляды, полагал, что эта теория в современном мире может быть применена лишь к анализу революций в третьем мире, т.е. для крестьянских стран, в которых находит рост промышленного капитализма. Напряженности возникают именно в точках соприкосновения современной промышленности с традиционными системами. По мере того как архаичный образ жизни отмирает, воздействие промышленного капитализма приводит к появлению революционной оппозиции авторитарным элитам, стремящимся сохранить старый порядок[19].

Другая теория (так называемая теория Ч.Джонсона – Т.Парсонса) утверждает, что общество – саморегулирующаяся система, чутко реагирующая на изменения своих институтов таким образом, чтобы, поддерживая равновесие между ними, сохранить всю систему эффективно работающей. Потеря равновесия – необходимая предпосылка осуществления революции. Основным условием неустойчивости, по мнению авторов теории, выступает расстройство связей между основными культурными ценностями и системой производства. Причем, возникнув однажды, неустойчивость вводит многих людей в заблуждение и заставляет их обращать свое внимание на элиту новых «пророков» и «оракулов», клятвенно обещающих социальные преобразования в интересах народа.

Революции не происходят автоматически. Если властвующая элита реагирует на меняющиеся условия своевременно и эффективно (даже применяя открытое насилие), то можно избежать переворота и восстановить равновесие. Теория Ч.Джонсона – Т.Парсонса весьма сходна с марксизмом, так как «неравновесие» можно понимать и как «противоречие». Авторы теории не анализируют идеи, которыми одержимы революционные элиты и методы их действия, ибо эти вопросы находятся за пределами их научных интересов.

Третья теория представлена идеями Д.Дэвиса, который предпринял попытку ответить на вопрос: почему происходят революции. Он утверждает, что бедность и лишения сами собой революций не делают. Их вероятность значительно возрастает, когда в условиях жизни наступают определенные изменения к лучшему. Некоторое повышение жизненных стандартов влечет за собой и повышение уровня ожиданий. Возмущения случаются потому, что улучшение происходит слишком медленно и дискретно. Крушение надежд на скорое улучшение оказывается большим стимулом к борьбе, чем обычная нищета. В этот момент идеи равенства и демократии воспринимаются народом с большой легкостью. Революционный протест зарождается как попытка предотвратить полный крах возрастающих ожиданий. Трансформация протеста в революцию происходит благодаря функционирования революционной элиты, способной бросить и реализовать действенный политический вызов.

Развивая теорию протеста в контексте более широкой интерпретации форм протеста и насилия, Ч.Тилли сформулировал концепцию коллективного действия. Коллективное действие, по Ч.Тилли, эффективно настолько, насколько оно способно вылиться в революцию. Движение происходит от революционной организации через мобилизацию и осознание общих интересов к конкретным возможностям оптимального действия. Революционные движения в качестве средства мобилизации групповых ресурсов возникают то-

гда, когда значительная часть людей, претендующих на места в политической элите, не имеет институциализированных средств для того, чтобы их занять, или тогда, когда их нужды прямо подавляются элитой правящей. То, насколько революционные группы способны обеспечить себе активное и действенное представительство в существующей политической системе, влияет на выбор ими насилия в качестве средства достижения преследуемых целей. Но лишь там, где массовая активность соединяется с целенаправленной деятельностью революционной элиты, возможно результативное воздействие на устоявшиеся структуры власти. Таким образом, приобретаемый в революционной борьбе опыт может представить наиболее агрессивным контрэлитным группировкам неплохие шансы на достижение преследуемых целей. Однако процесс революционных преобразований может быть успешно завершен лишь тогда, когда элита, захватившая власть, сумеет выразить с помощью хорошо продуманной пропаганды классовые интересы и будет иметь в общем объеме своих ресурсов необходимые для управленческой деятельности качества[20].

Успех или неудача деятельности революционной элиты во многом зависит от поведения неэлитных слоев. Коллективный неэлитный субъект революционно-демократических движений, из которого и формируются политические партии, члены которой пополняли правящую элиту, имеет более примитивные реакции, нежели обычный усредненный индивидуум. Высокие чувства и цивилизованные наклонности в революционные эпохи подавляются. Люди, охваченные коллективным возбуждением, порожденным «психологией толпы», теряют критические способности, присущие им в повседневной жизни. В уличной толпе (на митинге или демонстрации) человек становится варваром и действует согласно инстинкту. Он одновременно одержим стихийностью, насилием, жестокостью, энтузиазмом и героизмом примитивных существ. Будучи к тому же, как правило, плохо образованными людьми,

неэлитные субъекты становятся более доверчивыми, чем обычно, высоковнушаемыми и поддающимися на призывы разного рода авантюристов и демагогов[21]. Способности неэлитных субъектов ограничиваются рамками обожествления своих вождей, стремлением защищать их всеми возможными способами и даже идти ради этого на смерть. Они готовы участвовать в реализации самых утопических идей и прозревают, когда их повседневная жизнь становится совершенно невыносимой.

Проведенный нами анализ обнаруживает наличие неизбежной связи революционных процессов с борьбой элит и контрэлит на фоне экономических трудностей, социально-политического и морально-нравственного кризиса. Одномоментная (полная или частичная) ротация политических элит происходит тогда, когда правящие группировки не способны справиться с ситуацией, разрешить те проблемы, которые общество уже поставило. Революционная элита, прорвавшаяся к власти, объявляет о своей легитимности и стремится подтвердить это всеми доступными способами.

Наиболее распространенный, романтический, идеально-положительный образ самой революции, ее вдохновителей и организаторов создан отчасти самой революционной элитой, отчасти современными ангажированными интеллигентами. Нынешние ученые, исследующие революционные проблемы, сходятся на мысли, что революция имеет три составляющие: насилие, новизну и всеобщность перемен. По их мнению, все это в полном объеме было присуще большевистской революции, ее причинам и следствиям. В трудах, раскрывающих эту проблему, подчеркивается, что всякая победоносная революция от всех иных социальных движений отличается своей интенсивностью, террором и осознанностью процесса. У активно участвующей в ней революционной элиты, помимо всего прочего, просматриваются незаурядные организаторские способности, волевые качества, упорство в достижении цели. Однако интеллект, специальные знания, опыт, общее об-

разование и культура далеко не всегда характеризуют их. Только ограниченное количество вождей, составляющих высший элитный слой (суперэлиту), обладает возможностью формулировать идеологию социального протеста, акцентируя при этом внимание на утопическом или освободительном идеале. Элита большевистской партии смогла, используя символику равенства, прогресса, свободы, убедить массы в том, что революция созидает новый, лучший социальный порядок и только она знает к нему путь.

Итог всех современных теоретических концепций подвел Р.Дарендорф, определивший революцию «почти формальным образом» – как быструю смену элит, сопровождаемую радикальным преобразованием режима[22]. Он считал, что если рассматривать революцию как событие, устраняющее старый режим, то ее завершение не может быть неудачным. Оно успешно по определению. Но новая властвующая элита, как правило, не удовлетворяется уничтожением ненавистного режима, а стремится создать другой, с ее точки зрения, более «разумный» строй. Революционеры, провозглашающие красивый лозунг «Люди, бразды правления возвращаются вам!», не задумываются над тем, как будут осуществлять такое обещание. Демократия в своем конституционном значении предоставляет возможность смещать правительства без революций, посредством выборов, парламентов и т.д. Революционеры же понимают исторический процесс иначе: демократия, по их мнению, должна быть «подлинной»; управление должно быть передано народу; равенство должно быть «реальным». Тут проявляется утопическая мечта революционной элиты об общей воле, таинственным образом ведущей ко всеобщему согласию без принуждения и силового воздействия. Именно это представление было развито Марксом в его редких и неохотно делаемых замечаниях о том, каким он видит мир после окончательной революционной победы: грядет мир ассоциаций, а не господства, а значит, мир равенства, а не классов.

В России в 1917 году произошла не перегруппировка сил, обладающих властью, а настоящая революция элиты. Причем «властвующий класс» нового государства начал формироваться не в соответствии с теми качествами, которые изначально теоретиками признавались элитными: образование, специальные знания, опыт и управленческие навыки, – а исключительно по партийно-классовому принципу.

Поддавшись романтическим настроениям, большевики пытались осуществить насильственную замену одряхлевшей и неспособной дворянско-интеллигентской политической элиты другой, трансформировать ее в пролетарскую и вооружить «единственно правильной» теорией. Проводя далеко идущие преобразования во всех важнейших сферах, совершая радикальный, хотя и относительный, разрыв с прошлым, – властвующая большевистская элита брала на себя функции не только реализации своих институциональных и организационных планов, но и формирования нового идеального человека, достойного идеального общества. Старшее поколение партийцев, связанное, по мнению Ленина, с предшествующими общественными отношениями и поневоле несшее в себе черты этих отношений, могло, в лучшем случае, уничтожить основы старого быта, а строить, созидать была способна только молодежь, выросшая в новых условиях[23].

Категорически отвергая элитистскую теорию де-юре, большевистские вожди, тем не менее, де-факто нередко высказывались в ее духе[24]. Н.Бухарин в 1922 году говорил: «Тот класс имеет, выражаясь «высоким штилем», историческое право господствовать в обществе и руководить им, который может выделить из себя достаточное количество администраторов, организаторов и идеологов, ведущих общество по определенному классовому пути»[25]. Л.Д.Троцкий, например, в своем «Новом курсе» прямо писал, что партия живет на два этажа: «в верхнем – решают, в нижнем – только узнают о решениях»[26]. И далее: «Главная опасность старого курса, как он сложился в резуль-

тате как больших исторических причин, так и наших ошибок, состоит в том, что он обнаруживает тенденции ко все большему противопоставлению нескольких тысяч товарищей, составляющих руководящие кадры, всей остальной партийной массе как объекту воздействия. Если бы этот режим упорно сохранялся и дальше, то он, несомненно, грозил бы в конце концов вызвать перерождение партии – притом одновременно на обоих ее полюсах, т.е. и в партийном молодняке, и в руководящих кадрах»[27].

Функциональные способности большевистской элиты оказывали существенное влияние на новаторские решения и действия. Исторический опыт свидетельствует о том, что большевики достаточно квалифицированно и эффективно осуществили программирование революционной деятельности, но оказались малопригодными к созидательным акциям. «Тончайший слой профессиональных революционеров» к делу модернизации страны оказался неподготовленным и плохо пригодным. Вожди революции, еще совсем недавно объединенные вокруг общей цели, начинают ссориться между собой, солидарность оборачивается раздором, форум превращается в арену борьбы[28]. Экономические условия постреволюционной России были так плохи, что многим людям недавно свергнутый режим начал казаться «старым добрым временем». Торжествуют допотопные племенные типы связей, подвигающие самозванных трибунов на борьбу за утверждение единообразия. В жертву приносятся обобщенные гражданские права, вмещающие в себя различия и несхожести бывших соратников. Следы демократии очень скоро оказались затоптанными новоявленными диктаторами. Революционной элите большевистской партии – «ленинской гвардии» – суждено было подтвердить практикой весь цикл трансформационных процессов революции, пройти все её этапы: «свержение умеренных», «возвышение экстремистов», «владычество террора и добродетели» и, наконец, «термидор»[29].

Специфический социальный феномен, определяющий совокупность государственных отношений, лишь позднее названный политической элитой, обратил на себя внимание довольно давно. Среди тех, кто первым понял его значимость, были мыслители древней Греции – Платон и Аристотель. Платон[30] полагал, что современное ему государство расколото надвое: одну часть составляют богатые, другую – бедные. Они живут вместе, но устраивают друг другу всяческие неприятности. В такой обстановке людей преследуют страх и неуверенность. Хорошо функционирующее общество, по мнению Платона, должно быть иным. Потрясение, вызванное казнью Сократа, подвигло его на конструирование «правильного» государства, в котором будут не только осуществляться принципы справедливости, но и обеспечиваться внутренняя дисциплина и социальная стабильность. Идеальное общество должно быть руководимо элитой правителей, происходящих из зажиточных слоев. Однако этих людей необходимо специально формировать, воспитывать, готовить. Этот древний мыслитель, абсолютизируя меры воспитательного воздействия, совершенно не учитывал роль морально-психологических факторов. Полагая, что воспитательный процесс идет линейно, он требовал исключить всякую возможность наследования социального статуса. По его мнению, любой должен иметь равные со всеми шансы проявить свои способности и быть готовым к выполнению собственных ролевых функций. В идеале предлагаемая им селекция и обучение должны были бы привести к признанию власти правителей абсолютно легитимной. Мудрая правящая элита, выступающая с позиций патернализма по отношению к остальным слоям, сама лишалась собственности и семьи, сосредоточивая внимание исключительно на общественном благополучии. Умозрительно сконструировав идеальное общество, Платон пытался на практике в своей «Академии» подготовить высокостатусную элиту, отобрав в ее состав наиболее способных, подготовленных, знающих и опытных политиков. Однако осуществить свою заветную мечту ему так и не

удалось из-за постоянных «ошибок» при отборе. Выпускники его «Академии» применяли для достижения властных вершин безнравственные и даже преступные приемы и методы[31].

Другой мыслитель – Аристотель – в сочинении под названием «Политика» тоже не оставил без внимания этот вопрос[32]. Он, вслед за Платоном, придавал исключительное значение социологическим факторам. Аристотель, представляя социальную структуру общества более сложной, считал, что во всех современных ему государствах существует три слоя: очень богатых людей, очень бедных и средний. Предпочтение в формировании элиты он отдавал именно третьему слою, поскольку его члены по условиям жизни наиболее подготовлены к восприятию рациональных принципов. Бедные и богатые слои, по его мнению, лишены элитных свойств и пополняют, главным образом, группы преступников и мошенников. Озабоченный проблемой стабильности государства, Аристотель подчеркивал необходимость постоянного внимания к бедным. Он отстаивал мысль, что в государстве, где нет среднего слоя (либо он незначителен), а бедняки, склонные к преступлениям и бунтам, составляют большинство населения, непременно будет царить неуверенность и неопределенность. Однако и Аристотель не учитывал изменчивость природы идущих во власть людей. Формула: «всякая власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно» – ему известна не была. Он выступал против предоставления властных полномочий и плутократам, и охлократам, так как это должно было привести к одной из двух крайностей: или олигархии, или демократии. Крайности же, по мнению Аристотеля, всегда чреваты тиранией. Лучшим он считал то общество, в котором превалирует средний слой. Государство, где этот слой многочисленнее и сильнее, чем два других вместе взятых, функционирует успешнее. Социальное равновесие должно было обеспечиваться массовостью среднего класса.

Роль властвующей элиты в государственных делах эпохи Возрождения учеными средневековья исследовалась с особым вниманием. Самым знаменитым среди них был Никколо Макиавелли, который в своем наиболее известном произведении «Государь»[33] ставил вопрос о значимости элитных групп в рамках определенных форм государственного правления, которые способны обеспечить «порядок, счастье и благополучие народа». По его мнению, характер отношений между элитой и массой всегда определяется страхом: элита боится масс, массы боятся тирании. Макиавелли выделял в составе элиты два типа: «лис», склонных к интригам и политическим комбинациям, и «львов», приверженных жестким, силовым методам. Идеальные политики должны были сочетать и те, и другие способы осуществления власти.

В отличие от своих предшественников Макиавелли не отрицал значения демократического правления, он видел в нем такие добродетели, которых были лишены автократии. На его взгляд, коллективные решения народа более мудры, чем решения государей, так как «общая воля не может приводить к ошибке». Между тем, хорошо зная об эмоциональности поведения масс, он сомневался в рациональности их участия в оперативном управлении и подчеркивал необходимость долгого предварительного обучения тех, кто принимал властные решения. Этот средневековый мыслитель задолго до современных философов и политических практиков выдвинул идею «открытого общества», в котором неравенство положения столь же узаконено, как и равенство шансов стать неравными. Только равенство шансов позволяет сохранить огромное большинство наличных талантов и использовать их на благо всего общества[34].

В момент зарождения капиталистических отношений на первое место выдвигаются проблемы преодоления сословных антагонизмов и достижения юридического равенства, то есть отрицается существование элитных групп. Наилучшим образом эти взгляды выразил английский философ Т.Гоббс, зая-

вивший о неотвратимости борьбы за равенство всех людей, которое должно занять место неравенства во власти и прерогативах. Ему казалось, что люди в одинаковой мере заинтересованы в достижении господства и привилегий и одинаково жадны в желании жизненных благ. Такие стремления в случае их осуществления на практике при отсутствии общепризнанных правил, составляющих «общественный договор», приводят к разрухе и хаосу. Гоббс полагал, что право управлять должно принадлежать одному человеку, который олицетворяет коллективные требования и всеобщую волю. Согласно его теории, элитные группы недопустимы, поскольку они разлагают равенство прав[35]. Однако, на наш взгляд, он явно не учитывал того обстоятельства, что человек, стоящий во главе государства, определенно не в состоянии управлять им без поддержки со стороны целого социального слоя, не может заставить народ уважать и исполнять свои приказы. Поддержка этого слоя обеспечивает авторитет главы государства, и ссориться с этим слоем, а тем более уничтожать его нецелесообразно. В своих воззрениях Гоббс был не одинок. Позднее и другие мыслители: Д.Локк, Ж.Ж.Руссо, Г.Гегель – высказывали опасение в том, что появление в будущем новых социальных слоев, классов, групп, возникших либо с врожденными, либо с приобретенными качествами или с их комбинацией, может породить серьезные проблемы. Одинаково оценивая намечавшиеся трудности, они предлагали самые разные рецепты их одоления. Однако ни один из них так и не нашел практического подтверждения.

Идеи достижения равенства, как и сохранения неравенства, находятся в постоянной конфронтации друг с другом. Они и сегодня продолжают будоражить умы людей во всем мире. Один из крупнейших мыслителей современности – Э.Гидденс[36] – справедливо подчеркивал, что на общественное мировоззрение наибольшее влияние оказывали теоретические взгляды, развиваемые представителями двух направлений: К.Марксом и М.Вебером.

Большинство (если не все) более поздних стратификационных теорий обязаны своим рождением именно этим философам.

Предложенная Марксом концепция классов объективно отражает экономическое и политическое неравенство в обществе. Такое положение, по Марксу, вполне исправимо. Путь к равенству лежит через социальную революцию, уничтожение частной собственности и государства. Стратификационный подход Вебера, построенный с учетом марксистского анализа, модифицирует и развивает его. Между марксистской и веберовской теориями существуют два главных различия. Первое: соглашаясь с Марксом в том, что классы базируются на конкретных экономических условиях, связанных с собственностью (контролем или его отсутствием), Вебер подчеркивает обстоятельства, прямо не влияющие на них (квалификация или профессиональное мастерство); управленцы или профессионалы зарабатывают больше, имеют лучшие условия труда и жизни, чем, например, «синие воротнички»; образование, квалификация и профессиональное мастерство делают людей более «рыночными», представляют повышенный шанс на получение высокой оплаты и большую вероятность на «попадание» в элиту. Второе: Вебер, помимо классового, выдвигал еще два основания стратификации – статус, и партийную принадлежность.

Статус устанавливает различия между социальными группами по престижу, который может менять характеристику с отрицательной на положительную и наоборот. Партия же является негативной привилегированной группой, объектом для дискриминации. Статус – субъективный фактор, зависящий от человеческих оценок. Партия – важный аспект власти, влияющий на стратификацию независимо от объективной и субъективной принадлежности. Партийная организация закономерно формирует элитную группу сотрудников, потому что у них общие истоки, цели и интересы. Привлекая людей, независимо от их классовой принадлежности, партия нивелирует идео-

логические различия точно так же, как и классовые. Членство в правящей партии оказывает решающее влияние не только на отбор кандидатов, но и на их политическое и социальное продвижение. Деление общества на партийных и беспартийных напоминает членение сословного характера, увязанное с объемом прав и обязанностей перед партократическим государством[37]. Формальная роль партийной принадлежности фиксировалась в уставе пришедшей к власти партии, регламентировавшем подбор кадров и расстановку их по командным постам в соответствии с политическими и деловыми качествами.

Вебер, признавая, что классовое господство является объективным технологическим законом, никогда не обсуждал вопроса о возможном революционном выступлении масс и завоевании ими с помощью насилия элитных позиций в обществе. «Не исключено, – пишет О.Шкаратан, – что он воспринимал революцию столь опасной, что чувствовал себя неспособным думать о ней»[38]. В отличие от Маркса, Вебер серьезно сомневался в способности рабочих «подняться» до «настоящей» классовой сознательности и объединиться в общей классовой борьбе против системы, их эксплуатирующей.

Стратификационные работы Вебера важны постольку, поскольку демонстрируют воздействие на жизнь людей не только классовой принадлежности, но и других стратообразующих факторов[39]. Гидденс, как и большинство современных социологов, считает, что веберовская схема предлагает более сложную, и более гибкую основу для анализа стратификации, чем это делает марксизм[40].

Однако и марксизм фактически признавал существование элит в обществе. К такому выводу можно прийти, обратив внимание на одно высказывание об особом слое идеологов и мыслителей господствующего класса, последовательно защищающих его интересы. К.Маркс и Ф.Энгельс подчеркивали,

что разделение труда проявляется и в среде господствующего класса так, что внутри этого класса одна часть выступает в качестве мыслителей, а другая с готовностью внимает их идеям, так как имеет меньше времени для того, чтобы строить себе иллюзии и мысли о самих себе. Такое расщепление, по мнению Маркса, может разрастись даже до некоторой противоположности и вражды, но эта вражда становится второстепенной при всякой практической коллизии, когда опасность угрожает самому правящему классу. Это положение недвусмысленно намекает на существование политической элиты господствующего буржуазного класса в рамках капитализма. Тем не менее исторический опыт доказал, что механизмы осуществления классового господства с отмеченными классиками марксизма чертами характерны не только для анализируемого политического пространства и времени, но и для общества, принадлежащего к так называемой «мировой системе социализма».

Маркс настойчиво требовал от историков, чтобы люди, стоящие во главе политических и революционных движений, были бы, наконец, изображены «суровыми рембрантовскими красками во всей своей жизненной правде», так как во всех существующих описаниях эти лица никогда не изображались «в их реальном, а лишь в официальном виде, с котурнами на ногах и с ореолом вокруг головы. В этих восторженно преображенных рафаэлевских портретах пропадает вся правдивость изображения»[41].

В современной обществоведческой литературе признается, что элитистские концепции возникли и формировались в значительной мере как реакция на радикальные социалистические учения. Последователи К.Маркса, российские социал-демократы, с достаточной долей настороженного скептицизма относились к этим идеям, не желая брать их на вооружение и применять даже к анализу капиталистического общества. Ведь такая теоретическая солидарность означала бы публичное признание: во-первых, слабости и неспособности к самоорганизации и революционному действию низших, неэлит-

ных слоев, постоянно нуждающихся в управлении извне; во-вторых, естественности и неизбежности неравенства на любом этапе развития человеческой цивилизации. Это заставило бы задуматься над тайными планами партийных вождей, подорвало бы возможность достижения власти революционной элитой, состоящей почти целиком из непролетарских слоев и декларирующих мысль, что они используют теорию и практику классовой борьбы для переустройства общества на принципах полного «равенства» и «справедливости».

Обществоведы XX века не менее своих предшественников были озабочены проблемами неравенства между людьми. Однако они, опираясь на исторический опыт, с очевидностью констатировали, что в обозримом будущем «даже в процветающем обществе неравное положение людей остается важным непреходящим явлением»[42].

Пионерами классической теории элит были итальянские экономисты и социологи новейшего времени – В.Парето и Г.Моска. Эти ученые, развивая идеи знаменитых предшественников, почти одновременно пришли к твердому убеждению, что деление общества на массы и элиту является неизбежным условием развития мирового сообщества. Парето создал свою теорию «циркуляции элит», пытаясь объяснить динамику социально-экономических отношений. Этот, как его однажды назвал Р.Арон, «патриций без иллюзий», принадлежал к итальянской культуре и стоял в том же ряду политических мыслителей, в котором первым и самым великим был Макиавелли[43]. Сделанный им упор на историческую двойственность правителей и управляемых, элиты и толпы позволил создать вид общественной науки, концентрирующейся вокруг политической темы, что вполне характерно для итальянской традиции. Занимаясь проблемой экономических циклов, он пришел к выводу, что следующие за ними изменения касаются и иных сфер: политики, нравственности, религии. Эти процессы были аналогичны экономическим и особенно настойчиво заявляли о себе в периоды борьбы между старой и новой

аристократиями. Парето утверждал, что во всякую эпоху вокруг власти действуют две социальные группы – элита и контрэлита, которые ведут между собой борьбу за господство и влияние, мобилизуя для этого массы. Ему удалось обнаружить, что новая аристократия, добиваясь власти и сопровождающих ее привилегий, всегда стремилась к низвержению старой аристократии, явно не демонстрируя, а зачастую и тщательно скрывая, свои истинные намерения. «Объединяя, – писал Парето, – вокруг себя угнетенных, она уверяет, что действует во имя всеобщего блага, а не своекорыстных интересов»[44]. Подъем на властные вершины новой политической элиты, в первую очередь, означает удовлетворение потребности в уничтожении старой аристократии, а затем и в последовательном устранении элит как ставшими ненужными союзников, так и ненадежных соратников. Исторический опыт борьбы различных типов аристократий (например, патрициев с аристократией плебеев в Древнем Риме, феодальной аристократии с городской буржуазией в Европе, помещиков и капиталистов с пролетарскими политическими организациями в России и т.д.) многократно подтвердили открытые Парето закономерности.

Другой ученый – Г.Моска – совершенно самостоятельно пришел к аналогичным выводам. «Среди неизменных явлений и тенденций, проявляющихся во всех политических организациях, – писал он, – одно становится очевидным, даже при самом поверхностном взгляде. Во всех обществах (начиная со слаборазвитых, с трудом достигших основ цивилизации, и заканчивая наиболее развитыми и могущественными) существуют два класса людей – класс правящих и класс управляемых»[45]. Моска выделял принципы организации правящего меньшинства в зависимости от характера политической ситуации. Именно он заложил основы организационного подхода к формированию элит, справедливо полагая, что раз в обществе происходят изменения в соотношении политических сил, то и в управлении государством должны утвердиться силы, отличные от прежних. Причем, дополняя Парето, он сфор-

мулировал идею открытой элиты. Правящая элита ради сохранения своего положения и социально-политической стабильности не должна быть закрыта для проникновения в нее «лучших», наиболее способных и перспективных элементов большинства. В.Парето и Г.Моска при создании элитистской теории опирались исключительно на исторический опыт Запада и сознательно не учитывали революционную особенность смены элит.

К сторонникам элитизма с полным основанием можно причислить выдающихся мыслителей прошлого: О.Шпенглера, считавшего функционирование элитных групп фактором развития культур, и А.Д.Тойнби, предложившего теорию круговорота сменяющих друг друга локальных цивилизаций, каждая из которых проходит стадии возникновения, роста, надлома и разложения. Движущей силой развития, по его мнению, является «творческая элита», увлекающая за собой «инертное большинство»[46].

Признавая существование особых олигархических групп, классики марксизма их специальным анализом не занимались. Этому вопросу уделил внимание немецкий историк, экономист и социолог, социал-демократ по убеждениям и партийной принадлежности Р.Михельс. Его книга «Социология политической партии в условиях демократии», опубликованная за несколько лет до революции в России (еще в 1911 году), внесла существенный вклад в разработку проблемы формирования и функционирования элиты, сосредоточенной в руководстве пролетарской организации. Михельс, раскрывая множество секретов внутрипартийной жизни, убедительно доказал, что любая массовая политическая партия подвержена олигархическому перерождению и бюрократизации, подтвердив тем самым правомерность использования элитистской концепции и на уровне изучения отдельной политической партии. Он продемонстрировал, что партия обязательно разделяется на пассивное, управляемое большинство и управляющее сверху вождистское меньшинство. Увеличение количества и усложнение задач борьбы заставляет

партию формировать специализированные кадры «партийной бюрократии» (профессиональных революционеров), живущих за счет организации, распоряжающихся значительными финансовыми средствами и опирающихся в своей деятельности на сильный административный механизм. В результате названных процессов и образуется партийная олигархия, ведущая к деформации отношений в самой партии. Выборность превращается в фикцию, контроль за деятельностью вождей и партаппарата со стороны масс постепенно трансформируется в иллюзию, исчезает свобода критики, вожди изгоняют из организации нежелательный для них дух сомнения, свободомыслия и творческой самостоятельности рядовых членов. Бюрократические механизмы усиливаются и неизбежно приводят к перерождению руководящих верхов. На смену прежнему идеализму и революционному романтизму приходит рутинерство, узкий практицизм и консерватизм. Боясь утратить обретенное положение и стремясь во что бы то ни стало закрепиться на вершине достигнутых привилегий и почестей, члены революционной элиты проявляют робость перед наиболее влиятельными лицами и презрение к партийной массе[47]. Михельс исследовал функционирование политической партии в парламентской системе. Он, по понятным причинам, не мог проанализировать процесс превращения революционной контрэлиты социал-демократической направленности в элиту, обладающую безграничными властными полномочиями, и подробно рассмотреть те тенденции, которые вследствие этого неизбежно возникают.

Практически одновременно с Парето, Моска и Михельсом теория олигархизации политических партий была изложена в работе русского исследователя М.Я.Острогорского. Автор отмечал, что быстрый переход от господства традиций к демократии, превративший массы в реальный фактор политических движений, закладывает возможность нового авторитаризма – демократического цезаризма, использующего демократические формы для утвер-

ждения антиправового режима, обоснования власти меньшинства партийной олигархии над большинством[48]. Но и он не затрагивал проблем революций и революционных трансформаций.

Создатель и вождь большевистской партии, основатель советского государства В.И. Ленин слово «элита» никогда не использовал, хотя с большой долей вероятности можно говорить о его знакомстве с книгой Р.Михельса[49]. Доказательством, правда косвенным, того, что в Советской России уже при Ленине сложилась властвующая группа, имеющая особое привилегированное положение, служит ряд ленинских работ: «Очередные задачи Советской власти», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и некоторые другие статьи и выступления. На закате своей жизни Ленин уже прямо писал о «тончайшем слое профессиональных революционеров», определяющем всю политику советского государства. Вопросам управления государством и формирования управленческих кадров из рабочих и крестьян, их подготовке и воспитанию целиком посвящена одна из статей, относящихся к политическому завещанию вождя, – «Лучше меньше, да лучше». По поводу этой ленинской статьи другой большевистский лидер, Л.Б.Красин, в порядке полемики написал: «Наша партия на пять с плюсом выполнила гигантскую революционно-разрушительную работу <...> хуже и беспомощнее всего действуем мы в области положительного строительства...» потому, что в руководящих органах партии находятся малоспособные, неопытные и плохо образованные партийцы, оказавшиеся в них по настоянию влиятельных лиц, нуждающихся в персональной поддержке преданных кадров[50]. Уже тогда, в самом начале 20-х годов, стали отчетливо проявляться негативные моменты процесса подбора лиц в большевистскую властвующую элиту.

Отмечая эту особенность утверждения всякой новой власти, М.Вебер подчеркивал, что властвующая «партия, концентрированно представляя интересы определенного класса, старается из него же и набирать своих привер-

женцев, нисколько не заботясь об их умении управлять» созидательными процессами[51], главное для нее – это доверие и надежность в глазах вождя, а специальные знания, образование и опыт имели второстепенное значение.

Однако самый известный теоретик постиндустриализма Д.Белл считает, что наиболее оптимальным механизмом выдвижения элитных кадров должен быть механизм конкуренции. На его основе он сформулировал идею «элиты заслуг». «Элита заслуг» – это усовершенствованная элита, объединяющая не только лучших в плане личных способностей или богатств, но и наиболее достойных и заслуженных в глазах народа. Элита, по Беллу, – есть группа профессионалов, специалистов с высшим образованием, конвертирующих свои специальные знания и опыт в господство как в области хозяйства, так и во всех областях культуры. Более того, на передний план выходят ученые-исследователи и их социокультурная позиция. «В постиндустриальном обществе техническая квалификация становится основой, а образование – способом доступа к власти». По его мнению, «наиболее преуспела в этом отношении элитная группа ученых»[52]. Белл очевидно абсолютизировал роль технократии и приуменьшал значимость элиты политической.

В работах Г.Лоссуэлла[53] и Т.Дейла[54] элита настойчиво рассматривается не как миф, существующий только в воображении ученых, а как реальный элемент современной цивилизации, осуществляющий вполне реальные властные функции, но впускающий в свои ряды таланты из низов. Однако, по их мнению, простое размывание элиты «плебеями» недопустимо, как недопустима и идея «гарнизонного государства». Массовый советский читатель с теорией элит впервые познакомился по книге Р.Миллса «Властвующая элита», опубликованной в СССР в 1959 году. Анализ, проведенный Миллсом, подтвердил, что элита – это не эфемерное, а фактическое явление. Получив первую возможность знакомства с элитистской доктриной Запада, советские обществоведы проявили к ней вполне определенный, но исключительно не-

гативный интерес. Первым, кто начал публиковать работы по данной тематике в СССР, был Г.К.Ашин[55]. Самые ранние его произведения относятся к концу пятидесятых – началу шестидесятых годов. Начав исследования с оценки элитологических концепций как вредоносных и антинаучных, он постепенно понижал планку собственного неприятия – от агрессивных нападок до позитивного применения ее положений к анализу современной российской политической действительности. Именно Ашину принадлежит заслуга введения этого термина в марксистскую политологию. Именно ему удалось убедить советских ученых в том, что использование термина «элита» вовсе не подрывает марксистскую классовую теорию, а, напротив, дополняет феномен социально-классовой дифференциации еще одним элементом[56].

В конце 70-х годов на русский язык начали переводить и публиковать работы некоторых авторов из восточно-европейских стран, изучавших данную проблематику. Среди трудов, активно критикующих западные концепции, наиболее заметное место принадлежало исследованиям М.Нарты[57] и В. Весоловского[58]. В их работах делалась первая попытка применить теорию элит к анализу социальной структуры стран социалистического содружества. Однако, несмотря на очевидность аналогий, авторы подводили читателей к выводу, что в социалистическом обществе элитам места нет. Работы, отрицавшие существование элиты при социализме, тем не менее представляли определенный интерес. Они демонстрировали влияние западного обществознания на науку в странах с «коммунистической перспективой», давали представление о взглядах на проблему элитизма через призму «Пражской весны», будоражили «застойное» сознание.

Этап критики элитизма как универсальной теории, объясняющей процесс цивилизационного развития, представляется нам вполне оправданным и полезным, ибо он помогал уточнению позиций, направлял ход исследований, способствовал более глубокому уяснению проблемы политического господ-

ства, механизмов властвования и управления, определял их формулы и схемы. Кроме того, такая критика не могла скрыть рационального зерна элитистской теории.

Новый импульс исследованиям в области элитизма и в России, и в странах бывшего «Восточного блока» дал постперестроечный период новейшей истории. Большой интерес к проблемам элитизма проявили немецкие ученые. Например, Д.Лейн делает попытку описать процесс модернизации бывших социалистических стран от автократии к демократии и выявить роль элит в этом процессе[59]. У.Хофман-Ланге исследует бихивиаристский аспект проблемы. Элитная трансформация (и в этом особая заслуга автора) рассматривается ею через призму изменения политических режимов[60]. В своей статье она затрагивает проблему смены элит не путем демократических выборов (именно такого аспекта придерживалось большинство ее западных коллег), а в результате социально-политической катастрофы (разгрома нацистской Германии). Однако качественных характеристик новой элиты и источников ее формирования работа не касается. Болгарский же политолог А.Крестева подходит к проблеме с точки зрения диалектики элиты и власти. Основная ценность ее работы состоит в анализе политического сознания посткоммунистической элиты, пришедшей к власти не путем номенклатурных манипуляций, а в результате первых демократических выборов. Консервативность этой элиты проявляется в устаревшем понимании сферы политики не в виде арены для открытой и свободной конкуренции различных сил, а как закулисной смертельной схватки с давними заклятыми врагами[61].

В последнее десятилетие в российской исторической, философской, социологической и политологической литературе появились работы, имевшие своей целью рассмотреть феномен социальной действительности, называемый политической элитой, выявить ее роль в управлении Россией, исследовать процессы формирования, функционирования и трансформации.

Важной научной задачей представляется уточнение и унификация элитистской терминологии. Так, Платон для обозначения высшего социального слоя, осуществляющего в государстве властные полномочия, пользовался термином «олигархия». Основоположник классического элитизма В.Парето первоначально использовал общепринятый в то время термин «аристократия»[62]. Г.Моска в своих трудах ввел категорию «правящий класс» (ruling class)[63]. Однако все они имели в виду одно и то же: малочисленный слой, выполняющий важнейшие политические функции, монополизирующий власть, влияние и привилегии благодаря природным или приобретенным качествам и сложившимся традициям. С господством этого меньшинства большинство общества молчаливо соглашается. Понятие «элита» в качестве общепризнанного обозначения появилось в «Трактате по общей социологии»[64] В.Парето.

За более чем вековой период использования этой терминологии сложилось целое научное направление, которое к сегодняшнему дню предложило почти полторы сотни определений элиты. Причем различными авторами оно трактуется по-разному[65]. Подробный анализ и типологизация всех имеющихся в российской и зарубежной литературе определений элиты не входит в задачу историка. Тем не менее мы считаем необходимым подчеркнуть наше понимание данного феномена, обусловленное рамками конкретного исторического исследования. Прежде всего остановимся на самом термине – «политическая элита».

В элитистской теории друг другу противостоят несколько подходов. Наибольшее распространение получили этакратический, меритократический, аксиологический и альтиметрический, на которых мы и остановимся подробнее. В указанной совокупности доминирует, и, по нашему мнению, справедливо, этакратический подход. Такое положение нетрудно объяснить. Ведь власть принадлежит меньшинству общества, хотя бы уже потому, что оно лучше организовано, имеет больший экономический, финансовый и силовой

ресурс, интеллектуальный и культурный потенциал. Это превосходство обеспечивается особым воспитанием, специальным образованием, опытом, передаваемым из поколения в поколение, социальными традициями, обычаями и нормами поведения. Занимая соответствующие позиции, элита проникается убеждением в своем абсолютном и непререкаемом праве управлять делами общества. Отношения правящего класса и массы народа во многом определяются уровнем развития общества и существующим политическим режимом.

Меритократический подход включает в элиту тех, кто имеет наивысший балл по условному индексу политических способностей. Власть таких людей базируется, главным образом, на личных качествах и талантах. Неравенство элиты и неэлиты определяется персональными чертами и выглядит как естественное положение вещей. Такой взгляд, по нашему мнению, рисует картину скорее идеальную, чем реальную. В этом случае понятие «элита» приобретает оценочно-эмоциональный, а не научный характер.

Аксиологический подход как бы дополняет подход меритократический и представляет элиту как мудрых, дальновидных, достойнейших и во всех отношениях образцовых представителей общества. Действительность вступает с такой характеристикой в решительное противоречие. Слишком часто в правящей среде обнаруживаются некомпетентные, жестокие, корыстолюбивые, тщеславные и лживые люди. Аксиологический подход в этом случае становится не апологетом, а, напротив, ниспровергателем теории элит. Если мы примем его ценностные критерии, то будем вынуждены различать и даже противопоставлять элиту «фактическую» и элиту «совершенную».

Более предпочтительным, по нашему мнению, выглядит альтиметрический подход. Элита в этом случае выступает в виде совокупности «индивидов, располагающих институциализированным влиянием на значимые в на-

циональных границах социально-политические решения»[66]. Формируется такая элита из относительно узкого слоя общества, имеющего высокий уровень образования и опыта работы в сложных организациях[67]. Попытки кардинальной замены правящей элиты на группу с ухудшенными характеристиками во всех этажах властного здания (как это старались сделать в Советской России сразу после революции), в конечном счете, в результате трансформационных процессов приводили к деградации и были обречены на неудачу.

Мы считаем, что Д.Лейн справедливо утверждает: «определение понятия «политическая элита» – это сложная проблема в любом обществе, даже если оно «открыто» и в нем наличествуют устоявшиеся политические институты»[68]. Политическую элиту он характеризует как людей, работающих в политических институтах и принимающих властные решения[69]. Именно этим элита отличается и от контрэлиты, и от всего остального населения – неэлиты. Качественные показатели (образование, специальные знания и навыки управленческой деятельности) в расчет не принимаются. Этим данный взгляд наиболее адекватен исследуемому феномену, сложившемуся в Советском Союзе в 20 – 30-е годы. По нашему мнению, следует различать понятия «политическая элита» и «правящая элита». Правящая элита – это сложное структурное образование, в которое входят не только политики, но и высшие военные, и чины тайной полиции, технократы, ученые и другие профессионалы. Эти элитные структурные группы, следуя в фарватере политической элиты, отстаивающей общенациональные или идеологические интересы, гарантируют (на определенное время) стабильность общества, обеспечивают незыблемость режима, в котором ей принадлежит вся полнота власти, сотрудничают и соперничают друг с другом.

В современной элитологии немало работ посвящено исследованиям трансформационных процессов, происходящих в элите. Трансформация рассматривается в них как последовательная смена нескольких элитных волн,

когда на каждом её «этапе предыдущая волна правящей элиты выдвигает на руководство последующую, а она, в свою очередь, оказывается политическим могильщиком для тех, кто ее выдвинул»[70]. Этот теоретический постулат подтверждают и классики: «Аристократии, – писал Парето, – не вечны. История – это кладбище аристократий»[71]. Между тем партийно-политическая элита, осуществляющая власть с силовых позиций, вполне может определенное время играть стабилизирующую роль. Российские большевики, твердо придерживаясь идеологических догм, предпочитали считать целеполагающими не реалистические, а мифологические установки. Эффективное управление в таких условиях становится попросту невозможным, а банкротство властвующей элиты – неминуемым. Историческая наука неоднократно подтверждала, что властвующая элита «неизбежно приходит в упадок, если перестает совершенствовать те способности, с помощью которых она пришла к власти, когда перестает выполнять привычные для себя социальные функции», если ее «таланты и служба утрачивают в обществе свою значимость»[72]. Революционеры, выполнив свою основную миссию, должны были уйти.

История России в XX веке может с особой наглядностью демонстрировать процессы формирования революционной элиты, ее функционирования в борьбе за власть, превращения в элиту властвующую, а затем – трансформацию и политическую смерть. За всеми пережитыми российским государством социальными катастрофами (революции из их числа) всегда стояли какие-то элитные группы. «Можно предположить, – утверждают Л.В.Бабоева, Е.В.Таршис, Л.А.Резниченко – что состояние правящей элиты как раз и предопределило возникновение таких катастроф»[73]. Стихийная актуализация социально-экономических и политических проблем вызывает у пришедшей к власти и не имеющей достаточного опыта элиты стремление найти, без выявления причинно-следственных связей, быстрые, наиболее простые, понятные массе надежные способы их решения. Временной цейтнот, превращающийся

в постоянно действующий фактор, и недостаток специальных знаний не позволяли ей глубоко вникнуть в суть настоящего, а значит, и представить реалистическую картину будущего. Будущее в сознании большевистской элиты рисовалось в виде воплощенной марксистской идеи, схемы, конструкции, построенной на российской почве. Большевистским вождям казалось, что стоит лишь определить жесткие приемы, средства и методы достижения идеологических целей и продумать детали организации новой жизни, как наступит земной рай и полная гармония. Упраздняя прежнюю систему политической власти, большевистские лидеры опирались на марксистскую теорию и некоторые собственные прагматические взгляды, мнения и выводы, не выдержавшие испытания временем.

Ценность человека в России всегда определялась не столько его личными качествами, сколько принадлежностью к конкретному социальному целому – профессии, этносу, классу, сословию, организации, окружению вождя и т.д.. Это позволило А.Пригожину отнести российское общество к синкретическому типу[74]. Вся «тысячелетняя история России типична для закрытой политической системы и, соответственно, закрытого типа рекрутирования элиты в жесткую иерархическую систему»[75]. Не явился исключением и советский период истории, когда путь на высшие элитные посты был открыт лишь для членов номенклатуры, занимавших более низкие позиции, т.е. только для тех, кто в «систему» уже вошел[76].

Анализ советской социальной системы через призму элитологии неизбежно выводит на выявление соотношения политической элиты и номенклатуры. Так или иначе этот вопрос ставится и рассматривается в трудах таких авторов, как С.И.Барзилов, О.Т.Джавлаков, В.А.Михеев, Т.П.Коржихина, О.В.Крыштановская, В.Н.Сироткин и др[77]. Эти исследователи пришли к выводу, что именно номенклатура и является «элитой советского общества». С этой точкой зрения, правда, с определенными оговорками, соглашается и

И.Дискин[78]. Однако введение термина «элита», совпадающего по объему, структуре и сущностному содержанию с ранее используемым термином «номенклатура», мало что дает современному обществознанию. По нашему мнению, понятие «партийно-политическая элита» `уже понятия «номенклатура», поскольку включает в себя только руководящих и ответственных работников, занимающих лидирующее положение в партийных органах (ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС, национальных ЦК, губкомах, крайкомах, обкомах партии), членов РВСР и комиссаров госбезопастности, оставляя за своими пределами крупных хозяйственных руководителей, ученых, высокопоставленных строевых и штабных военных чинов.

Проблемы рекрутирования элит занимают не только социологов и политологов. Профессор А.Ефимов, опираясь на методы математической статистики, указал на четыре типа отношений, лежащих в основе формирования политической элиты: вождь – селекционер, осуществляющий подбор кадров в элитную группу; претендент – рекомендатель; прореживание и делегирование[79]. Автор обосновывает процесс улучшения или ухудшения качественных характеристик элиты в зависимости от принципов ее организации и пополнения. Административная система, создавая корпус руководителей разных уровней – номенклатуру, самостоятельно устанавливает правила подбора, процедуру замен, определяет траекторию трансформации и, наконец, ее финальное состояние. В работе доказывается, что свойственные тоталитарной модели принципы делегирования, в конечном счете ведут к полной деградации властвующей элиты и общества руководимого ей.

Принципы рекрутирования элит исследует и советолог К.Фармер, который вводит несколько новых терминов, адекватных, скорее, политическим режимам социалистических стран, чем западным демократиям. Отказавшись при характеристике элит от категорий «открытая» и «закрытая», он заменяет их на термины «естественные» и «искусственные». Естественные возникают

в условиях неконтролируемой конкуренции в соответствии с имеющимися у элитных элементов качествами. Искусственные – это замещение позиций вне зависимости от элитных свойств претендентов. Номенклатурная система, по мнению Фармера, – «безусловно искусственная»[80]. Утверждение вполне справедливое, так как номенклатурная система действительно сохраняла до момента крушения высокую степень закрытости. Ни один политический руководитель в Советском Союзе не был избран в качестве такового легитимно – путем всенародного свободного голосования, он обязательно должен был проходить длительную цепочку номенклатурных постов снизу вверх доказывая собственную полезность для системы и ее лидеров.

Система номенклатуры не была стабильным институтом власти. Период сталинщины дает пример быстрых карьерных взлетов и не менее стремительных падений. Застойный этап свидетельствовал о медленной и ограниченной сменяемости властвующей элиты. Высшие государственные должности занимались фактически пожизненно. Приоритеты отдавались чиновникам, доказавшим свою преданность влиятельным персоналиям или суперэлитным группам. Личностям незаурядным, самобытным, нонконформистским система воздвигала трудно преодолимые препятствия. Ф.Хайек, демонстрируя поразительную наблюдательность, писал: «Чем выше умственные способности и образовательный уровень людей, тем резче разнятся их вкусы и взгляды, а тот, кто ищет единство взглядов, должен опуститься в сферы, где доминирует более низкий моральный и интеллектуальный уровень»[81]. Утверждение Хайека диссонирует с мнением вождей большевизма, требовавших от членов партии полного единомыслия[82]. Поэтому в среде большевистской политической элиты инакомыслие, а тем более инакодействие, не допускалось и преследовалось самым радикальным образом.

Система номенклатурного рекрутирования, сдерживающая в течение десятилетий притязания интеллектуалов на элитные места, побуждала их к

внутреннему диссидентству, направляла в затаенную оппозицию и подспудно формировала контрэлиту. Политическая система не может считаться стабильной, если ее элита в своем составе не имеет людей с мощным интеллектуальным потенциалом, высоким уровнем пассионарности. В этом случае стремление сохранить завоеванные позиции неизбежно приводит к повышению роли тайной полиции и террора против вчерашних соратников. Иначе формирующаяся оппозиция (контрэлита) будет превосходить качествами элиту, находящуюся у власти. «Когда мы говорим об убывающей силе господствующего класса, – разъяснял Парето, – мы ни в коем случае не имеем в виду сокращение насилия... никто так не жесток и не склонен к насилию, как трус, никто так не стремится командовать, как невежда»[83]. Именно этим обстоятельством можно объяснить маниакальную страсть Сталина не только к отстранению от власти несогласных, но и к уничтожению наиболее способной части партийных лидеров. Многие из пришедших им на смену руководителей понимали, что достигли своего положения не по праву лучшего. Они особенно опасались тех, кто мог их «обойти», «подсидеть», «оттереть» и продвигали по службе лиц, внушающих доверие наиболее развитым своим качеством – преданностью. Таким образом, не теоретически, а на практике культивировался в качестве основного принципа не положительный, а отрицательный отбор[84].

Элитологи Запада единодушны в предсказании последствий «пролетарских» революций, поскольку убеждены в том, что в конечном счете эти революции совершаются меньшинством для своего собственного блага[85].

Объявив беспощадную войну прежней элите, большевики не желали идти с ней ни на какие компромиссы. Опасаясь конкуренции со стороны еще достаточно влиятельной, опытной, обладавшей специальными знаниями и высокообразованной старой элиты, ее различными путями целенаправленно искореняли: от физического истребления до высылки из страны или лишения

возможности интеллектуального труда. Очевидно, что с момента узурпации большевистской элитой политической власти началась борьба двух основных качественных характеристик – эффективности и преданности – за приоритет. Эти качества большевистской элиты на различных этапах советской истории рассматриваются российскими элитологами как наиболее востребованные. Однако их значимость, параметры и приоритет зависели не столько от веления времени и сложности стоящих задач, сколько от требований вождя.

Примечания к первой главе

[1] Журавлев В.В. Методологический шок в исторической науке: истоки, некоторые особенности и пути преодоления // История: постижение смысла. Сборник научных статей. М., 1995. С. 18, 20.

[2] Давыдов Ю.Н. Особенности методологического кризиса в исторической науке // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 57.

[3] Розов Н.С. Возможность теоретической истории: ответ на вызов Карла Поппера // Вопросы философии. 1995, № 12. С. 55.

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 102.

[5] Федотова В.Г. Судьба России в зеркале методологии // Вопросы философии. 1995. № 12. С. 25.

[6] См.: Ойзерман Т. Принципиальные основы самокритики марксизма // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 96.

[7] Плотников Ю.К. Теория должна соответствовать истории // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 67.

[8] Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2-3. С. 26.

[9] Королев А.А. От моноидеи к «цветущей сложности» // История: постижение смысла... С. 7-8.

[10] Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981 – 1984.

[11] Поппер К.Р. Указ. соч.

[12] См. подробнее: Споры о главном. Дискуссия о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993.

[13] Фейерабанд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 161.

[14] Лесков Л. Катаклизмы в России в свете теории катастроф // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С.160.

[15] Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. В 3 т. М., 1991.

[16] Ахиезер А.С. Философия истории, историческая наука и современность // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 78.

[17] Лесков Л. Указ. соч.; Сорокин П.А. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4-5.

[18] Дарендорф Р. Указ. соч. С. 16.

[19] Гидденс Э. Революции и общественные движения // Диалог. 1992. № 6/7. С. 57.

[20] Там же. С. 61.

[21] Лебон Г. Мятежи, толпы и другие формы коллективных действий // Диалог. 1992. № 6/7. С. 63.

[22] Дарендорф Р. После 1989. Размышления о революции в Европе. М., 1998. С.16.

[23] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 258.

[24] Ленин неоднократно подчеркивал роль партийных вождей в деле завоевания и использования государственной власти в интересах пролетарских слоев.

[25] Бухарин Н.И. Под знаменем марксизма. 1922. № 7/8. С. 82.

[26] Троцкий Л.Д. Новый курс // К истории русской революции. М., 1990. С.168.

[27] Там же. С.171.

[28] Дарендорф Р. Указ. соч. С. 14.

[29] Бринтон К. Цит. по: Дарендорф С. Указ. соч. С. 16.

[30] Платон. Собрание сочинений. В 4 т. М., 1994.

[31] Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 1. М., 1992. С. 177-178.

[32] Аристотель. Политика. СПб., 1911.

[33] Макиавелли Н. Государь. М., 1990.

[34] Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1995. С. 58.

[35] Гоббс Т. Избранные сочинения. М. – Л., 1926; Его же. Философские основания учения о гражданине. М., 1934.

[36] Гидденс Э. Стратификация и классовая структура // Социс. 1992. № 9.

[37] Вебер М. Класс, статус и партия // Социальная стратификация. М., 1992. Вып. 1.

[38] Радаев В.В., Шкаратан О.И. Указ. соч. С. 72.

[39] Вебер М. Основные понятия стратификации // Социс. 1994. № 5.

[40] Гидденс Э. Стратификация и классовая структура… С. 118.

[41] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 280.

[42] Darendorf R. On the origin of inequality among men // The logic of social hierarchies. Chicago. 1971. P. 3.

[43] Арон Р. Поколение на стыке веков: Дюркгейм, Парето, Вебер // Полис. 1993. № 2.

[44] Парето В. О применении социологических теорий // Социс. 1995. № 10. С. 142.

[45] Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 187.

[46] Тойнби А. Указ. соч. С. 80.

[47] Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. № 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 18; 1991. № 3.

[48] Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М., 1997.

[49] К такому выводу мы приходим потому, что некоторые положения работы «Очередные задачи Советской власти» с очевидностью навеяны книгой Р.Михельса.

[50] Красин Л.Б. Контроль или производство. (По поводу статьи тов. Ленина «Лучше меньше, да лучше») // Огонек. 1989. № 24. С. 12-13.

[51] Gerth H. H., Mills C.W. From Max Weber. N.Y., 1958. P. 94.

[52] Bell D. The coming of post-industrial society: A venture in social forecasting. L., 1974. P. 358.

[53] Lasswell G. The analysis of political behavior: An empirical approach. L., 1949.

[54] Dahl R.A. Critique of the ruling elite model // The logic of social hierarchie. Chicago, 1971.

[55] Ашин Г.К. Социология человеконенавистничества. Саратов. 1957; Его же. Миф об элите. М., 1964; Его же. Миф об элите и «массовом обществе». М., 1966; Его же. Критика современных буржуазных концепций лидерства. М., 1978; Его же. Современные теории элит: критический очерк. М., 1985; Его же. Правящая элита и общество // Свободная мысль. 1993. № 7; Его же. Смена элит. // ОНС. 1995. № 1; Ашин Г.К. Формы рекрутирования политических элит // ОНС. 1998. № 3; Его же. Элитология в зеркале политической философии и политической социологии // Социально-политический журнал. 1998. № 6; Его же. Дилемма элиты: истинные и мнимые проблемы // Власть. 1999. № 12.

[56] Там же.

[57] Нарта М. Теория элит и политика: к критике элитизма. М., 1978.

[58] Весоловский В. Классы, слои и власть. М., 1981.

[59] Лейн Д. Перемены в России: роль политической элиты // Социс. 1996. № 4.

[60] Хофман-Ланге У. Элиты и демократия: германский опыт // Социс. 1996. № 4.

[61] Крестева А. Власть и элита в обществе без гражданского общества. // Социс. 1996. № 4.

[62] Парето В. О применении социологических теорий // Социс. 1995. № 10. С. 136.

[63] Mosca G. The ruling class. N. Y. 1939.

[64] Pareto V. Trattato di sociologia generale. Firenze. 1916.

[65] Бабоева Л.В., Таршис Е.В., Резниченко Л.А. Элита России: о настоящем и будущем страны // Социс. 1996. № 4. С. 42.

[66] Хофман-Ланге У. Элиты и демократия: германский опыт // Социс. 1996. № 4. С.50.

[67] Там же. С. 51.

[68] Лейн Д. Перемены в России: роль политической элиты // Социс. 1996. № 4. С. 31.

[69] Там же.

[70] См.: Авраамова Е., Дискин И. Социальные трансформации и элиты // ОНС, 1994. № 3; Бодовский Д.В. Трансформация политической элиты в России – от «организации профессиональных революционеров» к «партии власти» // Полис. 1994. № 6; Дискин И.Е. Россия: социальная трансформация элиты и мотивация // Труды интерцентра / Междисциплинарный академический центр социальных наук. 1994. № 1; Его же. Россия: трансформация и элиты. М., 1995; Куколев И.В. Трансформация политических элит в России // ОНС. 1997. № 4. С. 83-84.

[71] Pareto V. The pise and fall of the elites: An application of theoretical sociology. N.Y., 1968. P. 38.

[72] Ibid.

[73] Бабоева Л.В., и др. Элита России... С. 46-47.

[74] Пригожин А.И. Патология политического лидерства // ОНС. 1996. № 3. С. 23, 24.

[75] Ашин Г.К. Формы рекрутирования ... С. 88.

[76] Восленский М.С. Номенклатура. М., 1991. С. 64.

[77] См.: Барзилов С.И., Чернышов А.Г. Провинция: Элита, номенклатура, интеллигенция. [Социологич. анализ] // Свободная мысль. 1996. № 1; Гаман О. Политические элиты России в историческом процессе. Закономерность формирования и тенденции развития // Россия XXI. 1996. № 5/6; Мохов В.П. Эволюция региональной политической элиты России. (1950 – 1990). Пермь. 1998; Джавлаков О.Т., Михеев В.А. Номенклатура: эволюция отбора (Историко-политологический анализ). М., 1993; Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7; Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Вопросы истории. 1995. № 1; Сироткин В.Н. Номенклатура в историческом разрезе // Через Тернии. М., 1990.

[78] Дискин И. Россия: Трансформация и элиты. Научный доклад. М., 1995.

[79] Ефимов А. Элитные группы, их возникновение и эволюция // Знание-сила. 1988. № 1.

[80] Farmer K. The soviet administrative elite. N. Y. 1994. P. 3.

[81] Хайек Ф. Дорога к рабству // Новый мир. 1990. № 8. С. 189.

[82] Цит. по: Карр Э. Указ. соч. С. 49-50.

[83] Pareto V. The rise and fall of the elites... P. 71.

[84] Ашин Г.К. Формы рекрутирования... С. 90-91.

[85] Aron R. Social class, political class, ruling class // Class, status, and power. L., 1967. P. 204, 208.

ГЛАВА 2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОГО РУКОВОДСТВА.

(начало 1900-х – 1917 гг.)

Всякое политическое движение, а революционное в особенности, нуждается в соответствующих организационных структурах, способных готовить группы активистов и направлять их энергию на добывание властных полномочий. Марксистским теоретикам было ясно, что достигнуть власти без политической партии невозможно. Политическая партия, являясь «готовым оружием слабых в борьбе с сильными»[1], изначально замышлялась «как солидарная группа равных заинтересованных лиц»[2]. Однако создание партийной организации предполагает деление ее членов на руководящее меньшинство и руководимое большинство. Проведенный социологами Запада анализ процесса функционирования массовых партий показал, что в ходе своего развития они неизбежно превращаются в закрытые организации руководителей. Это происходит потому, что в каждом социальном отношении природа сама создает господство и зависимость. «Каждая партийная организация, – писал Михельс, – представляет собой мощную олигархию на демократических ногах. Повсюду есть избиратели и избираемые. Повсюду также есть власть избранных лидеров над избирающими массами. Олигархическая структура здания скрывает демократический фундамент»[3]. Декларирование в программных документах российской социал-демократии равенство всех членов партии вовсе не гарантировало устранение «олигархического вождизма»[4].

Анализ социального состава лидеров партий социалистического направления показал, что по своему происхождению они принадлежали к пролетариату, буржуазии или интеллигенции. Выходцев из других социальных слоев среди революционной элиты почти не было. «Пролетарию, – по словам Р. Михельса, – нет необходимости развивать в себе качества социалиста, поскольку он, его рождение совпадают, по сути, с уже наличествующим строем мысли, даже с существованием партии»[5]. Вильфредо Парето считал, что «социализм – особенно удобное средство для производства новой элиты из среды рабочего класса»[6]. Представителей образованных слоев побуждает присоединиться к политическому движению рабочих либо наука, либо сильные, идущие от внутренней энергии чувства. В первом случае движущие мотивы идеалистичны в том смысле, что ради науки и ее результатов революционер способен пожертвовать всеми другими благами, повышая таким образом ощущение личной удовлетворенности. Во втором случае люди испытывают благородное отвращение ко всякой несправедливости, сострадают слабым и нищим, руководствуются общей потребностью творить добро, как они его понимают. Убеждаясь с помощью научных аргументов в осуществимости своих сокровенных желаний они переходят на сторону социализма. Их выбор представляет собой синтез морализаторства и знаний[7].

В европейском революционном процессе вожди из среды рабочих плохо уживались с выходцами из буржуазных слоев. Высказывались, и с большой страстью защищались, предложения «не допускать на руководящие посты в рабочем движении интеллигентов, а предоставлять их самим рабочим». Неверно истолкованный тезис I конгресса Интернационала о том, что освобождение рабочих может и должно быть делом только самих рабочих, приводил к следующему выводу: «вышедший из рядов самого пролетариата вождь близок последнему по своему образу мышления и чувствования»[8]. Ленин же считал, что противоречий здесь не существует, ибо под влиянием общих

признаков членов партийной организации «*должно совершенно стираться всякое различие рабочих и интеллигентов*»[9].

Вожди двух первых поколений российской социал-демократии почти целиком относились к образованным классам, а значительная их часть даже к дворянскому сословию[10].

Вступление на путь революционной деятельности будущего большевистского лидера – Ленина – произошло тогда, когда его марксистское направление возглавлял патриарх российской социал-демократии Г.В.Плеханов. Именно Плеханов повел за собой первое поколение борцов за социализм. В его группе «Освобождение труда», по оценкам Троцкого, насчитывалось всего несколько десятков примерно равных по возрасту и интеллекту человек. Будучи моложе Плеханова почти на пятнадцать лет, Ленин становится, правда ненадолго, лидером второго поколения революционеров, появившихся на арене политической борьбы в начале 90-х годов XIX века. Социалисты уже тогда насчитывались сотнями и тысячами. Третье поколение, в которое Ленин вошел признанным вождем, состояло из людей моложе его лет на десять[11]. Из них позднее и возникло партийное руководство большевиков, получившее в истории название «ленинской гвардии»

Публично никогда не признавая существования элитных групп в социалистическом движении, Ленин, тем не менее, совершенно в духе Парето и Моска утверждал, что «пролетариат должен, ради своей же собственной пользы, подчиняться избранному меньшинству, ибо ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им»[12]. По мнению Ленина, элита всякой массовой партии должна состоять из профессионалов, «решивших посвятить революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь»[13], фанатично преданных своим идеям, страстно желающих подтолкнуть, ускорить дело свержения одряхлевшего

политического режима, претендующих на лидирующее положение во всем широкомасштабном преобразующем движении. Для решения этой главной задачи и были «нужны люди, специально посвящающие себя целиком социал-демократической деятельности, и ... такие люди должны с терпением и упорством *вырабатывать* из себя профессиональных революционеров»[14], «...способных руководить всей освободительной борьбой пролетариата»[15]. Представители партийного руководства должны были научиться влиять на социально-политическую ситуацию и воздействовать на сознание масс.

В своих первых трудах, посвященных проблемам организационного строения партии, Ленин указывал на невозможность реализации демократических принципов функционирования революционной партии (гласности, выборности, контроля), но, в отличие от Михельса, считавшего, что с усилением организации демократия начинает исчезать объективно[16], по совершенно иным основаниям. Он полагал, что в условиях подполья и конспиративной деятельности партии в российском государстве они просто немыслимы. В странах Запада «все знают, что такой-то политический деятель начал с того-то, пережил такую-то эволюцию, проявил себя в минуту жизни трудную так-то, отличается вообще такими-то качествами, – и потому, естественно, такого деятеля могут со знанием дела выбирать или не выбирать на известную партийную должность все члены партии. Всеобщий... контроль за каждым шагом человека партии на его политическом поприще создает автоматически действующий механизм, дающий то, что называется в биологии «выживанием наиболее приспособленных». «Естественный отбор» полной гласности, выборности и всеобщего контроля обеспечивает то, что каждый деятель оказывается в конце концов «на своей полочке», берется за наиболее подходящее его силам и способностям дело, испытывает на самом себе все последствия своих ошибок и доказывает перед глазами всех свою способность сознавать ошибки и избегать их.

Попробуйте-ка, – резюмировал Ленин, – вставить эту картину в рамки нашего самодержавия!»[17]. По словам Г.Е. Зиновьева, конспирация предполагала, что делом формирования революционной элиты мог заниматься только и исключительно вождь движения, при определенном участии своих ближайших помощников[18].

Крайне малое число лиц, годных к революционной работе, постоянно тревожило вождя общероссийской политической партии, ставящей своей основной задачей насильственное ниспровержение абсолютизма. «...Людей нет, – объяснял такое положение Ленин, – потому что нет руководителей, нет политических вождей, нет организаторских талантов, способных поставить такую широкую и в то же время единую и стройную работу, которая бы давала применение каждой, хотя бы самой незначительной силе»[19]. Именно Ленин принимает на себя труд формирования элитных, т.е. наиболее полезных и способных, для революции кадров. Он по праву отодвигает, в значительной мере израсходовавших ресурс полезности, плехановских «генералов» от руководства партией. Партийное строительство в этот период находило опору в несравненно более широком размахе рабочего движения, поднявшего новое, значительно более многочисленное поколение, чем то, из которого вышел сам Ленин. Организуя «Искру» в качестве главного печатного издания партии, он, по словам Троцкого, ставил ближайшей и важнейшей задачей «отобрать из состава местных работников людей более крупного масштаба и создать из них центральный аппарат, способный руководить революционной борьбой на арене всей страны»[20]. В 1901 году как о первой серьезной победе Ленин писал брату Ю.Мартова – С.Цедербауму: «После целого года отчаянных усилий удается только-только начать группировать ... штаб руководителей и организаторов в России (этот штаб еще страшно мал ... а для общерусского органа требуется не один десяток таких энергичных сотрудников)»[21].

Интересы политического лидера и революционной среды во многом совпадали. Ленин стремился сконцентрировать вокруг себя наиболее молодую (это было дело людей от 18 до 30 лет)[22], активную и жесткую часть социал-демократической партии, особенно привечая тех, кто разделял его взгляд на то, что в борьбе против мощного механизма самодержавного полицейского государства можно преуспеть, только опираясь на централизованную, сплоченную подпольную организацию с твердой дисциплиной. Молодежь, в силу своего максималистского темперамента, на гребне революционной волны, буквально захлестнувшей Россию, стремилась не просто участвовать в борьбе, но, что особенно важно, руководить ею, возглавляя отряды революционных борцов, штурмующих «самодержавную твердыню». Возможность удовлетворения этого страстного желания она связывала с Лениным и большевистской фракцией РСДРП. Эта организация, по их мнению, должна была в будущей революции сыграть даже более важную роль, чем политическая программа[23].

Первое плехановское поколение «революционных генералов» относилось к социал-демократической молодежи высокомерно и покровительственно. Для встречи с Плехановым, например, надо было обязательно «испрашивать аудиенцию». Холодность встреч с лидером российской эмиграции отмечали многие. Член большевистской гвардии А.Трояновский после одной из таких встреч вспоминал: «Георгий Валентинович не говорил, а как бы вещал с высоты своего величия. Это был не разговор по душам ... а лекция»[24]. Собеседник, как правило, молодой человек из России, от таких встреч не получал необходимых положительных эмоций, а выходил со смешанным чувством досады и недоумения[25]. Ленин же, напротив, был лишен свойственных Плеханову менторских качеств часто присущих людям вождистского масштаба. Он привлекал своей живостью, общительностью, динамичностью, бьющей буквально через край энергией. Ленин выделялся и дру-

гими свойствами своего таланта. Трояновский подчеркивал привлекательность ленинского ораторского искусства, «но это была не французская школа ... с ее округлыми фразами и несколько претенциозными, а иногда даже напыщенными выражениями. Нет, это было нечто гораздо более простое, но более логичное и мощное, пожалуй, даже властное»[26]. Личность Ленина, и это отмечали многие, знавшие его, обладала огромной притягательной силой, магическим влиянием неформального харизматического лидера. Впечатление от этих завораживающих ленинских качеств было таково, что оно не могло быть испорчено даже некоторыми негативными свойствами его характера: «Ленин имел тенденцию увлекаться полемикой и в полемическом задоре часто допускал непарламентские выражения и удары «ниже пояса»»[27]. Значительная часть революционной эмиграции считала это малосущественными деталями и довольно быстро поняла, что для революции Ленин важнее Плеханова, а следовательно, ориентироваться нужно только на него[28]. Плеханов тем сильнее терял почву под ногами, чем ближе была революционная волна. Он ощущал это сам, и это лежало в основе его раздраженного отношения к молодым бунтарям. Одновременно Ленин, постепенно сосредотачивая в своих руках все нити центрального партийного органа, пристально наблюдал за деятельностью всех молодых кадров, прибывающих из России, выполняя роль своеобразного «селекционера». Секретарем редакции «Искры» была Н.К. Крупская. Она находилась в центре всей организационной работы: принимала приезжавших товарищей, наставляла и отпускала отъезжающих, устанавливала связи, давала явки, писала письма, зашифровывала и расшифровывала[29]. Значение этой должности для «просеивания» всех прибывающих из России и выявления наиболее способных представителей революционной молодежи переоценить трудно. В поле зрения Ленина неизбежно попадали все сколько-нибудь заметные социал-демократы: с одними он встречался лично, с другими переписывался, о третьих упоминал в своих

письмах, некоторых называл в статьях. С этой позиции список революционеров, названных в статьях и письмах Ленина в период первой русской революции, представляет исключительный интерес. В 1903 году мы насчитываем всего четыре – пять имен, которые встречаются чаще других. В 1904 – уже около сорока, в 1905 около 60-ти[30]. Затем число революционеров начинает уменьшаться в связи с их оттоком из движения из-за поражения первой русской революции. Новых имен почти нет, зато некоторые повторяются все чаще. Это означало, что окончательно сложился определенный круг кадровых центральных работников, которые продолжают держаться в нелегальной организации и после снижения революционной активности. Ленинские корреспонденты вместе с лицами, о которых шла речь в самих корреспонденциях, как раз и составляли костяк большевистской элиты. Переписка вождя – важнейший документальный источник, в первую очередь используемый при изучении процесса ее формирования и отбора.

Уход Ленина из «Искры» и обострение отношений с российским ЦК, склонявшимся к «примирению» с меньшевиками, заставляли его активизировать работу по расширению пока еще крайне узкой большевистской группы. При встречах с людьми, только что прибывшими из России, Ленин буквально обрушивал на них град вопросов, стремясь поскорее выяснить, нельзя ли сделать их своими сторонниками. Один из таких ленинских собеседников вспоминал: «…он гонял меня, как на конских заводах гоняют на корде молодых лошадей»[31]. Этот ленинский прием отбора в элитную группу революционеров позднее использовался многими вождями большевизма.

Главную добродетель своей «гвардии» Ленин видел в беспощадной критике скорее направленной против «мнимых» друзей, чем против открытых и явных врагов: «Эта формулировка, – писал он о меньшевиках, – рассчитана не на то, чтобы убедить, а на то, чтобы разбить ряды, – не на то, чтобы по-

править ошибку противника, а на то, чтобы уничтожить. Стереть с лица земли его организацию»[32].

Потресов утверждал, что с Лениным серьезно можно было говорить только о революционном движении, но в этой его ограниченности он усматривал источник силы. В отличие от других интеллигентов, получивших лучшее образование, Ленин не держал в голове лишних идей и фактов, которые могли в определенной ситуации сыграть роль тормоза и лишить его решимости действовать[33]. Он отметил противоречивые мнения как «чушь» и отказывался относиться к ним иначе, чем как к объекту насмешки. Труднообъяснимые факты он игнорировал или перетолковывал в соответствии со стоящей задачей. В ленинской элите могли удержаться только те, кто разделял самые худшие мысли, самые худшие подозрения о его противниках. При всех, зачастую самых незначительных, хотя и часто возникающих, теоретических расхождениях между фракциями большевиков и меньшевиков принципиальным препятствием к воссоединению была всепоглощающая ленинская жажда к доминированию, которая делала возможным сотрудничество с ним не иначе как в качестве подчиненного. Личная борьба за лидерство практически всегда рядилась в идеологическую дискуссию, либо примешивалась к ней. Традиция идеологическая, как и традиция религиозная, полагала ортодоксальность наивысшей добродетелью, а любые отклонения от нее – отступничеством и предательством. Словосочетание «ортодоксальный марксист» применительно к большевику считалось высшей похвалой. Луначарский, опираясь на русскую традицию, еще в 1907 году доказывал, что ««научный социализм» – самая религиозная из всех религий и истинный социал-демократ – самый глубоко-религиозный человек»[34], ибо ведущее место в его сознании занимает вера. Выясняя идеологические приоритеты претендента в свою элитную группу, Ленин отвергал тех, кто хоть в чем-то с ним был не согласен. Если его собеседник был в чем-то не прав, он становился непра-

вым во всем. Ленин никогда не признавал за оппонентом никаких достоинств. Требуя от своей гвардии полного единства взглядов, он в качестве аргумента, приводил высказывание Плеханова: «Когда говорят, что социал-демократия должна обеспечить своим членам полную свободу мнений, то забывают, что политическая партия совсем не академия наук ... Свобода мнений в партии может и должна быть ограничена именно потому, что партия есть союз, свободно составляющийся из единомышленников: как только единомыслие исчезает, расхождение становится неизбежным»[35]. Инакомыслие, а тем более инакодействие, в большевистской среде пресекалось «невзирая на лица». Заподозрив, например, Аксельрода, одного из генералов от социал-демократии, в общении с либералами, Ленин пишет чрезвычайно резкое письмо Потресову: «Если П.Б. (Аксельрод) совершенно перестает быть genosse, – тем хуже для него. Это будет, конечно, громадной потерей для всех genossen, ибо он человек очень талантливый и знающий, но, разумеется, «дружба – дружбой, а служба – службой» и от этого необходимость войны не исчезает»[36]. Вера Ивановна Засулич, по ее собственному рассказу, говорила Ленину: «Жорж (Плеханов) – борзая: потреплет, потреплет и бросит, а вы – бульдог: у вас мертвая хватка». Пересказывая этот разговор Троцкому, Засулич добавила: «Ему (Ленину) это очень понравилось – Мертвая хватка? – переспросил он с удовольствием»[37].

Наиболее существенным элитным качеством революционера-профессионала Ленин считал фанатичную преданность делу революции. Значение этого качества в революционной борьбе отмечал еще С.Г.Нечаев. В «Катехизисе революционера» – одном из самых знаменитых документов оппозиционных организаций конца XIX века – он писал: «Революционер, человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью –

революцией»[38]. Хотя большевики, позднее, публично осудили Нечаева и «нечаевщину» они нередко действовали используя предложенные им методы. Для избавления от членов революционной элиты, оказавшихся неугодными, совершенно в контексте «Катехизиса», Ленин требовал от «организации настоящих революционеров» не останавливаться «ни пред какими средствами» и карать «с беспощадной суровостью всякое отступление от обязанностей товарищества...»[39]. Даже одной короткой, но несанкционированной, встречи члена большевистской фракции с ленинскими противниками иногда бывало достаточно для полного разрыва отношений и окончательного выбытия из его элитной группы[40]. На вооружении всегда был «дьявольской план агитации» нигилиста Нечаева: полезных для революции и самого Ленина людей необходимо компрометировать, чтобы лишить их последних связей с противником и привлечь таким образом полностью на сторону «святого дела»[41], на свою сторону.

В ходе съездов, конференций, совещаний Ленин не забывал о необходимости ведения «селекционной» работы. В дневнике III съезда РСДРП он, в соответствии с искомыми элитными качествами, наметил три рубрики: «пропагандисты, агитаторы, организаторы» и, прислушиваясь к речам делегатов, сопоставляя услышанное с тем, что ему уже было известно, помещал свой «живой инвентарь» в одну из них. Характеристики были весьма точны: Р.С.Землячка, завоевавшая на сторону большевиков 15 местных комитетов[42], была отнесена к «высшему разряду» – организаторам, Д.С.Постоловский – к пропагандистам, М.Н.Лядов и П.А.Красиков – к агитаторам[43]. Причем Ленин обращал внимание не только на партийных «офицеров» (о них он уже имел достаточно информации), но на молодых и способных «сержантов» большевистской гвардии для их дальнейшего использования и выдвижения в соответствии с выявленными талантами.

Кадровые вопросы интересовали Ленина никак не меньше вопросов теоретических. Он пишет и рассылает массу писем, в которых выражает несогласие с выдвижением одного, запрашивает сведения о другом, рекомендует третьего: «Назначение агентом (Смидович) я решительно опротестовываю и убедительно прошу пересмотреть. Субъект самый путанный, который навредит жестоко, перебежит еще десять раз, осрамит нас своей глупостью и т.д. Пусть бы работал в комитете, но в агенты он никуда не годен. <...>. Насчет Станислава (Вольского) попросил бы сообщить мне, кто он такой, как и что. Со своей стороны, очень бы рекомендовал в агенты Лалаянца, проявившего в Одессе и в Южном бюро недюжинные организаторские способности. По отзыву всех поставившего прекрасно живую работу»[44]. Как мы видим, Ленина всерьез встревожило назначение Смидович агентом «Искры». Его недовольство объяснялось тем обстоятельством, что агенты принадлежали к высшему слою революционной элиты, являлись «насадителями централизма, строителями объединенной партии»[45] и случайные или сомнительные люди туда проникать не должны.

Давая нелицеприятные характеристики известным ему партийцам вождь умел разглядеть и выделить в них главные, наиболее полезные для данного момента истории качества: «Панкрат (Красиков) ленив и халатен, но он умен, толков, знает дела, умеет драться, ладить с ним можно»; «Панкрат один перешел на нелегальное, поехал, стал летать, стал все знать – и само собой взял чин капрала»[46].

Высокая оценка вождем редко встречающихся организаторских способностей отмечалась и Надеждой Крупской. Не случайно она запомнила «роман» Ленина с Натансоном, «который поразил его своим организаторским талантом»[47]. По воспоминаниям Троцкого, Ленину было свойственно «острое увлечение людьми» в которых он, «по условиям момента», нередко «влюблялся»[48]. Он и сам был хорошим организатором. Сохранилось немало

прямых и косвенных свидетельств его организаторских дарований: «Они, – говорил вождь о меньшевиках, – до сих пор не хотят признать, что для правильного руководства партией, размещения ее работников по силе и качеству, нужно выйти из обывательских, кружковых соображений, будто при таком размещении можно кого-то обидеть. Дирижерская палочка в оркестре не принадлежит всякому, на нее претендующему или знающему ноты... Право на дирижерскую палочку дается тому, кто обладает особыми свойствами, из них дар организаторский на почетном месте. Каутский – первоклассный ученый, а все-таки дирижерская палочка в немецкой социал-демократии не в его руках, а больше всего у Бебеля. Плеханов – первоклассный ученый, но я бы очень хотел, чтобы кто-нибудь мне указал, кого за последние 25 лет он организовал и способен ли он вообще что-либо и кого-либо организовать. О других – Аксельроде, Засулич, Старовере – смешно и говорить. Кто с ними имел дело – скажет: «Друзья, как ни садитесь, а в дирижеры не годитесь». Мартов? Прекрасный журналист, полезная фигура в редакции, но разве может он претендовать на дирижерскую палочку? Ведь это истерический интеллигент. Его все время надо держать под присмотром. Ну а кто еще? Тупой Дан или Ворошилов – Троцкий? А еще кто? Фомины и Поповы! Это курам на смех!»[49]. Из сказанных Лениным слов становилось абсолютно ясно, что палочка дирижера может находиться только в его руках. Знакомство с указаниями, даваемыми большевистским лидерам, помогает нам укрепиться в этой мысли: «Помните, – пишет он одному из своих помощников, – что стоит Вам провалиться, и мы на мели, пока Вы не приобрели нам десятка новых, молодых, верных друзей ..., которые умеют работать, умеют вести сношения, сумеют переписываться и без Вас» и далее: «Профессиональный революционер должен создавать в каждом месте десятки новых связей, давать им при себе всю работу в руки, учить их и подтягивать не поучениями, а ра-

ботой. Затем ехать в другое место и через месяц-два возвращаться проверять молодых заместителей»[50].

Член революционной элиты, по мнению вождя, должен был обладать и литературными способностями. «Во время революции, – писал Ленин, – руководить устными беседами, личным общением – архиутопия. Надо руководить публично. Надо все остальные виды работы подчинить этому виду, всецело и безусловно. Ответственный литератор ЦК должен прежде всего позаботиться о том, чтобы писать...»[51]. Н. Валентинов свидетельствует, что долгое время рядом с Лениным не было ни одного сколько-нибудь крупного литератора, да и вообще людей пишущих[52]. Дабы привлечь таковых в большевистскую элиту, он готов был идти на серьезные компромиссы и уступки. Наиболее показательным случаем является компромисс с философом А.А.Богдановым. Богданов, объявивший себя большевиком, стал для Ленина сущей находкой. Дружба с Богдановым сулила поступление в большевистскую кассу денежных средств, установление тесных отношений с Горьким, сближение с бойким писателем и прекрасным оратором Луначарским (женатого на сестре Богданова), знакомство с молодыми промарксистски настроенными московскими профессорами. Прагматизм в сознании Ленина всегда превалировал. Он сразу понял, какой ущерб принесла бы его планам ссора с Богдановым, сдержал себя и согласился признать его философские взгляды «нейтральной областью»[53]. Разошлись они позднее, когда большой нужды у Ленина в Богданове уже не было.

Среди элитных качеств, ценимых вождем, были не только качества интеллектуального свойства. Приближающаяся революция требовала и других умений и способностей. Ленину были нужны те, кто умел драться не в фигуральном, не в политическом только смысле слова, а в прямом, самом простом, физическом смысле. Он хорошо понимал, что время, когда демонстранты собирались под красным знаменем, кричали «долой самодержавие» и

разбегались, – прошло. «Это приготовительный класс, – говорил Ленин Валентинову, – а нужно переходить в высший». Нужно начать массовыми ударами его физически разрушать, – физически бить по аппарату всей власти. Появилась нужда не в резонерстве, свойственном хлюпким интеллигентам, а в умении по-пролетарски давать в морду[54].

Прагматизм являлся весьма важным ленинским качеством, который в отношениях с соратниками, безусловно, преобладал. Ленин открыто говорил, что «партия не пансион для благородных девиц... Иной мерзавец может быть для нас именно тем и полезен, что он мерзавец»[55]. Однажды выслушав рассказ Валентинова об аморальном поведении одного из известных большевиков, Ленин вспылил и резко ответил: «Б. – высокополезный, преданный революции и партии человек, на все остальное мне наплевать»[56]. Такая неразборчивая односторонность в отношениях с людьми могла привести, и приводила, к серьезным ошибкам в оценке меры их полезности или вреда для революционного дела. Наиболее показательным в истории партии явился эпизод с Романом Малиновским. Рабочий по профессии и уголовник по характеру Малиновский еще перед вступлением в партию отбыл три тюремных срока за воровство и кражи со взломом. Влекомый, по его собственному признанию, политическим тщеславием, которое было невозможно удовлетворить из-за наличия судимостей, всегда нуждающийся в деньгах, он добровольно предложил свои услуги полицейскому управлению[57]. Ленин, на которого Малиновский произвел самое благоприятное впечатление, характеризовал его как «парня хорошего» и «выдающегося рабочего лидера»[58]. Он долго отказывался верить в его провокаторство и грозил суровыми карами Бухарину и Трояновскому, выражавшим Малиновскому публичное недоверие, но в мае 1917 года Ленину пришлось давать показания следственной комиссии Временного правительства по делу о провокаторстве депутата Государственной думы и лидера ее социал-демократической фракции. Ма-

линовский, безусловно, принадлежал к большевистской элите, являясь членом Центрального Комитета партии. Вождь, в период их знакомства, обнаружил в нем следы чрезмерного самолюбия и властолюбия, которые в политической работе безусловно мешали. Первоначально, по признанию самого Ленина, он отнесся к подобным проявлениям вполне спокойно, так как знал, что среди рабочих находится немало таких, кто постоянно испытывает досадное чувство от того, что таящиеся в них задатки и силы не могут найти применения в обычной, повседневной жизни. Эти люди ищут и находят заменитель утраченных возможностей, которые дают им новую сферу промысла, более содержательную жизнь, растущие возможности и шансы подняться вверх по социальной и политической лестнице. Еще Михельс в своей работе «Социология политической партии в условиях демократии» подчеркивал эту психологическую особенность рабочих лидеров: «Обладая, – писал он, – престижными местами, которые являются почти всегда в то же время и хлебными, социал-демократическая партия, несомненно, играет для своих молодых целеустремленных членов из рабочего сословия роль мощного стимула, начиная с первого дня их знакомства с партией»[59]. Для Ленина не являлось секретом, что «высокое звание» члена Государственной думы кружило голову и портило многих людей из рабочей среды. По свидетельству Ленина, Малиновский стал заметно нервничать, когда по настоянию вождя в состав ЦК стали включать и других депутатов из социал-демократической фракции Думы. Это с очевидностью грозило подорвать его «всевластие» (будь он один, он держал бы в руках все нити партийной работы в России, ибо руководство РСДРП(б) вынуждено было жить за границей). Малиновский же стремился быть постоянно на виду, он чаще других депутатов приезжал к Ленину в Краков, был для него источником информации и действовал в Думе, да и во всей России от его имени[60]. С другими депутатами, особенно когда они все вошли в ЦК и большевистскую элиту, у Малиновского

частенько бывали трения и конфликты – все на почве его самолюбия и любви властвовать[61]. Но даже после разоблачения этого провокатора Ленин продолжал считать, что тот принес больше пользы, нежели нанес вреда партии, хотя он и выдал царской охранке нескольких профессиональных революционеров, в числе которых был и Сталин. Вождь не предполагал, что после прихода большевиков к власти качественный негатив членов правящей элиты, как ржа, начнет разъедать партию и приведет к плачевным последствиям.

В период перед первой русской революцией социал-демократическое движение было свободно от того, что позднее стало бичом властвующей партии. Троцкий, идеализирующий партийную элиту, говорил о полном отсутствии карьеризма, рутины, условных формул, театральных жестов и готовых ораторских приемов. Он писал о периоде «неловкого пафоса революционной борьбы». Тогда в лексикон социалистически настроенной молодежи только входили свежие и еще не затертые слова «комитет», «партия», «вождь», от которых веяло романтикой. Идущий в партию молодой человек хорошо знал, что скоро его ожидает тюрьма и ссылка, а все честолюбие заключалось в том, «чтоб продержаться как можно дольше на работе до ареста; твердо держать себя перед лицом жандармов; облегчить, сколько возможно, положение товарищей; прочитать в тюрьме как можно больше книг; бежать как можно скорее из ссылки за границу; набраться там мудрости и вернуться на революционную работу»[62] в Россию, но уже в новом качестве. Старая революционерка Е.Левицкая утверждала: «Не припомню ни одного скверного, подлого поступка, обмана или лжи. Были трения, фракционные разногласия, но не больше. Все как-то нравственно подтягивались, делались лучше и мягче в этой дружной семье»[63]. Упоминание о семье не является случайностью – в революцию нередко шли целыми семьями. Достаточно вспомнить совещание 22 большевиков в августе 1904 года, состоявшееся в окрестностях Женевы. В их числе были: Ленин, Крупская и младшая сестра Ленина – Мария

Ильинична, Богданов и его жена, Луначарский и его жена, Бонч-Бруевич и его жена, Гусев и его жена, Лепешинский и его жена[64]. Поэтому позже, в 30-е годы, топор сталинских палачей не пощадил и жен большевистских гвардейцев. Они почти всегда разделяли политические взгляды своих мужей и не верили клеветническим обвинениям.

Члены большевистской элитной группы не были лишены тщеславия, веры в себя, в свою исключительную предназначенность. Эти люди были твердо убеждены в предначертанности той исторической миссии, которой они посвятили свою жизнь. Луначарский в письмах к жене с клокочущим восторгом признавался: «Произошло то, чего я хотел, о чем мечтал: я действительно популярный вождь пролетарских масс». В своих собственных глазах он «парил» в революционных высотах на одном уровне с Лениным и Троцким: «...ни одно имя, – с самодовольной уверенностью подчеркивал он, – кроме Троцкого и Ленина, не пользуется такой известностью и любовью. Но счастье, великое счастье быть передовым деятелем революции». В другом случае Луначарский еще выше поднимает планку собственного авторитета: «Пролетарско-солдатская аудитория признает и по-настоящему любит рядом с Троцким только меня»[65]. Такие настроения в революционной элите вообще, а в большевистской особенно, не относились к числу редких, ведь вожди партии уже по определению не могли не стремиться к доминированию, к лидирующим позициям. Этому способствовала теория и практика построения властной и централизованной партии, держащей в своих руках рычаги движения, а позже контролировали все политические процессы в стране.

Ортодоксальность Ленина и его соратников усиливала раскол с меньшевиками, обостряла их отношения до антагонизма. Аксельрод писал в «Искре» об опасности превращения социал-демократической партии на путях большевизма в якобинскую заговорщического типа организацию[66]. Мартов, поддержав Аксельрода, прямо заявил, что «между *социал-демократизмом* и

якобинством не может быть ничего общего»[67]. Дискуссия разгорелась тогда, когда сторонники Ленина на II съезде демонстративно подчеркнули, что в их понимании демократические принципы совсем не являются абсолютной ценностью и должны быть подчинены «выгодам нашей партии»[68]. Большевики полагали, что «*отрицание якобинских мер борьбы* самым прямым логическим путем *приводит к отрицанию диктатуры пролетариата*, т.е. того насилия, которое необходимо обязательно, без которого нельзя обойтись, чтобы сломать, уничтожить врагов пролетариата и обеспечить победу социалистической революции»[69]. Ленин был твердо убежден, что настоящий революционный социал-демократ должен непременно быть якобинцем. «Якобинец, неразрывно связанный с *организацией* пролетариата, *сознавшего* свои классовые интересы, это и есть *революционный социал-демократ*»[70]. Диалектический вывод, сделанный многими членами партии, звучал так: «якобинство предрасполагает к большевизму, а большевизм предрасполагает к якобинству». Разъясняя различие между старой и новой «Искрой», Ленин говорил: «В старой «Искре» было два якобинца – Плеханов и я. Был еще Мартов, но только на «припряжку». Старая «Искра» по духу, по всему направлению была якобинской, а новая «Искра» сознательно, в поте лица своего вытравляет, изгоняет у себя всякие следы якобинства. Мартов из «припряжки» убежал, он нашел теперь свою настоящую полочку – вместе с Аксельродом, Засулич и Старовером воюет с якобинством. Бедный Плеханов... в качестве военнопленного»[71].

Развивая логику этих ленинских мыслей и обосновывая необходимость строгой централизации, Уфимский, Средне-Уральский и Пермский партийные комитеты приняли Заявление, где говорилось, что пролетарское движение во всем мире должно возглавляться «*диктаторами*». Марксистская формула «диктатуры пролетариата» подменялась в этом документе «диктатурой диктаторов». Изобретатели этого тезиса считали, что важнейшая орга-

низационная задача пролетарских партий – выращивать, как в инкубаторе, диктаторов и будущих вождей революции. Именно из них должна состоять элита РСДРП(б). Пролетариату «необходимо подготовлять и подготовляться к получению сильной, властной организации. Без сильной, властной, централизованной организации он не сможет управлять, не сможет использовать в своих целях власть, которая – уже не долго ждать этого – попадет в его распоряжение»[72]. Ленин, оценивая документ, не без смущения, заявил, что впадать от него в истерику нечего, пишутся вещи и более глупые[73]. Однако спустя 15 лет, став у власти, он признал, что «... волю класса иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более необходим... Советский социалистический демократизм единоличию и диктатуре нисколько не противоречит... Необходимость единоличия... признания диктаторских полномочий одного лица с точки зрения проведения советской идеи»[74]. В контексте приведенных свидетельств яснее становиться желание большевистской элиты продемонстрировать свою твердость, неколебимость. Псевдонимы: Сталин, Каменев, Молотов – в большевистской среде становятся весьма модными.

Большевистская партия в исторической литературе представлялась оплотом наиболее стойких и решительных людей. Односторонность подобного взгляда очевидна. Названные качества, безусловно, предрасполагают к принятию методов большевизма; однако сами по себе эти черты не носят решающего значения. Эти качества встречались и у меньшевиков, и у эсеров. С другой стороны, мягкие люди встречались и у большевиков. «Большевизм, – писал Троцкий, – вовсе не исчерпывается только психологией и характером; он представляет прежде всего историческую философию и политическую концепцию»[75]. Рабочие, например, вступали на путь большевизма в силу социального происхождения и положения, вне зависимости от особенностей своего характера и темперамента. Примыкающие к движению интеллигенты

обладали «незаурядным политическим чутьем и политическим воображением»[76], верой в миссию рабочего класса. Однако значительное количество интеллигентов, вошедших в большевистскую элиту до 1905 года, покинули ее в годы революционной депрессии.

Потребность в элитных кадрах у большевиков была столь велика, а их дефицит столь значителен, что Ленин открывал двери даже представителям иных фракций, групп и партий, особенно в период после 1905 года[77]. Но практическое осуществление предоставляемых возможностей требовало выполнения некоторых условий: претендент обязан был, во-первых, открыто (с опубликованием в газете «Искра») заявить себя сторонником большевистских теоретических и организационных взглядов; во-вторых, отказаться от прежних взглядов, объявив их ошибочными и вредными; в-третьих, вести решительную борьбу за утверждение лидирующего положения большевизма в революционном движении[78].

Политическое и идейное развитие претендентов в революционную элиту происходило крайне неравномерно, а у некоторых оно имело даже замедленный характер. Черты «вундеркиндов» были свойственны далеко не всем из них. Троцкий пишет: «Зиновьев вошел в Центральный Комитет 26-ти лет, Рыков на два года раньше, когда ему не было еще и 24-х, Сталину было 33 года, когда его впервые кооптировали в руководящее учреждение партии»[79]. Самому Троцкому, благодаря его литературным способностям, в 23 года предлагалось войти в редакцию «Искры», заняв видное положение в верхушке РСДРП. Различные наборы качеств членов большевистской элиты обуславливали, в определенной мере, и их отношение друг к другу. Зиновьев, например, относился к Сталину осторожно покровительственно, Каменев – с легкой иронией. Бухарин считал Сталина человеком с характером, и говорил, что такие люди нужны, а если они невежественны и малокультурны, то им следует помочь[80]. Пройдет не так много времени и страдающие «комплексом

неполноценности» люди, с недостаточно выраженными элитными качествами, припомнят своим более образованным и способным «друзьям-соратникам» все унижения и непочтительно-пренебрежительное отношение к собственной персоне.

Формируемая Лениным элита большевиков рассматривалась им двояко: как средство достижения лидирующих позиций в социал-демократии, и как орудие завоевания власти. Перед II съездом партии в письмах Кржижановскому и Ленгнику, двум своим наиболее доверенным и близким товарищам, он писал: «Теперь наша *главная* задача – подготовить ... чтобы *вполне* свои люди проникли в возможно большее число комитетов ... <...> ... иначе нас неизбежно оттеснят»[81] и «ваша задача теперь создать *из себя* комитет по подготовке съезда, принять в этот комитет бундовца (оценив оного *со всех сторон* – это NB), просунуть своих людей в наибольшее число комитетов, сохраняя себя и своих паче зеницы ока до съезда. Это все архиважно! ... будьте в этом смелей, наглей и изобретательней, а в остальном – потише и поосторожнее»[82]. Но особенно показательно одно из предсъездовских инструктивных посланий И.И.Радченко: «Сейчас дали бундовцу явку к Вам. Это по делу съезда. Вы с ним (+ бюро или еще кто) должны образовать русский комитет для подготовки съезда. Держитесь ***внушительнее*** и *с осторожностью*. Возьмите на себя побольше районов, в коих Вы беретесь подготовить съезд, сошлитесь на бюро (назвав иначе), одним словом, сделайте так, чтобы все дело было *вполне в Ваших руках*, Бунд же пускай Бундом пока и ограничится. <...> ... пока – *наметьте* состав «русского комитета по подготовке съезда» наиболее выгодный для нас (может быть, удобно будет сказать, что Вы уже образовали этот комитет и очень рады *участию* Бунда или тому подобное). Возьмите на себя, *непременно*, секретарство в этом комитете. Это – первые шаги. А там увидим»[83].

Стремление к насаждению организационного централизма волей-неволей заставляло поощрять развитие «аппаратных навыков». Постепенно, но неуклонно, начал складываться тип молодого бюрократа, которого называли «комитетчиком». Эти люди предъявляли к революционным рабочим более строгие требования, чем к самим себе, предпочитая командовать и в тех случаях, когда нужно было внимательно прислушаться к членам своей организации. Крупская отмечала, что в большевистских комитетах почти не было рабочих. Господствовали интеллигенты. «Комитетчик, – пишет Крупская, – был обычно человеком довольно самоуверенным, он видел, какое громадное влияние на массы имеет работа комитета... как правило, никакого внутреннего демократизма он не признавал, ... всегда внутренне презирал ... «заграницу», которая с жиру бесится и склоки устраивает. Вместе с тем он не хотел новшеств. Приспособляться к быстро меняющимся условиям «комитетчик» не умел и не хотел»[84]. Слова Либкнехта «Если обстоятельства изменятся в 24 часа, то нужно и тактику изменить в 24 часа»[85] для них были пустым звуком. У комитетских работников из бывших рабочих, в свою очередь, развивалась страсть к господству. Освободившись от цепей, возложенных на него капиталом, этот человек менее всего был расположен взваливать на себя новые зависимости. Будучи поборником неограниченной свободы, он желал независимости от всего. Замечено, что рабочие вожди, порожденные пролетарской средой, проявляют особое упрямство и несговорчивость, вытекающие из их характера выскочки. Они серьезно опасаются, что положение, занятое ими, принадлежит им временно, не по праву, и могут появиться более достойные люди. Однако в их душе властно и ревностно гнездится страсть к сохранению своего новоявленного авторитета. В любой критике такой рабочий вождь усматривал принижение, сознательное, злонамеренное напоминание о собственных недостатках. Интеллект у этих представителей революционной элитной группы всегда был ниже их воли, а воля без

интеллекта может вести лишь к разрушению, но не к созиданию. В сложных ситуациях они предпочитали молчать, выжидать, прятаться за чью-то спину и принимать сторону наиболее влиятельного, по его мнению, в партии лидера. Отсюда следует, что партийный чиновник (и из интеллигентов, и из рабочих), имеющий вышеупомянутые характеристики, далеко не всегда поддерживал верховного вождя и, в любой момент, мог принять сторону его оппонента[86]. Для элиты централизованной партии, и для Ленина, такое положение было неприемлемым. Ленину, просто необходимо было добиться от своих сторонников беспрекословной поддержки при голосовании по важнейшим вопросам партийной жизни. Крупская в своих воспоминаниях, описывая положение, сложившееся в редакции «Искры», подметила одну, крайне важную особенность: «Засулич и Аксельрод всегда голосовали с Плехановым, даже тогда когда не бывали с ним согласны»[87]. Годы проведенные группой Плеханова вдали от родины, сплотили их настолько, что превратили как бы в одно целое. Такого идеального состояния централистской организации Ленину добиться, несмотря на его страстное желание и громадный авторитет, так и не удавалось. Решить проблему ценой жесточайшего принуждения и репрессий смог только «верный ученик и продолжатель великого дела» И.В.Сталин.

Увеличиваясь количественно, закаляясь качественно, большевистская централизованная партия шла навстречу революционному 1917 году. Ее элитная группа настойчиво проникала в новые, возникающие по велению времени организационные структуры, выходила из подполья и стремилась занять исходные рубежи для штурма властных высот.

Накануне социалистической революции вождь убеждал своих сторонников, что социал-демократическая партия вполне может и должна взять власть и удержать ее в своих руках. «Если, – писал он, – 130 тысяч помещиков управляли Россией посредством насилия, то 240 тысяч членов партии

большевиков, конечно же, смогут управлять в интересах бедных, особенно если большевики предпримут меры к расширению социальной базы своей власти...»[88]. «Арифметическое» осмысление Лениным проблемы управления государством свидетельствует о непродуманности им этого вопроса и об одностороннем к нему подходе. Если в период подготовки революции у вождя было ясное представление о революционной элите и необходимых для ее эффективного функционирования качественных характеристиках, то из приведенного высказывания с очевидностью вытекает: он не знал каким должен быть «правящий класс» социалистического общества и как он должен осуществлять свои функции. Понимание насущных потребностей, наличия особого ряда свойств, изначально считающихся элитными: образования, специальных знаний, опыта и управленческих навыков, – пришло позднее.

Примечания к второй главе

[1] Михельс Р. Необходимость организации // Диалог. 1990. № 3. С. 55.

[2] Там же.

[3] Михельс Р. Демократия и железный закон олигархии // Диалог. 1991. № 3. С.46.

[4] Там же.

[5] Михельс Р. Анализ социалистических вождей буржуазного происхождения // Диалог. 1990. № 11. С. 57.

[6] Цит. по: Михельс Р. Демократия и железный закон олигархии // Диалог. 1991. № 3. С. 42.

[7] Там же. С. 58.

[8] Михельс Р. Рабочие вожди пролетарского происхождения // Диалог. 1990. № 18. С. 53.

[9] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 112.

[10] Дворян в РСДРП было около 20%, хотя доля их в общей численности населения составляла всего 1,7%.

[11] Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 1. С. 66-67.

[12] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 375.

[13] Там же. С. 193-194.

[14] Там же. Т. 6. С. 126-127.

[15] Там же. С. 117.

[16] Михельс Р. Необходимость организации // Диалог. 1990. № 3. С. 58.

[17] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 139.

[18] РГАСПИ, ф. 324, оп. 1, ед. хр. 543, л. 5.

[19] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 128.

[20] Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 1. С. 67.

[21] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 138.

[22] Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 1. С. 86.

[23] Фишер Л. Жизнь Ленина. В 2 т. Т. 1. С. 61.

[24] Трояновский О.А. Через годы и расстояния. М., 1997. С.19.

[25] О холодном приеме в доме Г.В. Плеханова пишут и Л.Д. Троцкий, и Н. Валентинов.

[26] Трояновский О.А. Указ. соч. С. 22.

[27] Там же. С. 19.

[28] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 1. С. 169.

[29] Там же. С. 176.

[30] Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 2. С. 142.

[31] Валентинов Н. Недорисованный портрет. С. 32.

[32] Цит. по: Пайпс Р. Русская революция. Ч. 2. М., 1994. С. 20.

[33] Потресов А.Н. Посмертный сборник произведений. Париж. 1937. С. 297.

[34] Цит. по: Валентинов Н. Указ. соч. С. 329.

[35] Цит. по: Карр Э. История Советской России. С. 49-50.

[36] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 32.

[37] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 1. С. 177.

[38] Нечаев С.Г. Катехизис революционера // История терроризма в России. Ростов-н/Д. 1996. С. 47-48.

[39] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 139-140.

[40] Валентинов Н. Указ. соч. С. 201-219.

[41] Нечаев С.Г. Указ. соч. С. 52.

[42] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 4.

[43] Крамольников Г.И. Из воспоминаний делегата III съезда партии // О Владимире Ильиче Ленине. М., 1963. С. 40.

[44] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 41.

[45] Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 1. С. 70.

[46] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 259.

[47] Крупская Н.К. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1971. С. 21.

[48] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 2. С. 61.

[49] Цит. по: Валентинов Н. Указ. соч. С. 114.

[50] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 13.

[51] Там же. С. 39.

[52] Валентинов Н. Указ. соч. С. 211.

[53] Там же. С. 212.

[54] Там же. С. 37.

[55] Цит. по: Волкогонов Д.А. Ленин. Т. 1. С. 72.

[56] Валентинов Н. Указ. соч. С. 217.

[57] Пайпс Р. Русская революция. Ч. 2. С. 42.

[58] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 114, 133, 140.

[59] Михельс Р. Социальные изменения вызванные организацией // Диалог. 1990. № 13. С. 46.

[60] Протокол допроса о провокаторстве Р.В.Малиновского. Новый документ В.И.Ленина // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11. С. 26.

[61] Там же. С. 24.

[62] Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 1. С. 86.

[63] Цит. по: Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 1. С. 86.

[64] Валентинов Н. Указ. соч. С. 213.

[65] Луначарский А.В. Письма мои к тебе, конечно исторические // Вопросы истории КПСС. 1991. №2. С. 37, 38, 41.

[66] Аксельрод П.Б. Воспоминания социал-демократа. Нью-Йорк. 1946. С. 411-412.

[67] Цит. по: Валентинов Н. Указ. соч. С. 125.

[68] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 369.

[69] Валентинов Н. Указ. соч. С. 126.

[70] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 370.

[71] Валентинов Н. Указ. соч. С. 126.

[72] Искра. 1904. № 63. 1 апреля. Приложение.

[73] Валентинов Н. Указ. соч. С. 131.

[74] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 272, 308.

[75] Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 1. С. 81.

[76] Там же. С. 82.

[77] РГАСПИ, ф. 324, оп. 1, ед. хр. 543, л. 6.

[78] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 193.

[79] Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 1. С. 89.

[80] Там же. С. 144.

[81] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 185.

[82] Там же. С. 187.

[83] Там же. С. 188.

[84] Цит. по: Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 1. С. 94.

[85] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 6.

[86] См.: Михельс Р. Рабочие вожди пролетарского происхождения // Диалог. 1990. № 3. С. 53-56.

[87] Крупская Н.К. О Ленине. С. 111.

[88] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 313.

ГЛАВА 3. РАДИКАЛИЗАЦИЯ И УСИЛЕНИЕ БЮРОКРАТИЗАЦИИ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

(1917– 1920 гг.)

3. 1 СТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТВУЮЩЕЙ ЭЛИТЫ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ

В истории большевистской элиты 1917 год имеет весьма существенное значение. «Принципиально важно отметить, – пишет О.Гаман, – что именно неэффективность дворянской и буржуазной элиты, энтропия ее политической воли стали причиной крушения Российской империи»[1]. Исследователи Запада, опираясь на свидетельства российских эмигрантов, пришли к выводу, что менее всего революцию следует считать заговором группы «злоумышленников», группы профессиональных революционеров. Революция, прежде всего, – саморазложение императорской России, гибель старой России и в муках рождающаяся Россия новая. Большевистская партия победил не силой исключительных качеств своей элиты, а бессилием элиты прежней. Октябрь был не столько торжеством восстания, сколько пределом разложения русской государственности. Распад России совершился бы без большевиков, хотя они сделали все, чтобы его ускорить[2]. Разрушение веками существовавших рамок политического общества нарушило иерархию классов и групп. Их внутренние отношения уничтожались, традиционные социальные узы рвались. Вопрос об осмыслении новых реальностей и определении но-

вых социально-политических, экономических и духовных рамок приобрел для общества необыкновенную актуальность. Наступление «эпохи демократии» и воцарение численного большинства, претендующего на власть в государстве, еще более усложняло проблему. Было не ясно, как эти люди, старые и молодые, образованные и невежественные, члены различных политических партий и беспартийные, случайно соединившись и объявив себя распорядителями своей собственной политической судьбы, будут выполнять новую функцию «суверена»? Большевистское руководство под воздействием «многих иллюзий» сочло, что вопрос может быть решен через передачу власти в его руки. Охлократическая самоуверенность и спесь, соединившись с тупым самодовольством полуученых, убеждала всех, что власть по праву должна осуществляться элитой самой революционной партии с популярными вождями на ее вершине. Следовательно, главными задачами революционных радикалов было: повышение собственного авторитета, усиление его влияния; объявление о несостоятельности претензий на власть каких бы то ни было иных лидеров, кроме большевистских; констатация «народного права» в качестве единственной инстанции, определяющей и устанавливающей линию собственного поведения.

Возвращение революционного руководства из эмиграции породило серьезную проблему во внутриэлитных отношениях. Часть большевистских лидеров, почти постоянно работавших на партийных должностях в России, начали проявлять беспокойство. Они рассуждали примерно так: «Приезжие из-за границы десятилетиями сидели в европейских библиотеках, приобрели знания, отточили полемические навыки в спорах и дискуссиях при читке рефератов, в выступлениях на заграничных съездах и конференциях, приобрели авторитет написанием статей, брошюр, книг. Вернувшись в Россию, эти люди сразу стали во главе движения находясь в ореоле революционной славы ... А мы здесь в России пребывали на нелегальном положении под посто-

янной угрозой ареста, сидели в тюрьмах, находились в ссылках. И за все за это вторые, а то и третьи роли при новой власти. Разве это справедливо?»[3]. Прием в партию «межрайонцев», вызванный насущной потребностью в элитных кадрах, только усилил эти настроения. Недовольство домостроевских большевиков поселяло в их душах напряженную зависть, двигало партийную элиту к конфликту и расколу, закладывало мину замедленного действия под ее единство.

Наиболее серьезное обострение ситуации с элитными кадрами внутри большевистской партии произошло осенью 1917 года. Опасаясь, что вооруженное восстание потерпит поражение и в этом случае разгром большевиков будет неизбежен, Г.Е.Зиновьев и Л.Б.Каменев, поддержанные некоторыми старыми, и казалось бы испытанными партийцами, «у которых была смута в душе», стали говорить о пагубности ленинского радикализма и необходимости перехода в оппозицию[4]. Торжество октябрьского переворота заставило изменников признать свои прежние ошибки, что, разумеется, не страховало их от ошибок новых.

Трансформация руководства революционной партии из контрэлиты в элиту правящую стала набирать силу. Источниками ее рекрутирования, как это не странно выглядит, являлись уже ни столько кадры Центрального Комитета партии, сформированные при личном участии вождя, и в которых сосредотачивались, казалось бы, наиболее проверенные и полезные для революции члены большевистской элиты, сколько иные партийные комитеты: Петербургский, Московский, Уральский и некоторые др. Исторический факт, что в составе первого правительства членов ЦК РСДРП(б) было меньше четверти (7 из 29), и вероятно, не все были достаточно ответственны, не все пользовались доверием вождя и просто не все подходили для этой роли. Ленин хорошо помнил и апрельскую конференцию, и сентябрьское заседание ЦК, когда его позиция не всегда находила понимания соратников. Неко-

торые члены большевистской элитной группы, в частности близко стоящие к Ленину Зиновьев и Каменев из-за взглядов на вооруженное восстание, расходившихся со взглядами Ленина, мест в первом правительстве не получили. Гнев вождя на недавних товарищей был столь велик, а их обида столь значительна, что вспыхнувший вскоре скандал с Викжелем по вопросу о формировании «однородного социалистического правительства» обострил отношения, лишил Каменева поста председателя ВЦИКа, а Центральный Комитет сначала направил его рядовым членом советской делегации на переговоры с немцами, а затем командировал с пропагандистской миссией в Европу. Самостоятельность мнения с этого момента Лениным начинает рассматриваться как нелояльность. Это обстоятельство отодвинуло, правда, ненадолго (его просто не кем было заменить), от властных рычагов неразлучный большевистский тандем.

Выдворение Каменева с поста Председателя ВЦИКа не означало его окончательного и бесповоротного разрыва с большевистской элитой, но значительная часть влияния в партии была несомненно им потеряна. Роль рядового члена делегации при куда менее известном и влиятельном, не обладавшем талантами дипломата ее главе А.А. Иоффе была для Каменева унизительной. Бывший член той же делегации М.Н. Покровский записал в своем дневнике, что раз все шло к тому, чтобы «тянуть» переговоры, а при удобном случае и «разорвать» их, то собственно деловая сторона не могла интересовать большевиков. «Мир считали лежащим в кармане. Чтобы поднять вещь, валяющуюся на полу, нет нужды в больших талантах. В то же время человек более или менее крупный, талантливый, при наклонности к интриге (а кто же из партийных лидеров к ней не склонен, более или менее?) легко мог себе приписать честь находки и использовать свое участие в переговорах для конкуренции с «вождями». Все это побуждало, – писал Покровский, – отправить в Брест людей, которые конкурентами Ленина и Троцкого ни в коем случае выступить не могли бы»[5]. Но стоило вопросу о

случае выступить не могли бы»[5]. Но стоило вопросу о заключении мира превратиться в самый острый политический вопрос, вокруг которого развернулась ожесточенная внутрипартийная борьба, как персональный состав делегации сразу же изменился. К тому же по вопросу о заключении мира Каменев стоял на противоположных ленинским позициях. Выступая на III Всероссийском съезде Советов, он заявил, что только успешные социалистические революции на Западе могут спасти революцию в России, и не считал допустимым подписание мирного договора с Германией и ее союзниками[6]. Иметь в столь сложный момент рядом с собой еще одного противника, к тому же честолюбивого и совсем не радикального большевика, склонного к поискам компромиссных решений в сфере внутренней политики, Ленин явно опасался. Именно поэтому, когда в большевистском правительстве возникла идея послать своих миссионеров по странам Западной Европы, кандидатура Каменева была предложена одной из первых. Так большевистские вожди решали проблему «просеивания» членов большевистской элиты сквозь тоталитарное сито.

Устранение от власти буржуазной элиты и революционный порыв масс требовали оперативного и компетентного руководства, которое полностью отсутствовало. Большевикам не трудно было воспроизвести старую государственную организацию, гораздо труднее было подобрать во властные структуры людей, по достоинствам не уступающих (по крайней мере) тем, которые ими работали раньше. «Нужны люди, – подчеркивал Ленин, – которые знают свое дело. Нам, большевикам, в этой практической работе применять свои познания приходилось очень редко. У нас очень редок недостаток в агитаторах, но самый вопиющий недостаток – недостаток в практических руководителях, в организаторах»[7]. В список членов кабинета первого советского правительства Ленин внес фамилии наиболее значимых, авторитетных, лично знакомых и устраивающих именно его лиц: Троцкого Ленин

желал заполучить в состав соратников с 1902 года[8]; Ногин пользовался его симпатиями еще раньше – с 1901 года[9]; Глебов-Авилов сыграл очень активную роль в деле подготовки VI партийного съезда[10]; другие одиннадцать деятелей партии тоже были хорошо и достаточно давно известны вождю. Луначарский в воспоминаниях делился впечатлениями от выбора руководителей обновленной России: «Мне казалось, – писал он, – что выбор часто слишком случаен, я все боялся слишком большого несоответствия между гигантскими задачами и выбираемыми людьми, которых я хорошо знал и которые казались мне неподготовленными еще для той или другой специальности. Ленин досадливо отмахивался от меня и в то же время с улыбкой говорил: – Пока – там посмотрим – нужны *ответственные* (курсив мой. – Н.С.) люди на все посты; если окажутся негодными – сумеем переменить»[11].

Использовать интеллектуальный и организаторский потенциал меньшевиков и эсеров, идти с ними на сотрудничество большевистские лидеры, памятуя о годах склок, интриг и вражды, упорно не желали: «Не для того бралась власть, – писала Н. Крупская, – устраивалась революция, чтобы впрячь в советскую телегу лебедя, щуку и рака, создать правительство, неспособное спеться, сдвинуться с места»[12]. Вождю, для укрепления завоеванных позиций и начала реализации марксистской социальной утопии, нужна была полная, неограниченная, безраздельная власть. Приведя к победе свою партию, готовую шаг за шагом следовать за ним, Ленин не сумел научить ее ничему, кроме битв, нападений на врага по первому знаку, внушив ей лишь общее сознание, что она борется и всегда будет бороться за славное дело социализма с теми, кто является или может в будущем стать ее врагом. Для революционных действий этого было вполне достаточно[13], но для управления страной этого явно хватить не могло. Потребность в особом аппарате управления с необходимостью вырастала из очередных задач советской власти. «... Поколение работников, – говорил Ленин, – воспитанное в капиталистическом

обществе, в лучшем случае сможет решить задачу уничтожения основ старого капиталистического быта... и ... удержать власть в своих руках...», а строить, созидать социализм сможет только поколение, вступившее в работу при новых условиях[14]. Созидателей необходимо было еще вырастить, подготовить. Осознать этот факт удалось только некоторое время спустя, периода исканий, удачных и неудачных экспериментов.

Руководя деятельностью СНК, Ленин одновременно налаживал и работу его аппарата. Будучи аккуратным, систематичным и даже педантичным человеком, он требовал того же и от своего окружения. Первые месяцы работы были посвящены неутомимой борьбе с неряшливостью и распущенностью, свойственными тогдашнему, еще неопытному, аппарату управления. Он вынужден был учить элементарному: вести протоколы заседаний, составлять повестки дня, производить записи в журналах и т.д. и т.д. Заседания Совнаркома, ставшие с середины ноября ежедневными, начинались в точно определенные часы, и глава правительства сам следил за дисциплиной наркомов. Уже через месяц СНК по настоянию Ленина был вынужден принять решение об установлении штрафа за опоздания на заседание: при опоздании на полчаса – 5 рублей, более получаса – 10 рублей. Время прихода на заседания членов правительства и других лиц точно фиксировалось секретарем и докладывалось лично Ленину. Все об этом знали, но положительного результата достигнуть не удалось. Созданная по заданию Ленина в декабре 1917 года комиссия, возглавляемая В.А.Аванесовым, призванная наконец-то навести в аппарате СНК порядок, не нашла лучшего решения, как внести предложение об ужесточении требований: отстранять от работы и запрещать занимать ответственные должности лицам, опаздывающим на заседания без уважительных причин свыше трех раз подряд[15]. Строгости распространялись на всех членов властвующей элиты, независимо от авторитета и занимаемого положения. Одним, за их несогласованную «инициативу», Ленин угрожал рас-

стрелом[16]; невыполнение требований другими было чревато отправкой на Лубянку к Дзержинскому[17]; третьих он сулил посадить в тюрьму. Председателю Архангельского губисполкома, назвавшего одно из распоряжений Центра «нелепым», Ленин послал телеграмму такого содержания: «Я объявляю Вам официально выговор за это и заявляю, что если Вы не возьмете обратно столь недопустимого выражения, то я подниму вопрос о предании Вас суду, ибо если мы добросовестно учим дисциплине рабочих и крестьян, то мы обязаны начать с самих себя»[18]. Методы драконовского характера касались всех членов элиты, совершавших систематические и серьезные проступки. Руководство партии ставило их в положение персон non grate. Традиция выдворять нежелательных партийцев из столичных городов, и тем самым, понижать их влияние, закладывалась именно тогда. Сохранились свидетельства очевидцев, что анархия в политических структурах Советской власти, свойственная всему аппарату[19], особенно сильна была на Украине[20]. Председатель Всеукраинской ЧК Лацис жаловался Ленину: «На Украине собрались те из сотрудников, которых мы выбросили в Москве как малоспособных и малонадежных»[21]. В партии сложилось устойчивое мнение, что Украину сдавали врагам Советской власти два раза, именно потому, что выбор работников там не носил характер системности и осторожности[22]. Однако устранив таких людей из аппарата Центра, убрать их из элиты региональной было невозможно, хотя Москва и предпринимала весьма жесткие меры. «Мы, – писал Ленин, – разогнали и раскассировали целую украинскую конференцию» за то, что там «скрылись и спрятались все элементы дезорганизаторские, элементы мещанства и атаманщины, которые на Украине очень сильны»[23].

Властные полномочия осуществляли вчерашние эмигранты, подпольщики, нелегалы, политкаторжане. Именно они составляли правящую элиту, становились наркомами, особыми уполномоченными, чрезвычайными комиссарами. Один из народных комиссаров, Ломов-Оппоков, вспоминал:

«Наше положение было трудным до чрезвычайности. Среди нас было много прекраснейших, высококвалифицированных работников, было много преданнейших революционеров, исколесивших Россию по всем направлениям, в кандалах прошедших от Петербурга, Варшавы, Москвы весь крестный путь до Якутии, Верхоянска, но всем надо было еще учиться управлять государством. Каждый из нас мог перечислить чуть ли не все тюрьмы России, с подробным описанием режима, который в них существует. Мы знали, где бьют, как бьют, где и как сажают в карцер, но мы не умели управлять государством...»[24]. Жалоб и обвинений в том, что опыта по управлению государством у партии нет, «а власть в свои руки захватили!»[25], от растерявшихся друзей и непримиримых врагов было предостаточно. Сам глава правительства, услышав от кого-то из ближайших партийных соратников ропот на недостаток опыта, расхохотался: «А вы думаете, у кого-нибудь из нас есть такой опыт?!»[26]. Ленин полагал, что раз «победа Советской власти неизбежна. Весь опыт неминуемо приведет интеллигенцию окончательно в наши ряды, и мы получим тот материал, посредством которого мы сможем управлять»[27]. Впереди у вождя было большое разочарование.

Отсутствие управленческого опыта и страх перед ответственностью и последующим наказанием породил серьезный конфликт в правящей большевистской элите, который порождал желание разделить ответственность с элитами других социалистических партий. Поддавшись давлению Викжеля, обиженные Лениным, Зиновьев, Каменев и три новоявленных наркома – А.И. Рыков, В.П. Милютин и В.П. Ногин заявили о своей отставке. Григорий Петровский рассказывал, как состоялось его назначение. Ленин остановил его в коридоре Смольного сказав: «Как раз вовремя! Сейчас мы вас назначим наркомом внутренних дел. У нас Рыков сбежал с этого поста». Петровский, пытаясь уклониться от назначения, попросил: «Назначьте другого ... а я буду

его помощником». Ленин твердо возразил: «Во время революции от назначений не отказываются»[28].

Путь отдельных персоналий в элиту был далеко не всегда гладок и прям. Некоторые из них примыкали к меньшевикам, сотрудничали с боевыми группами эсеров, но накануне переворота, презрев разногласия, пошли за Лениным и большевиками. Группа «межрайонцев» дала большевистской элите немало качественного «партийного имущества»[29] (например, Троцкого, Луначарского, Урицкого, Антонова-Овсеенко и еще около 4 тысяч человек), что вызвало немало упреков в адрес вождя со стороны его соратников, ревностно охранявших собственные завоеванные позиции. Позднее «межрайонцы» почти полностью были истреблены более жестокими и тщеславными коллегами.

Ленин всегда помнил об ошибках и нелояльности некоторых товарищей по партии и допускал их в элиту, либо возвращал в нее, только по необходимости, из-за острого дефицита кадров элитного уровня. Подходя к проблеме формирования властвующей элиты с позиции сиюминутной полезности для власти, он уже успел понять, что перед партией после переворота встают совершенно иные задачи, для решения которых требовались новые люди, обладающие иным качественным рядом. Практика функционирования новой власти подтверждала очевидную истину, что «революции рождают слишком много революционеров, но очень мало компетентных руководителей»[30]. Очень скоро всем стало ясно, что и в России власть захватили неопытные, зачастую просто неподходящие для ее реализации люди.

Установление строжайшей дисциплины выдвигало и условие ее сохранения и применения, единственным сохранившимся в неизменном виде требованием, по мнению Ленина, была преданность, так как все иные средства и источники применения дисциплины были разрушены и не существовали[31].

Переезд правительства в Москву в марте 1918 года положил начало периоду борьбы с невообразимым хаосом и активного создания центральных органов государственного управления. В Москве уже был свой собственный Совет Народных Комиссаров под председательством историка Покровского из всех представителей большевистской элиты в России наименее всего приспособленного для этой роли[32]. В московском СНК заседали те, кто продолжал мыслить устаревшими пропагандистскими категориями, чего Ленин принять уже не мог: «Да, что вы, батенька, – наскакивал он на докладчика, – в Смольном, что ли?»; «Совершеннейший Смольный, – перебивал вождь оратора, говорившего невпопад, – опомнитесь, пожалуйста, мы уже не в Смольном, мы вперед ушли». Ленин, по словам Троцкого, никогда не жалел энергичных слов вдогонку вчерашнему дню, когда нужно было подготовить день завтрашний[33].

Серьезным недостатком вчерашних профессиональных революционеров было то, что они продолжали преувеличивать значение революционных возможностей, абсолютизируя порожденные революцией приемы и методы борьбы. Их эпигонский разум не был способен «самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому»[34]. На местах было особенно много таких партийных «комиссарчиков», которые полагали, что, оседлав раз комиссарскую лошадку, они останутся на ней навсегда[35]. Ленин предостерегал революционеров от возможной гибели не по причине внешнего поражения, а из-за внутреннего провала их дела, если они потеряют «трезвость» и подумают, будто «великая, победоносная, мировая» революция обязательно все и всякие задачи при всех обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному. «Откуда

следует, – вопрошал он, – что ... революция может и должна применять только революционные приемы? Ниоткуда это не следует»[36]. Советская власть остро нуждалась в тех, кто обладал способностями, если и не управлять, то, хотя бы, этому учиться.

Чехарда со смещениями, перемещениями, отстранениями, понижениями и добровольными отставками началась так скоро, как вряд ли мог предположить сам глава правительства. За период с ноября 1917 по апрель 1918 года по различным причинам покинули свои посты 15 человек: Рыков, Милютин, Ногин, Антонов-Овсеенко, Крыленко, Ломов-Оппоков, Глебов-Авилов, Скворцов-Степанов, Елизаров, Шляпников, Смирнов, Шлихтер, Осинский-Оболенский, Дыбенко, Коллонтай. К апрелю 1918 года из контингента первых назначенцев сохранили за собой портфели только трое: Ленин, Сталин и Луначарский. В числе первых лиц наркоматов оставался еще и Троцкий, переменивший лишь «министерский» портфель.

Особенно часто происходила смена тех наркомов, которые не могли дать скорейший положительный и конкретный результат, обеспечивающий укрепление режима. Недостаток образования, профессионализма и навыков организационно-управленческой деятельности членов новой правящей элитной группы влекли за собой поиск возможности иного их использования, на менее ответственных должностях. За шесть неполных лет (до образования СССР) по четыре раза менялись наркомы внутренних дел и юстиции, по пять раз – почт и телеграфа, торговли и промышленности, финансов, земледелия. Труднее всего пришлось работникам наркомата путей сообщения: их руководство обновлялось восемь раз, пока его не возложили на «хорошего якобинца» Ф.Э.Дзержинского. Комиссары периода якобинской диктатуры во Франции, действующие смело и решительно[37], часто использовались Лениным в качестве положительного примера. Именно в таком поведении он видел залог успеха. Ведь социализм должен был внедряться и защищаться си-

лой. Если элитная группа умела ею пользоваться, победа становилась реальностью, если нет – поражение было неизбежным.

Процесс формирования правящей элиты шел методом проб и ошибок. Отсутствовала хоть какая-то теоретическая концепция отбора «лучших», наиболее полезных членов партии в элитную группу. Не существовало и специальных планов по ее подготовке. Усилия, предпринимаемые в этом направлении, сводились в первое время только к созданию соответствующей системы обучения для выходцев из пролетарских слоев. Одним из первых учебных заведений, выпускники которого должны были стать кандидатами в элиту, считался Коммунистический университет имени Свердлова. Это было учебное заведение, порожденное революцией. Сюда партийные органы направляли молодых коммунистов из рабочих и крестьян, прошедших школу подполья, службы в РККА. Учащийся университета резко отличался от студента дореволюционной поры, имеющего за плечами гимназический курс. Многие из слушателей не владели элементарной грамотой, правилами арифметики, не знали ни истории, ни географии. Партийная работа могла дать лишь приблизительное знание произведений классиков научного социализма. Выпускники университета, кое-как овладевшие только основами наук, не только претендовали, но и пробивались на элитные посты.

Качественные характеристики революционных вождей, их стремление к лидирующим позициям, первенству во власти и влиянии делали этих людей не столько соратниками, сколько соперниками. Причем, чем устойчивее становилась власть партии, чем сильнее ощущали ее вкус лидеры, тем упорнее становилась внутрипартийная борьба за собственное наиболее респектабельное положение.

Профессиональные революционеры из-за почти полного отсутствия необходимых качественных черт не могли быстро стать профессиональными управленцами. Старая большевичка Р.С.Землячка свидетельствовала, что

прежние революционные методы и навыки, которыми большевистская элита овладела неплохо, оказались совершенно непригодными для новых условий[38]. Через месяц после октябрьского переворота Луначарский с горечью писал жене: «Массу грубых ошибок совершают все же наши большевистские ... бурбоны, ошибок, от которых морщишься, как от физической боли. Но что же поделаешь?»[39]. Элитные элементы, не только умеющие возбуждать массы и вести их на разрушение отжившей системы, но и способные к созидательной работе по управлению, нужны были срочно и в больших количествах. Научиться управлять становилось первоочередной задачей большевистской власти. Шаг за шагом, постепенно, хаос уступал место строгому порядку. В технической и оперативной областях руководители революции считали необходимым поставить надлежащих людей на надлежащее место и дать им себя проявить. Молодые люди, выделявшиеся административными качествами (деловитостью, усидчивостью, способностью оценивать людей и обстоятельства), получали шанс[40]. От претендентов в элитную группу нового послереволюционного «созыва» прежде всего требовалось немного: точность, неутомимость, бдительность и информированность. Молодые администраторы обладающие ответственностью, серьезностью и твердостью поступков, достаточно быстро приобрели массу врагов, так как даровитая молодость всегда раздражает почтенную посредственность. Такие отношения моментально охватили практически все советские ведомства[41].

Сторонники теории демократического элитизма в своих трудах подчеркивали, что социальная ценность демократической власти всецело определяется качеством элиты[42]. А утверждение некоторых теоретиков Запада, что правящие элиты образуются «из относительно узкого слоя общества, т.е. из тех, кто имеет более высокий уровень образования и опыт работы в сложных организациях»[43], примером постреволюционной России не подтверждается. Напротив, к власти устремились малограмотные и неопытные люди. Один из

немногих членов большевистской элиты, принадлежавший к достаточно узкой группе высокообразованных людей, Л.Б.Красин с горечью отмечал: «Источником всех бед и неприятностей, которые мы испытываем в настоящее время, является то, что коммунистическая партия на 10 процентов состоит из убежденных идеалистов, готовых умереть за идею, но не способных жить за нее, и на 90 процентов из бессовестных приспособленцев, вступивших в нее, чтобы получить должность»[44]. Описанное соотношение сложилось объективно, помимо воли и желания вождей партии. Ведь формирование правящей элиты советского строя могло происходить и происходило двумя путями: через выдвижение представителей революционных слоев, наиболее преданных делу большевистской партии, либо через использование старых опытных и компетентных чиновничьих кадров из состава свергнутых господствующих классов и интеллигенции. Первый путь для большевиков был стратегический, второй – тактический. Партийные вожди, стремящиеся всеми силами удержаться у власти, реализуя честолюбивые планы охвата своим влиянием практически всех сфер общественной жизни, в силу необходимости не могли отказаться ни от одного из них. Руководство РКП(б) считало, что чем больше будет членов партии из рабочих, тем легче будет отобрать людей с нужными качествами для пополнения элитной группы состоящей из старого контингента и замены выбывающих из нее участников. Ротация кадров должна была осуществляться так (и это нашло отражение в работе Ленина «Набросок правил об управлении советскими учреждениями»), чтобы на руководящих и ответственных местах оставались лишь члены РКП со стажем не менее двух лет членства, а остальные места были замещены беспартийными[45]. Пользуясь этим «главным источником пополнения», вожди не обращали внимания даже на вопиющее невежество претендентов. Д.Волкогонов в книге о Сталине приводит любопытный факт: при утверждении уполномоченного ЦК в один из губкомов выяснилось, что товарищ едва

умеет читать и писать, но присутствующий генсек бросил на весы решения свое веское слово: «За границей не был, где же ему было выучиться... Справится»[46]. Главное, что особенно ценилось, – это пролетарское чутье и умение быстро и без эмоций экспроприировать собственность бывших эксплуататорских классов. « ...Работа в области организации учета и контроля сильно отстала от работы и деятельности по части экспроприации экспроприаторов»[47], – с сожалением отмечал Ленин. В воспоминаниях, принадлежавших перу одного из старейших членов социал-демократического движения, близко знавшего всю семью Ульяновых, говорится, что подобные люди, «считая себя истинными революционерами-победителями, смотрели на народное достояние как на какую-то добычу, по праву принадлежащую им»[48].

Пролетарская революция закономерно формировала элиту из представителей рабочего класса. Однако, и это Ленин подчеркивал особо, «всякий новый класс учится у предыдущего класса» и «должен увеличивать число администраторов из своей среды, создать школы, подготовлять в государственном масштабе кадры работников»[49].

Отдавая явное предпочтение процессу смены элиты за счет рабочего класса, Ленин, тем не менее, предупреждал, что об уничтожении старых управленцев «сразу, повсюду, до конца не может быть речи. Это – утопия»[50]. «Откуда взяться лучшим, – рассуждал Ленин, – как сделать нам, чтобы лучшие люди сразу в нас поверили. Революции, которая бы сразу могла победить и убедить, сразу заставить поверить в себя, такой революции нет»[51]. Видя, что интеллигенция на сотрудничество идет неохотно, председатель СНК позднее признавался: «Нам пришлось прибегнуть к старому буржуазному средству и согласиться на очень высокую оплату «услуг» крупнейших из буржуазных специалистов»[52]. Привлечение «буржуазных» специалистов постепенно стало принимать повсеместный характер[53]. Участие в правительственных учреждениях «старорежимных спецов» иногда доходило до 90%

(например наркомат финансов)[54]. Красная Армия и даже ВЧК в этом отношении не составляли исключения.

Политическая элита Советской России не могла выполнять свою функциональную роль и осуществлять властные полномочия, не опираясь на силовые структуры[55]. Однако ни армии, ни эффективно функционирующей политической полиции еще не было. Достичь властных вершин революционная элита могла не иначе, «как совершенно разложив старую армию» и разрушив полицию, как пройдя через труднейший период без всякой армии и полиции, «как постоянно вырабатывая, в тяжелой гражданской войне вырабатывая новую армию, новую дисциплину, новую военную организацию...»[56]. В создаваемой политической системе военная элита формировалась под пристальным вниманием элиты политической. Однако, по признанию самого Ленина, этот вопрос для политических вождей оказался неожиданным: «Вопрос о строении Красной Армии был совершенно новый, он совершенно не ставился даже теоретически...»[57]. Военная элита формировалась на основе тех же принципов, что и политическая: «Пролетариат, – писал Ленин, – обязан выдвинуть из своей среды предельно возможное количество людей, способных стать подлинными командирами Красной Армии»[58]. Революционеры-профессионалы нередко в сознании вождей отождествлялись с солдатами пролетарской освободительной армии. Троцкий прямо говорил, что «революционер может стать превосходным солдатом», повинуясь только своей природе, ибо он является образцом мужества и твердости[59]. Этих качеств у претендентов в элиту было вполне достаточно. Длительное время в исторической литературе Троцкого обвиняли в чрез- мерном увлечении специалистами. Это не совсем верно. В самом начале граж- данской войны он с негодованием телеграфировал Ленину: «Ваш кандидат не коммунист и подбирает вокруг себя не коммунистов, а людей с военным образованием и боевым опытом»[60]. Военная обстановка лета 1918

года и угроза краха Советской власти быстро расставили все по своим местам: люди с образованием и опытом оказались не просто полезными, а необходимыми советскому правительству на столь важном участке борьбы. Для военной работы подходили далеко не все партийцы. «Тут понадобился и отбор, и воспитание». Летом 1918 г. Троцкий просил Центральный Комитет отбирать для фронта коммунистов с нужными качествами: «Коммунистов направлять сюда (на фронт. – Н.С.) таких, которые умеют подчиняться, готовы переносить лишения и согласны умереть. Легковесных агитаторов тут не нужно»[61]. К этому времени нужда в агитаторах (и не только на фронте) значительно убавилась, требовались квалифицированные командиры. Основатель Красной Армии, к неудовольствию некоторых партийцев, говорил, что на фронте коммунист должен прежде всего быть солдатом, а уж потом коммунистом[62]. За период гражданской войны в рядах Красной Армии сражались 75 тысяч офицеров и генералов царской армии (30% от прежнего офицерского корпуса), не слишком нуждающихся в агитации. На службе у большевиков находились 775 бывших генералов, 252 из которых непосредственно работали в Генеральном Штабе РККА[63].

Военспецы не просто привлекались в Красную Армию в качестве консультантов, они назначались на командные посты. Так, 17 военспецов в годы гражданской войны командовали фронтами, 82 – армиями, 22 человека были начальниками штабов фронтов[64].

В аппарате Чрезвычайной Комиссии (ВЧК) служили 16,1% прежних чиновников[65]. Ф.Э.Дзержинский быстро понял, что массовое привлечение рабочих в ЧК носит временный и вынужденный характер. Задача рабочих-коммунистов состояла в том, чтобы «влиять своим авторитетом, понукать, заставлять» рабочих-некоммунистов работать успешнее. «Все эти товарищи, – говорил председатель ЧК при открытии IV конференции губернских работников Чрезвычайных Комиссий, – должны вернуться в мастерские, чтобы

там свою волю, свои познания применить на деле непосредственно, а их места должны быть заменены другими», так как «ЧК видоизменяется, становиться иным»[66]. Подобное решение полностью себя оправдало: наиболее успешные дела разведки и контрразведки в первые годы Советской власти планировал и консультировал бывший заместитель министра внутренних дел царской России и директор департамента отдельного корпуса жандармов генерал-лейтенант Джунковский[67].

Автор объемного и серьезного научного исследования о большевистской революции Э.Карр справедливо отметил три главных момента, характеризующих процессы послеоктябрьского периода в российской истории: сосредоточение власти в руках небольшого партийного центра; превращение партии большевиков из революционной организации, устремленной на свержение старых государственных институтов, в руководящее ядро правительственной и административной машины; создание условий для большевистской партии, позволивших ей, путем устранения других партий и их элит занять в стране монопольное положение[68].

Ошибочно считать, что обюрокрачивание государственных структур началось после занятия Сталиным поста генсека. Оно началось гораздо раньше. Тенденция к концентрации власти и бюрократизации ее организационных институтов проявилась в стране практически сразу после революции. Идя к власти под демократическими лозунгами, большевистская элита, на первом же, после завоевания политического господства, съезде партии поставила вопрос об изменении ее названия: из «социал-демократической» в «коммунистическую». Высший демократический орган партии – съезд, хотя и собирался при Ленине ежегодно (с 1918 по 1925гг.), становится слишком громоздким, а его проведение – слишком редким для эффективного осуществления власти. Вслед за упадком демократического органа государства – Всероссийского съезда Советов постепенно, но неуклонно падает и значение

съезда партийного. VII съезд РКП(б) был первым и последним, на котором большевистская гвардия свободно решала жизненно важные политические вопросы путем открытого обсуждения и голосования. На последующих партийных форумах аналогичные по значению вопросы еще обсуждались, но настоящие решения принимались уже не там, а в постоянно сужающемся кругу ленинских сподвижников.

Власть стала незаметно уходить из рук руководящих и ответственных работников партии, «ленинской гвардии» составляющих большинство делегатов съездов, членов ЦИК и перемещаться к меньшим, но более действенным и постоянно работающим органам. Опасность окончательной утраты влияния заставила определенную часть большевистской элиты объединяться в оппозиционные группы. Появились «левые коммунисты», «военная оппозиция», «рабочая оппозиция», «группа демократического централизма» и т.д. Столкновение между возникшими новыми группами партии из-за политических полномочий, авторитета и властных постов было чревато опасностью саморазрушения. Партию поразил «синдром Наполеона» – болезнь, которая с неудержимой силой прорывалась во властвующую элиту большевиков. Постоянное ощущение нестабильности ставило элитную группу перед альтернативой: жертвовать единством и теми преимуществами, которое оно дает, или любой ценой, даже под угрозой окостенения партийного аппарата, сохранить его. Ленин без колебаний избрал второй путь, заложив основу грядущему диктату Сталина и способствуя процессу обюрокрачивания всех партийных структур.

В первый год гражданской войны проявилась и стала стремительно набирать силу тенденция к максимальному ограничению круга лиц, занятых активной, творческой, теоретической, а не рутинной исполнительской деятельностью. Их количество, в конечном счете, было приведено к единице.
Основным успехом такой трансформации следует считать построение тота-

литарного государства – совершенно нового, в истории никем теоретически не предвиденного политического режима. Из фундамента централизма могло быть в будущем возведено только здание Etat concentrationnaire.

Революционный вихрь вынес на поверхность общественной жизни немало злобных и мстительных личностей, для которых возникла исключительно благоприятная ситуация вседозволенности и безнаказанности. Эти люди чувствовали себя легко и свободно, получая неплохую перспективу. Историк Н.Е.Какурин в книге «Как сражалась революция» не без оснований утверждает, что «под видом добровольцев в Красную Армию вступало значительное число деклассированного элемента, чуждого каких-либо высоких идейных побуждений и политической сознательности, смотревших на войну как на источник личной выгоды»[69]. Другой автор, исследующий тот же исторический период, поддерживает выводы, сделанные Какуриным: «... наиболее предприимчивые рецидивисты... вступали в РКП(б). В ряде случаев им удавалось занять ответственные административные и военные должности; из этой среды большевики получали наилучший материал для борьбы и истребления врагов партии. Например, военком г. Таганрога был Родионов, осуждавшийся ранее за грабеж, морским комиссаром – Канунников, судимый за убийство, и т.п.»[70].

Напористые и речистые авантюристы и карьеристы в силу относительной образованности и большой морально-политической гибкости нередко оказывались во главе крупных административных единиц или вооруженных формирований, пытаясь прорваться в вожди и создать самостоятельные элиты из родственников, друзей и приятелей. История этого времени подтвердила мнение о том, как много значил в России субъективный фактор и как можно было попытаться одним ударом решить проблему достижения власти, получения почестей, славы и личного благополучия. Архивы Саратовской области хранят документы подтверждающие этот вывод. В протоколах засе-

даний пленума Губкома РКП(б) за 1919 г. мы находим запись: «Балашовская организация представляет из себя сборище уголовников, пьяниц и картежников. Выбранный на партийной конференции Комитет оказался неработоспособным. Конференция была проведена вторично»[71].

Новые молодые претенденты в элитную группу значительно уступали своим старшим товарищам в теоретической подготовке, но превосходили их по вере в мифологический лозунг «Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики» и в харизму вождя. Это явилось причиной ограниченности представлений, вело к догматизму и упрощенчеству, к преувеличению роли грубого администрирования и волевых методов управления. В этих условиях основными и наиболее полезными качественными характеристиками членов элитной группы властвующей партии становились твердость, цепкость, настойчивость, упорство, хитрость и даже беспощадность[72]. Ленин особенно выделял в своем окружении тех, кто умел «нажимать». Именно это качество в период «военного коммунизма» стало приобретать первостепенное значение. Претенденты на высшие посты в партийных и правительственных организациях чувствовали себя тем увереннее, чем скорее рос и креп аппарат «нажимания». В основу управления закладывался организационный фундамент. В элиту широким потоком начали вливаться люди почти совершенно лишенные необходимых элитных (в общепринятом смысле слова) свойств, их мысли и усилия характера направлялись, главным образом, на закулисные интриги. Высокий умственный кругозор специалистов тяготил их. Сталин, например, группировал вокруг себя людей кем-то обиженных или, как тогда выражались, с «отдавленными мозолями». У них была одна возможность самим попасть в элиту: подчеркнуто демонстрировать преданность своему покровителю, поддерживать его, помогать в продвижении «наверх», ослабляя соперников. В свою очередь невежество, узость кругозора, примитивность мысли соратников обеспечивали их собственную безопас-

ность и благорасположение «патрона». Однако, как подчеркивал Троцкий, преданность этих людей не была преданностью учеников учителю, который обогатил их знаниями и мыслями. Скорее всего это походило на преданность рабов своему господину, «которых <он> вывел из ничтожества и которым он помогает обеспечить привилегированное положение»[73].

Трансформационные процессы, затрагивающие социальные группы, слои и классы, происходящие в стране с нарушенным равновесием стремящейся к обретению черт цивилизованного общества, в котором политическая надстройка обусловлена экономическим укладом. Властвующая элитная группа, по мнению сторонников элитистской теории, должна отличаться определенной однородностью с точки зрения основных норм поведения, вытекающих из ее достаточной просвещенности, подчеркнутого внимания к языковым нормам, стремления к порядку и законности, негативного отношения ко всякого рода эксцентричности. Ее сущность выражалась в прагматизме, отсутствии веры в романтические идеалы, в умении ставить перед собой строго определенные реалистические цели, постепенное достижение которых и составляет содержание социально-экономической практики. Возникшие под воздействием теоретических исследований представления о правящей элите свидетельствуют о том, что она почти всегда свободна от утопизма. Однако пришедшая к власти в России большевистская элита целиком состояла из утопистов и романтиков, огнем и мечом проводивших свои взгляды в жизнь. Все традиционные элитные качества замещались у нее сильной волей, организаторскими способностями и ответственным исполнением принятых партийных решений и указаний вождя.

Английский ученый-обществовед Б.Рассел, посетивший Советскую Россию вскоре после революции, анализируя увиденное, пришел к выводу, что большевистская элита подразделяется на три основные группы. К первой группе относилась старая испытанная партийная гвардия: люди, лично известные Ленину и занимающие благодаря этому высокие посты. Долгие

вестные Ленину и занимающие благодаря этому высокие посты. Долгие годы эмиграции, тюрьмы и ссылки сделали их несгибаемыми и фанатичными и, до некоторой степени, оторвали от собственной страны. Это были честнейшие люди с глубочайшей верой в то, что коммунизм возродит и обновит весь мир. «Они безжалостны, – писал он, – преследуя коррупцию или пьянство, когда подобные вещи случаются среди чиновников, но они создали систему, при которой соблазн мелкой коррупции огромен, и их собственная материалистическая теория должна бы убедить их в том, что при такой системе коррупция должна быть безудержной». Ниже верхушки правящей пирамиды, по Расселу, политические посты занимала вторая группа, состоящая «из карьеристов, ставших ревностными большевиками по причинам материального успеха большевиков». К третьей группе англичанин отнес людей, «не являющихся ревностными коммунистами, но которые сплотились вокруг правительства, поскольку оно оказалось стабильным и достаточно сильным»[74].

Действительно, большевистская властвующая элита имела черты, объединяющие все эти достаточно разнообразные группы. Наиболее значимая черта – «идеологическое единомыслие, у одних искреннее, у других – лукавое, лицемерное, афишируемое в целях занятия государственных постов. Выражалось оно в обязательной приверженности марксистско-большевистским догмам»[75]. Другая общая черта большевистской элиты, проявившаяся вскоре после их прихода к власти, – это политическая нетерпимость и максимализм. Одни, малосведущие фанатики, жаждали немедленного воплощения овладевших ими идей во имя «светлого и прекрасного будущего»; другие спекулировали этими идеями. Те и другие воспринимали лозунги пропагандистского характера прямолинейно, однозначно. Давала о себе знать выработанная в годы «военного коммунизма» идеология: «Мы строим коммунизм ускоренно, непосредственно, значит – «кто не с нами, тот

наш враг». Врага, как известно, нужно уничтожать, либо жестко и надолго изолировать для полного перевоспитания.

Уже первые постреволюционные месяцы вносили серьезные коррективы в систему власти, влияли на трансформационные изменения в правящей большевистской элите. У элитной группы бывших профессиональных революционеров выработалась существенная отрицательная черта, о которой откровенно поведал А.И.Рыков: «Мы не имели конкурентов, мы их не терпели, мы их всегда убивали, умерщвляли ... даже в том случае, если конкуренты были более толковы, чем наши органы»[76]. Рыков полагал, что положить этому конец можно будет сразу после окончания гражданской войны. Условия мира поменяют ситуацию с большевистской элитной группой: «... мы должны побеждать не путем приказаний и монопольного положения, а путем лучшей работы»[77]. Между тем, большевики активно пользовались положениями Протокола № 4 заседания СНК РСФСР от 19 ноября 1917 года, где от народных комиссаров требовалось провести «чистки» в возглавляемых ими министерствах и арестовывать сотрудников, если нарком признает это необходимым. «Обязать подпиской всех народных комиссаров давать ежедневно письменные отчеты о «чистке» в своих министерствах»[78]

Однако для того чтобы «лучше работать», нужно было иметь достаточное количество лучших работников высокого, элитного ранга. Катастрофическая нехватка кадров подобного уровня ощущалась и в партии, и в стране постоянно[79]. Ленин откровенно писал, что к власти идет «новый класс, что берутся за управление люди, которые никогда за такое сложное дело не брались и, естественно, делают ошибки... Мы знаем, что без ошибок нельзя управлять. Но кроме ошибок, – и это вождя серьезно беспокоило, – мы наблюдаем неумение пользоваться властью только как властью, когда люди говорят: я получил власть, я предписал, и ты должен слушаться»[80]. Опасность сведения управления к бездумному командованию была очень велика. С од-

ной стороны, спрос на компетентность постоянно рос, но с другой, – к наиболее умным, способным к глубоким обобщениям, к адекватному осмыслению реалий и выработке на их основе оптимальных и эффективных решений людям отношение было настороженное.

Подводя итог сказанному во второй главе можно сделать вывод, что революционную элиту, ставившей целью насильственное ниспровержение существующего в России самодержавного строя, вожди социал-демократии начали формировать еще перед II съездом РСДРП. Ленин, стремящимся руководить этой борьбой, к съезду тщательно готовился, собираясь выступить на нем своей собственной сплоченной радикально настроенной группой желающей занять лидирующее положение. Съезд разделил партию на две приблизительно равных по возрасту и интеллекту группы, которые, в дальнейшем, в значительной мере влияли на российский политический процесс. Качественные характеристики членов группы большевиков которых подбирал сам Ленин первоначально должен был отвечать нескольким требованиям. Во-первых, – верность марксистской теории; во-вторых, – преданность организации и ее вождю; в-третьих, – они должны были ненавидеть не только явных врагов движения, но и соперников стремящихся к его руководству. Вождю партии при достижении поставленных целей были необходимы литераторы, организаторы, агитаторы, пропагандисты, специалисты для добывания денежных средств, знатоки военного дела.

Октябрьский переворот и вознесение к вершинам власти большевистской элиты в корне меняют ситуацию. Созидательные перспективы, которые еще совсем недавно казались призрачными вдруг обрели вполне реальные очертания, вызвали растерянность и страх перед ответственностью. Опыт, специальные знания, навыки и образование, так необходимые для работы в сложных государственных учреждениях и принятия адекватных управленческих решений у большевистской элиты совершенно отсутствовал. В этих

условиях вполне естественным кажется стремление части революционной элиты разделить ответственность с другими социалистическими партиями, желание спрятаться за спину товарища, какой либо комиссии, «коллективно выработанными решениями».

3.2 НАРАСТАНИЕ АНТИДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

Тенденция централизации и концентрации власти в Советской России, неизбежно ведущая к ее бюрократизации, к концу гражданской войны получила устойчивое постоянство. В арсенале политической практики большевиков демократические идеи неуклонно обретают исключительно прагматический характер. Они действуют лишь в случае соответствия принципу полезности. Отбросив всякую толерантность, которая при необходимости иногда, хотя и редко, имела место, большевики открыто презирают демократические ценности и преследуют меньшевиков и эсеров за абсолютизацию их значения.

Первый же съезд большевистской партии, проходивший после завоевания власти, сославшись на научную «неправильность»[81], поставил вопрос и после недолгого обсуждения принял решение о переименовании партии: из «социал-демократической» в «коммунистическую». Ленина не смутило даже устранение из названия партии слова «рабочая». Он отнесся к этому как к мелочи, не стоившей внимания. Ленинская аргументация, обосновывающая научную несостоятельность старого названия, состояла в следующем: рабочие, создав собственное государство, подошли к тому, что старое понятие демократизма оказалось превзойденным. Большевики убеждали российских

рабочих, что они создали тот тип демократии, который в Западной Европе никогда и нигде не существовал. «Старая ... демократия и парламентаризм были организованы так, что именно массы трудящихся всего более были отчуждены от аппарата управления. Советская власть, т.е. диктатура пролетариата, напротив, построена так, чтобы сблизить массы трудящихся с аппаратом управления. Той же цели служит соединение законодательной и исполнительной власти при советской организации государства...»[82], а «поскольку сами трудящиеся ... берутся за дело управления государством и создания вооруженной силы, поддерживающей данный государственный порядок, постольку исчезает особый аппарат для управления, исчезает особый аппарат для известного государственного насилия, и постольку, следовательно, и за демократию, в ее старой форме, мы не можем стоять»[83]. Ленин утверждал, что «действительной свободой и равенством будет такой порядок, который строят коммунисты...»[84] и который не содержит даже намека на элитизм. Государственное управление перестает в этом случае быть прерогативой малой социальной группы. В соответствии с задачей прийти, в перспективе, к коммунистическому распределению по потребностям правильнее будет, как считал вождь, наречь партию коммунистической отказавшись от прежнего социал-демократического наименования.

Поспешность изменения названия сегодня выглядит вполне очевидной. Большевики, устанавливая государство диктатуры, просто спешили устранить упоминание о демократии из названия партии, осуществляющей власть, чтобы не быть стесненными в применении методов насилия и принуждения. Пытаясь именно на них построить новое социалистическое общество, вождь твердо констатировал: «от принуждения мы не отказываемся»[85].

Разразившаяся гражданская война потребовала осуществления единоначалия в практических делах: «на войне, – говорил Ленин на III конгрессе Коминтерна, – мы поступаем по-военному: мы не обещаем никакой свободы

и никакой демократии»[86] – и это объявлялось естественным залогом победы. Окончание гражданской войны и введение новой экономической политики теоретически предполагало смену приемов и методов политической деятельности. Но планы большевистских лидеров имели несколько иной характер: «прежде, – говорил вождь, – война велась при помощи танков, пушек и т.п., которые мешали нам работать, теперь война пойдет на фронте хозяйственном»[87], не обещающем добавить демократизма политической стороне проблемы. «Формальный демократизм, – убежденно высказывался Ленин, – должен быть подчинен революционной целесообразности!»[88], а не теоретическому принципу.

Искусственно вызванный дефицит демократических прав и свобод при новой власти был отражен в тексте первой Конституции Советской России: «Мы способны продержаться несколько лет именно потому, – говорил Ленин, – что вписали в Конституцию лишение прав отдельных лиц и групп»[89] и «с фразами об общей свободе и общем равенстве трудящихся не шли к народу»[90]. К понятиям «демократия» и «демократизм» большевики относились как к буржуазным предрассудкам[91], от которых нужно было как можно скорее отказаться.

В русле данной политической концепции и происходили преобразования во властных институтах. Высший демократический орган партии – съезд, как и основной демократический орган российского государства – Всероссийский съезд Советов, хотя еще и собирались в течение некоторого времени достаточно регулярно, начинали неуклонно утрачивать свой авторитет. Оперативное руководство партией и страной нуждалось в иных, более емких и постоянно действующих управленческих структурах, так или иначе замыкающихся на вождя. Последним съездом РКП(б), на котором большевистская элита свободно дебатировала и решала жизненно важные политические вопросы путем открытого обсуждения и голосования без оглядки на ле-

нинскую позицию, становится VII съезд. Секвестирование демократии, но уже партийной, довольно быстро пошло по всем направлениям, ее объем постоянно уменьшался. Активное участие в политической жизни принимало все меньше и меньше старых революционеров.

«Исторический крах буржуазной демократии, – заявлял вождь, – не был выдумкой большевиков, а был абсолютной исторической необходимостью»[92]. Большевистская политическая линия гласила: «ни один человек, сколько-нибудь практически опытный в управлении, не только не осудит, а одобрит нас за то, что мы максимум сделали для сведения коллегиальных учреждений при исполкомах к минимуму...»[93], «парламентом в эпоху диктатуры нельзя ни решать вопросы, ни направлять партию или советские организации»[94]. Решать вопросы, по мнению партийных вождей, можно было исключительно путем установления командно-административной системы управления с жесткой вертикалью власти.

Часть большевистской элиты, представлявшая коллегиальность «основным типом организации советского управления», скоро убедилась, что вождь совсем не разделяет ее взглядов и стремится разубедить в этом других. Ленину коллегиальность виделась как «нечто зачаточное, необходимое на первой стадии, когда приходится строить вновь. Но при установившихся более или менее устойчивых формах *переход к практической работе связан с единоначалием* (курсив мой. – Н.С.), как с той системой, которая больше всего обеспечивает наилучшее использование человеческих способностей и реальную ... проверку работы»[95]. Вождь определил общую тенденцию развития в движении «от случайной, расплывчатой коллегиальности через коллегиальность, возведенную в систему организации, проникающей все учреждения ... и теперь, как общая тенденция, подошел к единоначалию как к единственно правильной постановке работы»[96]. «Опыт армии, – констатировал он, – показал нам на закономерное развитие организации управления от первоначаль-

ных форм коллегиальности к единоначалию...»[97]. Новое социалистическое общество предполагалось создавать по военному образцу и к осознанию этой «истины» нужно было спешно готовить все руководящие силы партии. Наиболее ценные кадры назначались на ответственную практическую работу для того, чтобы опытным путем принудить их к отказу от своих прежних взглядов. Например, имевший в партии значительный авторитет Г.Л.Пятаков, несомненный администратор, «с запасом воли и революционной энергии» выступал за широкую коллегиальность. Его полуанархические убеждения наносили существенный вред делу революции. Троцкий повел с ними решительную борьбу, дав сразу ответственное назначение, которое вынудило Г.Л.Пятакова от слов перейти к делу. «Способ этот не нов, – писал Троцкий, – но во многих случаях незаменим. Административный смысл скоро подсказал ему (Пятакову), что надо применять те самые методы, против которых он вел словесную войну»[98]. Таких превращений в годы гражданской войны было немало. Члены «военной оппозиции» стали активно втягиваться в работу, соглашаясь с принципом единоначалия. Ленин сам откровенно признавался, что многие свои умозаключения он выводил из опыта армии, и сетовал, что «...главный недостаток партии ... не изучение практического опыта. Это корень всех бед и всего бюрократизма»[99].

Проблема бюрократизма приобретала одновременно и теоретическое, и практическое значение. В период, непосредственно предшествовавший Октябрьскому перевороту, Ленин полагал, что удастся утвердить пролетарскую диктатуру без бюрократии. Возникновение этой проблемы уже через несколько месяцев после прихода большевиков к власти стало для него неожиданным и, к тому же, неприятным открытием, побудившим вводить все новые и новые поправки в социалистическую концепцию. Проблема бюрократии, возникшая как феникс из пепла «военного коммунизма», явственно показала, насколько мало подготовленными к ее решению оказались и больше-

вистская партия, и, что особенно важно, ее вождь. Бюрократизм оставался за пределами ленинской теории социализма. Лишь позднее стало очевидным, что проблема бюрократии из «побочной», «походя» решаемой в ходе «экспроприации экспроприаторов», превратилась в одну из центральных проблем современной цивилизации, определяющих ее судьбу, включая и судьбу революций, свершающихся в ее фарватере[100].

Опасность обюрокрачивания советского и партийного аппаратов становилась совершенно реальной: «бюрократизм советского аппарата не мог не проникнуть в аппарат партийный, ибо эти аппараты переплетаются между собой тесным образом»[101], а опытных и знающих людей, по оценке вождя, было чрезвычайно мало[102]. Если «борьба с бюрократизмом, – предупреждал Ленин, – направляется не туда, куда надо, то положение становится очень опасным, например, по отношению к специалистам. Наше положение плохо не потому, что у нас много специалистов, а потому, что у нас нет строгой централизации. <...> Надо ставить в учреждения побольше рабочих-середняков, которые, приучась около специалистов к работе, сумели бы их заменить и вести самостоятельно практическую работу»[103]. Ленин стремился успокоить своих соратников и убедить их в том, что масштаб грозившей опасности невелик и при большом желании можно было обойтись без старых управленцев. «Сотни тысяч старых чиновников, полученных от царя и от буржуазного общества, работающих отчасти сознательно, отчасти бессознательно против нас»[104]. Он утверждал, что в центре, «где мы имеем государственную власть, аппарат … функционирует, в то время как внизу они (старые управленческие кадры. – Н.С.) самовольно распоряжаются и так распоряжаются, что очень часто работают против наших мероприятий»[105].

Относя себя к ортодоксальным марксистам, Ленин не мог не ставить во главу угла идеи социализма. Все остальное, в том числе и проблема бюрократии, рассматривалось им как вторичное. Вождь решал задачи, стараясь

опереться на уже полученный политический опыт, «превращая саму действительность в поле «экспериментального» доказательства истинности теории»[106], которой он служил. Большевистским лидерам первоначально казалось, что проблема бюрократии окончательно снимается революцией: «Бюрократия побеждена. Эксплуататоры устранены. Но культурный уровень не поднят, и поэтому бюрократы занимают старые места. Бюрократию можно потеснить только ... привлечением рабочих к управлению»[107]. Это указание вождя настоятельно требовало немедленно приступить к подготовке формирования советской политической элиты именно из рабочих.

В рамках социалистической теории бюрократизм приобретал явно зауженный характер, но неизбежно вел к серьезным практически-политическим ошибкам. Применяемый Лениным редуцированный подход к проблеме отчасти скрывал, отчасти сознательно запутывал суть дела. Бюрократизм преподносился в качестве «пережитка» свергнутого строя: мол «бюрократическая машина» разрушена, а вот «бюрократизм» продолжает существовать; «Мы, – говорил Ленин, – переняли старый государственный аппарат, и это было нашим несчастьем. Государственный аппарат очень часто работает против нас»; ««...после того как мы захватили власть, государственный аппарат нас саботировал. Мы тогда очень испугались и попросили: «Пожалуйста, вернитесь к нам назад». И вот они все вернулись, и это было нашим несчастьем»»[108].

Однако объективные условия, создаваемые новой властью, вели к возрождению бюрократизма. Уже на VIII съезде констатировалось, что в течение всего 1918 года с момента переселения правительства в Москву и до съезда Советов в декабре не было ни одного заседания ЦК партии, и все решения за ЦК принимали Ленин со Свердловым, из которых один тогда был председателем Совнаркома и фактическим лидером партии, а другой – председателем ВЦИК и фактическим руководителем всего партийно-

государственного аппарата[109]. Это свидетельствовало о том, что процесс узурпации властных полномочий набирал силу и обретал контуры пирамидальной системы.

Ведавший всей организационной работой Свердлов был талантливым организатором, инициативным и весьма экспрессивным человеком. Он прекрасно разбирался в людях и имел обширные связи в центральных и местных органах власти. В своей голове он держал сотни имен с исчерпывающими объективными данными, извлекаемыми на свет по мере надобности. Свердлов, располагающий уникальной «внутренней» картотекой, не спешил передоверять ее бумаге или какой-либо организационной структуре. В своей роли, и это было для него очень важно, он был незаменим и крайне необходим. «Он, – писал Б.И. Николаевский о Свердлове, – не любил официальных протоколов, стенограмм и канцелярского делопроизводства»[110]. Свердлов поступал точно так же, как это делал еще в эмиграции Ленин: со всеми маломальски крупными партийными и советскими деятелями, когда они попадали в столицу, он старался встретиться лично, лично узнавал о положении дел на местах, лично давал устные инструкции относительно дальнейшего[111], лично определял профессиональную пригодность представителя провинции, выявлял и брал на заметку наиболее способных. «В этой работе, – говорил Ленин на VIII съезде, – мы были вынуждены всецело полагаться и имели полное основание полагаться на тов. Свердлова, который сплошь и рядом единолично выносил решения»[112]. Неожиданная смерть Я.М. Свердлова в марте 1919 г. поставила партию в весьма сложное положение. Даже доклад по организационному вопросу перед делегатами съезда некому было сделать.

Отношения в большевистской элите первые постреволюционные годы строились почти исключительно на базе личного знакомства, доверия и товарищеской лояльности. Подтверждением того являются ленинские письма и записная книжка Свердлова хранящие характеристики большого числа

большевиков, отвечающих за определенный участок советской или партийной работы. С мест в адрес ЦК нередко раздавались резкие критические замечания. На общем собрании Саратовской городской организации РКП(б), проходившем в марте 1919 года, в присутствии 1170 членов партии, от имени оргкомиссии губкома, прозвучало обвинение в слабом руководстве партийной работой со стороны Центрального Комитета, отсутствия должного учета в распределении работников, конкретных указаний в их использовании. Все это заставляло впустую растрачивать значительное количество энергии и сил. В заключении своего выступления член оргкомиссии губкома Ф. Иванов заявил, что «хотя мы чувствуем малочисленность руководителей российского пролетариата, но считаем необходимым освободить членов ЦК от советской работы и выделить товарищей исключительно для работы партийной»[113]. Резолюция общего собрания гласила: «Отмечая слабую деятельность ЦК, в смысле политического и организационного руководства партией, мы высказываем пожелание в оживлении работы. Центральный Комитет должен состоять из товарищей, способных выражать волю партии, свободных от совместительства. Исключение необходимо допустить только для В.И. Ленина»[114]. Подобная постановка вопроса, когда губком открыто критикует ЦК, к середине 20-х годов становится уже невозможной. ЦК РКП(б) обретает ореол неприкосновенности, занимает особое положение и становиться вне критики.

После смерти Я.М. Свердлова, занявший его место Н.Н. Крестинский, не имевший столь обширных личных связей, вынужден был обратить особое внимание на формальную сторону дела и посвятить немало времени разработке устава, официальной концепции отношений в партии, и организационных структур аппарата управления. Однако первая такая попытка по созданию организационных комиссий закончилась неудачей.

Организационная комиссия, образованная в губкомах по указанию ЦК для перерегистрации и руководства всеми партийными организациями в пределах собственных территорий, имела право требовать от всех партийных, комсомольских, советских фракций, отдельных коммунистов, работавших в тех или иных учреждениях, отчетов. Комиссия имела право распускать в случае несоответствия своему назначению все партийные организации. Освобождать от партработы любого члена РКП(б)[115]. Однако из-за недостатка квалифицированных кадров, перегруженности другой работой и нерегулярности заседаний работа организационной комиссии никак не налаживалась[116].

Объективные и субъективные обстоятельства вынудили партийное руководство в конце марта 1919 года (сразу после окончания VIII съезда РКП(б)) начать формировать в ЦК специальный учетно-распределительный отдел. Перед учраспредом сразу были поставлены задачи: создать систему, способную «действительно обеспечить идеологическое и политическое соответствие» партийных работников занимаемым должностям; гарантированно обеспечить руководящее влияние партии в деле подбора кадров госаппарата и хозяйственных органов; систематически пересматривать и осуществлять важнейшие назначения в государственных и хозяйственных структурах; вести учет работников в направлениях, намеченных распределительной работой; приступить к изучению резервов партии, в частности обучающихся в комвузах; усилить практическое их выдвижение на руководящую работу; организационно оформить распределительную систему[117]. Специальный циркуляр предписывал вести учет «активных партийных работников во всероссийском, губернском и уездном масштабе, кладя в основу всей работы персональный подход к каждому работнику в отдельности». Кроме того, этот документ настоятельно требовал «положить конец анархистской регистрации активных работников помимо учетных отделов»[118].

Однако быстро реализовать это партийное поручение не представлялось возможным. Учраспред Центрального Комитета, как и весь Секретариат, располагал чрезвычайно слабым аппаратом. До апреля 1920 года делопроизводство отдела, от быстроты, точности и аккуратности работы которого зависело успешное распределение партийных кадров, осуществлялось всего девятью малограмотными сотрудниками, не справляющимися даже с текущей работой[119]. В губкомах штат отдела был еще меньше – 4 работника (заведующий отделом, секретарь, статистик и технический сотрудник)[120], а качественно они стояли еще ниже. Заведующий учраспредом Саратовского губкома Лидэ, озабоченный общими проблемами, жаловался на отсутствие аппарата отдела, что не давало возможности в должной мере развить его деятельность. «Отдел крайне слаб, – писал он. Никак не удается подобрать подходящих сотрудников»[121]. Губкомы, постоянно обираемые центром, возражали против политики перевода в Москву наиболее ценных, способных и компетентных работников, всячески этому препятствовали и постоянно обращались в ЦК с просьбой прислать в замен другого, равноценного по качеству, партийца[122]. Но ЦК заняло по этому вопросу иную позицию: «Новых руководящих работников прислано не будет и губкомы сами должны подбирать руководящих товарищей в партийные, советские, профсоюзные и хозяйственные организации»[123].

По мере повышения значимости учета и распределения рос и численный состав отделов. К 15 февраля 1921 года в учраспреде ЦК работало уже 30[124] человек, а в некоторых губкомах штат отделов увеличился в два[125], а то и три раза[126].

Несмотря на то, что отдел был организован в 1919 году, с четко определенным Центральным Комитетом названием – «учетно-распределительный» – в партийных документах он нередко именуется учетно-статистическим, ор-

ганизационно-инструкторским, распределительным. Только в первый послевоенный год его начинают именовать так, как это требует ЦК РКП(б).

Работу учетно-распределительного отдела до 1921 года можно разделить на две части. Первая часть, продолжавшаяся по конец ноября 1920 года, военная. В этот момент деятельность отдела сводилась главным образом к проведению партийных мобилизаций на фронт. Борьба с Польшей и Врангелем требовали от ЦК огромного количества сил. Положение усугублялось продовольственной проблемой и разрухой на транспорте. Удовлетворяя все эти потребности, учетно-распределительный отдел передвинул к новым местам работы 37 547 партийцев. Причем из них 25 249 было мобилизовано Губкомами по раз верстке ЦК РКП(б)[127].

Вторая, начавшаяся с декабря 1920 года, связана с началом мирного строительства. Резко уменьшилось (почти в 2 раза) количество перемещений[128], изменилось их основное направление. Если в военное время масса партийных работников шла из губкомов на фронт, то теперь сама армия поставляла партийцев для иных надобностей. С ноября до середины февраля было демобилизовано в организованном порядке 3 364 члена партии, из которых 897 поступило непосредственно в распоряжение ЦК РКП(б). Учраспредом впервые было отобрано 20 наиболее способных работников для назначения председателями губкомов и губисполкомов[129]. При распределении работников четкого разделения на рядовых и ответственных в отделе еще не проводилось. Только в 1921 году намечается постепенный переход от мобилизационной формы работы, суетливого, случайного и бессистемного распределения членов партии к плановым их перемещениям на основании «учета потребностей организаций и личных качеств товарищей»[130].

Первый опыт плановых перемещений был осуществлен еще в августе 1920 года. К февралю 1921 года было произведено 5 плановых перебросок, охвативших в общей сложности около 200 человек – ответственных работ-

ников губернского и уездного масштаба из 40 губерний и ряда областей в центральные учреждения Москвы[131].

Переброска партийных кадров сопровождалась введением карточек кандидатов на перемещение, разосланных губкомам вместе с циркулярным письмом[132]. На основе введенной карточной системы Центральный Комитет намеревался следить за перемещениями партийных работников, ибо нередко случалось так, что «сегодня невозможно было установить куда вчера направили того или иного партийного деятеля»[133].

Работа учраспреда в первый мирный год сосредотачивалась на отработке карточной системы, с помощью которой ЦК мог отслеживать перемещения работников и осуществлять объективный учет наиболее способных партийных функционеров. Отделу удалось собрать некоторые количественные данные на работников губернского масштаба (членов губкомов, губисполкомов, президиумов губпрофсоветов и т.д.), однако недисциплинированность местных партийных органов затрудняла эту работу (только один Рязанский губком выполнил все параграфы циркуляра об изменениях в личном составе указанных категорий)[134].

Необходимость скорейшего формирования достаточно стабильной группы партийной элиты заставила провести летом 1921 года всероссийскую перепись ответственных партийных работников всероссийского, областного, губернского и уездного масштаба. Перепись показала, что образовательный и культурный уровень опрошенных коммунистов «почти целая дивизия, – иронизировал Ленин, – и все конечно самые лучшие»[135] оказался подчиненным культуре побежденных классов. Ленин характеризовал культуру побежденных классов как жалкую и мизерную, но более высокую «чем у наших ответственных работников-коммунистов». Он писал, – «...у них нет достаточного умения управлять, для этого надо учиться, а у нас не учатся»[136]. Пе-

репись дала ценные результаты и положила начало действительного систематического учета и изучения руководящих кадров партии.

Однако в своей работе учраспред ЦК наталкивался как на непреодолимое препятствие на крайнюю организационную слабость и неподготовленность учетных, распределительных и статистических аппаратов на местах. В губкомах это были самые захудалые и неавторитетные отделы. Способные и подготовленные люди работать в них не хотели. Отсюда постоянная текучесть работников, частые смены заведующих, которые лишали отделы элементарных условий преемственности[137]. Несерьезное отношение обкомов и губкомов к их деятельности приводило к тому, что эти отделы или существовали только на бумаге, или влачили жалкое существование. Во главе их нередко ставили лиц, совершенно неподходящих, ведущих исключительно канцелярскую, механическую работу переписчиков и хранителей анкет. Многочисленные циркуляры ЦК, обращавшие внимание местных органов на ненормальность такого положения, мало помогали делу, и только совещание секретарей губкомов после декабрьской (1921 г.) конференции на которой по докладу учраспреда ЦК было проведено решение всемерно укрепить аппараты учета на местах положило начало изменению положения. Постановление ЦК о пересмотре состава заведующих учетных и статистических отделов и заведующих учетными столами укомов, замене слабых работников на более подходящих, несколько поправили дело[138].

Основной смысл всей деятельности ЦК РКП(б) в этом направлении состоял в отказе от вредной и неосуществимой на практике мысли сосредоточить в Центральном Комитете учет решительно всех членов партии, а его учраспреду заниматься распределением работников непосредственно. ЦК установил порядок, при котором учраспред должен учитывать и готовить материалы для распределения лишь в отношении руководящих кадров партии, вошедших в категорию уездного, губернского, областного и всероссийского

масштаба. Число таких работников, взятых на учет в 1921 году, «исчислялось 30 – 32 тысячами человек, но в более строгом смысле учраспред имел дело с более узкой группой, примерно в 7 000 работников всероссийского, областного, губернского и уездного масштаба»[139]. Эта цифра, позднее, еще более сократится.

Стратегический план завоевания господствующего положения партии в жизни страны базировался на двух взаимодополняющих принципах: один выдвигал требование обособления партийных организаций от организаций общесоветских при строгих субординационных связях, а другой предписывал коммунистам, работавшим в правительственных и хозяйственных учреждениях, полное подчинение решениям соответствующих партийных структур: «Во всех советских организациях абсолютно необходимо образование партийных фракций, строжайше подчиняющихся партийной дисциплине»[140].

Еще восьмая партийная конференция (декабрь 1919 г.), принявшая партийный устав, внесла определенность и закрепила решение VIII съезда: «Фракции, независимо от их значения, целиком подчинены партии. По всем вопросам, по которым существует законное решение соответствующей партийной организации, фракции обязаны строго и неуклонно держаться этих решений. Комитет имеет право ввести в состав фракции и отозвать из нее любого члена, обязательно извещая фракцию о причинах подобной меры»[141]. Существенные разногласия между партийным комитетом и фракцией преодолеваются их повторным рассмотрением и принятием окончательного решения, подлежащим «немедленному исполнению со стороны фракции»[142]. «На все важнейшие должности в том учреждении или организации, в которых работает фракция, кандидаты намечаются фракцией совместно с соответствующей партийной организацией.

Таким же порядком производится и перемещение с одной должности на другую»[143].

Политические приоритеты большевистской партии просматриваются здесь весьма отчетливо. Логика их последовательной реализации вела, во-первых, к созданию института ответственных лиц, во-вторых, – единоначалию, в-третьих, – к установлению диктатуры партийного аппарата над всеми аппаратами советского государства и корректированию работы второго по образу и подобию первого.

Член большевистской элиты и один из руководителей «рабочей оппозиции» В.В. Осинский, обиженный недооценкой своих личных способностей, высказал претензию, что партийная работа сосредоточивалась исключительно вокруг Центрального Комитета, который «как коллегиальный орган, в сущности говоря, не существовал», поскольку «тт. Ленин и Свердлов решали очередные вопросы путем разговоров друг с другом и с теми отдельными товарищами, которые опять-таки стояли во главе какой-нибудь одной отрасли советской работы»[144]. Это обстоятельство публично отмечали не только постоянные ленинские оппоненты, но и верные сподвижники. Л.Б. Красин откровенно писал, что на работу ЦК влияют отдельные личности, а не весь коллектив. В этом, по его мнению, негативном явлении Красин обвинял сам Центральный Комитет, так как именно этот партийный орган способствовал «прохождению в ЦК на съездах таких членов, которые исполняли волю отдельных личностей»[145]. Некоторые партийные организации в качестве отрицательного момента отмечали персональное руководство партией полуофициального характера»[146].

Становилось вполне очевидным, что далеко не все члены Центрального Комитета допускались к выработке и принятию важнейших политических решений. Даже «несмотря на то, что ЦК партии в силу традиции, в силу истории за 25 лет существования сложился в такую группу, которая всасывает в себя все наиболее авторитетное из партии»[147] – он становился малопригодным для принятия правильных решений. Аналогичные высказывания делал и

сам Ленин: «Наш ЦК сложился в группу строго централизованную и высоко авторитетную, но работа этой группы не поставлена в условия, соответствующие его авторитету»[148]. Потому-то «в нашем положении строжайший централизм и самая суровая дисциплина являются абсолютной необходимостью»[149].

Ленин, отмечая действительные трудности в управлении государством, вызванные отчасти гражданской войной, отчасти тем, что «организационная деятельность никогда не составляла сильной стороны русских вообще и большевиков в частности, а между тем главная задача... – именно *организаторская задача*»[150], приводил в оправдание допускаемых властью ошибок данные, не позволяющие большевистскому руководству принимать и проводить адекватные решения: «Регулярные сведения (в ЦК. – Н.С.) поступали от организаций 4-х губерний, нерегулярные сведения из 14-ти губерний, случайные сведения из 16-ти губерний»[151], от остальных сведения не поступали вообще. В таких условиях говорить о систематической и эффективной управляемости партией и государством из единого центра было бессмысленно.

Укрепление исполнительской дисциплины превращалось в неотложную потребность. Централизация сопровождалась узкой специализацией. В этом плане, как отмечают многие исследователи[152], съезд предпринял «роковой шаг», приняв решение о создании трех новых органов: Политбюро – для решения политических вопросов; Оргбюро – для решения вопросов организационного характера; Секретариата ЦК – для осуществления текущей организационно-исполнительской работы. Ленин, возложив на себя обязанности верховного арбитра, внимательно следил и мгновенно пресекал любые попытки членов его элитной группы присвоить себе чужие права, расширить собственные властные полномочия и влияние. «Вообще неправильно, – строго отчитывал он Молотова за разосланный Оргбюро ЦК партии циркуляр о

взаимоотношениях партийных и судебно-следственных органов, – такие вопросы решать в Оргбюро: это **чисто** политический, всецело политический вопрос»[153] и решать его следовало только в Политбюро.

Три партийных органа в последующие несколько лет разделили все функции партийного съезда между собой и узурпировали все, кроме чисто внешнего атрибутивного свойства власти. Опасность столкновения между новыми структурами, по мнению Ленина, должна была быть сведена к минимуму соединенным членством наиболее проверенных и близких к вождю лиц.

На Секретариат Центрального Комитета устав партии возлагал самые неопределенные функции. Б. Бажанов отмечал: «то ли он должен был решать менее важные вопросы, то ли готовить более важные вопросы для Оргбюро и Политбюро»[154]. Устав «хитро» декларировал, что «всякое решение Секретариата, если оно не опротестовано никем из членов Оргбюро, становится автоматически решением Оргбюро, а всякое решение Оргбюро, не опротестованное никем из членов Политбюро, становится решением Политбюро, то есть решением Центрального Комитета; всякий член ЦК может опротестовать решение Политбюро перед Пленумом ЦК, но это не приостанавливает его исполнения»[155]. Секретариат, по существу, не нарушая партийного устава имел право принимать к исполнению любые дела, формально не присваивая чужих прав, ибо вышестоящие инстанции имели возможность изменить или отменить его решения. Генеральный секретарь, обладающий достаточным влиянием, вполне мог «командовать партией через Секретариат»[156].

Однако Сталин в этот период еще не имел в партии непререкаемого авторитета и стремился избегать открытых конфликтов с Политбюро и вождем. Он избрал другой, более верный путь увеличения своего политического веса от ограниченного до беспредельного: без лишней шумихи заняв с по-

мощью Ленина пост Генсека, стал проводить «вполне своих» людей сначала в провинциальные комитеты, потом в состав ЦК, а затем и в Политбюро, постепенно противопоставляя их «ленинским гвардейцам», которые становились не слишком нужными ни делу, ни восходящему на политический Олимп новому лидеру. Начиная с 1929 года Политбюро ЦК было настолько подчинено Сталину, что у него не было никакой необходимости управлять иначе, чем через Политбюро[157].

На заседаниях Секретариата только секретари ЦК имели право решающего голоса. Все присутствующие заведующие отделами и старшие помощники секретарей ЦК обладали голосом совещательным. Их, пока, не допускали до влияния на принятие властных решений, а на практической работе проверяли способность понимать ситуацию и правильно использовать приобретенный управленческий опыт.

Процесс отбора на руководящие партийные посты, осуществляемый в Секретариате ЦК, с назначением Сталина, по оценке Троцкого, «пошел бешеным темпом»[158]. Вероятнее всего, Сталин и был призван в Секретариат для устранения с ответственных постов в партийных, государственных и иных структурах сторонников Троцкого, назначенных туда при поддержке его сторонников Н.Н. Крестинского, Е.А. Преображенского и Л.П.Серебрякова. За период с апреля 1920 г. по март 1921 г. они осуществили распределение 42 014 партийцев из которых ответственных деятелей партии разделяющих их политические взгляды было около 15%[159]. В этот период и в Саратовском губкоме РКП(б) по рекомендации ЦК оказались «совершенно новые люди, которые начали переоценку всех ценностей»[160]. В протоколах пленума губкома отмечалось: «отсутствие достаточного количества старых опытных работников в новом составе губкома не могло не отразиться на качествах цельности и преемственности начатой линии работы старого состава губкома. К тому же ЦК взял половину его состава»[161]. В.М.

Михайлов, В.М. Молотов и Е.М. Ярославский, сменившие в Секретариате ЦК сторонников Троцкого, с задачей не справились: «Перебрасывая, перемещая и мобилизуя членов партии для усиления ударных областей работы», новый секретариат чрезмерно уделял внимание рядовым партийцам, а не кадрам ответственных и руководящих работников. На долю рядовых членов партии, прошедших через учраспред ЦК в 1921 году, приходилось 2/3 от их общего количества, хотя «по решению всероссийского совещания секретарей Губкомов и ЦК РКП(б) они должны были распределяться вне ЦК решением губернских комитетов»[162]. Став у «рукоятки аппарата», Сталин начал в первую очередь привечать тех, кто находился на антитроцкистских позициях и имел «качества твердости и практического ума»[163]. Невежество, крайняя узость политического кругозора, неразборчивость в выборе средств, моральная грубость (качества сталинской личности) не служили больше препятствием для высоких назначений. Напротив, это превращается в основные искомые величины. Главным критерием становится антитроцкизм назначаемых чиновников. Всех тех, кто теперь пробивался на командные позиции, Троцкий называл аппаратными узурпаторами, незаконными наследниками Октября и эпигонами большевизма[164]. Люди, оценивающие Сталина критически, для работы на ответственных партийных постах не привлекались. Самостоятельность мысли, уже в первый год его работы, уступила место четкой организационной схеме аппарата. Аппарат был разбит на 8 отделов, из которых каждый, в свою очередь, распадался на подотделы[165]. Во всех отделах и подотделах действовали утвержденные самим Сталиным жесткие инструкции. Внутри каждого отдела был свой «минисекретариат», который должен был быть в курсе всей работы отдела, в основных его линиях. От этих «минисекретариатов» нити сходились в центральном бюро, которое всегда должно быть в курсе всех деталей работы каждого отдела, могло контролировать и выправлять его линию, выявлять и удалять с

элитных постов аппарата скрытых оппозиционеров и их сторонников. Секретари отделов и подотделов фактически были явными агентами центрального бюро для надзора за их работниками[166].

Учетно-распределительный отдел постепенно начал занимать наиболее важное место в жизни всего Секретариата ЦК. На первый план выдвигалась задача «учиться работать», правильнее размещая людей, добиваясь установления индивидуальной ответственности каждого за точно определенную работу, внимательнее изучая и проверяя практический опыт не гоняясь за «новыми» планами новых учреждений или новой постановки дела, переорганизаций и т.д[167]. Однако подбором кадров дело не ограничивалось. Учраспредотдел, уже не полагаясь только на личные отношения, поддерживал связи с местными организациями, разрабатывал для них руководящие инструкции, контролировал деятельность партийных фракций в центральных советских учреждениях, изучал персональный состав коммунистов, работавших в наркоматах, профсоюзах, хозяйственных органах[168]. Подобные же органы были созданы при ЦК национальных компартий, областных и губернских комитетов.

Повышение роли и значения Секретариата в механизме партийной машины сказывалось в постоянном численном росте его аппарата. В момент его создания по численности он не превышал 30 человек, в марте 1920 года уже насчитывал 150 сотрудников, а год спустя, в канун X съезда, эта цифра увеличилась до 602 без учета военного отряда из 140 человек, исполняющих обязанности часовых и курьеров[169].

Секретари ЦК и заведующие отделами на первых порах из-за плохой организации буквально тонули в море текущих бумаг и тратили огромное количество времени на поиск нужного документа. Проведенная вскоре реорганизация, коснувшаяся технической стороны дела, привела к тому, что его сотрудники постепенно перестали считать себя простыми канцелярскими

служащими, ведь через их руки проходили многие государственные и партийные секреты. Люди теперь с полным основанием относили себя к весьма важным и особо доверенным лицам[170], ибо партийный лидер уже не мог обходиться без них.

Очень скоро партийным аппаратом на учет были взяты, во-первых, практически все хоть сколько-нибудь квалифицированные партийные работники, а, во-вторых, все оппозиционеры. Первые получали выгодное пастбище мест, должностей, привилегий и влияния, другие – тощую пищу обещаний. Начинается игра на нуждах и аппетитах, на легковерии и тщеславии. Составлялись специальные досье, в которых были собраны данные на членов и кандидатов в члены большевистской элиты по трем показателям: как о партийцах, как о специалистах и как о людях. Сталин изучал их сильные и слабые стороны и определял выгоду, которую он может извлечь от общения с каждым из них. Все досье на наиболее авторитетных деятелей партии хранились в архиве центрального аппарата учраспреда. Архивы местных учраспредов обладали данными только на низовых работников, которыми они и должны были распоряжаться. Все работники, состоящие на учете в ЦК и получившие наименование «номенклатура»[171], находились в полном распоряжении учраспреда Секретариата ЦК РКП(б). Его право регулирования и манипулирования членами элитной группы было фактически неограниченным, любого наркома, полпреда, высокопоставленного военного или чекиста могли в любой момент отправить «на низовую работу», куда-нибудь в далекую провинцию (на Север, в Среднюю Азию, Сибирь, Дальний Восток, заграницей) под предлогом необходимости и целесообразности. Протесты, просьбы, отказы людей в расчет принимались очень редко, их использовали как «партийное имущество» на том участке работы, где считали это нужным руководители аппарата.

Приводной пружиной, заставляющей действовать сложную систему Секретариата ЦК, было Оргбюро. В Оргбюро входили все секретари ЦК, заведующие его ведущих отделов (Л.М. Каганович, С.И. Сырцов), начальник ПУР и один-два члена ЦК, избираемых в Оргбюро персонально. Все эти лица, были подобраны самим Сталиным, лично ему подчинены и только от него зависимы. Сталинское Оргбюро вообще поддерживало людей, которые способны были политически существовать только милостью аппарата[172]. «Сталин и Молотов, – вспоминает Бажанов, – заинтересованы в том, чтобы состав Оргбюро был как можно более узок – только свои люди из партаппарата»[173]. Организационное бюро – важнейший инструмент влияния на провинциальные партийные структуры – осуществляет подбор и распределение партийных работников. Чрезвычайная важность этого дела заключается в возможности в будущем получить большинство на партийных съездах и обеспечить себе место на вершине властной пирамиды. Значение этого органа Троцким, Зиновьевым и Каменевым будет в полной мере оценено только тогда, когда каждый из них попытается закрепить за собой статус умершего вождя.

Секретариат, Оргбюро и Политбюро во многом способствовали обюрокрачиванию партийного аппарата, влияя на весь характер работы основных партийных инстанций. Деятельность этих структур считалась секретной и строго секретной[174] и, следовательно, обеспечивала допуск к ней лишь минимальному кругу чрезвычайно проверенных и преданных лиц. Конспиративность материалов ЦК обеспечивал сам Сталин.

Исследователи процесса бюрократизации партаппарата пришли к выводу, что ЦК постепенно, естественно и как-то незаметно подменил собой местные партийные органы не только в принятии большинства резолюций, но, что, возможно, было важнее, – в подборе кадров на всех уровнях, утверждая тем самым свое право действовать единолично. За 1922 год были смещены

или переведены Секретариатом или Оргбюро Центрального Комитетом партии 37 секретарей губкомов, а 42 назначены по его «рекомендации». Униженный отстранением и выводом из состава ЦК за, казалось бы, аналогичные действия Е.А. Преображенский жаловался съезду на то, что 30% всех секретарей губкомов были «рекомендованы» ЦК, который он называл «государством в государстве»[175]. Однако съезд его жалобам не внял и ни каких решений по данному вопросу не принял.

Оргбюро должно было помогать и оказывать протекцию своим креатурам, защищать их всеми силами, способствуя тем самым, развитию политического властолюбия. Добывая этим людям места в партийной системе, Оргбюро принимало на себя обязанность поддерживать их, какова бы ни была их неосведомленность и неаккуратность в работе. Поскольку Политбюро было перегружено текущей работой, а Ленин серьезно болен, многие решения о назначениях (при негласном поощрении Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева) принимались единолично Генеральным секретарем. За период между XI и XII партсъездами Секретариат и Оргбюро, под руководством Сталина, произвели 10 351 назначение, а к XIII съезду еще 6 028. Причем генсек, в отличие от своих предшественников, сосредотачивал внимание не на рядовых и низовых, а на ответственных и руководящих работниках. В первом случае среди назначенных таковых было 4 738 человек или 45,7%, а во втором – 4 569, но уже 75,8%[176]. Причем, если к XII съезду работников губернского масштаба было назначено 1 798, то к XIII съезду назначение прошли 2 109[177]. От кандидатов на ту или иную должность требовалось только одно – догадаться, чего от них хотят. Кто «догадывался», тот закреплял свое положение и имел шанс подняться выше. Так возник особый вид карьеризма, который позже получил открытое имя «антитроцкизма». «Процесс персонального отбора, – писал позднее Троцкий, – опускался все ниже. Уже нельзя стало занять пост директора завода, секретаря цеховой ячейки, председателя волостного исполкома, бухгалтера,

ного исполкома, бухгалтера, переписчика, не зарекомендовав себя антитроцкистом»[178]. Конечно, Троцкий утрирует ситуацию, но он прав по существу: его сторонников смещали со всех ответственных постов и отодвигали от власти, лишая, тем самым, влияния их вождя.

Процесс борьбы с оппозиционными группировками еще больше усилил тенденцию концентрации власти. Коммунистическая партия, развиваясь с неоспоримой логикой, сначала подчинила себе все политическое руководство страны, затем Центральный Комитет взял на себя руководство партией, подавляя всякую инициативу и критику, потом все решения за ЦК стало принимать уже только Политбюро, затем триумвират – Сталин, Зиновьев, Каменев – начал полностью контролировать Политбюро, и, наконец за Политбюро стал все решать один-единственный человек – Сталин[179]. Власть сосредоточилась на самом «верху», а передача управленческих команд и решений осуществлялась по цепочке – сверху вниз. Вождь, как высший иерарх, находясь в верхней точке власти, распределял весь объем необходимых действий в партии и стране, возлагая ответственность за каждую ее часть на отдельных людей, в целом и составляющих уже существенно обновленную элитную группу.

«Аппарат», превращаясь в самодовлеющий фактор, все более затруднял созидательную работу. От него страдало даже военное ведомство и Ленин предлагал Троцкому обдумать организационную сторону борьбы с бюрократизмом. Он намечал создание при ЦК РКП(б) специальной антибюрократической комиссии. Причем оба лидера, Ленин и Троцкий, должны были в нее войти. Эта комиссия, по словам Троцкого, должна была стать рычагом для разрушения сталинской фракции, как позвоночника бюрократии[180]. Однако осуществить это не удалось.

Правящая партия, строящая свою деятельность на бюрократических принципах, создавала благоприятные условия для карьеры и продвижения

на более высокие уровни командной цепочки максимально лояльных представителей. Речь идет пока лишь о преданности и лояльности и минимально затрагивается такое элитное качество как компетентность. Смертельная схватка преданности с компетентностью была еще впереди, но первые ее симптомы обозначились уже при Ленине. Сознавая, что повышение в должности одновременно сулит и власть, и полномочия, и иные статусные позиции, члены правящей элиты начинают проявлять особый интерес к интригам. Интрига превращается в главный инструмент политической борьбы.

Однако объективная потребность достижения определенных позитивных результатов не могла не вносить коррективы и в бюрократическую кадровую политику, заставляла лидеров подбирать и повышать по службе не только преданных, но и осведомленных в конкретных делах людей. Кадровые характеристики элитных деятелей нуждались теперь в существенном дополнении: способна ли преданная персона к эффективной работе или нет. Время оценок «как сделал, так и ладно» отходило в прошлое. Такой подход к делу уже не мог удовлетворить партийное руководство. Переход к означенному принципу позволял отбирать кандидатов в элиту, обучать, проверять в работе и удерживать в ее составе преданных членов партии, одновременно являющихся и квалифицированными специалистами-администраторами. Но для тех, кто страстно хотел всего и сразу, это был слишком долгий и сложный путь, далеко не всегда сулящей успех даже в перспективе. Эти люди лихорадочно искали другие подходы к властным вершинам.

Примечания к третьей главе

[1] Гаман О. // Россия XXI. 1996. № 5/6. С. 54.

[2] См.: Федотов Г. И есть, и будет. Размышления о русской революции. Париж. 1932. С. 83.

[3] Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. 2-е изд. М., 1990. С.154.

[4] См.: Луначарский А.В. Приезд Ленина // О Владимире Ильиче Ленине. С.213.

[5] Дневниковые записи академика М.Н. Покровского // Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 2. С. 156-157.

[6] См.: Смирнов Н.Н. III Всероссийский съезд Советов. М., 1988. С. 101.

[7] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 227.

[8] См.: Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 1. С. 185-186.

[9] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 123.

[10] См.: Никифорова А.Н. 21 день в семье В.И. Ленина // О Владимире Ильиче Ленине. С. 169.

[11] Яковлев Е. Первое правительство // Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М., 1988. С. 196.

[12] Цит. по: Яковлев Е. Первое правительство. С. 197.

[13] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 91.

[14] Там же. Т. 41. С. 298.

[15] См.: Бричкина С.Б. Малое о великом // О Владимире Ильиче Ленине. С.474.

[16] См.: Раскольников Ф.Ф. Указ. соч. С. 83.

[17] См.: Тер-Арутюнянц М.К. В.И. Ленин – военный руководитель в период становления Советской власти // О Владимире Ильиче Ленине. С. 322.

[18] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 281-282.

[19] ЦДНИ СО, ф. 27, оп. 2, ед. хр. 12, л. 33.

[20] См.: Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 2. С. 170.

[21] Цит. по: Кокурин А., Петров Н. ВЧК (1917-1922) // Свободная мысль. 1998. № 6. С. 104.

[22] ЦДНИ СО, ф. 27, оп. 1, ед. хр. 481, л. 17.

[23] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 264.

[24] Цит. по: Яковлев Е. Первое правительство. С. 198.

[25] Левитас Е.Р. Всепобеждающее ленинское слово // О Владимире Ильиче Ленине. М., 1963. С. 255.

[26] Яковлев Е. Первое правительство. С. 198.

[27] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 225.

[28] Петровский Г.И. В.И. Ленин нас всегда учил быть с народом // О Владимире Ильиче Ленине. С. 129.

[29] Выражение В.И. Ленина.

[30] Стивен С. Операция «Раскол» // Диалог. 1990. № 14. С. 76.

[31] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 282.

[32] См.: Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 2. С. 78.

[33] Там же. С. 79.

[34] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 223.

[35] ЦДНИ СО, ф. 27, оп. 1, ед. хр. 481, л. 7.

[36] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 223.

[37] Петровский Г.И. В.И. Ленин нас всегда учил быть с народом // О Владимире Ильиче Ленине. С. 130, 131.

[38] Приводится по: Вопросы истории КПСС. 1990. № 12. С. 152.

[39] Луначарский А.В. Жене // Вопросы истории КПСС. 1991. № 2. С. 49.

[40] См.: Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 2. С. 83.

[41] См.: там же. С. 83-84.

[42] См: Либман Г.И. и др. Теории элит // Социально-политический журнал. 1997. № 4. С. 114.

[43] Хофман-Ланге У. Элиты и демократизация: германский опыт // Социс. 1996. № 4. С. 51.

[44] Красин Л.Б. Цит. по: Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы: политический и нравственный облик (1917-1920 гг.)//Отечественная история. 1997. № 4. С.44.

[45] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 365.

[46] Цит. по: Волкогонов Д.А. Сталин. Политический портрет. Кн. 1. С. 124.

[47] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 198.

[48] Соломон (Исецкий) Г.А. Среди красных вождей. М., 1995. С. 49.

[49] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 270.

[50] Там же. Т. 36. С. 179.

[51] Там же. С. 228.

[52] Там же. С. 179.

[53] См.: Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 527.

[54] Там же.

[55] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 138.

[56] Там же. Т. 37. С. 295.

[57] Там же. Т. 38. С. 137.

[58] Там же. Т. 37. С. 382.

[59] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 2. С. 138.

[60] Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 2. С. 79.

[61] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 2. С. 170.

[62] ЦДНИ СО, ф. 27, оп. 1, ед. хр. 481, л. 13.

[63] См.: Шевоцуков П.А. Страницы истории гражданской войны: Взгляд через десятилетия. М., 1992. С. 37.

[64] См.: там же.

[65] См.: Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 528.

[66] Речь Ф.Э.Дзержинского на открытии IV Конференции губернских Чрезвычайных Комиссий // Исторический архив. 1957. № 5. С. 183.

[67] Макаревич Э. Профессиональная хватка ВЧК // Диалог. 1998. № 2.

[68] Карр Э. Указ. соч. С. 157.

[69] Какурин Н.Е. Как сражалась революция: В 3 т. Т. 1. М., 1990. С. 132.

[70] Бабин А. Дневник гражданской войны в России // Волга. 1990. № 5. С. 119.

[71] ЦДНИ СО, ф. 27, оп. 1, ед. хр. 487, л. 8.

[72] См.: Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 2. С. 174

[73] Там же. С. 176.

[74] Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 45-46.

[75] Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы: политический и нравственный облик (1917-1920 гг.) // Отечественная история. 1997. № 4. С. 45.

[76] РГАСПИ, ф. 669, оп. 1, ед. хр. 4, л. 101.

[77] Там же. Л. 117.

[78] Утро новой эпохи // Вопросы Истории КПСС. 1988. № 2. С. 64.

[79] См.: Чуев Ф. Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999.

[80] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 228.

[81] Там же. Т. 36. С. 43.

[82] Там же. Т. 37. С. 500.

[83] Там же. Т. 36. С. 44.

[84] Там же. Т. 37. С. 495.

[85] Там же. Т. 42. С. 251.

[86] Там же. Т. 44. С. 54.

[87] Там же. Т. 42. С. 45.

[88] Там же. С. 282.

[89] Там же. Т. 39. С. 425.

[90] Там же. С. 423.

[91] Там же. С. 421.

[92] Там же. Т. 37. С. 212.

[93] Там же. Т. 39. С. 420-421.

[94] Там же. Т. 38. С. 150.

[95] Там же. Т. 40. С. 76.

[96] Там же. С. 77.

[97] Там же.

[98] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 2. С. 171.

[99] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 47.

[100] Давыдов Ю. Вебер и Ленин: кто прав? // Диалог. 1991. № 15. С. 57.

[101] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 49.

[102] Там же. Т. 45. С. 122.

[103] Там же. Т. 37. С. 429.

[104] Там же. Т. 45. С. 290.

[105] Там же.

[106] Давыдов Ю. Указ. соч. С. 54.

[107] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 171.

[108] Там же. Т. 45. С. 290.

[109] Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 134.

[110] Там же. С. 135.

[111] Там же.

[112] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 146.

[113] ЦДНИ СО, ф. 27, оп. 1, ед. хр. 30, л. 66.

[114] Там же. Л. 67.

[115] Там же. Л. 69.

[116] Там же. Л. 45.

[117] РГАСПИ, ф. 17, оп. 34, ед. хр. 238, л. 6.

[118] ЦДНИ СО, ф. 27, оп. 1, ед. хр. 487, л. 57.

[119] РГАСПИ, ф. 17, оп. 34, ед. хр. 238, л. 9.

[120] ЦДНИ СО, ф.27, оп. 1, ед. хр. 238, л. 7.

[121] Там же. Оп. 2, ед. хр. 279, л. 14.

[122] Там же. Оп. 1, ед. хр. 267, л. 16.

[123] Там же. Оп. 2, ед. хр. 12, л. 33.

[124] РГАСПИ, ф. 17, оп. 34, ед. хр. 3, л. 1.

[125] ЦДНИ СО, ф. 27, оп. 2, ед. хр. 279, л. 3.

[126] Там же. Ед. хр. 14, л. 6.

[127] РГАСПИ, ф. 17, оп. 34, ед. хр.3, л. 2.

[128] Там же. Л. 3.

[129] Там же.

[130] Там же.

[131] Там же. Л. 4.

[132] Известия ЦК РКП(б). 1920. № 26.

[133] Бажанов Б. Указ. соч. С. 123.

[134] РГАСПИ, ф. 17, оп. 34, ед. хр. 12, л. 1.

[135] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 95, 96.

[136] РГАСПИ, ф. 17, оп. 34, ед. хр. 12, л. 1.

[137] ЦДНИ СО, ф. 27, оп. 2, ед. хр. 12, л. 42; ед. хр. 279, л. 14.

[138] РГАСПИ, ф. 17, оп. 34, ед. хр. 12, л. 10-11.

[139] Там же. Л. 11.

[140] КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 134.

[141] Там же.

[142] Там же. С. 134-135.

[143] Там же. С. 135.

[144] Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959. С. 164.

[145] Красин Л.Б. Контроль или производство. (по поводу статьи Ленина «Лучше меньше, да лучше» // Огонек. 1989. № 24. С. 13.

[146] ЦДНИ СО, ф. 27, оп. 1, ед. хр. 30, л. 67.

[147] Двенадцатый съезд РКП(б). Протоколы. М., 1968. С. 227.

[148] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 387.

[149] КПСС в резолюциях… Т. 2. С. 105.

[150] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 148.

[151] Там же.

[152] Карр Э. Указ. соч. С. 164; Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 580.

[153] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 243.

[154] Бажанов Б. Указ. соч. С. 27.

[155] Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959. С. 363.

[156] Бажанов Б. С. 27.

[157] Там же.

[158] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 2. С. 218.

[159] РГАСПИ, ф. 17, оп. 34, ед. хр. 3, л. 7.

[160] ЦДНИ СО, ф. 27, оп. 2, ед. хр. 10, л. 2.

[161] Там же.

[162] Там же. Ед. хр. 26, л. 3.

[163] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 2. С. 218.

[164] Там же. С. 241.

[165] Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 145.

[166] Там же.

[167] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 169.

[168] Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 146.

[169] Известия ЦК РКП(б). 1921. № 29. С. 7; 1921. № 28. С. 23.

[170] Бажанов Б. Указ. соч. С. 41-42.

[171] С 1923 года это понятие постоянно встречается в документах ЦК РКП(б).

[172] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 2. С. 182.

[173] Бажанов Б. Указ. соч. С. 28.

[174] Почти на всех документах учраспреда хранящихся в РГАСПИ есть гриф «Сов. Секретно».

[175] Двенадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1968. С. 146.

[176] РГАСПИ, ф. 17, оп. 34, ед. хр. 238, л. 16.

[177] Там же. Л. 17.

[178] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 241.

[179] Пайпс Р. Россия при большевиках. С. 520.

[180] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 2. С. 216.

ГЛАВА 4. СТАЛИНСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА ПРОТИВ ЛЕНИНСКОЙ ГВАРДИИ (1921 – 1929 гг.)

4. 1 ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭЛИТЫ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ

К весне 1921 года у большевистской элиты сложилось мнение, что принципы построения и методы борьбы, избранные партией и дважды обеспечившие ей положительный результат (в момент достижения государственной власти, удержания и укрепления ее в годы гражданской войны), вполне могут быть перенесены и на период мирной, гражданской, инноваторской деятельности, способствующей строительству небывалого в истории социалистического общества. Только такой подход мог, как им тогда казалось, стать залогом быстрого достижения поставленных целей, ибо они знали только одно правило поведения – то, которое кратчайшим путем вело к быстрой победе. Определяя политические приоритеты в работе «Об едином хозяйственном плане», Ленин вновь возвращается к проблемам, заявившим о себе еще в начале 1918 года: «Мы Россию убедили, мы Россию отвоевали от эксплуататоров для трудящихся, мы эксплуататоров подавили – мы должны научиться Россией управлять»[1], однако теперь вождь лучше понимал глубину разрыва «между величием начатых осуществлением задач и нищетой, как материальной, так и культурной[2] строителей новой жизни. Главная трудность в приобретении навыков управления, по мнению Ленина, состояла в отсутствии культурности[3], что было особенно ощутимо в провинциальных

партийных организациях[4]. Имея за плечами опыт, полученный в период гражданской войны, большевистский вождь утвердился во взгляде, что «время свободных речей и трудной борьбы в Центральном Комитете» должно уйти в прошлое. Основной задачей, наиболее соответствующей историческому моменту, становится обеспечение кумулятивного воздействия всех властных ресурсов на процессы укрепления собственных позиций. Революционные мероприятия уже не могли носить прежний характер. Они неизбежно должны были поменять направленность в зависимости от перехода с военного фронта на фронт хозяйственный[5].

Однако такое впечатление оказалось обманчивым. Начавшаяся еще в годы гражданской войны внутриэлитная борьба, оставившая множество глубочайших отметин в честолюбивом сознании большевистской гвардии, развернулась с новой силой. Надежда на спокойную и планово-размеренную созидательную работу быстро развеялась, когда под влиянием необъяснимых, с точки зрения марксистской теории, экономических трудностей поднял голову политический мятеж.

На X съезде партии, проходившем под знаком победоносного завершения гражданской войны, уже с очевидностью ощущалась неопределенность ситуации. Этот период Ленин назвал периодом «кризиса партии», который на деле был кризисом большевистской элиты. Попытка преодоления его путем введения новой экономической политики не была достаточно осмыслена делегатами съезда и серьезно не обсуждалась. «Никто, – говорил он позднее на VII московской губконференции, – не спорил, и вся партия на съездах, на конференциях и в печати приняла ее совершенно единогласно»[6]. Но подлинным лейтмотивом проходившего партийного форума был настойчиво проводимый Лениным тезис о единстве партии. В кратком вступительном слове он подчеркивал: «Товарищи, мы пережили год исключительный, мы позволили себе роскошь дискуссий и споров внутри нашей партии. Для партии,

которая окружена врагами, могущественнейшими сильнейшими врагами, объединяющими весь капиталистический мир, для партии, которая несет на себе неслыханное бремя, эта роскошь была поистине удивительна!

Я не знаю, как вы оцениваете теперь это. Вполне ли, по-вашему, соответствовала эта роскошь нашим богатствам и материальным и духовным?»[7].

Подмена понятия «политическая партия» понятиями «академия наук» или «дискуссионный клуб», от которой в свое время предостерегал Плеханов и с чем в новую эпоху активно боролся Ленин, проявилась во фрондерстве групп «демократического централизма» и «рабочей оппозиции», которые, с одной стороны, отстаивали право «рабочих» на непосредственную инициативу в выборе людей и определении мероприятий, а с другой, хотели подчеркнуть несостоятельность старых лидеров в деле отбора элиты. Ленин, резко осадив В.В.Косиора, обвинявшего ЦК в том, что он передвигал руководящих партийных и профсоюзных работников из фракционных соображений[8], твердо заявил: «Если у ЦК отнимается право распоряжаться распределением людей, то он не сможет направлять политику. Хотя мы и делаем ошибки, перебрасывая тех или иных людей, но ... Политбюро ЦК за все время его работы сделало минимум ошибок»[9], «какой бы ЦК вы ни выбрали, он не может отказаться от распределения сил»[10]. В отношении выступлений лидера «рабочей оппозиции» А.Г.Шляпникова Ленин настойчиво рекомендовал: «Все эти рассуждения о свободе слова и свободе критики, которые... пестрят и сквозят во всех речах «рабочей оппозиции» составляют девять десятых смысла речей, не имеющих особого смысла... <...> У нас прошло довольно много времени в дискуссии, и я должен сказать, что теперь «дискутировать винтовками» гораздо лучше, чем тезисами, преподносимыми оппозицией. Не надо теперь оппозиции, товарищи, не то время! Либо – тут, либо – там, с винтовкой, а не с оппозицией»[11].

Выступление Ленина должно было заставить задуматься членов оппозиционных групп над своей ролью в функционировании партийных и советских учреждений. В нем совершенно отчетливо слышалась угроза отлучения от партии тех, кто останется глухим к его увещеваниям. Характеризуя наиболее активного оппозиционера В.В. Осинского, Ленин отметил сильную его сторону – «с энергией и нажимом наступать на то дело, за которое он берется»[12], но указал и на сторону слабую – «по любому вопросу давать платформу»[13]. Товарищеские советы «умерить свои слабости», даваемые В.В. Осинскому в ЦК, не подействовали, и Ленин публично вынес вердикт обреченному на политическую смерть партийцу: «был человек...», но «как работник погиб»[14].

Стремление членов большевистской элиты любым способом проявить себя, свою, зачастую богато одаренную натуру нередко противоречило новым требованиям вождя и Центрального Комитета: «ЦК должен смотреть за тем, чтобы натура проявлялась с пользой. ЦК должен устраивать так, чтобы (неправильные. – Н.С.) рассуждения обрезать... Это будет полезно. Нужно свои способности умерить… у нас хотя бы в одном наркомате сделано что-нибудь без спора? Не сделано»[15]. Архивные материалы региональных партийных организаций изобилуют документами свидетельствующими о бесконечных склоках, интригах и борьбе за лидирующие позиции. Причины подобного положения руководство Саратовского губкома видело с слабости кадрового состава местных организаций РКП(б). На одном из заседаний оргкомиссии констатировалось: «Все, даже лучшие в коммунистическом отношении (работники. – Н.С.) ничего из себя не представляют – большинство же это коммунистический сор»[16]. Для наведения порядка и налаживания партийной работы некоторые ответственные работники стали требовать для себя диктаторских полномочий[17]. Время, когда такие полномочия партийные руководители получат было уже не так далеко.

Первые попытки установления политического консенсуса, предпринятые Лениным на X партсъезде, далеко не сразу нашли понимание и поддержку в среде «большевистской гвардии». На второй день после поименного голосования резолюции «О единстве партии» по инициативе Ленина было созвано специальное совещание, которое не стенографировалось, не велся даже протокол[18]. Воспоминания участников совещания (только они свидетельствуют о событиях, развернувшихся на нем) рисовали картину сложной политической борьбы между отдельными элитными группами. Приглашение на совещание получили только делегаты съезда с дореволюционным партстажем. Ленин с тревогой говорил своей элите о важности консолидации усилий партии, которая накануне не поддержала его резолюции: «Вы – старая гвардия партии, вы в первую очередь несете перед партией ответственность за сохранение ее единства»[19]. В единстве большевистской элиты он видел залог благополучного проведения в жизнь всех решений партийного руководства, а, следовательно, и успехов в созидании нового. В то время возникновение отдельных оппозиционных групп с особой платформой и со стремлением до известной степени замкнуться и создать свою групповую дисциплину угрожало, по его мнению, смертельной опасностью – расколом. Подчеркнув необходимость немедленной и решительной ликвидации гибельной для партии фракционности, Ленин выдвинул требование, чтобы всякий, кто выступает с критикой недостатков в советской и партийной работе, предлагал средства их устранения и своим участием в практической работе помогал их исправить[20].

На совещании Ленин, как опытный боец, сразу попытался расстроить ряды оппозиционеров, вбить клин между их лидерами и основной рядовой массой, предоставив возможность выступить не «идеологам» групп, преследующим цель борьбы за власть, а тем представителям руководящих коллективов этих фракционных образований, которые практически работали в пар-

тийном и советском аппарате[21]. Выступление этих представителей убедили Ленина в том, что они не сделали правильных выводов из речи большевистского вождя. Эти люди не желали понимать предостерегающего значения кронштадского и тамбовского восстаний. Повторив упреки и претензии своих фракций, уже высказанные на съезде, они не внесли никаких деловых практических предложений и не приняли никаких ответственных обязательств, хотя, казалось бы, признали, правда, в довольно общей и неопределенной форме, вред фракционности[22]. Уклончивые декларации представителей оппозиции о том, что они не будут нарушать партийного единства, не удовлетворили Ленина. Твердой уверенности в том, что оно не будет нарушено в будущем, их безответственные заявления не вселяли. В этих условиях гарантию единства Ленин видел в одном из пунктов предлагаемой им резолюции, дающий ЦК полномочие применять в случаях нарушения дисциплины и рецидивов фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК – перевод их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, – исключение из партии[23].

Попытки лидеров оппозиционных групп повысить свой политический статус за счет непосредственной апелляции к партийной массе становились для них опасными. Не все это приняли. Но выбор был не слишком богатый: либо занимать место, указанное большевистским вождем и его ближайшим окружением, либо – отлучение от партии со всеми вытекающими последствиями. Однако стремление во что бы то ни стало с помощью политической лестницы подняться еще выше побуждало идеологов оппозиции снова и снова штурмовать властные вершины. Оппозиционеры стремились убедить всех в том, что только они правильно выражают мнение и защищают интересы большинства партийной массы и нужно лишь, используя демагогические приемы, повести ее за собой. Амбициозность лидеров оппозиции, их страстное желание пробиться к властным рычагам, заставляло во что бы то ни ста-

ло настаивать на проведении в жизнь своих взглядов, доказывать правильность и полезность своей линии и подтверждать это постоянно, не обращая внимания на угрозы, мнение вождя, резолюций центральных партийных органов.

Ослабление влияния властвующей элиты, отсутствие у нее опыта и навыков управленческого труда не могло не сказаться и на функционировании государственной машины. Исчерпывающую характеристику этому мы находим в материалах XI съезда партии: «Государство в наших руках, но действует оно не по нашему. Вырывается машина из рук: как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то, не то нелегальное, не то беззаконное, не то бог знает откуда взятое, не то спекулянты, не то частнохозяйственные капиталисты, или те и другие, – но машина едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины. <...> ... нужна перегруппировка сил»[24].

В сложных условиях выбора направления движения дамоклов меч раскола, нависший над большевистской элитой, многократно увеличивал опасность гибели революционных завоеваний. Угроза разрасталась и начинала обретать вполне реальные очертания. Положение усугублялось позицией второго после Ленина партийного вождя, желавшего стать первым, – Троцкого, подогревавшего «дискуссионные» настроения у своих приверженцев в Центральном Комитете РКП(б). Ленину пришлось приложить немало усилий к тому, чтобы Секретариат был сформирован из его сторонников. То, что на мартовском (1921г.) Пленуме ЦК Крестинский, Преображенский и Серебряков не только лишились партийных постов, но и навсегда потеряли свое членство в составе Центрального Комитета РКП(б), свидетельствовало о крайней степени раздраженности вождя и его недовольстве безответственностью их политической позиции.

Поворот к новой экономической политике в очередной раз в истории большевизма потребовал от правящей элиты качественно новых черт: «*Нам нужно,* – писал Ленин, – *построить всю нашу организацию так, чтобы во главе коммерческих предприятий у нас не оказались люди, не имеющие опыта в этой области*»[25]. Вождь указывал своим соратникам на ошибочность политики подбора и расстановки кадров. Государственные учреждения повсеместно возглавлялись добросовестными коммунистами, испытанными в борьбе людьми, прошедшими тюрьму, но торговать не умеющими и по этому случаю поставленные во главе гострестов. Такие коммунисты имели все неоспоримые достоинства, но с купцами конкурировать не могли[26] и в деловом отношении всегда проигрывали, принося огромный ущерб стране. Обращаясь к ним, Ленин настоятельно подчеркивал требование времени: «Кому «скучна», «неинтересна», «непонятна» эта работа, кто морщит нос или впадает в панику, или опьяняет себя декламацией об отсутствии «прежнего подъема», «прежнего энтузиазма» и т.п., – того, лучше «освободить от работы» и сдать в архив, чтобы он не мог принести вреда, ибо он не желает или не умеет подумать над своеобразием данной ступени, данного этапа борьбы»[27]. Члены партии, научившиеся действовать по-революционному, по военному, должны были либо вновь переучиться новым методам работы, либо уступить место другим, более подходящим для новых условий людям. Наиболее ярким примером, иллюстрирующим всю партийную обстановку, является пример Г.Я.Сокольникова. «Сокольников, – писал Ленин, – делает ... во всей своей работе гигантскую ошибку, которая нас погубит наверняка, если ЦеКа вовремя не исправит его линии и не добьется действительного выполнения исправленной линии. Ошибка эта – отвлеченность, увлечение схемой (чем всегда грешил Сокольников, как талантливый журналист и увлекающийся политик)». В той или иной мере подобная ситуация была характерна для большинства элитных элементов большевистской партии. Они были

плохо приспособлены к конкретной управленческой работе. «Проект Сокольникова, – по словам Ленина, – доказал, что наш милый, талантливый и ценнейший т. Сокольников в практике торговли ничего не смыслит. И он нас погубит, если ему дать ход»[28]. «Ошибающегося» Сокольникова, по установившейся уже традиции, направляют на работу подальше от центра, в Среднюю Азию, и даже тогда, когда Москве потребовались его таланты финансиста, от прежней должности освобождают не сразу: «Назначить Сокольникова членом коллегии НКФина к членам Финансовой комиссии *при условии*, что он остается *председтуркестанбюро* и обязать *ездить* в Туркестан по надобности, впредь до полного упорядочения там»[29]. Судьба Сокольникова была типична для членов большевистской элиты, совершающих просчеты, промахи и оплошности в политической работе и не спешащие выполнять требования вождя, которые им казались ошибочными.

Сопротивление, оказываемое непривычным требованиям, предъявляемым к партийным функционерам, выразилось в выступлениях на московской губконференции в конце октября 1921 года. Суть протеста заключалась в тезисе: «Нас в тюрьмах торговать не учили». Возражение Ленина носило весьма логичную и убедительную форму вопроса: «А воевать нас в тюрьмах учили? А государством управлять в тюрьмах учили? А примирять различные наркоматы и согласовывать их деятельность – такой, весьма неприятной, штуке учили нас где-нибудь?»[30]. ««Когда нам говорят: «Нас в тюрьмах торговать не учили», – продолжал Ленин, – то в этих словах видно именно ошибочное понимание практических задач сегодняшней нашей борьбы и деятельности партии. И это как раз такая ошибка, которая состоит в перенесении приемов, подходящих к «штурму», на период «осады»»»[31]. Вождь с издевкой и сарказмом оценивал качества добросовестных и всеми уважаемых коммунистов, занимающих ответственные советские посты: такой коммунист «и лучший, и заведомо честный, и преданный, который каторгу выно-

сил и смерти не боялся, – торговли вести не умеет, потому, что он не делец, этому не учился и не хочет учиться»[32]. Он «немножко дерет, но зато в рот хмельного не берет», не научился бороться с волокитой и покрывает ее: «*от этого врага мы должны очиститься...*»[33]. Коммунист – революционер, в котором у властвующей партии теперь была не слишком большая нужда, чрезмерно гордящийся сделанной им величайшей в мире революцией, «на которого смотрят если не сорок пирамид, то сорок европейских стран с надеждой на избавление от капитализма ... должен учиться от рядового приказчика...»[34]. Революционеру-профессионалу такая перспектива понравиться не могла.

Документы, принадлежащие ленинскому перу, создают устойчивое впечатление, что значительная часть старой партийной элиты становится помехой на пути реализации его планов, а потому требует серьезного обновления. Вождь откровенно признавал, что «в настоящее время ... политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него»[35]. Становилось ясным, что качественные характеристики именно этого слоя перестали удовлетворять Ленина: «Коммунист, – говорил он, – не доказавший своего умения объединять и скромно направлять работу специалистов, входя в суть дела, изучая его детально, такой коммунист часто вреден. Таких коммунистов у нас много, и я бы их отдал дюжинами за одного добросовестно изучающего свое дело и знающего буржуазного спеца»[36]. В этом заявлении таился серьезный конфликт. Бесполезность значительной части партийных чиновников Ленину была совершенно очевидна: «Если у нас имеется в партии 300-400 тысяч членов, то и это количество чрезмерно, ибо решительно все данные указы-

вают на недостаточно подготовленный уровень теперешних членов партии»[37]. Когда Молотов в октябре 1921 года сделал на пленуме ЦК доклад об учете ответственных работников и порядке их распределения, Ленин дал категоричное указание «разработать вопрос об изучении состава ответственных работников коммунистов с точки зрения их пригодности к работе разного масштаба и разного рода, хотя бы сначала по городу Москве и одной из губерний»[38]. Вождь инструктировал аппарат и обращал его внимание на допущенную ошибку: «Мы на практическую работу для исполнения насадили коммунистов со всеми их прекрасными качествами, но для этой работы совершенно непригодных»[39].

Большевистскому вождю необходимо было как можно скорее избавляться от партийного балласта, «найти какие-либо средства фактической чистки партии, т.е. к уменьшению ее состава, ... и если над этим подумать, то …ряд подходящих мер может быть изыскан»[40]. Методы устранения из партии за «комчванство» применялись самые различные и даже жестокие: «Каждого члена коллегии НКЮста, каждого деятеля этого ведомства надо бы оценивать по послужному списку, после справки: скольких коммунистов ты закатал в тюрьму втрое строже, чем беспартийных за те же проступки? <...> Не можешь ответить на этот вопрос? – значит ты шалопай, которого надо гнать из партии за «комболтовню» и за «комчванство»»[41]. Предлагая проведение чистки партийных рядов, Ленин без обиняков указывал: «Из партии должны быть удалены все сколько-нибудь сомнительные, ненадежные, не доказавшие своей устойчивости члены РКП...»[42]. Особое внимание он требовал сосредоточить, во-первых, на вступивших в РКП(б) из других партий после октября 1917 года; во-вторых, вступивших из среды чиновников и должностных лиц, бывших на службе старых правительств; в-третьих, занимавших должности, связанные с какими-либо привилегиями; в-четвертых, принадлежащих к совслужащим[43]. «Если бы, – писал Ленин в статье, помещен-

ной в «Правде» в сентябре 1921 года, – нам действительно удалось таким образом очистить партию сверху донизу, «не взирая на лица», завоевание революции было бы в самом деле крупнее»[44].

Вождь постоянно обращал внимание на позитивные результаты работы и строго взыскивал с соратников за промахи и неудачи. Успех в делах вполне извинял отношение недоверия к декретам, к учреждениям, к реорганизациям и к сановникам, особенно из коммунистов, смещение коммунистов, не учащихся делу управления государством всерьез – «такова должна быть линия наркомов и СНКома, его председателя и замов»[45]. Главное, по мнению Ленина, нужно «перенести центр тяжести с писания декретов и приказов (глупим мы тут до идиотства) на *выбор людей и проверку исполнения*. В этом гвоздь»[46]. В «смольненский» период, вспоминал Ленин, «мы проводили зараз по 10 и 12 декретов. То было проявлением решимости и желания пробудить опыт и самодеятельность пролетарских масс. Теперь этот опыт у нас есть. Теперь мы от рабочего контроля ... подошли вплотную к рабочему управлению...»[47]. Эти ленинские положения были положены в основу работы учраспреда ЦК.

Требования предъявляемые РКП(б) к элитным кадрам сформулировал один из теоретиков партии – Н.И.Бухарин, в речи перед московским партийным активом 9 октября 1922 года. Он говорил: «Подготовить полный кадр, всего «командного состава» их представителей рабочего класса в первую голову, а затем втянуть в управление широкие пролетарские слои – такова задача. Или рабочий класс, разрешив эту проблему, придет к социализму; или, не преодолев ее, придет, хотя и окончательным путем, к капитализму». Конкретизируя эту задачу Бухарин выделил четыре пункта: 1) Перестройка индивидуальной психики; 2) Прагматизм; 3) Сокращение гуманитарного уклона в образовании и особый упор на практические и технические предметы; 4) специализация вместо универсализма. Бухарин, выражая мнение партийного

руководства, заявил: «Инженеры и техники, преданные коммунистическим идеалам, являются самым ценным социалистическим типом»[48].

В феврале 1922 года, Ленин, развивая свой план в записке «О работе по-новому», давал прямое указания заместителю по Совнаркому Цюрупе начать подбор элитных кадров из «наиболее талантливых работников аппарата» наркоматов: «Вам (и Рыкову) уделять *в первую голову*... проверку работы: вызывать к себе (или ездить) не сановников, а членов коллегий **и пониже,** деловых работников наркомата X, Y, Z, – и проверять работу, докапываться до сути, школить, учить, пороть всурьез. Изучать людей, искать *умелых* работников. В этом суть теперь...»[49]. Вождь торопился наладить работу и стремился отстранить тех, кого еще совсем недавно считал весьма полезным для партии элитными революционерами: ««Сменить людей в НКВТ. То же самое с нашими гострестами, где «во главе» святенькие члены ВЦИКа и «знаменитые» коммунисты, коих водят за нос дельцы»»[50]. Ленин настаивал на том, чтобы без бюрократизма и проволочек начать формировать новую компетентную и лояльную элиту, привлекая для этого наиболее способных представителей провинциальных кадров с помощью «личного обращения к отдельным партийным товарищам, занимающим на местах достаточно влиятельное положение. <...> Но развить применение ... метода (живой связи) возможно лишь при достаточном знакомстве с действительным составом ответственных работников на местах. Поэтому просьба – срочно составить и прислать... соответствующие списки особо пригодных ... надежных товарищей с хорошим стажем, из числа членов исполкомов, губчека и т.д. по 1-2 на губернию.

... Необходима полнейшая гарантия добросовестности таких товарищей, именно: возможно более подробный стаж, партийный и советский, и *личное* ручательство за безусловную честность со стороны *нескольких* старых партийцев»[51]. Эти ленинские слова были прямым ответом на обвинения,

прозвучавшие из уст В.В.Осинского, в отсутствии коллегиальности в партийной работе[52]. Приведенные высказывания достаточно красноречиво демонстрируют, что роль старых партийцев, участвовавших в выработке, принятии и реализации важнейших политических решений, начинает сводиться к простой рекомендации молодых кадров, обладающих качествами элитного уровня, на посты, которые они, пока еще, продолжали занимать. Это не могло не обеспокоить некоторую часть «стариков», не вселить оппозиционность в их настроения, не подтолкнуть в стан оппонентов вождя. Ленину приходилось, в который уже раз, укреплять свои позиции в партии, искать и выдвигать на командные посты новых, проверенных, надежных, и в определенном смысле, способных последователей.

Требования, предъявляемые Лениным к элитным кадрам к весне 1922 года, были сформулированы в его письме Каменеву: «...бросить игру в декреты (была необходимая *полоса пропаганды декретами*; это было нужно для успеха революции. *Это прошло*).

Ни тени доверия ни к декретам, ни к учреждениям. Только проверять практику и *школить* за волокиту.

Только этим должны заняться умные люди. А за остальное посадить... *остальных*»[53].

Делу подбора в правящую элиту надо было придавать масштабность и ставить его на научную основу. «Написав анкету или листок последней переписи членов РКП, – обращается Ленин к Молотову по вопросу, касающегося работы статистического и учетно-распределительного отделов ЦК РКП(б), – я пришел к твердому убеждению, что дело статистики в ЦК (а, вероятно, и все учетно-распределительное дело) поставлено никуда не годно.

Либо статистикой у Вас заведует дурак, либо где-то в этих «отделах» (ежели так называются сии учреждения при ЦК) на важных постах сидят дураки и педанты, а присмотреть Вам, очевидно, некогда.

1. Надо прогнать заведующего статистическим отделом.

2. Надо перетряхнуть этот и учетно-распределительный отделы *основательно*»[54].

Ленин был крайне удивлен и возмущен тем, что при громадной власти и гигантских возможностях ЦК не может справиться с задачей объективного выявления наиболее способных к созидательной деятельности и достойных партийцев для ответственной и руководящей партийной и хозяйственной работы: «Распределяем 200-400 тысяч партработников, а через них тысячи и тысячи беспартийных.

И это гигантское коммунистическое дело вдрызг изгажено тупым бюрократизмом!

Все переписи закончить в 1 месяц.

Разработку их свести к минимуму так, чтобы тоже кончить в месяц.

Потом разогнать 9/10 статистического и столько же учетно-распределительного отдела ЦеКа и начать строить их заново.

Была перепись «ответственных работников»? Результат, очевидно, тоже нуль; хуже, вероятно, результат минус»[55].

Требования, выдвигаемые вождем, были скромны и вполне реалистичны: без бюрократизма и волокиты составить объективный документ, вполне и всесторонне характеризующий партийного руководителя и указывающий на направление его наиболее эффективного использования. «Нужны карточки на несколько **сот** (для начала) крупнейших работников партии с делением на пропагандистов, администраторов, агитаторов, преподавателей и т.п. и с *отзывами* об их работе (стаж – пять, скажем, последних должностей) со стороны *таких-то* (4-6) лиц. А мы гонимся за тысячами и сотнями тысяч, играя в бюрократические бирюльки и *не учась* распределять людей»[56].

Вождя удручало состояние дел в аппарате ЦК, который занимался лишь подведением итогов, но «едва ли мог ... руководить в подлинном зна-

чении этого слова»[57] и в котором вполне назрела необходимость кардинальной перестройки. Решение этой задачи и было поручено Сталину как противовесу Троцкому и троцкистам. Молотов вспоминал: «На XI съезде появился так называемый «список десятки» – фамилии предполагаемых членов ЦК, сторонников Ленина. И против фамилии Сталина рукой Ленина было написано: «Генеральный секретарь»». Ленин подготовил и провел собрание кандидатов в новый состав ЦК. Несмотря на запрещение X съездом фракций и группировок, собрание носило, безусловно, фракционный и секретный характер: троцкистов, членов групп демократического централизма и рабочей оппозиции на него не пригласили. Присутствовали «только одни крепкие сторонники «десятки»». «Я хочу, – инструктировал их Ленин, – чтобы все были хорошо подготовлены к голосованию, надо предупредить товарищей, чтобы твердо голосовали за этот список без поправок! Список «десятки» надо провести целиком. Есть большая опасность, что станут голосовать по лицам, добавлять: вот этот хороший литератор, его надо, этот хороший оратор – и разжижат список, опять у нас не будет большинства. А как тогда руководить!»[58]. Ленину уже не нужны были просто хорошие литераторы или хорошие ораторы, нужны были послушные и управляемые люди. Чтобы обеспечить в объединенном пленуме ЦК и ЦКК 2/3 голосов за своими сторонниками, Ленин предложил от «платформы десяти» избрать в члены Центрального Комитета 25 человек, кандидатами в члены ЦК – 15 и членами ЦКК – 7. Делегатам съезда, не стоящим на «платформе десяти», предлагалось предоставить 9 мест для членов ЦК, 2 или 3 места – для кандидатов[59].

Ленин в этот период особенно нуждался в политической поддержке, в верных исполнителях своей воли, сконцентрированной в решениях партии. Он требовал от элитных работников входящих в состав и аппарат ЦК заниматься исключительно политическими вопросами, а вопросы технического характера переложить на заместителей и помощников. «Вам надо *себя изба-*

вить от мелочей (свалить их на помов и помпомов) и заняться целиком делом *полит-секретаря* и *заведующего н а п р а в л е н и е м* работы по организации, учету и т.д.»[60] – писал он Молотову. Проблема возникла не случайно. Секретариат ЦК тратил уйму времени на мелкие, так называемые «вермишельные вопросы» и за ними не замечал главного. По оценке Молотова его предшественник в Секретариате Центрального Комитета – Крестинский – был скорее управделами, а не политическим работником[61]. Избранный пленумом ЦК 16 марта 1921 года новый состав Секретариата: Молотов, Михайлов, Ярославский – не сразу преодолел сложившуюся тенденцию. Молотов свидетельствует о том, что Ярославский стремился повышать свой авторитет, выполняя всякие мелкие просьбы: «кому штаны достать, кому ботинки». Информация дошла до Ленина и тот на августовском пленуме ЦК неожиданно для всех поставил вопрос о посылке Ярославского в Сибирь: «Здесь мы найдем вместо него человека, члена ЦК, а в Сибири – там не хватает людей, надо подсобить»[62]. Ярославский сразу понял, кто стоит за этим ленинским решением и обвинил Молотова в интриганстве и карьеризме. Однако вопрос был уже решен: «Я ... хочу, – отвечал Молотов, – чтобы вы работали где-нибудь в другом месте»[63].

Большие надежды Ленин возлагал на молодых партийных работников. В 1922 году на одном из заседаний Политбюро он говорил: «Мы, товарищи, пятидесятилетние, вы, товарищи, сорокалетние, нам надо готовить смену, тридцатилетних и двадцатилетних: выбрать и постепенно готовить к руководящей работе»[64]. М.И. Ульянова, в воспоминаниях о Владимире Ильиче, подтверждает, что вопрос о введении представителей молодого поколения в состав ЦК для того, чтобы они «втягивались» в руководящую работу, обсуждался вождем с Д.З. Мануильским[65].

Для начала решили ограничиться двумя тридцатилетними: В.М. Михайловым и Л.М. Кагановичем. Оба обратили на себя внимание вождя и по-

казались ему перспективными молодыми политиками, которые после приобретения опыта работы в центральных органах партии могли бы стать ее лидерами; оба были выдвинуты на ответственную работу в аппарат ЦК. Однако только Каганович оказался достаточно способным человеком и оправдал возлагавшиеся на него надежды. Михайлову большие государственные дела оказались не под силу: с секретаря ЦК ВКП(б) его переместили в Московский комитет, затем в Замоскворецкий райком; в конце концов, его вовсе отстраняют от партийной работы и направляют сначала руководить профсоюзами, а потом перевели на работу хозяйственную[66]. В 1937 г. он погиб.

Каганович, по оценкам знавших его людей, живой, деятельный и умный, все быстро схватывающий, державшийся сначала при Молотове, постепенно становится одним из основных сталинцев выполняющих все его поручения. Подстраиваясь под начальника, он поневоле перенимал его черты, приемы и методы работы. «Если, – пишет Б. Бажанов, – у него была вначале совесть и другие человеческие качества, то потом в порядке приспособления к сталинским требованиям все эти качества исчезли, и он стал, как и Молотов, стопроцентным сталинцем»[67]. Его качественный ряд постепенно дрейфовал, претерпевая существенные изменения.

Дефицит образованных партийных кадров в организационных структурах ВКП(б) был очень велик. Партийная перепись 1922 года показала, что 79% членов партии занимали чиновничьи места. Их власть была вопиюще несоразмерна с культурным уровнем (только 0,6% из них имели высшее образование, а 6,4% – среднее). Почти 93% членов партии были полуграмотными или вовсе неграмотными[68]. Задача добиться позитивных сдвигов в деятельности аппарата ЦК требовала хотя бы небольшого количества образованных людей, и их стали принимать туда даже без всесторонней проверки. Один из друзей студента МВТУ Б. Бажанова подсказал: «аппарат ЦК сейчас сильно расширяется, там нужда в грамотных работниках». Управляющий де-

лами Центрального Комитета Ксенофонтов (бывший член коллегии ВЧК), производящий первичный отбор, узнав, что Бажанов был в прошлом секретарем укома партии и секретарем ячейки в Высшем техническом училище, сразу направил его в Орготдел ЦК, где он и был принят[69]. Этим путем прошло немало высокопоставленных партийных функционеров (например, Малышев, Первухин, Сабуров)[70], но более других преуспел Георгий Маленков[71], ставший вторым, после Сталина, человеком в правительстве и партии.

Хранившуюся в течение десятилетий тайну отношений сложившихся в аппарате Центрального Комитета РКП(б) в двадцатые годы, приоткрывают в своих воспоминаниях люди, работавшие в нем на ответственных и руководящих постах непосредственно: Борис Бажанов, Лазарь Каганович, Вячеслав Молотов.

Выгоды службы в аппарате ЦК описывает Б. Бажанов. Определившись на работу, он резко улучшил свои жилищные условия, качество питания и весь бытовой уклад[72]. Ему удалось быстро доказать свою полезность: за малограмотного Кагановича написал статью в журнал «Советское строительство»; внимательно слушал и умело правил речи выступающих на XI съезде партии; приложил руку к подготовке проекта нового партийного устава; легко формулировал резолюции и решения различных комиссий, в которых участвовал; навел порядок в бумажном море, бушевавшем в канцелярии Молотова. Молотов, прямой начальник Бажанова, благодарно отмечал: «Вы мне сберегаете массу времени»[73]. На него обратил внимание Сталин. Бажанов становится его помощником и секретарем по Политбюро.

Молодые сотрудники аппарата ЦК, не слишком довольные секретарскими должностями, нуждающиеся в опоре и защите, часто задумывались над вопросом, на кого из партийных «тяжеловесов» делать ставку[74]. Правильная и своевременно сделанная ставка могла обеспечить в будущем весьма респектабельное положение в пирамиде власти, а при некоторой доле ве-

зения вознести на ее вершину. Судьба многих молодых функционеров – яркий пример подобной головокружительной карьеры. Секретари и помощники вождей большевизма, находясь в лучах славы своих патронов и действуя от их имени, приобщались к кормилу правления. В дальнейшем судьбы этих людей сложились по-разному: большинство погибли в сталинской мясорубке, другие эмигрировали на Запад, третьи, сделавшие «правильный выбор», умело маневрируя, пополнили правящую элиту.

Каждый политический лидер предъявлял к своим сотрудникам и последователям различные требования и на основе вполне определенных критериев негласно формировал собственные элитные группы, которые, пользуясь огромным доверием, помогали лидерам в осуществлении самых сокровенных замыслов. Секретари вождей набирали себе помощников исходя, главным образом, из того же принципа – принципа личной преданности. Внутриэлитная борьба находила выражение в стремлении крепко сколоченных групп, ориентированных на лидера, усиливать свое влияния в партийных структурах. Занимая господствующее положение, такая элитная группа расширялась и объективно начинала борьбу за поглощение и вытеснение менее сильных объединений и, в конце концов, избавлялась от соперников. Надвигающийся крайний экстремизм не прощал их не вследствие присущих каждому человеку естественных слабостей и недостатков, а по причине твердой и обдуманной умеренности и умственной независимости, – т.е. тех черт, которые особенно были ненавистны новой волне невежественного радикализма.

На XI съезде партии Ленин открыто говорил о трудностях, вызванных нехваткой исполнительных и опытных людей. Он вступился за Сталина, обвиненного Е.А. Преображенским в том, что тот одновременно руководил двумя комиссариатами: «Кто не грешен из нас? Кто не брал несколько обязанностей сразу? Да и как можно делать иначе?»[75]. Тем не менее, сам вождь

достаточно резко критиковал работу Наркомнаца[76] и РКИ[77] – подведомственных Сталину учреждений: «от Рабкрина ... **смешно** ждать большего, чем исполнение *п р о с т ы х* поручений»[78], «наркомат Рабкрина не пользуется сейчас ни тенью авторитета. Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрина, нет и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать»[79].

В этой связи нелепо и достаточно наивно выглядят планы большевистского лидера использовать для победы в борьбе с бюрократизмом и волокитой всю рабочую массу. Он требует: «мужчин и *ж е н щ и н о с о б е н н о*, провести через участие в Рабоче-Крестьянской инспекции. <...> Участие это, – писал Ленин, – сделать различным, смотря по степени развития участников: начиная с роли «послуха» или свидетеля или понятого или учащегося для неграмотных и совершенно неразвитых рабочих и крестьян, – кончая всеми правами ... для грамотных, развитых, *испытанных* так или иначе»[80]. Директива Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о рабочей инспекции, принятая в январе 1920 года, гласила: «на рабочую инспекцию не брать квалифицированных рабочих, а только неквалифицированных и главным образом женщин»[81]. Переоценивая значение этих действий, вождь с необъяснимой надеждой говорил: «мы создали органы, через которые не только мужчины, но и женщины, самый отсталый и неподвижный элемент, могут быть проведены поголовно»[82]. Участвовать в государственном управлении, по мнению вождя, могли и должны были неграмотные и неквалифицированные люди. Этим «кадрам» нашли самое «достойное» применение – направили управлять государством. Мало того, участие малограмотных людей в управлении большевистским вождям было жизненно необходимо. По крайней мере, контроль этих кадров за управлением, должен был, по мнению вождя, удержать советский партийно-государственный корабль в рамках определенного большевиками курса. «При нашей отчаянной «ведомственности», – писал Ленин, – даже среди

писал Ленин, – даже среди лучших коммунистов, при низком уровне служащих, при интриганстве внутриведомственном (хуже всякого рабкриновского) нельзя обойтись без Рабкрина сейчас. Над ним можно и должно поработать систематично и упорно, чтобы сделать из него аппарат проверки и улучшения всей госработы»[83].

Стремление во что бы то ни стало заполучить партийно - государственный аппарат из представителей рабочего класса заставляло Ленина снова и снова думать над этой проблемой: «Сейчас в Рабкрине около 12 000 человек аппарата, плохого и плохо оплачиваемого ... следует сократить и улучшить его; например, оставить 1/6 долю при 1/2 прежнего содержания, т.е. повысить содержание втрое; выделить сначала десятки, потом сотни наилучших, безусловно честных и умелых работников, кои имеются и сейчас, но не подсчитаны, не выделены, не сгруппированы, не организованы. Это можно и должно сделать»[84]. Вполне возможно, что Ленин не смог предусмотреть того, что плохо образованные люди будут отдавать предпочтение не содержательной стороне работы и ее качеству, а, главным образом, форме и различным ее внешним проявлениям. Вероятно и то, что он просто не мог придумать ничего более подходящего для привлечения массы к деятельности по управлению государством.

Ленин планировал повысить роль и значение Рабкрина в деле формирования новой элиты организационными перестановками. Перевод Сталина в Секретариат ЦК позволил затем заняться селекцией лучших, наиболее способных людей из аппарата РКИ, коих начали подбирать Цюрупа и Рыков. Их задача была определена Лениным: «выработать (путем испытания их и Вами и обоими замами на *практических* поручениях) людей особо и безусловно надежных, умеющих быстро и безусловно а) *добиваться* исполнения; б) проверять исполнение; в) проверять правильность *аппарата* в том или ином наркомате, отделе, Мос или Петросовете и т.д.; г) инструктировать насчет того, *как* ставить работу. <...> Этих людей

насчет того, *как* ставить работу. <...> Этих людей подбирать *очень* медленно, с тем чтобы лишь после многократного испытания превращать их, так сказать, в «особоуполномоченных» инспекторов и инструкторов; число их довести, *постепенно*, до нескольких десятков»[85].

На общем, весьма безрадостном, фоне такое положение с элитными кадрами не выглядело чем-то исключительным, из ряда вон выходящим: «У нас 18 наркоматов, – с грустью признавался Ленин, – из них не менее 15-ти – никуда не годны, – найти везде хороших наркомов нельзя, дай бог, чтобы люди уделяли этому больше внимания»[86]. Однозначно положительную оценку получили лишь два бывших наркома, ставших заместителями председателя СНК – Рыков и Цюрупа: Рыков за то, что, работая в Чусоснабарме, «сумел подтянуть дело, и дело шло», а Цюрупа в Наркомпроде сумел поставить «один из лучших наркоматов». И если они оба «максимум внимания обратят на то, чтобы подтягивать наркоматы в смысле исполнения и ответственности, то тут, хотя и маленький, шаг мы сделаем»[87]. Рыков, по мнению вождя, должен быть, помимо правительства, «членом бюро ЦК и членом Президиума ВЦИК, потому что между этими учреждениями должна быть связь, потому что без этой связи основные колеса иногда идут вхолостую» и потому, что он хороший администратор[88].

Вождю было совершенно очевидно, что правящую группу придется формировать заново и не из представителей «старой гвардии», а из совершенно иных людей: «Надо сознать, – настойчиво убеждал своих соратников Ленин, – и не бояться сознать, что ответственные коммунисты в 99 случаях из 100 не на то приставлены, к чему они сейчас пригодны, не умеют вести свое дело и должны учиться»[89].

Неумение управлять, неумение торговать, нежелание нести ответственность за принимаемые решения и неспособность учиться всему этому – отличительные особенности значительной части большевистской революци-

онной гвардии. Ошибки, сделанные при отборе в государственный аппарат, были, по мнению вождя, во многом обусловлены стихийностью этой работы и слабым участием в ней пролетариев. Считая основным резервом новой волны правящей элиты пролетарские слои вождь, тем не менее, не был склонен их переоценивать. «Лучшие рабочие (а только на одних рабочих мы и можем положиться в смысле искренности и энтузиазма)[90] шли и брались за самые трудные обязанности и в области военной, и в области гражданской, брались сплошь и рядом неправильно...»[91], «они хотели бы дать нам лучший аппарат. Но они не знают, как это сделать. Они не могут этого сделать. Они не выработали в себе до сих пор такого развития, той культуры, которая необходима для этого. А для этого необходима именно культура. Тут ничего нельзя поделать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще»[92]. Приток представителей рабочего класса в управленческие структуры, вопреки всем декретам, призывам и агитации, был слишком слабым. Вождь справедливо подчеркивал: ««Без известной «передышки» этих новых сил нет; иначе как медленно они не нарастут; иначе как на базе восстановленной крупной индустрии ... им взяться *неоткуда*»»[93]. Эти люди были недостаточно просвещены и не могли непосредственно выдвинуть из своих рядов не только полноценных представителей в правящую элиту, но и составить ее достойный резерв. Грандиозные идеи марксизма не могли быть осуществлены путем «красногвардейской атаки». Ленин призывал не торопиться в деле просвещения большевистских масс. «Годы и годы должны пройти, чтобы мы добились улучшения нашего государственного аппарата, подъема его – не в смысле отдельных лиц, а в полном его объеме – на высшие ступени культуры»[94]. При этом, считал вождь, «надо взять за правило: лучше числом поменьше, да качеством повыше. Надо взять за правило: лучше через два года или даже

через три года, чем второпях, без всякой надежды получить солидный человеческий материал.

Я знаю, что это правило трудно будет выдержать и применить к нашей действительности»[95], но «для нашего госаппарата именно теперь настала, наконец, пора, когда мы должны поработать над ним как следует, со всей серьезностью, и когда едва ли не самой вредной чертой этой работы будет торопливость»[96]. Огромные массы служащих, имеющиеся в распоряжении новой власти, были недостаточно образованны, чтобы можно было ими действительно распорядиться. «Наверху мы имеем, я не знаю сколько, – писал Ленин, – но я думаю, во всяком случае, только несколько тысяч, максимум несколько десятков тысяч своих»[97].

Из ленинских высказываний становится очевидным, что основным источником пополнения правящей элиты должны были стать служащие Рабкрина (органа хуже которого, как известно, не было) и члены Центральной Контрольной Комиссии непременно пролетарского происхождения. «Служащих Рабкрина мы, – пишет Ленин, – должны подбирать совершенно особо и не иначе, как на основании строжайшего испытания»[98]. Рабочие, которых власть привлекала в качестве членов ЦКК, должны были быть безупречны, как коммунисты, над ними надо еще длительно работать, чтобы обучить их приемам и задачам их работы[99]. Кроме того, «помощниками в этой работе должно быть определенное число секретарского персонала, от которого надо будет требовать тройной проверки перед назначением его на службу. Наконец, те должностные лица, которых мы решимся, в виде исключения, поставить сразу на места служащих Рабкрина, должны удовлетворять следующим условиям:

во-первых, они должны быть рекомендованы несколькими коммунистами;

во-вторых, они должны выдержать испытание на знание нашего госаппарата;

в-третьих, они должны выдержать испытание на знание основ теории по вопросу о нашем госаппарате, на знание основ науки управления, делопроизводства и т.д.;

в-четвертых, они должны сработаться с членами ЦКК и со своим секретариатом так, чтобы мы могли ручаться за работу всего этого аппарата в целом»[100]. Всего перечисленного должно было хватить для пребывания в элитной группе большевистской партии.

Ленин требовал назначения двух специальных комиссий: одну для составления первоначальной программы экзаменов «на кандидата в служащие Рабкрина; тоже – на кандидата в члены ЦКК»; другую, подготовительную, «для подыскания кандидатов на должность членов ЦКК»[101]. Он выражал уверенность в том, что «на эту должность ... найдется теперь уже более, чем достаточно кандидатов как из числа опытных работников всех ведомств, так и из числа студентов наших советских школ», в которых «мы должны искать соединения многих качеств, соединения неодинаковых достоинств...»[102]. Вождь считал абсолютно «нежелательным, если бы новый наркомат был составлен по одному шаблону, допустим, из типа людей характера чиновников, или с исключением людей характера агитаторов, или с исключением людей, отличительным свойством которых является общительность или способность проникать в круги, не особенно обычные для такого рода работников, и т.д.»[103].

Однако и плохо образованная масса партийцев, стоящая вне культуры, но имеющая большие заслуги перед новой властью, нуждалась в хорошо оплачиваемых привилегированных местах. Их убежищем было бесчисленное количество комиссий, советов, коллегий, где они быстро научились прятать свою некомпетентность за коллегиальные решения. Совет Народных Комис-

саров даже принял специальное постановление: «1) Поручить ВСНХ проводить постепенно сокращение числа членов коллегий, в частности выяснить опыт единоличного управления либо коммунистами, либо спецами при комиссарах-коммунистах. 2) Наряду с коллегиальностью обсуждения и решения неуклонно проводить осуществление единоличной ответственности за исполнение как определенных видов работ, так и отдельных операций»[104]. В марте 1922 года Ленин вновь вернулся к этой теме: «На днях была проведена чистка комиссий. Насчитали 120 комиссий. А сколько оказались необходимыми? 16 комиссий. И это – не первая чистка. Вместо того чтобы отвечать за свое дело, вынести решения Совнаркому и знать, что ты за это держишь ответ, – прячутся за комиссии»[105]. Председатель СНК весьма жестко ставил вопрос: «Те десятки тысяч, которые теперь устраивают только комиссии и никакой практической работы не ведут и не умеют вести, подвергнутся той же чистке»[106].

Однако ни «перетряхивание» и сокращение кадров, ни чистки не обеспечивали желаемого результата. Еще в августе 1918 года в Москве была произведена первая перепись управленческого аппарата, выявившая 231 тысячу государственных и советских служащих (центральных, местных московских, городских). В октябре 1922 г. перепись повторили. Уверенность большевистского руководства в том, что аппарат несколько раз подвергавшийся сокращению, окажется меньшим, не была вознаграждена – он возрос на 12 тысяч человек и достиг уровня 243 тысяч[107]. Причем большевистскому лидеру было совершенно ясно, что большинство из них не были пригодны к управленческой работе, но не хотели этого признавать и всеми силами цеплялись за властные места. Надеяться на то, что, осознав свою профнепригодность, они сами уйдут с насиженных мест, не приходилось. Поэтому нужна была большая работа по «*проверке пригодности людей*» и ротации кадров. Выступая на заседании коммунистической фракции съезда металлистов, вождь уг-

рожал: «Следующая чистка пойдет на коммунистов, *мнящих* себя администраторами». Ленин решительно предлагал этим людям, пока не поздно пробираться «лучше в область пропагандистской, агитаторской и всякой иной полезной работы»[108], но оставить руководящие административные посты.

Естественное желание вождя улучшить положение с элитными управленцами невольно обостряло отношения в большевистском руководстве, подталкивало к расколу, усиливало оппозицию. Партийные функционеры, имевшие различные ранги и не способные к практической работе, обеспокоились своим будущим. Одни не желали мириться с ролью политических статистов, другие, напротив, хотели иметь привилегии и доступ к материальным благам, не претендуя на высокие властные позиции, но выражая готовность поддержать того, кто мог им это обеспечить.

Ленин через Политбюро усиливал нажим на некомпетентных административных работников. Он требовал максимума быстроты, энергии, устранения бюрократизма и волокиты в этом важном деле. Политика «кнута» дополнялась политикой «пряника». Эффективное выполнение заданий руководства партии поощрялось переводом на премиальную систему возможно большего числа ответственных лиц[109], которые вслед за «спецами» приобщались к принципу материальной заинтересованности[110]. Это требование в первую очередь относилось к ответственным работникам НКВТ, Госбанку, Центросоюзу и ВСНХ[111]. Ленин считал, что «всякий успех в деле подъема хозяйства должен, в частности, более регулярно вознаграждаться как орденом трудового знамени, так и денежными премиями»[112]. Вождя не пугала опасность развития стяжательских тенденций как у кадров правящей элиты, так и у претендентов на ее членство. Он обращал внимание главным образом на полезные для дела партии свойства характера и мало интересовался моральной стороной вопроса. Между тем, нравственное разложение партийной «верхушки» становилось все очевиднее. Один из ответственных представи-

телей большевистского руководства А.А.Иоффе в частном письме Троцкому жаловался на гниение, поразившее организм партии: «сверху донизу и снизу доверху – одно и то же. На самом низу дело сводится к паре сапог и гимнастерке; выше – автомобилю, вагону, совнаркомовской столовой, квартире в Кремле или «Национале»; а на самом верху, где имеется уже и то, и другое, и третье, – к престижу, громкому положению и известному имени»[113].

Один из самых значительных пороков человеческого общества – зависть – у оппозиционных вождей была очень развита. Примечательно, что по свидетельству старого революционера Георгия Соломона (Исецкого), некоторое время работавшего с Иоффе в Советском полпредстве в Берлине, эти мысли стали приходить в голову Иоффе только тогда, когда он, сделав ставку на Троцкого, упустил шанс приобрести более важное положение в большевистской политической элите[114]. Паркинсон, специалист в области изучения бюрократических систем, назвал такое положение «синдромом осложненной неполноценности», распознать который намного легче, чем вылечить[115]. Профессиональная карьера члена большевистской элиты в его мнимом идеале базировалась на своеобразном контракте между ним и вождем: элитный элемент посвящает себя служению вождю, олицетворяющему идею, в обмен получая гарантированную должность (нередко пожизненную), стабильную и высокую оплату своего «труда» и возможность продвижения по служебной лестнице.

Требование фанатичной преданности социалистической идее и делу партии, предъявляемое большевистской гвардии на ранних этапах борьбы, постепенно стало дополняться, а затем и вытесняться, непременными условиями – квалифицированной компетентности и преданности, но уже не идее, а новому вождю. Переход к этим принципам позволил по-новому подойти к отбору кандидатов в правящую элиту, поощряя за успехи, проверяя в деле и способствуя продвижению высококвалифицированных специалистов-

управленцев, обеспечивающих поступательное движение всей системе. «Сплошь и рядом, – продолжал убеждать Ленин своих соратников, – буржуазные деятели знают дело лучше, чем лучшие коммунисты, имеющие власть, все возможности и ни одного шага не умеющие делать со своими правами и со своей властью»[116]. Некультурность принижала авторитет Советской власти, воссоздавала бюрократию, затрудняла отбор действительно лучших в партийную элиту. Глубинная суть большинства возникающих конфликтов в руководстве партии заключалась в том, что власть, по причине некомпетентности, стала незаметно уходить из рук основной массы «большевистской гвардии» и перемещаться в сторону сотрудников перманентно функционирующих органов, новых лидеров и их команд.

Вопросы теоретического осмысления проблемы политической властвующей элиты вытекали из тех трудностей, с которыми столкнулся вождь большевизма сразу же как только возникли объективные и субъективные препятствия на пути созидательных процессов. Гражданская война, одна из форм классовой борьбы, помогла найти собственное место в новых исторических условиях некоторой части вчерашним профессиональным революционерам. Обладая качествами смелости, самоотверженности, беззаветной преданности социалистическим идеалам, готовые идти на самопожертвование партийные гвардейцы не умели пользоваться иными приемами и методами кроме революционных. Посты политкомиссаров, работников особых совещаний, членов ревтрибуналов и бесчисленного количества всякого рода комиссий были вполне подходящим полем деятельности для данной категории людей. Гражданская война как бы продлевала профессиональную пригодность этой части большевистской элиты. Ощущение нужности, востребованности у революционной элиты продолжалось вплоть до момента завершения военных действий. Сокращение армии влекло за собой высвобождение значительной части старых партийцев их перераспределение к новым

местам работы зачастую требующих совершенно новых, не свойственных революционным профессионалам качеств. Задача управления государством, как и в 1918 году, встает с новой силой. Требование организаторских качеств, качеств администраторов выдвигались на первое место. Те кто такими качествами не обладал предлагалось перейти на преподавательскую, агитационную и пропагандистскую работу. Именно в это время обнаружилось, что большинство старых коммунистов приставлены не к тому делу к которому они были пригодны. Правило было таково: к конкретной хозяйственной работе эти люди были непригодны. Поэтому возникла ситуация когда ротация кадров обрела насущную потребность. Кроме прочего на элитные должности пробивались представители других партий перешедшие к большевикам и стремящиеся оттеснить их от властных структур.

Новая экономическая политика требовала хозяйственных, административных и торговых умений. Именно это направление работы вождь считал самым главным, самым важным.

4. 2 НОВЫЕ НОМЕНКЛАТУРНЫЕ КАДРЫ

Процесс превращения Сталина в общепризнанного вождя партии и лидера страны коренным образом повлиял на приоритеты и параметры большевистской элиты. Внезапность и скоротечность этих событий широкими кругами партийцев воспринималась как крутой поворот, как сдвиг в самой революции. Резко меняются востребованные «эталонные» характеристики

новых кандидатов, отбор в элиту начинает осуществляться людьми, которые сами, еще совсем недавно, из-за отсутствия требуемых «вождем-основателем» качеств, в нее не входили. На элитные должности пробиваются совершенно несоответствующие столь высокому положению кадры. Во многом, спонтанный и мобилизационный характер отбора, сложившийся в ходе революционных и военных событий, постепенно уступал место целенаправленному формированию элитных групп. Причем идентификация элитообразующих качеств начинает осуществляться не как раньше – с качествами профессиональных революционеров, командиров и комиссаров Красной Армии, а с качествами трудящегося класса – «рабочих от станка» и «крестьянина от сохи». Новый вождь, новые соперники и новая обстановка стали диктовать иную политику подбора кадров. Мотивация подбора проявлялась в целях и результатах политических чисток. Их данные свидетельствовали: из партии в первую очередь удалялись представители наиболее образованных и, следовательно, по мнению большевистских лидеров, наименее надежных городских слоев[117].

Из каких же социальных слоев, групп, классов вождь-основатель завещал последующему поколению лидеров партии черпать материал, который гарантировал бы большевистскому руководству создание самого демократичного и «лучшего в мире аппарата»? Что следовало бы предпринять для приобщения новых кандидатов к элитной цекистской работе? Как предотвратить ситуации, «чтобы конфликты небольших частей ЦК» не могли получить слишком большое значение «для всех судеб партии»? Из этой, на первый взгляд тупиковой ситуации, вождь-основатель предлагал лишь один единственный выход: опираясь на широкие пролетарские массы увеличивать правящую элиту составляющую значительную часть ЦК, президиума ЦКК и РКИ исключительно за их собственный счет.

Необходимо подчеркнуть, что неудовлетворенный старым кадровым составом вождь-основатель формирование новых элитных элементов настоятельно рекомендовал осуществлять: «преимущественно не из тех рабочих, которые прошли длинную советскую службу (к рабочим в этой части своего письма я отношу всюду и крестьян), потому что в этих рабочих уже создались известные традиции и известные предубеждения, с которыми именно желательно бороться»[118]. В приведенном ленинском высказывании прямо не уточняется, что это за нежелательные «традиции» и «предубеждения», но из многих иных его рассуждений становиться ясно, что речь идет о приемах, методах и сложившихся навыках работы бюрократического свойства. Большевистский вождь предлагал включать в число членов высшей организационной структуры партии, ее Центральный Комитет, «преимущественно рабочих, стоящих, ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежащих ближе к числу рядовых рабочих и крестьян»[119]. Он рекомендовал не заниматься «перетряхиванием» исключительно одной только верхушки аппарата, его элитных слоев, а обратиться к глубинным основам диктатуры пролетариата, к рядовому рабочему. Протоколы заседаний Саратовского губкома РКП(б) сообщают, что Секретариат ЦК, с приходом туда Молотова, ввел в практику работы вызывать секретарей губкомов для докладов в Москву. Кроме того, было признано целесообразным увеличить состав рабочего аппарата губкомов. Разрешалось введение в состав губкомов товарищей с меньшим партийным стажем, взяв рабочих от станка и работников из низов[120]. Политические наследники Ленина восприняли и строго исполняли его заветы: заняться поисками более подходящих людей для замены уже сложившихся кадров руководящих деятелей партии, государства, хозяйственных и иных структур.

Социальный состав РКП(б) из которого в будущем и должна была формироваться новая, уже сталинская, политическая элита претерпевает су-

щественное изменение. Рост партийных рядов происходил теперь не столько за счет разночинцев и рабочих (как до революции), сколько за счет крестьян и нигде не работающих городских низов. «Наша партия, – писал в 1922 году Ленин, – теперь по большинству своего состава недостаточно пролетарская»[121]. Недостаточно пролетарская среда в стране с разрушенной после империалистической и гражданской войн промышленностью давала партии прирост более пятидесяти процентов ее численности. Однако такое положение не отвечало «выражавшей интересы пролетариата» теории и практике большевизма. Мало того, лидеры «рабочей оппозиции» постоянно инкриминировали большевикам недоверие к «силам и способностям» рабочего класса, пренебрежительное и стойкое нежелание выдвигать на элитные посты рабочих. Руководство РКП(б), признавая сам факт незначительного притока пролетарских представителей в партию и слабое их выдвижение, решительно возражало против критики в свой адрес за сознательное нежелание привлекать в элиту представителей пролетарских масс. Однако эти обвинения были небезосновательными. Категорически отвергая нападки «рабочей оппозиции» большевики оправдывали сложившееся положение тем, что это происходит как раз «вопреки всем декретам, призывам, агитации, вопреки всем приказам о «выдвигании беспартийных»». Действительно слабый пролетарский приток на «командные посты» большевистские лидеры объясняли тем, что «силы рабочего класса не безграничны»[122] и они существенно растрачены в годы революции и гражданской войны. Условия разрухи объективно сдерживали такое «выдвигание». Его мог обеспечить только промышленный подъем, который еще только планировался. А пока, считал Ленин, ««под лозунгом «побольше доверия к силе рабочего класса» проводится ... *на деле* усиление меньшевистских и анархистских влияний...»»[123]. На закате своей политической карьеры Ленин пришел к выводу, что на данном историческом этапе пролетарская масса в России вполне и с успехом могла быть

использована как слепое орудие чужой воли. От того кому (аппарату или оппозиции), удастся распространить на партийную массу свое влияние и направить ее энергетический потенциал в требуемое русло будут зависеть перспективы созидательной работы, мощь Советского государства и победа его последователей во внутриэлитной борьбе.

Большевистские вожди, сменившие у руля управления больного Ленина, прекрасно усвоили его наставления. Делая вид, что разделяют его взгляды они полагали, что рассчитывать на сокрушение всех оппозиционных группировок и удерживать в руках политическую власть не делая ставку на привлечение, надежных и «способных» рабочих, будет весьма затруднительно. Необходимость непосредственного обращения к пролетарской массе, вовлечения ее представителей в партию, а затем и размещения наиболее лояльных из них на руководящих постах при одновременном существенном ограничении доступа к этому «позитивному» процессу выходцам из иных социальных групп, становилась очевидной. Ситуация в партии и стране серьезно осложнялась наступательными действиями троцкистской оппозиции рассчитывающей на успех благодаря сосредоточенным в ее рядах наиболее качественным политическим и хозяйственным силам[124]. Однако, законы функционирования власти требовали укрепления позиций одной части вождей в ее борьбе с другой частью. «Тройка» (Зиновьев, Каменев и Сталин), всячески желала подчеркнуть свою монолитность. Однако на самом деле она таковой не была. Зиновьев и Каменев, хотя открыто и не выступали против продвижения в элиту рабочих, в борьбе с троцкистами делали основную ставку на наиболее им близкую и поддерживающую их группу старых большевиков, в среде которых ни Троцкий, ни Сталин не пользовались большим авторитетом и влиянием[125]. Однако именно Сталину удалось, умело используя сложившуюся ситуацию, извлечь из нее наибольшую выгоду. Местным партийным организациям из аппарата ЦК было направлено указание: срочно взять

на учет всех старых членов партии «засидевшихся» без ответственной работы и «непременно» сообщать о всех их служебных перемещениях[126]. Одновременно губкомам и обкомам предписывалось: изучить регистрационные карточки рядовых членов партийных организаций, ответственных работников, выбирая все необходимые сведения, после чего по отдельной форме составить алфавитный список партийных, советских и профсоюзных деятелей, причем не обязательно (а, возможно, и желательно) это должны были быть активисты[127]. Но это была лишь имитация требуемой деятельности. Подконтрольный Сталину аппарат хорошо знал свое дело. Большевиков с подпольным стажем на ответственных и руководящих постах больше не становилось. Архивные данные свидетельствуют, что за период между XII и XIII съездами РКП(б) количество подпольщиков не только не возрасло, но, наоборот, уменьшилось (табл.1. Данные в %)[128].

Таблица 1

Подпольщики	XII съезд РКП(б)	XIII съезд РКП(б)
Члены коллегий наркоматов	50	45,6
Руководящие работники центральных учреждений	29	27,6
Руководящие работники местных учреждений	22,8	19
В среднем	24,9	22

Позиция Сталина формировалась как под воздействием объективных обстоятельств, так и личного интереса. Начавшаяся игра стоила того. Проект предложенный Лениным была для Сталина наиболее выгоден и он старался использовать этот благоприятный фактор в собственных латентных целях.

«Тройка» в этот период старалась не вступать в конфликт друг с другом. Иллюстрацией, к их «романтическим» отношениям тогда, может служить переписка Г.Е. Зиновьева и И.В. Сталина. «Очень прошу Вас прочитать

корректуру моей статьи, – пишет Зиновьев. Если есть места, которые могут вызвать разногласия между нами, я охотно готов все похерить». Ответ Сталина выглядит столь же любезным: «Не имею никаких возражений. Да и какие могут быть возражения»[129]. Триумвират имел куда более важные задачи – борьбу с Троцким. Поэтому необходимо было временно зафиксировать сложившееся статус-кво в руководстве, а затем, в удобный момент, утвердиться на лидирующих позициях отодвинув от власти основного соперника. Записки которыми обменивались члены Политбюро на заседаниях, собраниях и митингах весьма красноречиво свидетельствуют об этом. Записка Сталина Зиновьеву демонстрирует его отношение ко «второму вождю» революции: «Троцкий противопоставляет себя Центральному Комитету и подрывает авторитет ЦК, авторитет кадров партии. Для него законы не писаны, он сверхчеловек»[130].

Попытки Зиновьева заставить Сталина работать в нужном для него направлении делались неоднократно, но далеко не всегда находили желаемый отклик: «Убедительно прошу отпустить на работу в Коминтерн т. Назаретяна (его согласие имею). Он будет крайне полезен на этой работе»; «Я усиленно поддерживаю просьбу Ленинградского губкома демобилизовать Наумчика и дать его для партработы в Питере. Будет крайне полезно и для него и для – партии. Общий глаз за балтфлотом его будет»; «Для проведения Конгресса Профинтерна нужна руководящая комиссия. Прошу назначить комиссию в следующем составе...»[131] и т.д. и т.п. Но часто, в ответ на настоятельные просьбы он получал такие сообщения: «Передайте т. Зиновьеву, – телеграфирует в Тифлис один из его соратников, – что вопреки категорическим заявлениям Сырцова устроить Петрова к нам на работу, секретариат ЦК 3 июня 1925 г. постановил направить его на Урал. Мы лишаемся наиболее ценного работника. Очень прошу Вас послать телеграмму Сталину с категорической просьбой Петрова оставить у нас на работе»[132]. И хотя устранение угро-

зы своим намерениям «тройка» продолжала видеть в ослаблении группировки Троцкого, путем элиминации тех на кого он опирался, это не исключало, а предполагало, соблюдение каждым собственных интересов. Для продвижения людей на элитные посты достаточно пока было учитывать только одно качество – антитроцкизм, все остальное имело второстепенное значение.

Учетно-распределительный отдел ЦК с начала 1923 г. внимательно отслеживал положение в элитной группе РКП(б). Сталин был хорошо информирован о тех силах на которые могли опереться и его политический соперник Троцкий, и союзники – Зиновьев и Каменев. (Табл. 2. Данные в %)[133]

Таблица 2

Организации	С подпольным партстажем	Послереволюционный партстаж
ЦК РКП(б)	100	0
СНК	100	0
ЦКК РКП(б)	94	6
Президиум ЦИК	81	19
Секретари губкомов	71	29
Президиум ВЦИКа	62,5	37,5
Члены Коллегии наркоматов	45,6	54,4
Начальники управлений, отделов центральных учреждений	39	61
Председатели Губсовпроф	35	65
Заворги губкомов	31	69
Секретари ЦК республик	26	74

Таблица показывает что, чем ниже опускалась шкала властных постов, чем дальне от Центра находились политические структуры, тем слабее позиции соперников и «союзников» Сталина и прочнее позиции его аппарата. На уровне уездов, большевики с дореволюционным стажем были большой редкостью[134], а на губернском уровне их было около 42%[135]. Подавляющее большинство членов партии относящихся к этой категории (58%) проживало и

и работало в Москве, Петрограде и республиканских центрах. В Саратовском губкоме в 1922 году на учете находилось 55 человек с подпольным стажем, из них 35 занимали ответственные партийные и советские посты. Все они проживали в губернском городе[136].

Уровень образования местных партийных работников в регионах уступал столице, а так же областным и губернским центрам. Укомы почти не располагали партийцами с высшим образованием[137]. Личные анкеты делегатов V Саратовской губернской конференции РКП(б) показывают, что высшее образование имели только 3 делегата, 21 делегат имел среднее образование, 42 – низшее (в собственноручно заполненных анкетах нередко встречаются записи: начальное, домашнее, самоучка, малограмотный)[138].

Аппарат, находящийся под контролем Сталина, начинает осуществлять интенсивную подготовительную кампанию по массовому приему в РКП(б) представителей пролетарских слоев, с целью выдвижении их на командные посты взамен троцкистским оппозиционерам. Уже к XIII партийному съезду общее количество выдвинутых рядовых работников на уездный и губернский уровень составляло 1 569 человек, из них 1025 рабочих и 72 крестьянина. Кроме того произошло перемещение 757 человек с низовой работы на ответственную[139].

Начальный этап реализации намеченных планов не сулил Сталину быстрого успеха. Несмотря на принимаемые меры, к январю 1923 года, были получены ошеломляющие для него результаты: рабочих непосредственно занятых на заводах и фабриках физическим трудом вступило в партию лишь – 3,2%, крестьян «от сохи» – 3,4%, в то время как число вступивших служащих было более чем на порядок выше – 39,4%[140]. Служащие, в составе которых находилось немало работников управленческого аппарата царской России, а также члены враждебных большевикам политических партий – меньшевики и эсеры – для такого проникновения проявляли особую настойчи-

вость и изобретательность. Обеспокоенность большевистских лидеров заметно возросшему влиянию непролетарских элементов была публично выражена еще на XI партийном съезде. Их естественное выбытие и даже искусственное удаление с лихвой покрывалось аналогичными представителями вступившими вновь[141]. Этому процессу, с точки зрения сторонников «тройки», необходимо было поставить искусственный заслон: социальный состав партии нуждался в постоянном пристальном контроле и регулировании. В одной из своих статей Зиновьев «научно обосновывал», что «политика регулирования роста и социального состава всякой пролетарской партии, как при капитализме, так и в условиях диктатуры пролетариата, является одной из важнейших областей партийного строительства. Всегда в периоды «приливов» и «отливов», «открытых» и «закрытых» дверей проводились чистки, которые протекали под руководством партии. Мало того, всегда партия сама их организовывала и проводила в жизнь»[142]. В связи с этим, важнейшей задачей очистительных кампаний и кампаний по приему новых членов становилось существенное изменение классовых и политических пропорций.

Осуществление этой целевой установки побудило политическое руководство, незадолго до смерти Ленина, и при его настойчивом требовании, принять специальное решение о массовой вербовке в партию «рабочих от станка» и «крестьян от сохи». Определяя политику партийного строительства, в осуществлении своих планов борьбы за власть, аппарат (в лице В.М. Молотова) инициировал на XIII партконференции вовлечение в РКП(б) в течении года минимум 100 тыс. человек[143], широко раскрыв двери перед рабочими и максимально сократив прием непролетарских элементов[144]. Январский (1924 г.) пленум ЦК, проведенный после кончины вождя, объявил ленинский призыв, в ходе которого в партию должны были влиться исключительно рабочие кадры из промышленного производства. Для этой категории людей устанавливались упрощенные правила приема: без рекомендаций (на

общем собрании) и даже через подачу групповых заявлений[145]. В инструкции ЦК о приеме в партию рабочих прямо говорилось, что «в случае не нахождения достаточных рекомендаций у товарищей, ограничиваться рекомендацией их собранием рабочих и постановлением о приеме общего собрания ячейки»[146]. Уже через четыре месяца XIII съезд РКП(б) объявил о приеме свыше 200 тысяч новых кандидатов-рабочих, что помогло существенно изменить социальное соотношение членов партии происходящих как из пролетарских, так и непролетарских слоев количественно, а партию в целом – качественно. Массовые акции обязательно сопровождаются неизбежными издержками. Л.М. Каганович характеризовал качество вновь вступивших: «50% из них относились не к квалифицированным рабочим, а чернорабочим, без длительного производственного стажа»[147]. Он не скрыл и попыток некоторых партийных организаций преувеличить и количество вступивших по ленинскому призыву, которое иногда искажало действительность в сторону увеличения в два-три раза[148].

Цель поставленной съездом задачи заключалась не в простом увеличении числа членов партии. Слишком большая и плохо управляемая партия ни вождям, ни аппарату не требовалась. Более того, для них она была опасна. Поэтому, обеспечение партийного прироста должно было быть осуществлено за счет большинства наиболее управляемых пролетарских кадров именно с производства. Находящийся под контролем Сталина аппарат прекрасно сознавал, что оставаясь основной связующей нитью ЦК с беспартийными наиболее активные рабочие-коммунисты почти целиком поглощены административной и хозяйственной деятельностью и, тем самым, отвлечены от основной массы своего класса. Поэтому партийным организациям поручалось уделять особое внимание этой категории работников, делая все возможное, чтобы не отрывая их от производственной работы и сохраняя в пролетарской среде, «помочь в повышении культурного уровня, всемерно облегчая воз-

можность действительного их участия во всех делах партии»[149]. Л.М. Каганович, оценивая культурный уровень ленинского призыва, констатировал, что «он выше окружающих рабочих, но, конечно ниже старых членов партии», и далее: «сказать, что в партию вступило громадное количество безграмотных, нельзя, однако процент безграмотных таков, что заставляет партию обратить внимание на ее ликвидацию»[150]. Особенно высоким процент неграмотных и малограмотных был в Башкирской, Иваново-Вознесенской, Харьковской организациях, в Донецкой губернии[151]. Поэтому Зиновьев и Каменев подчеркивали, что ленинский призыв, прежде чем использовать его согласно плана, необходимо превратить в «школьников», дать им соответствующий объем знаний[152].

Эту стратегически важную для партийного руководства кампанию нельзя было упускать из поля зрения предоставляя стихийному и естественному ходу – самотеку. Оппозиция могла перехватить инициативу. Формулируя резолюцию XIII съезда РКП(б) подводящую итог целенаправленного партийного строительства аппарат с «чувством глубокого удовлетворения» установил: «опыт вербовки … показал, что в партию идут в настоящее время в первую голову те из рабочих, которые лучше знают работу партии *последних лет* (курсив мой.– Н.С.), цели и задачи ее борьбы и которые за последний год уже близко стояли к самой партии»[153]. Желаемые для сталинского аппарата процессы начали набирать силы и ускоряться именно в том направлении, в каком это и предполагалось. Бесстрастный архивный источник свидетельствует: если в общей партийной среде людей с законченным высшим и средним образованием к тому времени имелось – 8,7%[154], то в среде учтенных оппозиционеров их было – 45,1%[155]. Образованным оппозиционным группировкам в лице массы малограмотных людей создавался мощный количественный противовес из плохо разбирающихся в теоретических и эмпирических вопросах, незнакомых с историей партии, и той ролью которую ее

элитные элементы, находящиеся теперь как в оппозиции, так и в партийном аппарате, играли в революционных событиях. В школы политграмоты было направлено около 60% всех вступивших в партию по ленинскому призыву[156], где их обрабатывали в нужном Зиновьеву и Каменеву, и особенно Сталину, направлении.

В новую генерацию партийных руководителей старались включать тех, кто на своем жизненном пути в непосредственный контакт с активными членами оппозиционных групп не входил и, следовательно, ни личных, ни политических мотивов для их поддержки иметь не мог. Новобранцы сталинского призыва относились к поседевшей в эмиграции и подорвавшей здоровье в ссылках и каторге большевистской гвардии не как к людям имеющим пожизненное легитимное право на элитные посты. Они поддерживали не тех кого травили и преследовали, а тех, кто травит и преследует, шли не совершать революцию, а занимать «тепленькие» места[157].

Аппарат ЦК, под лозунгом преодоления оппортунизма, всячески поощрял обострение внутриэлитной борьбы, интриговал, стимулировал раскол в солидарности, усиливал усобицу и не стремился к единству с оппозицией. Напротив, оппозицию шельмовали и обвиняли в контрреволюционной деятельности[158]. Одновременно партаппарат лицемерно и категорически угрожал «политически уничтожить всякого, кто покусится на единство партийных рядов»[159]. Б. Бажанов, П. Судоплатов отмечали «лживость и надуманность большинства разногласий. Главное – повергнуть соперника и завладеть властью. Но нельзя было иметь такой вид, что это безыдейная борьба пауков в банке. Надо было делать вид, что это борьба высокоидейная и разногласия необычайно важны: от того или другого их решения зависит будто бы чуть ли не все будущее революции»[160]. Руководство партии делало вид, что является выразителем мнения партийного большинства. Идти против партийного большинства означало нарушать положения устава РКП о партийной дисци-

плине. Единство сталинский аппарат понимал как безоговорочную капитуляцию, как безусловное подчинение и отказ от своих убеждений. Однако добиться от старой гвардии готовой всем пожертвовать ради того, что они считали правильным было невозможно. Эти люди были неспособны к долготерпению, свойственному простому русскому человеку. Попытки помощников Сталина добиться от оппозиционеров рабского послушания, готовности выполнить любой приказ своего лидера, признать его превосходство над собой были обречены. Настороженное отношение сталинистов к старшему поколению революционеров объяснялось просто: они боялись заговора. «Каждое недовольство, – писал Троцкий, – каждое сближение между собой недовольных, критика и рассуждения о том, что сделать, как приостановить пагубную политику правительства, есть, с точки зрения Сталина, заговор. И при тоталитарном режиме, несомненно, всякая оппозиция является эмбрионом заговора»[161].

В руководстве РКП(б) пришли к выводу, что движение кадров в элиту следует осуществлять быстрее, через обучение на практике, а не через длительное обучение теории. В партийных документах 1924 года с настоятельной требовательностью подчеркивалось, что привлечение новых членов партии – промышленных пролетариев, на практическую государственную и партийную работу нельзя откладывать даже на самый незначительный срок, а следует, как можно скорее, «максимальное их количество связать с той или другой практической работой в государственных, … партийных и других организациях». Причем, специально оговаривалось положение, что «этому *не должно мешать неподготовленность новых членов партии* (курсив мой. – Н.С.) и, в частности, не должно мешать *непрохождение ими какого-либо партийно-пропагандистского курса*»[162]. Неподготовленность, неопытность и необразованность из отрицательных для элитных кадров качеств одновре-

менно с возвышением Сталина превращаются в качества положительные и даже наиболее востребованные.

Новый вождь и его соратники спешили, сознательно делая ставку на ту категорию партийных руководителей, которые вместо учебы выполняли очень важную для аппарата административно-командную функцию[163]. Мало того, для срочного «укрепления» партийных органов из учебных заведений отзывали «некоторую часть коммунистов, имевших возможность получить за последние годы *некоторую* (курсив мой. – Н.С.) подготовку». В партийных документах не уточнялось какую же именно подготовку должен был иметь кандидат на выдвижение, но, судя по всему, в слишком высоком уровне нужды не было. В этом состояло одно из главных условий отбора к выдвижению. Очищая большевистскую элиту от противников новой руководящей группы, съезд, не считаясь с серьезными издержками такой политической линии, принял судьбоносное постановление: «выдвигать на более ответственные работы следует именно из среды вновь вступивших в партию товарищей, производя соответствующее обновление административных, хозяйственных и других аппаратов»[164]. Л.М. Каганович откровенно заявлял «Нельзя посадить на секретарство двух секретарей, но можно секретаря перевести на другое место, а вместо него выдвинуть другого товарища»[165]. Стержневой идеей аппарата была идея замены постоянно «бунтующих» оппозиционеров, либо людей связанных с ними, но имевших уже определенные знания и опыт, на людей преданных, но не имевших ни знаний, ни опыта. Резолюция лукаво гласила: «Без привлечения внимания ... масс к своей работе, без вовлечения их в дело улучшения госаппарата, без подбора людей из этих масс для замены ими старого неисправимого чиновничества не может быть и речи о больших достижениях в работе...»[166]. Но двигало партийными руководителями не столько забота о социальной стабильности и улучшении экономического положения страны за счет высокой компетентности элитных кадров и,

следовательно, эффективности их работы, сколько желание любыми средствами удержаться у власти. Назревала уже не персональная и даже не частичная, а массовая, всеобщая ротация кадров большевистской партии. Молодые бойкие и нахрапистые карьеристы старались не упустить свой шанс и успеть занять те места, которые вскоре должны были освободиться. Партийные документы недвусмысленно предписывали замену «вычищенных» из советского аппарата, новыми кадрами выросшими на фабриках, заводах и на низовой советской работе[167]. Хотя партийными органами и принимались решения об устранении с элитных постов «прежде всего и главным образом на основании оценки качества работы», однако скрытый их смысл состоял в ином: замене кадров на основе принципа политической лояльности и личной преданности новым вождям и неприятия вождей оппозиции, их идей и методов работы. При этом, четко оговаривалось, что «пролетарское происхождение и принадлежность к Коммунистической партии ни в коем случае не должны превращаться в *страховку от чистки*»[168]. Это было естественно, ведь все оппозиционеры были членами партии, а рабочих и крестьян среди них было 68,2%[169], что ненамного, но все же меньше, чем в целом по партии – 72,8%[170]. Главное заключалось в отборе претендентов на членство в элитную группу лично известных и наиболее доверенных лиц. Для коммунистических вождей уже не имело столь существенного и принципиального значения социальное происхождение и статус кандидата в их ближайшее окружение, он отодвигался на задний план, а предпочтение отдавалось в меру способным и непременно лояльным.

Проведенный анализ доли старых большевиков в руководящих партийных органах показывает, что в период с 1921 по 1924 гг. она постоянно возрастала, а затем, к 1930 г., неуклонно снижалась (табл. 3. Данные в %)[171]:

Таблица 3

Члены партийной элиты	1922 г.	1924 г.	1927 г.	1930 г.
Делегаты партконференций	50,4	61,7	51,5	19,1
Секретари обкомов, губкомов, крайкомов.	48,3	77,6	58,1	32,5
Секретари окружкомов	данных нет	40,5	28,3	17,8
Секретари укомов	данных нет	25,9	14,5	11,2

Некоторые абсолютные данные о старой гвардии в руководящих органах партии и Советского государства можно найти в справочном материале за 1924 год[172]. Из 53 членов ЦК, избранных XIII съездом, вступивших в партию до или во время первой русской революции было 42. Остальные накрепко связали свою судьбу с партией не позднее 1915 года. Из 34 кандидатов в члены ЦК только 5 стали членами партии в 1917 году или чуть позже. С уверенностью можно сказать, что президиум ЦИК СССР сформированный в феврале 1924 года по крайней мере на 80% состоял из представителей ленинской гвардии (о двоих – Игнатовском и Кульбишерове сведения отсутствуют, а двое Андреев и Червяков стали членами партии соответственно в 1914 и 1917 гг.)[173]. Среди 152 членов ЦКК старых большевиков было 74, с дореволюционным стажем еще 71 и только 7 вступили в партию после 1917 года[174]. Из 17 членов Совета Народных Комиссаров СССР только один Чичерин вступил в партию большевиков в 1918 году, хотя в революционном движении участвовал с 1905 года.

Старые большевики брались на учет центральными и региональными партийными органами. Подавляющее их большинство (58%)[175] проживало и работало в Москве и Петрограде. В Саратовском губкоме в 1922 году на учете находилось 55 человек с подпольным стажем, из них 35 занимали ответственные партийные и советские посты. Все они проживали в губернском центре. Ни в одной уездной организации губернии, партийцев с подпольным стажем, не было[176].

Для секретарей губернских комитетов при Ленине обязательным считался дореволюционный партийный стаж, категорически требуемый от этой категории служащих. После смерти вождя-основателя, начиная с 1925 года, требования были изменены: стал необходим лишь 7-летний период пребывания в РКП(б). Соискатель поста секретаря губкома вполне мог вступить в партию не ранее 1918 года. Кроме того, Устав принятый XIV съездом допускал по согласованию с вышестоящей партийной инстанцией сокращение и этого незначительного срока[177]. Чем дальше отодвигался от октября 1917 года очередной партийный съезд, тем больше среди его делегатов появлялось малоизвестных и неимеющих общепризнанных заслуг людей, подвергающих критическим нападкам старых гвардейцев. Грубые речи новой генерации партийцев ударяли бойцов ленинской когорты «гораздо острее, чем прежде, когда партийные кадры знали друг друга гораздо ближе и теснее»[178]. Однако их личная близость, сплоченность рядов, приобретенный опыт, смелость поступков, постоянное отстаивание своей правоты – раздражали, создавали впечатление подрыва авторитета лидеров и ответственных работников аппарата Центрального Комитета, ставили под сомнение управляемость партии и государства. Копившееся напряжение приближалось к критической отметке. Ситуация становилась взрывоопасной.

В конце 1927 года основные члены партийной элиты состояли уже не столько из партийцев с большим дореволюционным и подпольным стажем, сколько включали в себя значительное количество молодежи вступившей в партию во время или, даже, после гражданской войны[179]. Лозунг XIII съезда РКП(б): «добиться, чтобы в течение ближайшего года в партии было больше половины ее состава рабочих от станка» безраздельно определял задачи ближайших перспектив кампании вербовки в партию[180]. Это решение, в основном, было реализовано к середине 1928 года. Именно тогда аппарату удалось приблизить социальный состав ВКП(б) к «идеалу» укрепив его про-

летарское ядро, которое выросло за это время более чем в три раза и достигло 62%. Однако, к тому времени и этот результат уже не мог удовлетворить предъявляемых аппаратом ЦК требованиям[181]. В руководстве партийных органов преобладали интеллигенты и служащие как по социальному положению, так и по происхождению. Социальный состав секретарей областных, губернских и краевых парторганизаций показывает: рабочих среди них было 48,7%, а «служащих и прочих» – 51,3%. Секретари окружкомов: рабочих – 44,4%, а служащих 51,9%[182]. Такое положение сталинское руководство партии удовлетворить не могло. В дальнейшей работе Центральным Комитетом планировалось основные партийные кадры обновлять за счет политического роста и партийного воспитания новых членов – рабочих в процессе их участия в деятельности организаций РКП. В то же время, допуск в большевистскую партию кандидатов не из рабочей среды был возможен лишь после обязательного выяснения способностей нового члена и его желания на деле помогать партии и органам пролетарской диктатуры. Им необходимо было доказывать «свою действительную полезность и стойкость»[183]. Действительная «полезность и стойкость» выступали атрибутивными качествами всех кандидатов в элиту происходящих из представителей нерабочей среды. Особо взыскательный спрос при приеме в партию требовалось предъявлять к интеллигентам-служащим. Съезд, как глубоко положительное явление, отметил поворот в сторону Советской власти широких слоев интеллигенции. Однако, в то же время, он предостерегал от вероятных отрицательных последствий, ибо, по мнению аппарата, существенно увеличивалась опасность идеологического окружения рабочих-коммунистов. Борьба за идеологическую чистоту партии «против мелкобуржуазного и сменовеховского обволакивания» становилась одной из важнейших задач[184]. Интеллигентам отводилась «почетная» роль идейных помощников рабочих и крестьянских масс. Их деятельность нуждалась в тщательной проверке на практическом, полезном для

рабочего государства деле. «Таким образом, – говорилось в резолюции съезда, – наряду с формальными критериями для приема в партию должны играть не меньшее значение критерии *по существу полезности* (курсив мой. – Н.С.) для партии желающего вступить в нее членом»[185]. Настороженное внимание и даже откровенное недоверие лидеров к людям имеющим культурный уровень «выше среднего развития», выражалось в предъявлении более высоких требований по идейной подготовке, выдержанности, действительному выполнению коммунистических обязанностей в отношении улучшения работы в наших партийных, государственных и других органах[186], при одном постоянном, непременном и ужесточаемом требовании – агрессивное неприятие любой оппозиционности. К либералам и соглашателям относились как к врагам, их в элиту не допускали, а тех кому все же удавалось туда внедриться «вычищали».

Современные исследователи качественных характеристик членов большевистской партии в 20-е годы не без основания полагают, что «рядовые члены партии стояли по своему культурному уровню, в лучшем случае, не выше основной массы населения»[187]. Не оспаривая этого, на наш взгляд в целом справедливого утверждения, считаем необходимым уточнить сказанное. Устранение из партийных рядов значительной части представителей наиболее образованных интеллигентских слоев и замена их малограмотными либо вовсе неграмотными людьми из пролетарской и полупролетарской массы не могло не понизить ее общекультурную планку, даже по отношению к среднему уровню общества. Вступающие в партию зачастую не имели элементарной подготовки, ни общей, ни политической[188]. Среди членов партии обладали начальным образованием – 82,6%, а среди кандидатов в члены ВКП(б) и того больше – 87,3%. Людей имеющих лишь минимальный навык чтения насчитывалось в партии свыше 20 тысяч, а азбучно неграмотных по обоим категориям было – 3,4%, что в абсолютных цифрах составляло – 17

994[189]. Слабая грамотность и низкая культура, бич пролетарской властвующей партии на протяжении нескольких десятилетий, заставила Ленина еще в 1922 году назидательно написать: «Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика»[190]. Между тем, для руководства властвующей партии этот факт не являлся однозначно отрицательным. Как раз наоборот, малообразованные люди составляли весьма податливый материал в руках высших партаппаратчиков. Они с готовностью верили (или, из карьеристских соображений, делали вид, что верят) в красивые утопии, активно распространяемые большевистскими пропагандистами и агитаторами и, потому, являлись желанными кандидатами в члены правящей партии, а затем и в выдвиженцами на элитные посты. Говоря о строительстве партийного механизма Сталин весьма емко изложил свое видение проблемы: «...необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие их проводить в жизнь. В противном случае политика теряет смысл, превращается в махание руками»[191]. Приведенное высказывание красноречиво свидетельствует, что новый вождь на элитных постах желал видеть тех, и только тех, кто из всего спектра деловых качеств обладал лишь способностью наиболее ретиво исполнять директивы, решения, указания вышестоящих органов. Очевидно, что в этом случае уровень общего образования и политической грамотности имел небольшое значение и не нес самостоятельной и необходимой элитообразующей нагрузки. Элитные элементы вынуждено деградировали и превращались в винтики огромного партийного механизма, выполняющие строго определенные функции: передачи распоряжений сверху вниз и жесткого контроля за их реализацией.

Этот вывод подтверждается социологическими данными. В начале 20-х годов уровень общей и политической неграмотности коммунистов составлял около 60%, а в некоторых губерниях доходил даже до 70%[192]. Однако упорное стремление к сохранению имиджа и к достижению беспрекословного подчинения ее членов высшему партийному руководству побуждало набирать в партию людей, отличающихся низким социальным и культурным статусом. Для них РКП(б) приобретала не только и не столько образ политической партии, сколько превращалась в своего рода религиозный орден, требующий самоотверженного служения и абсолютного, безапелляционного подчинения. Принадлежность к партии-ордену, давала надежду, вселяла чувство твердой социальной опоры, обозначала ориентиры целей и смысла жизни, определяла глобальную перспективу. Солдат партии находил в ней устойчивую защиту, ощущение не своего ничтожества, а огромной собственной значимости, если и не равной по масштабу самой революции, то близкой к ней. Идентифицируя себя с партией такой человек вырастал в собственных глазах и, что не менее важно, в глазах окружающих, до гигантских размеров занимаемых новой властью. Отсюда проявление азиатских качеств выражающихся, с одной стороны, в нерассуждающей преданности, а, с другой, в агрессивном неприятии любой, даже справедливой, критики в адрес партии и ее вождей, воспринимаемой индивидом как посягательство на собственную личность[193]. Такой человек занимая чиновничий пост и не имея для этого ни образования, ни соответствующих знаний и навыков был вынужден пресмыкаться перед своими начальниками. Вступив в партию достаточно поздно, когда все было уже известно (т.е. на чьей стороне власть и сила) он страстно желал стать своим для тех кого он боялся и «уважал». Подобного рода люди испытывали наслаждение, когда начальники им улыбались, похлопывали по плечу и обращались на «ты». Панибратские отношения с теми, кто выше по рангу, улыбки и похлопывания воодушевляли, вселяли радуж-

ные надежды и обеспечивали готовность на следующий день работать еще больше и лучше, выполнять задания с полунамека, чтобы еще сильнее понравиться, еще теснее сойтись с «верхами», сблизится с ними. Шибко умных и умничающих подчиненных они не выносили и рядом с собой не держали. Ученые, конструкторы, литераторы и другие творческие личности должны прежде всего быть «своими ребятами», а уже потом профессионалами своего дела. Партийные идеалы для них были чем то ритуальным: им нужно было публично поклоняться, но совсем не обязательно следовать в повседневной жизни.

Емельян Ярославский, некоторое время осуществлявший контроль за политическими и идеологическими ориентациями коммунистов в сельских партячейках, которых, как мы помним, Ленин включал в состав рабочих, в одном из выступлений приводил любопытные данные: 23,4% членов партии ничего не знали об этой политической организации; 27,7% имели о партии весьма «смутное» представление; 27,8% усвоили лишь организационное строение; 3,7% – усвоили хорошо; 11,7% не имели никаких понятий об Уставе; 5,6% о партии никогда и ничего не читали[194]. Политическая культура большинства новых членов была столь низкой, что активное участие в дискуссиях и размежевание на фракционной основе в соответствии с какими-либо теоретическими взглядами было практически невозможным[195]. Кроме того, тяжелое материальное положение, боязнь потерять работу, традиционная забитость и приниженность, маргинальная психология склонная к беспрекословному подчинению начальству и страху перед высокопоставленными лицами, фанатичная вера в возможность лучшего будущего делали свое дело. Аппарат безошибочно определил направление своей политики по формированию «новой» партии: ставил твердую ставку на рабочих от станка (многие из которых еще вчера были крестьянами), которые, как всесокрушающий таран шли в одном направлении – за ЦК, что на деле означало – «за

аппаратом». В этих условиях серьезной ошибкой допущенной всеми оппозиционными группами явилась прямая апелляция к партийной массе как к единственному высшему арбитру в возникающих спорах. Они не понимали, что место масс в системе властных ресурсов изменилось и уже не имеет того значения, которое возлагалось на нее оппозицией. Оппозиция выступала от своего имени, а партаппарат от имени всей партии. В сознании рядовых членов складывалось мнение, что с партией борются чужеродные и враждебные силы. «Как показал ход и исход … дискуссий, – справедливо подчеркивает О. Березкина, – апелляция к массам ни разу не дала (а от себя добавим, и не могла дать) оппозиции желаемого результата»[196]. Большинство членов партии (да и немалая часть аппарата) не относилось к разряду «шибко грамотных» и не разбиралась в хитрых приемах используемых в дискуссиях и теоретических спорах, а на самом деле в существе межгрупповых отношений. Ей проще, спокойнее, а главное, выгоднее было поддерживать уже сложившуюся политическую систему, власть людей которых они, казалось бы, хорошо знали, понимали и принимали.

Изменения в качественном составе партии вызванные НЭПом таили в себе серьезную опасность. Она состояла в том, что в ее ряды неизбежно вливались «чуждые элементы» выражающие желания и отстаивающие интересы нэпманов. В документах орграспреда ЦК прямо говорилось, что «первый период НЭПа давал возможность продвигаться и закрепляться на руководящей работе в первую очередь непролетарской части, как работников партийного и государственного аппарата вообще, так и отдельных членов партии»[197]. Такое положение объяснялось тем, что «лучше всего сумело приспособиться к новым, весьма сложным условиям интеллигентская и служилая часть партии»[198]. Кроме того, все оппозиционные группировки положительно восприняв новую экономическую политику имели цель продвинуть своих представителей на ответственные посты в аппарате. Поэтому страховкой от всех

опасностей должно было стать рабочее большинство в руководящих органах партии и ее управленческих структурах. Политика «орабочивания» управленческого аппарата превращается в важнейшую задачу большевистского руководства.

На начальной стадии деятельности единственным резервом партии были сотни тысяч выборных депутатов по всей стране. Эти депутаты по своим качественным характеристикам не отличались от тех, кто составлял РКП(б)[199]. Анкеты депутатов, членов ЦИК Совета Союза и Совета Национальностей 5-го созыва (1928 г.) показывают, что высшее образование имели 11%, среднее – 10,5%, низшее – 65%, домашнее – 10,5%, неграмотных было 3%. По партийному стажу: старых большевиков насчитывалось 17%, с дооктябрьским стажем еще 11%, вступивших в годы гражданской войны 27%, в период с 1921-1925 гг. 5%, позднее – 5%, а 35% были беспартийными[200]. На этих людей возлагалась тройная функция: 1) функция политических руководителей направляющих работу в определенное пролетарское русло; 2)управляющих учреждениями и политических комиссаров наблюдавших за работой в учреждениях; 3)привлечения к участию в этой работе тысяч пролетарских элементов[201]. Такая работа, по мнению сталинского аппарата, сама по себе не давала гарантии успешного разрешения задач управления, но сочетание кадров советских депутатов и профессиональных революционеров должно было обеспечить основу проводимой партийным руководством системы подбора и расстановки работников. Вождь считал, что система, испытанная в годы гражданской войны и разрухи, показала свою жизнеспособность. В одном из отчетов орграспреда ЦК за 1927 год кадры ответработников, распределяемых Центральным Комитетом ВКП(б), характеризовались как беспрекословно выполняющие предписания партии, дисциплинированные товарищи, сознающие необходимость своих назначений. Именно они составляли остов этой системы»[202]. В центре внимания системы, как цен-

тральных, так и губернских ее элементов, оказался качественный учет работников. Вопрос сосредотачивался на том, чтобы поставить работника на дело соответствующее его знаниям, опыту, способностям, стойкости и выдержке[203]. Управляя партией с помощью выходцев из чуждого свергнутого класса, ЦК ставил задачу: «вербовать своих управителей из рядов своего класса. Вместе с этим мы должны весь аппарат государственный употребить на то, чтобы учебное заведение, внешкольное образование, практическая подготовка – все это шло, под руководством коммунистов, для пролетариев, для рабочих, для трудящихся крестьян»[204]. Важнейшее значение в деле приобщения трудящихся классов к управлению приобретало не общее и специальное политическое образование, а практика, эмпирический опыт.

Выполняя волю вождя-основателя, его соратники принимают решение о расширении состава Центрального Комитета до 40 членов и 17 кандидатов[205], что явилось лишь частичной уступкой требованию увеличения данного партийного органа до 100 человек и именно за счет рабочих. Количество людей, принимающих участие в заседаниях партийных пленумов, одно присутствие которых, по мнению Ленина, должно было блокировать все раскольнические действия оппозиции увеличивалось, (кроме членов ЦК с решающим голосом, присутствовали с совещательными голосами: а) кандидаты в члены ЦК и б) члены Президиума ЦКК). Этот партийный ареопаг, среди прочих мер, обязывал партийные органы поставить в качестве одной из основных задач систематическое изучение состава аппарата и организацию учета и подбора работников на основе соответствующих директив ЦК[206]. Причем контроль за столь важным процессом возлагался на высший партийный орган: необходимо «*будет ... каждый год на съездах ... регулировать состав партии* (прием в члены и пр.) *с тем, чтобы систематически улучшать состав РКП*»[207]. На аппаратном сленге того времени «улучшать» означало подбирать и воспитывать послушных, исполняющих волю начальников,

а в случае необходимости публично и агрессивно отстаивающих интересы руководства партийцев. «На руководящих партийных, государственных и профсоюзных постах стоит большое число рабочих. Но партия все еще не добилась достаточного перевеса промышленных рабочих среди всего полумиллиона членов и кандидатов РКП»[208]. Для решения этой проблемы всем партийным организациям страны было дано строгое указание: «Переводить в 1923-1924 гг. (до XIII съезда партии) из числа кандидатов в члены партии *только* промышленных рабочих, работающих у станка, оставив всех остальных на положении кандидатов еще на один год, с целью дать этим кандидатам возможность предварительно получить лучшую партийную подготовку»[209].

Меры по улучшению подбора «руководящего кадра работников партии, начиная от секретаря губкома и обкома и кончая секретарем ячейки», выражались в выяснении социального положения по происхождению и роду занятий, в установлении партстажа, «в проведении замены прежних секретарей ячеек, выполняющих преимущественно технические функции»[210], в подборе организаторов ячеек, что позволило сосредоточить на партработе политически «более воспитанных и выдержанных партийных товарищей»[211].

Дальнейшая концентрация и централизация партийной власти осуществлялась через установление инструкторского института в аппарате, от ЦК до укома и райкома. Это, с одной стороны, способствовало усилению значимости партработы, с другой – становилось способом практической подготовки новых кадров самих партийных работников. Были внесены изменения в соответствующую часть пункта 35 партийного Устава в котором было записано положение: устанавливался для секретарей губернских комитетов 6-летний стаж пребывания в РКП(б) и отменялся ранее существующий обязательный дооктябрьский партийный стаж[212]. Имидж бывшего профессионального революционера уже не давал тех политических и статусных дивидендов, которыми совсем еще недавно так гордились его

дендов, которыми совсем еще недавно так гордились его носители. Напротив, этих людей все дальше и дальше отодвигали от власти и направляли на «посильную» для них работу. В то же время в качестве важнейшей задачи партии становится «усиление партийного руководства в деле подбора руководителей советских ... и других органов, что должно осуществиться при помощи правильной и всесторонне поставленной системы учета и подбора руководителей и ответственных работников партийных, советских, хозяйственных, кооперативных и профессиональных организаций. В этих целях съезд поручил ЦК принять все меры к расширению и укреплению учетных и распределительных органов партии в центре и на местах с целью охвата всей массы коммунистических и сочувствующих коммунизму работников во всех без исключения областях управления и хозяйствования»[213]. Одновременно, для повышения роли и значения аппарата, съезд, продолжая линию по свертыванию внутрипартийной демократии, сужению коллегиальности и укреплению единоначалия, постановил, что очередные губернские партконференции должны собираться не 2 раза в год, как прежде, а 1 раз[214].

Внутриэлитная борьбы заставляла сосредоточить «заботливый интерес» руководства партии на молодом поколении. Молодежь, активно участвующая в преобразующей деятельности, имела колоссальный энергетический потенциал и от того, на чью сторону она перейдет в выигрыше могла оказаться как оппозиция, так и новые лидеры партии. Причинами неудач в деле выдвижения кадров, их слишком медленная ротация, по мнению сталинского руководства, являлось сопротивление аппарата, видевшего в рекомендуемых выдвиженцах своих конкурентов. Положение нуждалось в исправлении. Лидеры стали жестко критиковать аппарат за отсутствие должного внимания со стороны партийных и советских органов к подготовке соответствующих кадров, недостаточную помощь со стороны руководителей учреждений, их слабую связь с выдвинувшими их предприятиями[215]. Упустить

контроль над ней означало проиграть борьбу за власть. Поэтому констатируя, «что *работе среди молодежи все еще уделяется слишком мало внимания*»[216] съезд обратился к Центральному Комитету с предложением принять в этом направлении самые энергичные меры. Активность чиновников от РКП объяснялась тем, что оппозиция пыталась использовать молодое поколение коммунистов против обюрокрачивающегося партаппарата. Троцкий раньше других оценил молодежный потенциал в будущей борьбе. Он справедливо считал, что «барометром» для партии должна является наиболее образованная ее часть, т.е. настойчиво овладевающая знаниями учащаяся молодежь[217]. Комячейки многих вузов поддержали «самого способного члена ЦК». Архивные данные свидетельствуют, что более 20% активных оппозиционеров получали не только общее, но и партийно-политическое образование или имели связи с Институтом Красной профессуры, Коммунистическом университетом, Центральным институтом марксизма, прочими комвузами и другими учебными заведениями[218]. Зная это, лидеры партии настаивали на том, что партии следует равняться по ее основному пролетарскому ядру, по молодым рабочим-коммунистам, работающим на производстве[219] и не имеющих позитивных контактов с оппозицией. На вербовку и воспитание партийцев среди этой категории направлялись те старейшие и еще сохраняющие свой авторитет в рядовой среде члены партии, использование которых на других направлениях работы аппаратом уже давно было признано нецелесообразным.

Большевистская гвардия, готовя «к работе молодое поколение коммунистов» должна была учитывать стремление амбициозной молодежи к командным постам и сглаживать возникающие на этой основе внутриэлитные противоречия, предотвращая конфликты между различными возрастными группами. Аппарату просто необходимо было сохранить за собой право на преемственность и «*установить непрерывную связь между подрастающей молодежью и старым поколением революционеров,*

молодежью и старым поколением революционеров, объединяя в рядах партии все, что есть жизнеспособного среди революционеров обоих поколений»[220]. Впервые наблюдавшая острые споры внутри партии коммунистическая молодежь, наиболее близко стоящая к фабрично-заводской жизни, без колебаний поддержала линию Центрального Комитета, в то время как значительная часть учащейся молодежи вузов «проявила колебания», а нередко шла за оппозицией[221]. Реакция аппарата была незамедлительной: срочно разрабатывались меры воздействия на учащуюся молодежь как организационного, так и идейного порядка. У правительственных органов «неожиданно» обнаружился острый недостаток финансовых средств, ассигнуемых на высшие учебные заведения, в которых были сильны оппозиционные настроения. На необходимое материальное подкрепление могли рассчитывать только те вузы, которые из своего состава начали удалять студентов и преподавателей, поддерживающих оппозиционеров[222]. Обосновывая такую политику, в Центральном Комитете ВКП(б) изобрели резолюцию, согласно которой «партия должна предпочесть иметь меньший контингент учащихся, но зато улучшить их материальное положение … и усилить качественную сторону работы в вузах»[223]. Не случайно партийных чиновников особенно волновал активно распространявшийся в молодежной среде троцкистский лозунг «ломки партаппарата и переноса центра тяжести борьбы против бюрократизма в госаппарате на «бюрократизм» в аппарате партии»[224]. Такой лозунг несомненно был очень опасен для аппаратных работников[225]. Подспудно признавая справедливость обвинений, партийный аппарат не мог не отвергнуть его публично. Критику со стороны оппозиции попросту назвали «огульной попыткой прямой дискредитации ЦК, объективно ведущей ни к чему другому, как к эмансипации государственного аппарата от влияния на него со стороны партии, к отрыву государственных органов от партии»[226].

Работу партийного аппарата, осуществляющего через орграспред ЦК[227] ротацию кадров на элитные посты, значительно усложняло усилившееся сопротивление старых служащих, продолжающих оказывать ощутимое сопротивление выдвижению рабочих и крестьян. В сложившихся условиях старые методы работы – отдельные кампании по выдвижению, проводимые почти исключительно силами партийных комитетов и ячеек, оказались, по мнению лидеров партии, недостаточными[228]. Сталинская группировка не могла больше полагаться на случайных людей попадавших в партийные органы лишь благодаря «объективным факторам»: своему социальному происхождению, партийному стажу и опыту работы на ответственных постах, старых заслугах. Среди необходимых качеств кандидата в элиту на первое место выдвигаются качества, устраивающие непосредственно вождя. По отчету Центральной Ревизионной комиссии XIV съезд принял очень важное предложение о мерах по формированию «постоянного состава ответственных и технических работников в отделах ЦК»[229]. Именно это решение окончательно организационно оформило оригинальную социальную группу – партноменклатуру. Если Ленин, как вождь революции, изобрел и построил организацию профессиональных революционеров, а затем и заложил основы бюрократического аппарата, считает М.Восленский, то возглавивший этот аппарат Сталин изобрел и сформировал номенклатуру[230].

Кандидаты в сталинскую номенклатуру вскоре должны были практически вытеснить с господствующих высот в партии, государстве, народном хозяйстве, профессиональных союзах, кооперативных организациях те остатки ленинской гвардии, которые не проявляли рабской покорности, исполнительности и явной благосклонности к новому вождю. Планы выдвижения на руководящие должности и в городе, и в деревне обретали вполне законченное выражение: «только на конкретную, заранее определенную работу»[231]. При отборе выдвиженцев в обязанность парторганизаций вменялось:

учет склонностей и способностей, выяснение уровня подготовки кандидата и, лишь в соответствии с этим, определение характера и масштаба той работы, для которой он предназначался. Руководитель организации принимал окончательное решение о выдвижении кандидата[232] и нес персональную ответственность за создание наиболее благоприятных условий успешного закрепления выдвиженца на новом деле[233]. И хотя в постановлении Центрального Комитета строго оговаривалось, что отбор выдвиженцев должен был осуществляться не на руководящую работу «вообще», а только на конкретную и заранее определенную работу, это требование не соблюдалось. Нередко выдвижение осуществлялось людьми мало сведущими. Неудачный и даже случайный подбор выдвиженцев, не соответствующих требованиям, предъявляемым к работе управления государственного масштаба, был весьма заурядным явлением[234]. В архивных материалах можно найти этому немало свидетельств. Так, некто Коняев 3 года работал членом правления консервного синдиката. Выдавал себя за инженера-механика с высшим образованием. Писал и заявлял, что в совершенстве знает английский язык. Когда же ему дали перевести одну фразу на английский язык, то он сумел перевести только слово: «экономика». Не сумел разобрать простейшие математические формулы, а на допросе в ОГПУ признался, что он никакой не инженер, никаких высших учебных заведений не заканчивал, а имеет за плечами только 2 класса реального училища[235]. Практика свидетельствовала, что несмотря даже на быстро обнаруживаемую непригодность к делу государственного управления значительной части коммунистов-выдвиженцев, губительная для них самих и мешающая улучшению работы аппарата, переброска из учреждения в учреждение и из района в район не прекращалась[236]. Жесткое требование: добиться их неуклонного возвращения на прежнее место работы по специальности[237] не выполнялось. Саботаж партийных решений, объясняемый, с одной стороны, острым дефицитом кадров, приводивший к тому, что

эти люди продолжали оставаться в списках номенклатуры и покидали его лишь по решению комиссии по чистке, либо (если они оказывались замешанными в деятельности оппозиционных группировок) органов ОГПУ, с другой стороны, – желанием руководителей сохранить удобных для них людей в своем непосредственном распоряжении. Робкие попытки перевода некоторых из них (тех кто еще мог исправиться) на «низшую должность» широкого распространения не получили. Значительно шире практиковалась чистка «*без права работы в советском аппарате* (на срок или особо злостных – навсегда)». Этих людей категорически воспрещалось принимать «на другую должность и в другое учреждение, и списки их должны были опубликовываться ко всеобщему сведению в печати»[238]. Попавшим в «черные списки» людям найти работу представлялось делом весьма проблематичным.

Партийным комитетам и ведомствам поручалось принимать все зависящие от них меры к поднятию квалификации выдвиженцев, «заботясь о том, чтобы они получили постоянное и всестороннее руководство на самой работе, посылая их на существующие специальные курсы подготовки и переподготовки по отдельным отраслям работы и содействуя открытию, в случае надобности, новых курсов для этой цели»[239]. Общее руководство всей работой по выдвижению партактива оставалось за партийными комитетами и ячейками[240].

Естественно, что долго, такая, весьма пагубная для партии и государства, политика в отношении формирования номенклатурных и элитных кадров, продолжаться не могла. Необходимость борьбы с оппозиционными группировками с помощью малообразованной партийной массы к началу 30-х годов (из-за разгрома оппозиции) становилась малоактуальной[241], а государству и народу требовались реальные успехи в улучшении положения трудящихся и укрепления экономического и оборонного потенциала страны[242]. В тоже время, ущерб от деятельности «выдвиженцев» значительно превосходил ту

пользу, которую они могли принести, работая на высоких постах в партийном аппарате. “Мы, – писал Сталин Молотову в сентябре 1930 года, – то и дело вырываем из производства («выдвижение»!) всех сколько-нибудь инициативных рабочих и отдаем их куда-нибудь в канцелярию, где они умирают от скуки в непривычной им среде, опустошая, таким образом, состав кадровых рабочих в производстве. <…>. Терпеть дальше такие порядки – значит идти против интересов социалист[ического] строит[ельства]”. И, далее: надо “воспретить выдвижение рабочих от станка во все и всякие аппараты, поощряя их выдвижение лишь по производственной (и может быть, по профессиональной) линии. Пусть выдвигают рабочих от станка (знающих свою профессию) в помощники мастера, в мастера, в начальники цехов и т.п. Теперь такое выдвижение нужно нам как воздух, как вода. Без этого мы растранжирим весь кадровый состав производственных рабочих и отдадим наши предприятия на съедение рвачам”[243]. Пагубность проводившейся элитообразующей политики становилась вопиющей. Это отмечали не только убежденные оппозиционеры[244], но и некоторые из сторонников Сталина[245]. Они даже пытались ее изменить. Однако политику партии по кадровому вопросу формировали не они. В партийных документах еще значительное время продолжала присутствовать старая концепция отбора и выдвижения в партийную элиту.

Ближайшее окружение Сталина далеко не сразу пришло к выводу, что пролетарские кадры в партии выполнили свою миссию и процесс пополнения элиты должен был приобрести несколько иной характер. Но для кардинальных перемен в этом деле должна была произойти трагедия Великой Отечественной войны. Высшее руководство ВКП(б) бесспорно знало о тех издержках, которые несли с собой все крупные идеологические и, их неизбежные спутники, организационные кампании, сопровождавшие борьбу с оппозицией, а, позднее, с «врагами народа». Однако цель, и об этом открыто

говорил Г.М. Маленков, оправдывала эти издержки[246]. Сталин требовал от своих помощников: «чтобы борьба между троцкистами и Советским правительством выглядела не как борьба двух котерий за власть, из которых одной «повезло» в этой борьбе, а другой «не повезло», что было бы грубым искажением действительности, а как борьба двух программ, из которых первая программа соответствует интересам революции и поддерживается народом, а вторая противоречит интересам революции и отвергается народом»[247]. Сегодня совершенно очевидно, что та страшная цена, которую народ заплатил за эти кампании, чистки и репрессии, была преступной ошибкой тогдашних правителей[248]. Именно политика чисток и репрессий заложила основу подрыва системы. Практически все идейно-политические кампании, имевшие целью устранения из элитных групп фрондирующих кадров, были раздуты и преувеличены.

Большевистские вожди не могли не понимать, что «власть есть такая же профессия, как и всякая другая»[249], что управление – это наука и искусство, что далеко не всякий человек обладает необходимыми знаниями, способностями и психологической предрасположенностью для такого рода деятельности. Однако понадобилось не одно десятилетие и огромное количество жертв для того, чтобы требования образованности, компетентности и эффективности, объективно присущие правящей политической элите, превратились в необходимое свойство новой властвующей группы.

4. 3 ПОДБОР КАДРОВ В СТАЛИНСКУЮ ЭЛИТУ

Смена вождей в тоталитарных и авторитарных режимах всегда приводила не только к существенным коррективам в процессы трансформации элитных кадров, но, что не менее важно, и к переменам критериев и принци-

пов целенаправленного ее подбора. «Сталин явно умел подбирать кадры, находить и по-своему «выращивать» нужных ему людей»[250] – писал в своих мемуарах бывший ответственный работник аппарата ЦК КПСС К.Н. Брутенц. Однако это высказывание относится скорее к послевоенному периоду, когда Сталин приобрел гигантский опыт, а авторитет его был столь велик, что никто не мог покуситься на его место и роль в партии и государстве. Но до этого он двигался вперед методом проб и ошибок, пытаясь при формировании элиты решить проблему сочетания качеств личной преданности и ненависти к его личным врагам с компетентностью и высокой эффективностью. «Сделавшись генсеком», Сталин сумел превратить сначала Оргбюро и Секретариат ЦК в мощный рычаг партийной власти, а затем стал все кадровые вопросы решать через Политбюро[251].

С апреля 1922 года по март 1923 года распределение партийных сил все больше и больше приобретало характер планомерного и систематического подбора, перемещения и назначения ответственных работников, в значительной части санкционированных Секретариатом или Оргбюро ЦК. Вопросы распределения в повестках заседаний Секретариата или Оргбюро иногда занимали 2/3 или даже 3/4 места. Если в этот период посмотреть количество постановлений Секретариата и Оргбюро о перемещениях и назначениях, будет ясно, какое внимание Сталин уделял этим вопросам. Так, об отзывах с занимаемых должностей на Секретариате было принято 257 постановлений, на заседаниях Оргбюро – 73 постановления, вопрос о назначениях решался на заседаниях Секретариата 898 раз, на заседаниях Оргбюро – 284 раза, об отзывах и назначениях, главным образом членов коллегий наркоматов, – 144 раза[252]. Нарастающий интерес, проявляемый Сталиным к ответственным партийным работникам провинции, четко прослеживается в документах учраспреда, Секретариата и Оргбюро ЦК. Каталог «Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний» дает исчерпывающее представление о том,

что на Политбюро персональные кадровые вопросы деятелей партии первоначально рассматриваются чрезвычайно редко. За два первых года пребывания Сталина на посту генсека 1922 и 1923 гг. это произошло только 13 раз. По мере усиления внутриэлитной борьбы эти вопросы все чаще и чаще появлялись в повестках дня: в 1924 г. – 22 раза, в 1925 гг. – 24, в 1926 – 67, в 1927 – 29, 1928 – 37, 1929 – 69 раз[253].

Утверждение Сталиным своих позиций в аппарате ЦК РКП(б) совпадает по времени с появлением первых объективных данных о партийных секретарях губернского уровня. Так, в фондах учраспреда концентрируются сведения на всех первых секретарей губкомов[254]. Из имеющегося списка на 61 человека:

по партстажу –

с 1905 года и раньше – 6; 1906 – 1916 годы – 22; 1917 год – 11; 1918 – 1919 годы – 21, 1920 год и позже – 1

по возрасту –

до 25 лет – 9; 26 – 30 лет – 27; 31 – 35 лет – 13; 36 - 40 лет – 9; 41 – 50 лет – 3

по социальному происхождению –

рабочих – 26; крестьян – 5; интеллигентов – 30

по образованию –

высшее – 6; среднее – 22; низшее – 30; домашнее – 3

по национальной принадлежности –

русских – 39; евреев – 7; прочих – 15.

Как мы видим, учитывались исключительно количественные показатели, а качественные признаки (насколько человек способен, как он справляется с работой, соответствует ли своей должности, поддерживает ли оппозицию и др.) в материалах отдела пока отсутствуют. Между тем, в связи с обостряющейся борьбой за власть, эти данные приобретали исключительное значение. Их сбор, обработка и систематизация в учетно-распределительном

отделе выдвигаются в число важнейших задач. Кроме того, образовав корпус личных секретарей, помощников и должностных лиц, отобранных в силу их таланта, смекалки, преданности и полезности, Сталин пребывал в курсе всех событий в любой сфере[255]. Разработанный им механизм собственного возвышения, по мнению известного американского политолога Р. Такера, основывался на двух моментах. Во-первых, была создана стратегия использования аппарата ЦК для образования в провинции надежной партийной клиентуры и последующего, путем перемещения, превращения местной силы в силу центра. По заданию Сталина учраспред и разъездные инструкторы Центрального Комитета выявляли способных людей, могущих в будущем выполнять главную функцию формируемой заново элиты – быть наиболее преданной и полезной новому вождю. Во-вторых, создавались условия, помогавшие этим людям сделать политическую карьеру, прежде всего в республиканских и губернских партийных организациях. В 1924 году в учетно-распределительном отделе ЦК появляется специальная форма учета работников: «с какой на какую работу переведен»[256]. В таблицах 4 и 5 приведены данные о перемещениях в 1925 году.

По социальному составу.

Таблица 4

Переведены (в %)	Рабочих	Крестьян	Служащих	Прочих
С уездной работы на губернскую	43,2	0	54,1	2,7
С менее ответственной губернской работы на более ответст. губ. работу	37,5	8,3	51	3,2

По партийному стажу.

Таблица 5

Переведены (в %)	до 1917г.	1917г	1918-1919гг.	1920 г.	Позже
С уездной работы на губернскую	27	18,9	48,7	2,7	2,7
С менее ответственной губернской работы на более ответственную губернскую работу	29	17,7	40,6	11,5	3,2

Архивные данные свидетельствуют, что в 1925 году, в момент острой внутриэлитной борьбы, выдвижение на 72,2% коснулось губернских и лишь 27,8% уездных ответственных работников. Как о значительном успехе в отчете учраспреда сообщается о том, что количество выдвинутых рабочих меньше по сравнению с количеством служащих и интеллигентов только на 12,8%, а количество выдвинутых с партстажем не менее 5 лет составляло 88%. Выдвижение с менее ответственной на более ответственную работу происходило главным образом на волостном и уездном уровнях, меньше – с уездного на губернский и еще меньше – с губернского на областной и краевой. Основная масса членов партии, находящихся в этот период на ответственной работе, вступила в партию уже после революции в 1918-1919 гг[257].

Очевидно, что очень тяжело раскручивался маховик партийной машины. Пробиться на верхние этажи власти было непросто. По материалам девяти губерний, из 11 007 человек прошедших через партийные комитеты, было выдвинуто на более ответственную работу 403 человека (около 3,7%) в том числе губернского масштаба – 65, уездного – 210, волостного – 128. Эти данные не могут считаться исчерпывающими, так как выдвинутых с менее ответственной работы на более ответственную было гораздо больше. В числе выдвинутых с менее ответственной на более ответственную работу рабочие составляли 31,7%, крестьяне – 38,4%, служащие – 29,9%. На партийной работе из общего числа выдвинутых оказались лишь 17,2%, остальные использовались на советской и административной (31,7%), хозяйственной (13,7%), профессиональной (8,4%), кооперативной (8,3%), просветительской (4,7%), работе на прочих местах – 18,8%[258].

Имеющиеся данные о наличии и потребности в работниках по целому ряду пролетарских губерний: Ленинграду, Нижнему Новгороду, Донбассу и

др. в целом подтверждают это положение. Так, в Ленинградской губернии на июль 1925 года из 12 578 ответственных должностей партийными и беспартийными работниками были заняты 11 933 от волостного до областного масштаба. Орграспред предлагал местным руководителям заменить членами партии 1 855 беспартийных работников. Из 4 293 членов партии соответствовало требованиям квалификации (весьма непритязательным) 3 314, а 979 человек подлежало замене. В Нижегородской губернии из 2 276 ответственных должностей 2 153 были заняты партийными и беспартийными ответработниками. С учетом замены подлежащих снятию беспартийных и не соответствующих требованиям квалификации членов РКП(б) получается нехватка, равная 719 ответработникам, квалифицированным членам партии. В их числе требовалось 86 работников губернского масштаба, 453 уездного и 180 волостного. Орграспред ЦК настоятельно рекомендовал местным партийным органам произвести перегруппировку сил и назначить на свободные места выдвиженцев[259]. Используя благоприятную ситуацию, новые люди постепенно и настойчиво продвигались вверх по иерархической пирамиде, вытесняя представителей старшего поколения. Приток в партию ленинского (а точнее, сталинского) призыва привел к существенному обновлению всего ее состава, что не только значительно увеличило количественный, но и создало основной качественный резерв для выдвижения[260]. Из 1 088 тысяч членов и кандидатов ВКП(б) в 1925 году[261] около 35,3% было занято в промышленном производстве и 16,8% – у сохи. «Эти 52,1% членов и кандидатов, – говорится в материалах орграспреда ЦК подготовленных к XIV съезду ВКП(б), – является резервом откуда партия в дальнейшем будет черпать и подготавливать новых работников для выдвижения»[262]. «Сталинский резерв» уже был готов штурмовать высокие посты, освобождающиеся от оппозиционеров всех мастей. Высылки из страны Троцкого и смещение с руководящих партийных и государственных постов других членов оппозиции активизиро-

вали органы ОГПУ. Любопытно, что после решения Политбюро «об арестах и высылках»[263], ОГПУ с 1929 г. начинает активно фабриковать дела о диверсионной деятельности в промышленности и на транспорте, а со второй половины 30-х гг., дела о шпионаже оппозиционеров в пользу США, Англии, Германии, Японии и других стран[264].

Сам Сталин, как пишет Троцкий, «в конце 1925 года говорит о вождях в третьем лице и восстанавливает против них партию. Он вызывает аплодисменты среднего слоя бюрократии, что отказывает вождям в поклонах. В это время он уже был диктатором. Он был диктатором, но не чувствовал себя вождем, никто его вождем не признавал. Он был диктатором не силою своей личности, а силою аппарата, который порвал со старыми вождями»[265]. По мнению Троцкого «Сталин завладел властью не при помощи личных свойств, а при помощи безличного аппарата»[266]. Здесь Троцкий прав лишь отчасти. Сталин не только властвовал над аппаратом, он обладал и качествами руководителя высшего уровня. Он был наделен свойствами особенно необходимыми в закулисной борьбе. Троцкий отзывался о Сталине как о «посредственности». Но факт остается фактом – именно эта «посредственность» не только свергла «самого способного» члена ЦК – Троцкого с его пьедестала, изгнала из России, приговорила к смерти и привела в исполнение этот приговор. По некоторым качественным характеристикам отнести его к посредственностям никак нельзя: сила воли, терпение (весьма редкое качество для деятельной натуры), коварство, способность выявлять человеческие слабости и с презрением использовать их в своих интересах и, наконец, высший дар – способность идти к цели неуклонно, не останавливаясь ни перед чем. Этими «талантами» Сталин был одарен в достаточной степени. «Он может думать медленно и осторожно, но умеет действовать быстро и беспощадно, если он принял решение»[267]. Однако, только эти качества были недостаточны для руководства партией и государством. «Ленин, – свидетельствует Троц-

кий, – видел в Сталине революционера, но не политика большого стиля. Самостоятельных идей, масштабной политической инициативы, творческого воображения он от него не ждал и не требовал. Ценность Сталина, в глазах Ленина, почти исчерпывалась в области администрирования и аппаратного маневрирования»[268]. Вождь-основатель, действительно, не был слишком высокого мнения об интеллектуальных качествах Сталина. «В партийной карьере Сталина до 1925 года гораздо большую роль сыграли его недостатки, чем достоинства. Ленин кооптировал его в Центральный Комитет в свое окружение, не боясь со стороны малокультурного и политически небольшого Сталина какой-либо конкуренции. По этой же причине сделали его Генсеком Зиновьев и Каменев: они считали Сталина человеком политически ничтожным, видели в нем удобного помощника, но никак не соперника»[269]. Б.Бажанов в книге воспоминаний пишет о ставшей ему известной дискуссии, происшедшей на одном из заседаний, где Ленин назначал Сталина наркомнацем. «Когда Ленин предложил это назначение, один из участников заседания выдвинул другого кандидата, доказывая, что его кандидат человек толковый и умный. Ленин перебил его: «Ну, туда умного не надо, пошлем туда Сталина»[270]. М.И. Ульянова, независимо от Б. Бажанова, позднее, подтвердила данную ленинскую оценку[271]. Люди с подобными характеристиками способны концентрировать вокруг себя выдающихся и талантливых личностей, только обладая административным ресурсом. Волей автоматически и стихийно стремящегося к власти аппарата. Сталин постоянно оказывался на поверхности благодаря достаточно умелым собственным действиям.

В партии, где уровень грамотности был ниже среднего уровня общества, у Сталина, отличавшегося грубостью и подозрительностью, было достаточно кадров, готовых ему преданно служить. Но эта служебная преданность была особого свойства. Это была «не преданность учеников учителю, который обогатил их мысли, а преданность людей, которых вождь вывел из ни-

чтожества и которым он помогает обеспечить привилегированное положение»[272]. Умение Сталина показаться толпе «своим» через апелляцию к худшим ее сторонам: «невежеству, узости кругозора, примитивности мысли»[273] – сделали его достаточно популярным человеком. Мысль его, в отличие от мыслей Ленина, была лишена оригинальности, смелости, меткости. Анализ ее стиля обнаруживает крайнюю неуверенность в себе. Решителен он только в области практического действия, которое могло быть воплощено в реальность через посредство массивного партаппарата. Талант обобщения ему не был свойствен, его сознание слишком медленно и эмпирично, неповоротливо и скудно[274]. А. Бармин, характеризуя Сталина, пишет: «... хотя он, может быть, не менее культурен, чем средний политик, но по сравнению с Лениным и его ближайшими соратниками он невежда. Это был еще один фактор в формировании его комплекса неполноценности. Верхний эшелон лидеров большевистской революции принадлежал к среднему классу или аристократии и был воспитан на культурном наследии не только своей страны, но и Европы. Они знали по несколько иностранных языков. Многие обладали литературным талантом, были не чужды искусству. Среди них Сталин – исключение, он наименее способный из них – ни оратор, ни публицист, ни теоретик. В отличие от других, он очень мало времени провел за границей. Даже в российских масштабах его кругозор был ограничен провинциальным происхождением»[275]. В силу изложенных обстоятельств он не мог, да и не хотел, концентрировать вокруг себя людей неординарных, превосходящих его образованием, интеллектом, опытом и знаниями. Ленин продвигался к власти не как массовый оратор, «а прежде всего как писатель, инструктор, организатор и пропагандист, воспитывавший кадры, в том числе и кадры ораторов»[276]. Сталин оказался на вершине власти потому, что обладал личными качествами, присущими подавляющему большинству тогдашних членов партии, однако в то же время, партийные интеллигенты не воспринимались мас-

сой как вполне свои, близкие люди; в их отношениях всегда ощущалась какая-то натянутость, высокомерная дистанция, настороженное недоверие и, возможно, даже презрительная отчужденность.

Аппарат партии с приходом Сталина подбирался из карьеристов и льстецов, «верных собак партии»[277], готовых «загрызть» любого на кого укажет Хозяин. Он упорно трубил о том, что Сталин – великий теоретик и вождь, гениальный ученик Ленина[278]. Однако Сталин, по словам Троцкого, не чувствовал себя в силах парировать полемические удары. «Лишенный быстрой реакции и находчивости, этих непременных свойств высокого интеллекта, он избегал подставляться и почти всегда переходил на личности и срывался на грубость. Поэтому в полемике и дискуссиях стремился участия не принимать, а наблюдать со стороны. Ответственность за дела, в правильности и успехе которых он не был уверен, старался поручать другим. В случае удачи, ее можно было приписать себе, в случае поражения – свалить на нерадивых помощников»[279]. Неспособный подняться на вершины теоретического и духовного величия, он был намерен, наоборот, опустить окружающих (да и все общество в целом) ниже уровня собственной величины: «если господствующие классы с помощью печати и обработки сознания масс превращали гениальных людей в авантюристов, то почему же господствующая клика авантюриста не может превратить в гениального человека!» – говорилось в платформе «Союза марксистов-ленинцев»[280].

У Ленина настойчивость и непримиримость проистекали из видения большой исторической перспективы. Эти качества, направлялись на решение крупных политических и хозяйственных проблем и его личные конфликты происходили только по причинам неумения или нежелания действовать в соответствии с ранее принятыми решениями. Как только Ленин обеспечивал торжество своих идей, он проявлял величайшую уступчивость и лояльность в области личных отношений. М.И. Ульянова вспоминала, что Ленин «сра-

батывался с людьми и очень не любил без крайней необходимости менять их»[281]. Сталин, напротив, расставался с людьми легко, никогда об этом не жалел и редко потом о них вспоминал.

Троцкий небезосновательно подозревал, что Сталин в качестве Генерального секретаря стремился сосредоточить в своих руках все компрометирующие старых революционеров сведения: некоторые недостойно вели себя на допросах в царской полиции или держались без достаточного мужества, либо, позднее, допускали серьезные теоретические и тактические ошибки, выступали с критикой вождя и политики большевистского правительства, сотрудничали с меньшевиками или эсерами. Эти сведения в его руках являлись лучшим орудием против сотен старых большевиков. Шельмуя, грозя разоблачением или исключением из партии, Сталин добивался от этих лиц рабского послушания и доводил их, шаг за шагом, до полной деморализации. Зная за собой серьезные грехи, они стремились не только выполнить любой, даже преступный, приказ, но и угадать тайные желания вождя и предвосхитить их (например, А.Я. Вышинский, И.М. Майский, А.А. Андреев, Л.П. Берия, Н.С. Хрущев и некоторые другие).

Будучи человеком грубым и малокультурным, Сталин не имел внутренних сдерживающих мотивов и, следовательно, располагал значительно большим набором приемов и методов во внутриэлитной борьбе. Многие оппозиционеры отмечали, что «не было такого средства, перед которым он бы остановился»[282]. Примером особой гнусности Троцкий считал передачу отдельным лицам мнения о них, высказанные в Центральном Комитете при обсуждении кандидатур для разного рода ответственных и руководящих назначений. Это делалось Сталиным целенаправленно, чтобы восстановить заинтересованное лицо против противника и привязать к себе[283]. Эти приемы развернулись постепенно в целую организационно-психологическую систему «сортировки» кадров. Чтобы избежать угрозы исходящей от людей пре-

восходящих его «он подбирал аппарат из людей, которые подчинялись ему»[284]. Смерть Ленина сейчас же была использована Сталиным для устранения старых технических секретарей, которые хорошо знали все нюансы отношений внутри ЦК, и в частности, отношение Ленина к Сталину. Так, Гляссер, очень способный, обладающий превосходной памятью и блестяще знающий свое дело секретарь, была заменена Б.Бажановым.

Аппарату Сталин придавал огромное значение, считая, что осуществление власти без него невозможно. Проникновение в аппарат, овладение им и действия через его структуры – та задача, которую он ставил перед собой. Кадровые вопросы, являющиеся для Сталина фундаментом политики, для Ленина были выводом, кристаллизацией теории, программы и тактики[285]. Сталин предпочитал подбирать в элиту людей, с готовностью выполняющих любое, лично им данное поручение. Ленин не слишком верил во всесторонние возможности людей и вводил в элиту лишь тех, кто наилучшим образом соответствовал конкретной ответственной работе. Если Сталин рассматривал кадровый вопрос в качестве цели, то Ленин подходил к нему как к средству ее достижения. Не случайно Сталин в основу своей активности закладывал организационную пружину, направленную на решение необходимой задачи.

Принцип личного вождизма в партии при Ленине не был особенно популярен. Это, разумеется, не означает, что в руководстве отсутствовали фигуры, окруженные особым доверием и восхищением, но уже сложился твердый и устойчивый стереотип, что руководство исходит из Центрального Комитета. Положение Сталина резко поменялось во время празднования его пятидесятилетнего юбилея. Газеты наперебой печатали восхваляющие статьи, приписывающие ему победы, которых он не совершал; они присвоили ему титул «вождя» партии. Многие члены большевистской элиты испытали психологический шок. Это происходило всего лишь через пять лет после публичного заявления Сталина Троцкому: «Партии не нужны вожди – у нее

есть коллективный вождь, Центральный Комитет». «Этот аргумент, – пишет Бармин, – Сталиным был подан в очень корректной форме и оказал сильное впечатление на тех, кто не одобрял нападок на Троцкого»[286]. Сталин здесь противопоставлял личному авторитету авторитет Центрального Комитета. К концу 20-х годов всем стало очевидным, что это был интригующий ход, тривиальный обман.

В большевистской партии признавали, что непререкаемый авторитет вождей может быть для нее и ее борьбы выгоден, если способен вызвать априорное доверие к тем руководителям и руководящим органам, откуда исходит авторитетный голос. Но он может превратиться и в тормоз для критической мысли. При определенных условиях привычка к авторитетному руководству имеет возможность повернуться своим острием против самой партии[287]. Авторитет может способствовать консолидации сил для ускорения победы. Однако опасность злоупотребления властью, как показывает исторический опыт, неизбежно сопровождает тотальную революцию. Причем позитивных превентивных мер против этого не существует.

Партийный авторитет имел свойство привлекать внимание большого количества людей, желающих искупаться в его лучах. Однако Троцкий, один из авторитетнейших в партии людей, принципиально отказывался от неформальных контактов со своими сторонниками. Он всегда держал с ними дистанцию. Вероятно, именно поэтому и не смог приобрести себе среди партийной массы сколько-нибудь значительное количество личных друзей[288]. Сталин же, навязывая карьеру чиновников другим, сам производил впечатление спокойного, уравновешенного и вдумчивого политика, терпеливо отыскивающего теоретические ошибки в работах своих коллег и без каких-либо эмоций выносящего их на общее обсуждение. Он не командовал, а предлагал, сохраняя фикцию голосования.

Часть молодого поколения партийцев, следующая за Троцким, завидуя «старикам», страстно желала подготовлять тайную революционную борьбу во всем мире, полную опасностей и интереса, а канцелярская бумажная работа вызывала у них отвращение. Многих прельщал романтизм, исходящий из теории «перманентной революции» и обещавший сделать их её агитаторами и организаторами. Субъекты, вводимые в партийную элиту Сталиным, вполне осознавали несоответствие между своими амбициями и личными ресурсами. Возвышение воспринималось ими как результат не собственных усилий, а какого-то странного случая, почти исторической лотереи. Причем в их партийной карьере, в отличие от троцкистов, гораздо большую роль играли недостатки, чем достоинства[289].

Каким же качествам сам Сталин отдавал предпочтение, что он ценил в людях, на что обращал внимание? Ответ на этот вопрос, или по крайней мере на его часть, можно обнаружить на полях ленинской книги «Материализм и эмпириокритицизм» из его личной библиотеки. Свою мысль он записал так: «Если человек 1) силен (духовно), 2) деятелен, 3) умен (или способен), то он хороший, независимо от любых иных «пороков»». Очевидно, что в данном случае к порокам Сталин причислял духовную слабость, нерешительность, глупость. «Все остальное, – продолжал он, – при отсутствии вышеуказанного составляет, несомненно, д о б р о д е т е л ь»[290]. К добродетели, по Сталину, не могли быть отнесены образованность, культурность, благородство, честность, порядочность, верность слову, терпимость, правдивость, т.е. все те качества, которые по традициям старой христианской цивилизации общество склонно считать необходимым связующим элементом, делающим жизнь социума возможной и сносной. К порокам же, следовательно, нельзя было причислить клевету, зависть, доносы, жестокость, обман. Опираясь на эти «нравственные принципы» и благодаря своим организационным полномочиям - назначать и смещать сотрудников аппарата любого уровня, Сталин за-

ложил основы той системы, которую позднее разгромленные оппозиционеры будут клеймить как «диктатуру Секретариата»[291].

Ценность интеллектуальных качеств руководящих партийных кадров проявлялась в соотношении: новый вождь – кандидат в элиту. Кандидат, разумеется, не должен быть глупцом, но и ни в коем случае не должен был превосходить своим интеллектом вождя. Попытка Н.И.Бухарина создать в институте красной профессуры «школу» молодых партийных интеллектуалов закончилась ее полным провалом. Сталин, использовав её умственный потенциал в борьбе с Л.Д.Троцким, Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым, уничтожил «школу», как вредную и рискованную затею. Первой, кто обратил внимание на эту далеко идущую опасность, была, как это не странно звучит, Н.К. Крупская. Защищая на XIV съезде партии лидеров большевистской гвардии – Зиновьева и Каменева, она с тревогой говорила: «Красная профессура, группирующаяся около товарища Бухарина, это ведь готовящаяся смена, подготовка теоретиков, которые будут определять нашу линию»[292]. Сталин учел предостережение и принял необходимые, хорошо известные меры.

Молодые научные сотрудники действительно считали Бухарина своим интеллектуальным и политическим наставником, а себя – его учениками. Сплочение образованной большевистской молодежи вокруг члена Политбюро само по себе не выглядело чем-то необычным. Большинство главных лидеров, например Троцкий, Зиновьев и сам Сталин, использовали партийный «молодняк» в своих личных секретариатах в качестве помощников (аналогичные примеры можно найти во всех политических системах), а затем выдвигали их на самостоятельные ответственные посты. Эти секретари, как их обычно называли, часто приглашались из тех организаций, за которые нес ответственность данный руководитель. Так, личный секретариат Бухарина возглавлял Ефим Цетлин, основатель и один из руководителей комсомола. Но лица, представлявшие школу Бухарина, отличались от обычных помощ-

ников своим качеством. Все они имели образование, полученное в высших партийных учебных заведениях, отличались интеллектуальными и литературными способностями, общей идеологической направленностью своей деятельности, той политической ролью, которую они стали играть благодаря своему покровителю. Будучи личными помощниками Бухарина, эти люди начинали продвигаться (с его помощью) и занимать все больше и больше официальных ответственных должностей[293].

У Бухарина, обладавшего большим личным обаянием, была заслуженная слава марксистского теоретика, огромный авторитет, особенно среди тех, кто был отобран для ускоренной подготовки будущей большевистской интеллигенции. Ему не было свойственно пугающее высокомерие, присущее Троцкому, совершенно отсутствовала нарочитая помпезность Зиновьева, подозрительность и склонность к интригам, столь характерные для Сталина. Он общался со «своими молодыми товарищами» как с равными и, не кичась своим положением, поддерживал их. В ответ они платили ему личной и политической привязанностью, считали его «своим дорогим учителем»[294]. Партийные интеллигенты видели в нем члена высшего партийного руководства, которого можно было считать «своим» и который без подозрения относился к различным теоретическим течениям и новшествам.

Должности, которые они стали занимать после окончания ИКП можно было считать справедливой наградой за талант и способности, ярко проявившиеся на общем весьма сером советском фоне. Являясь выходцами из средних слоев общества, они особенно заметное влияние оказывали на растущую сеть коммунистических университетов и учебных учреждений, без которых создание действительной элиты казалось немыслимо. Среди «бухаринцев» было немало профессоров, доцентов, аспирантов, работников планово-экономического направления. Никто из членов тогдашнего руководства партии не мог похвастаться таким количеством и качеством своих сторонни-

ков[295]. Эти люди являлись для Бухарина политической опорой и он очень хотел ее увеличить[296]. Прежде чем его уничтожить, именно по ним и нужно было нанести сокрушительный удар.

В среде партийной элиты достаточно влиятельной группой оставались профсоюзные руководители. Они больше не помышляли стать руководящей силой страны, на что всерьез рассчитывали в первые годы революции. Осознавая себя, по словам С. Коэна, чем-то вроде «партии внутри партии», они представляли собой монолитную прослойку. Их официальным покровителем и политическим руководителем, занимающим самое высокое положение, являлся член Политбюро и председатель ВЦСПС М.П. Томский. Вокруг него группировались наиболее активные деятели советского профсоюзного движения, которые в 1928-1929 годах были устранены Сталиным со своих постов: Г.Н.Мельничанский, А.И.Догадов, Я.Яглом, В.М.Михайлов, Б.Козелев, Ф.Угаров и В.Шмидт – народный комиссар труда (эту должность всегда занимали и брали под контроль профсоюзные лидеры). «Эти люди, – отмечал позднее Томский, – были товарищами, которые в течение ряда лет привыкли видеть во мне своего руководителя»[297]. Томского они считали своим эмиссаром в Политбюро, воспринимали его как непререкаемый авторитет, превозносили как выдающегося профсоюзного деятеля и старого большевика и содействовали тому, чтобы его имя стало «персонификацией руководства профсоюзами»[298].

А.И. Рыков по своим личным качествам также не был похож на Сталина. Благожелательный, разумный, имеющий огромный опыт крупного хозяйственного руководителя, он не доверял Генсеку, а тот в ответ платил ему презрением. Еще более важным было то, что Рыков и Сталин возглавляли соперничающие организации – правительство и партию, что в сложившейся системе само по себе способствовало возникновению трений. Планируемые Сталиным темпы индустриализации не могли быть одобрены в хозяйствен-

ных органах и правительственных инстанций. Большую поддержку он получал от руководителей ведущих наркоматов (особенно земледелия, финансов, труда и торговли) и других важных государственных учреждений (ВСНХ, Госбанка и Госплана), ответственных за подготовку и проведение экономической политики. Однако эта солидарность определялась в основном их взглядами, а не политической зависимостью, что до сих пор отличало сталинскую группу. Они также воздерживались от восхваления Генсека; в то время как его роль в партии постоянно возвеличивалась, они называли его «одним из работников, одним из руководителей»[299] и за вождя не признавали.

Элитные кадры, группировавшиеся вокруг Н.И. Бухарина, М.П.Томского, А.И. Рыкова, объединяло идентичное понимание международной и экономической политики, роли профсоюзов, отрицания идей милитаризации труда и «перетряхивания» профсоюзного руководства.

Точное время, когда Н.И. Бухарин, А.И. Рыков и М.П. Томский стали смотреть на себя как на отдельную группу внутри Политбюро установить трудно. Однако известно, что, согласно официальным данным, «разногласия с т. Бухариным впервые вскрылись перед июльским Пленумом ЦК 1928 г. Второй раз разногласия с т. Бухариным обнаружились перед ноябрьским Пленумом, когда тт. Бухарин, Томский и Рыков подали в Политбюро заявление об отставке»[300]. Эту тройку лидеров сплачивало три обстоятельства. Во-первых, их объединяло внимание к проблемным вопросам и приверженность к специфической политике. Во-вторых, они были крупнейшими лидерами тогдашнего Политбюро, которые не были обязаны своим высоким положением Сталину. Напротив, Сталин был обязан им за поддержку в борьбе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым. Показательно, что каждый из них в отдельности пользовался любым удобным случаем, чтобы публично осудить принцип доминирующего члена Политбюро, в то время как сторонники Ста-

лина уже превозносили его в качестве первого среди равных. В-третьих, по личным, политическим и организационным соображениям Рыков и Томский готовы были предпочесть Бухарина Сталину, если бы пришлось выбирать кого-то одного из этих дуумвиров.

Рыков, Бухарин, Томский достигли высоких постов в руководстве и влияния в стране благодаря сплочению единомышленников вокруг того политического курса, который они разделяли в коалиции со Сталиным в условиях вакуума, возникшего в результате устранения с элитных постов троцкистов и зиновьевцев. Подобно многим старым большевикам, они придавали большое значение истинной образованности, высмеивая проявления «талмудистского» уклона, когда зубрили, положим, «Капитал», но «…если спросить у человека, где находится Швеция, он легко мог бы ее спутать с северной Африкой…»[301]. Страстно бичуя весьма распространенное в партии невежество, Бухарин не предполагал, что вскоре на себе испытает действие этого темного большинства. Сформулировав весьма опасную, обоюдоострую идею, согласно которой упорное отстаивание своей точки зрения пахнет фракцией, второй партией, контрреволюцией, он предостерегал левых: «Держитесь своих принципов, отстаивайте свои убеждения, произносите речи на партийных совещаниях… спорьте, но не смейте строить фракцию. Спорьте, но после того, как решение принято, подчинитесь!» Ибо «если мы легализуем фракцию у нас в партии, то мы легализуем и другую партию…». Этот призыв был абсолютно бесплодным, ибо его противники, как позднее и он сам, также хотели «бороться за свою политику, за свою правоту»[302].

Власть обычно реагирует на реальные или воображаемые кризисы либо объединением с оппозицией под единым знаменем, либо подавлением ее. И Сталин, и группа Бухарина предпочитали второй путь, подвергая сомнению преданность оппозиции ленинским идеалам и пытаясь задушить критику с ее стороны очевидных неудач. Начиная с лета 1927 года оппозиционные группировки, одна за другой, стали подвергаться систематическим

пировки, одна за другой, стали подвергаться систематическим репрессиям, угрозам и давлению. Они превратились в постоянный объект преследований. Троцкисты и зиновьевцы были отчасти сами ответственны за репрессии, так как не проявляли ни малейшего желания сплотиться, продолжая открыто оспаривать способность дуумвирата руководить партией в условиях войны. Левые потребовали ни больше ни меньше как смены руководства, так как считали, что в большинстве это были люди, уже исчерпавшие себя[303]. Совсем скоро уже Бухарина обвиняли в клевете на партию за его критику сталинского окружения, установившего в партии «невыносимый режим». Он, по существу повторяя позицию Троцкого, высказанную еще 8 октября 1923 года, говорил об отсутствии внутрипартийной демократии, сознательном насаждении бюрократизма, формальном существовании института выборности партийных секретарей и установлении системы политических комиссаров в «Правде», в Коминтерне, в ВЦСПС. Весьма сердитая реакция сталинистов выразилась в резолюции Пленума, направленной против группы правых оппозиционеров: «Только люди, недовольные наличием внутрипартийной железной дисциплины, только люди, недовольные тем, что большинство партии не согласно с их паническими «платформами» и «тезисами», только люди, недовольные нынешним составом руководящих органов нашей партии, – только такие люди способны обвинить нашу партию, с ее методом самокритики, в бюрократизме и бюрократизации»[304]. На помощь сталинисты, как было принято в таких случаях, призывали ленинский авторитет: «…крики о пресловутом бюрократизме есть простое прикрытие недовольства личным составом центров…»[305].

Бюрократический аппарат партии осознавал потребность в «кадровой революции». Подобно другим великим социальным сдвигам, она сначала пошатнет, а потом и сметет старое руководство, заменив его новым, совершенно иным типом элиты. В письме, написанном 8 января 1926 года, Троц-

кий предупреждал Бухарина: «Система аппаратного террора не может остановиться только на так называемых идейных уклонах, реальных или вымышленных, а неизбежно должна распространиться на всю вообще жизнь и деятельность организации»[306]. Троцкистский «Социалистический вестник» предупреждал главного идеолога «правого уклона»: «Осторожнее, т. Бухарин. Вы частенько спорили в нашей партии» и предрекали ему в качестве главного арбитра высокопоставленного руководителя ОГПУ Якова Агранова[307]. Предупреждение оказалось пророческим. Правда, дело Бухарина вели другие люди, поскольку к тому времени сам Агранов и прежние руководящие кадры чекистов уже находились в заключении[308]. Однако это произошло значительно позднее, а пока, шла заочная расправа над Троцким, Зиновьевым, Каменевым и их ближайшими сторонниками[309].

Надуманные политические разногласия снова, в который уже раз, обернулись схваткой за власть, ценой которой стала жизнь значительной части большевистской гвардии. Оппозиционеры с разочарованием наблюдали, как Сталин прибирал к рукам партийный аппарат, отправляя своих противников на политическую и географическую периферию. Когда оппозиционеры решили, что пришло время объединиться и решительно включиться в борьбу, было уже поздно: Сталин полностью контролировал партию и всю политическую ситуацию в стране.

Сталинская группа всю вторую половину 20-х годов ускоренными темпами монополизировала командные высоты во всех важнейших сферах общественной жизни. Социальный и политический состав партии находился под неусыпным вниманием Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК. Ответственные инструкторы центрального партийного аппарата в силу своих институциональных полномочий выполняли большой объем задач, от решения которых зависело будущее вождей и их собственная судьба в качестве членов властвующей элиты. Смысл начатой работы по изменению количествен-

ного и качественного состава партии и ее элиты носил двоякий характер. Сталинисты хотели практически обеспечить достижение поставленных целей по преобразованию общества (как они это понимали) и, сохраняя в своих руках власть, обрести личную выгоду. Поэтому сталинская группа серьезно озаботилась созданием надежного аппарата контроля, чистки и репрессий. Партийные документы того времени свидетельствуют о том, что цель идеологических кампаний состояла «в беспощадном устранении из рядов партии всего чуждого, вредного для ее успехов, равнодушного к ее борьбе, неисправимых бюрократов, примазавшихся, связанных с классовым врагом и ему помогающих, оторванных от партии в силу хозяйственного, собственного обрастания, антисемитов, скрытых сторонников религиозного культа, разоблачая и изгоняя скрытых троцкистов, мясниковцев, децистов и сторонников других антипартийных групп...»[310]. Репрессивная часть партийных резолюций выполнялась весьма споро. За период с 1924 по 1930 годы из партии было исключено или выбыло добровольно 404125 человек[311]. Однако провозглашаемый позитивный результат чисток: укрепление работы организации, создание атмосферы более товарищеских отношений между членами партии, повышение чувства ответственности каждого за реализацию ее политики, за судьбу всей партии, улучшение уровня политических знаний, усиление борьбы с бюрократизмом и т.д.[312] – достигнут не был, да и говорилось все это скорее для пропаганды, чем для практической реализации. Съезды, конференции, пленумы, совещания и собрания использовались политическим руководством для доведения до сознания рядовых членов партии мифа о собственной непогрешимости, представления упущенных возможностей и допущенных ошибок в виде череды бесконечных и блистательных побед. Они страстно желали возбудить в людях безмерную веру в собственные силы, в харизматические возможности сталинской элиты и, одновременно, по-

селить недоверие и подозрительность к деятельности оппозиции, пугая партийные массы перспективами возврата к капитализму.

Бесконечное перетряхивание партийных рядов затрудняло процесс формирования номенклатурных кадров, состоящих из членов ВКП(б). Источником особого беспокойства властей была острая нехватка квалифицированных партийных кадров. К 1927 году потребность в квалифицированных руководящих и ответственных партийных работниках была удовлетворена на 58,5%[313]. Результатом такого положения было продолжающееся широкое использование «буржуазных специалистов», т.е. беспартийных интеллигентов. Однако сталинское руководство стремилось продвигать собственных людей, людей, которым они доверяли.

Пытаясь сохранить видимость внутрипартийной демократии, Зиновьев и Каменев инициировали резолюцию, косвенно направленную против партийного аппарата: «нельзя допустить превращения права утверждения секретарей в фактическое их назначение»[314]. Но в сражении на этом фронте, как впрочем и многих других фронтах, аппарат оказался сильнее и настойчивее. Он довольно быстро одержал полную победу. Не прошло и нескольких лет, как Бухарин вынужден был публично констатировать: «где мы на самом деле видели выборного губернского секретаря? На самом деле элементы бюрократизации у нас в партии возросли»[315].

Столкновения между бухаринской и сталинской фракциями в Политбюро в 1928 и 1929 годах заставляли их искать поддержки в широких партийных кругах, но делалось это более скрытно, чем в предшествующий период. На всем протяжении этой жестокой схватки обе фракции публично отрицали свое участие в ней, и лишь в середине 1929 года когда определился ее исход, противники были официально названы по именам. Разногласия эти усиливались, а затем привели к взрыву. В конце 1927, начале 1928 года окончательное поражение левых лишило всякого политического смысла со-

юз между Сталиным и правыми в Политбюро, а резкое уменьшение хлебозаготовок уничтожило остатки единодушия во внутренней политике. Наиболее надежные союзники Бухарина в московской партийной организации, оказавшиеся в меньшинстве, были разбиты наголову. Угланов с несколькими помощниками, пытаясь спасти свое положение, выступили с покаянными речами, но это им не помогло. Последовавшее 19 октября отстранение от высоких постов ряда сторонников правых положило конец их главенству в московской парторганизации. Угланов и его заместитель Котов продержались на своих постах еще месяц, затем их официально заменили В.Молотовым и К.Бауманом. Массовая чистка от сторонников Бухарина и тех, кто ему сочувствовал, кардинально изменили ситуацию. Символичность абсолютного разгрома старого московского руководства проявилась в опале М. Лядова, ректора Коммунистического университета им. Свердлова и уважаемого члена Московского комитета, состоявшего в партии с момента ее основания и являвшегося одним из создателей московской партийной организации, но с партийным стажем партийцев аппарат считаться уже не собирался.

Разгром московского оплота не только лишил правых наиболее важной организационной базы, он сделался показательным примером для нейтральных или колеблющихся членов ЦК по всей стране. Сталинская элитная группировка показала, что даже крупнейшая парторганизация страны, руководимая кандидатом в члены Политбюро и семью членами ЦК, находящаяся в союзе с влиятельными членами Политбюро, не смогла ей противостоять.

До весны 1928 г. казалось, что Бухарин, Рыков и Томский надеялись уладить разногласия в руководстве и разрешить их внутри Политбюро. Однако скоро, встревоженные постоянно возраставшим экстремизмом сталинистов, проявившимся при решении зернового кризиса и шахтинского дела, они поняли, что дальнейшая совместная работа невозможна. Бухаринцы объясняли кризисные затруднения действием вторичных факторов – неподго-

товленностью государственного аппарата, неудачным планированием, негибкой политикой цен и беспечностью местных работников. Сталин и его окружение, напротив, изображали возникновение трудностей как следствие обстоятельств объективного, структурного свойства, то есть пороков и самой природы НЭПа. По утверждению Сталина, зерновой кризис объясняется не только попытками кулаков припрятать хлеб, но и тем, что единоличное крестьянское хозяйство зашло в тупик. Бухаринский подход предполагал применение умеренных мер, включая помощь частным крестьянским хозяйствам, более гибкую политику цен и улучшение работы официальных учреждений. Сталинский подход требовал жестких решений, в первую очередь узаконения «государственной воли», включая принудительные «чрезвычайные меры» на всех фронтах. И кризис, и шахтинское дело не были преходящими побочными результатами «плохого планирования» и «ряда ошибок», они свидетельствовали о неизбежном обострении классовой борьбы, и эту борьбу следовало довести до конца.

Решение Политбюро прибегнуть к «чрезвычайным», «экстренным» мерам принятое, из-за угрозы раскола, единогласно, явилось поворотным событием. Оно привело к тому, чего все так боялись – мгновенно, окончательно и бесповоротно раскололо Политбюро. Преимущество Сталина перед своими оппонентами состояло в весьма простой истине: Политбюро вырабатывало и принимало политические решения, однако проводил их с помощью Секретариата и через свою элиту Сталин, который, таким образом, мог переиначивать по-своему любую партийную резолюцию. В переписке Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева мы находим описание подобного случая: «Сколько мы бились, чтобы достигнуть политического согласия, – писал Зиновьев, – что же делает Сталин? Уполномоченными ЦК (инструкторами) по … этим делам он назначает … людей противоположной линии. <…> Зря хорошие резолюции принимать, коли исполнение их противникам оных поручать». И далее: «поли-

тическая линия ничего не стоит, если организационное ея проведение искажается»[316].

Все попытки правых упрочить свои позиции («обработать» нерешительных, укрепить свой контроль в наркоматах, профсоюзах, центральных партийных органах и учебных заведениях, обуздать кампанию самокритики, которая, как жаловался один из их союзников, являлась «для Сталина таким же громоотводом, каким когда-то для царизма был еврейский погром»). Подспудная борьба сопровождалась и словесной войной. В газетах, поддерживавших соперничающие фракции, нарастала эзоповская полемика; обе стороны тайно распространяли свои документы и отчаянно боролись за молчаливое большинство, состоявшее из наиболее ответственных партийных деятелей центра и провинции. Бухарин не чурался аппаратных методов, рассылая своих личных эмиссаров в губернские партийные организации. Так, Слепков побывал в Ленинграде, другие выезжали на Украину и Кавказ. Бухаринцы Стецкий и Петровский (зав. отделом агитации и пропаганды Ленинградского губкома партии и редактор «Ленинградской правды») развернули бурную агитационную деятельность. Цель – решительно порвать с «чрезвычайными мерами», осудить вредную роль Сталина в их проведении и устранить его из Секретариата ЦК. Сталин же был твердо настроен уничтожить всех своих основных соперников, и особенно Бухарина как их политического руководителя. По сложившейся уже недоброй традиции карательные меры были направлены против бухаринцев, занимающих ответственные посты. Редакторы «Правды» и «Большевика» - Слепков, Астров, Марецкий, Зайцев и Цетлин (хозяйничавшие в редакциях, но считавшиеся «совершенно партийно не выдержанными и отнюдь не авторитетными товарищами»)[317] – и пробухарински настроенные партбюро Института Красной профессуры и Промакадемии были заменены сталинистами.

По распоряжению Политбюро в Центральный совет профсоюзов было кооптировано пять членов, назначенных Сталиным. Томский пытался блокировать кандидатуру Кагановича, заявив, что таким образом создается «двоецентрие». По его мнению, профсоюзам навязывался «политкомиссар», соглядатай от Сталина с исключительными полномочиями, не хотел с этим мириться, но потерпел поражение и заявил об отставке. Томский и почти все профсоюзные руководители (большинство из них, как и сам Томский, были зачинателями большевистского профсоюзного движения) были официально смещены со своих постов в июне 1929 года[318].

Бухарин, Рыков и Томский из ведущих членов политического руководства фактически превратились в оппозиционное меньшинство, известное благодаря громким именам, но безвластное, оказывающее все меньшее влияние на политические решения. Бухарин какое-то время формально оставался еще редактором «Правды» и политическим секретарем Коминтерна, однако, подобно Томскому, в знак протеста в декабре отказался от всех своих постов и больше на них не возвращался.

Приверженцев Томского официально удалили из профсоюзов, а его самого назначили председателем правления Всесоюзного объединения химической промышленности. 6 сентября 1930 г. Политбюро удовлетворило просьбу Томского об освобождении от этой должности в связи с «болезнью»[319]. Бухарина вывели из Исполкома Коминтерна и назначили заведующим научно-исследовательским управлением ВСНХ, руководящего сетью научно-исследовательских институтов. Назначение «на конкретную хозяйственную работу» для члена Политбюро явно означало политическую ссылку с планируемым сталинистами провальным концом.

Рыков, формально продержавшийся на посту председателя СНК до декабря 1930 года фактически не работал всю вторую половину года (с мая он находился в длительном отпуске, а затем был освобожден от должности).

Переписка Сталина и Молотова проливает некоторый свет на этот длительное время скрытый период истории и демонстрирует накопившуюся ненависть сталинистов к лидерам правой оппозиции: «Очень хорошо, – пишет Сталин, – что ПБ открыл атаку против Рыкова и К°. Хотя Бухарина и не видно, будто бы, в этом деле, но он, несомненно, является главным поджигателем и наускивателем против партии. Понятно, что в партии Суханова – Кондратьева, где он (Бухарин) будет … чувствовать себя лучше, чем в ВКП, где он может быть лишь прогнившим насквозь пораженцем и дохлым оппортунистом. Конечно, Боголепова надо прогнать[320]. Но дело не может этим ограничиться. Надо прогнать еще учеников Боголепова: Громана-Сокольникова-Кондратьева. Надо прогнать, стало быть, Рыкова и его компанию. Это теперь неизбежно. Нельзя больше терпеть эту гниль на советско-хозяйств[енной] верхушке. Но это пока между нами»[321]. И далее «Достаточно мы их щадили. Теперь щадить их – значит совершать преступление»[322]. Это грозное письмо по времени совпадает с требованием новых назначений в партийные, государственные и хозяйственные структуры выдвиженцев[323].

Сталин торопил Молотова и настаивал на том, чтобы до осени 1930 года «разрешить окончательно вопрос о советской верхушке. Это будет вместе с тем разрешением вопроса о руководстве вообще, т.к. партийное и советское переплетены, неотделимы друг от друга. Мое мнение на этот счет:

а) нужно освободить Рыкова и Шмидта и разогнать весь их бюрократический консультантско-секретарский аппарат;

б) тебе придется заменить Рыкова на посту Пред[седателя] СНК и Пред[седателя] СТО. Это необходимо. Иначе – разрыв между советским и партийным руководством. При такой комбинации мы будем иметь полное единство советской и партийной верхушек, что несомненно удвоит наши силы…»[324].

Устранение Рыкова сопровождалось «чисткой» руководящих кадров многих наркоматов и ведущих правительственных учреждений[325]: «очень хорошо, что взяли, наконец, в работу «вольных стрелков» из Госбанка и прогнившего насквозь Наркомфина. Что делают в Госбанке Карклин, Кактынь и др.? Неужели во всем поддакивают Пятакову? Придется, по-моему, обновить верхушку Госбанка и Наркомфина за счет ОГПУ и РКИ после того, как эти последние органы проведут там проверочно-мордобойную работу»[326]. Пятаков «по всем данным остался таким, каким он был всегда, т.е. плохим комиссаром при не менее плохом спеце (или спецах). Он в плену у своего аппарата. Людей нужно распознавать на практике, в повседневной работе, в «мелких» делах. И вот, Пятаков дал себя целиком распознать в практических делах денежного (и кредитного!) хозяйства, именно как плохой комиссар при плохих спецах. А нужно тебе сказать, что этот тип хозяйственника-коммуниста является теперь для нас наиболее вредным.

Вывод. Его надо сменить. Вместо него надо поставить другого (из РКИ или ОГПУ)»[327].

Сегодня трудно определить, в какой мере Сталин опасался, что его слишком активные и жесткие атаки против «правых» вызовут противодействие в партии и подтолкнут к Бухарину колеблющихся сталинских сторонников. Однако произошло обратное. Видя неспособность Бухарина к организаторской деятельности (в чем он сам откровенно признавался)[328], оппозиционеры нередко капитулировали и переходили на сторону Сталина. Их аргументация была такова: «Работа Сталина, как бы ни были неуклюжи и грубы его методы, важнее наших разногласий с ним. Он делает дело плохо и жестоко, но он делает его» [329]. Мало кто из них мог предвидеть свою не столь отдаленную будущность. Впереди у них была только одна перспектива – перспектива ареста за «измену» и «предательство».

Примечания к четвертой главе

[1] Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 347.

[2] Там же. Т. 45. С. 61.

[3] Там же. С. 60.

[4] ЦДНИ СО, ф. 27, оп. 1, ед. хр. 481, л. 18.

[5] Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 122.

[6] Там же. С. 214-215.

[7] Там же. Т. 43. С. 4-5.

[8] Там же. Т. 45. Примечания. С. 524.

[9] Там же. С. 123.

[10] Там же. Т. 40. С. 262.

[11] Там же. Т. 43. С. 43.

[12] Там же. Т. 45. С. 123.

[13] Там же. С. 124.

[14] Там же. С. 123, 124.

[15] Там же. С. 124.

[16] ЦДНИ СО, ф. 27, оп. 1, ед. хр. 30, л. 48.

[17] Там же.

[18] Ионов А.М. В.И. Ленин и крестьянство // О Владимире Ильиче Ленине. С. 462.

[19] Там же.

[20] Милонов Ю.К. Совещание бывших подпольщиков во время X съезда партии // О Владимире Ильиче Ленине. С. 596.

[21] Там же.

[22] Там же.

[23] См.: КПСС в резолюциях … Т. 2. С. 529.

[24] Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 86, 87.

[25] Там же. С. 14.

[26] Там же.

[27] Там же. Т. 44. С. 108-109.

[28] Там же. С. 427, 428.

[29] Там же. С. 252.

[30] Там же. С. 216.

[31] Там же.

[32] Там же. Т. 45. С. 82.

[33] Там же. С. 15.

[34] Там же. С. 82.

[35] Там же. С. 15.

[36] Там же. Т. 42. С. 346.

[37] Там же. Т. 45. С. 18.

[38] Там же. Т. 44. С. 134.

[39] Там же. Т. 45. С. 14.

[40] Там же. С. 21.

[41] Там же. Т. 44. С. 398.

[42] Там же. Т. 43. С. 361.

[43] Там же.

[44] Там же. Т. 45. С. 122.

[45] Там же. Т. 44. С. 370.

[46] Там же. С. 368-369.

[47] Там же. Т. 38. С. 140.

[48] Правда. 1922. 11 октября.

[49] Там же. Т. 44. С. 367.

[50] Там же. С. 430.

[51] Там же. С. 268-269.

[52] Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959. С. 164.

[53] Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 429.

[54] Там же. С. 392.

[55] Там же.

[56] Там же. С. 392-393.

[57] Там же. Т. 38. С. 140.

[58] Чуев Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин. С. 240.

[59] См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 43. С. 376, 460.

[60] Там же. Т. 44. С. 393.

[61] См.: Чуев Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин. С. 240.

[62] Там же. С. 288.

[63] Там же. С. 289.

[64] Цит. по: Бажанов Б. Указ. соч. С. 23.

[65] Ульянова М.И. О Владимире Ильиче // Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 181.

[66] См.: Ленин В.И. Т. 44. Примечания. С. 640.

[67] См.: Бажанов Б. Указ. соч. С. 24.

[68] См.: Панцов А.В. // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 80.

[69] См.: Бажанов Б. Указ. соч. С. 14.

[70] Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 129.

[71] См.: Бажанов Б. Указ. соч. С. 21-22.

[72] См.: там же. С. 16.

[73] Там же. С. 25.

[74] Там же. С. 135.

[75] Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 122.

[76] Там же. С. 356-362.

[77] Там же. Т. 44. С. 369; Т. 45. С. 393.

[78] Там же. С. 369.

[79] Там же. Т. 45. С. 393.

[80] Там же. Т. 40. С. 65.

[81] Там же. С. 64.

[82] Там же. Т. 38. С. 169.

[83] Там же. Т. 45. С. 180-181.

[84] Там же. С. 181.

[85] Там же. С. 55-56.

[86] Там же. С. 114-115.

[87] Там же. С. 114.

[88] Там же. С. 115.

[89] Там же. С. 116.

[90] Там же. С. 251.

[91] Там же. С. 250.

[92] Там же. С. 390-391.

[93] Там же. Т. 44. С. 106.

[94] Там же. Т. 45. С. 251.

[95] Там же. С. 392.

[96] Там же. С. 392-393.

[97] Там же. С. 290.

[98] Там же. С. 393.

[99] Там же.

[100] Там же. С. 393-394.

[101] Там же. С. 396.

[102] Там же. С. 396.

[103] Там же.

[104] Там же. Т. 39. С. 181.

[105] Там же. С. 115.

[106] Там же. С. 15.

[107] Там же. С. 250.

[108] Там же. С. 16.

[109] Там же. Т. 44. С. 357.

[110] Там же. С. 199.

[111] Там же. С. 357.

[112] Там же. С. 336.

[113] Цит. по: Волкогонов Д.А. Троцкий. Т.1. С. 379-380.

[114] Соломон (Исецкий) Г.А. Среди красных вождей. М., 1995. С. 30-110.

[115] Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона. М., 1998. С. 7,8,17.

[116] Ленин В.И. ПСС. Т.45. С.97.

[117] См.: Чуев Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин. С. 465.

[118] Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 347.

[119] Там же. С. 347-348.

[120] ЦДНИ СО, ф. 27, оп. 2, ед. хр. 12, л. 33.

[121] Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С.19.

[122] Там же. Т. 44. С. 106.

[123] Там же. С. 107.

[124] РГАСПИ, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 467, л. 16.

[125] Там же. Оп. 68, ед. хр. 428-430, л. 41.

[126] ЦДНИ СО, ф. 27, оп. 3, ед. хр. 264, л. 7.

[127] Там же. Оп. 1, ед. хр. 631, л. 11.

[128] РГАСПИ, ф. 17, оп. 68, ед. хр. 428-430, л. 42.

[129] Там же. Ф. 324, оп. 2, ед. хр. 26, л. 9, 11.

[130] Там же. Л. 1.

[131] Там же. Ф. 324, оп. 1, ед. хр. 507, лл. 4, 6, 7.

[132] Там же. Л. 12.

[133] Там же. Ф. 17, оп. 68, ед. хр. 428-430, л. 42.

[134] ЦДНИ СО, ф. 27, оп. 1, ед. хр. 290, л. 42.

[135] РГАСПИ, ф. 17, оп. 69, ед. хр. 259, л. 77.

[136] ЦДНИ СО, ф. 27, оп. 2, ед. хр. 1045, л. 28.

[137] Там же. Оп. 1, ед. хр. 50, л. 12-78.

[138] Там же. Л. 12-78.

[139] РГАСПИ, ф. 17, оп. 68, ед. хр. 428-430, л. 42.

[140] Известия ЦК РКП(б). 1922. № 9.

[141] РГАСПИ, ф. 81, оп. 3, ед. хр. 18, л. 132.

[142] Там же. Ф. 324, оп. 1, д. 543, л.л. 5, 6.

[143] КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 157.

[144] Тринадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков). Бюллетень. М., 1924. С. 202.

[145] Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Каталог / Т.1.1919-1929. М.: Росспэн, 2000. С. 260, 265, 270, 275, 276, 283, 305, 314, 316, 318.

[146] ЦДНИ СО, ф. 27, оп. 2, ед. хр. 285, л. 21.

[147] РГАСПИ, ф. 81, оп. 3, ед. хр. 18, л. 4.

[148] Там же. Ед. хр. 70, л. 2.

[149] КПСС в резолюциях… Т.3. С.146.

[150] РГАСПИ, ф. 81, оп. 3, ед. хр. 18, л. 5.

[151] Там же. Л. 23.

[152] Там же. Ф. 323, оп. 2, ед. хр. 43, л. 6.

[153] КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 212.

[154] РГАСПИ, ф.17, оп. 7, ед. хр. 177, л. 13.

[155] Там же. Ед. хр. 467. Л. 13.

[156] Там же. Ф. 81, оп. 3, ед. хр. 18, л. 12.

[157] Восленский М.С. Номенклатура. С. 88.

[158] РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, ед. хр. 600, л. 1.

[159] КПСС в резолюциях… Т. 3. С. 157.

[160] Бажанов Б. Указ. соч. С.123; Судоплатов П. Спецоперации. С. 500.

[161] Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 2. С. 277.

[162] КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 214.

[163] Там же. С. 123.

[164] Там же. С. 217.

[165] РГАСПИ, ф. 81, оп. 3, ед. хр. 18, л. 25.

[166] КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 435.

[167] Там же. Т. 4. С. 474.

[168] Там же. С. 473.

[169] РГАСПИ, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 467, л. 5.

[170] Там же. Ед. хр. 186, л. 4.

[171] Таблица составлена автором на основании данных опубликованных в стенографических отчетах XI – XVI съездов РКП(б) – ВКП(б) и архива РГАСПИ, ф. 17, оп. 69, ед. хр. 259, л. 3-4.

[172] Деятели СССР и революционного движения в России. С. 822-830.

[173] Там же. С. 826.

[174] Там же.

[175] РГАСПИ, ф. 17, оп. 69, ед. хр. 259, л. 77.

[176] ЦДНИ СО, ф. 27, оп. 2, ед. хр. 1045, л. 28.

[177] КПСС в резолюциях … Т. 3. С. 480.

[178] Х съезд РКП(б). Стенографический отчет… С. 309.

[179] КПСС в резолюциях ... Т. 3. С. 213.

[180] Там же. С. 212.

[181] Там же. Т. 4. С. 486.

[182] Там же. Т. 3. С. 222.

[183] Там же.

[184] Там же. С. 147.

[185] Там же. С. 222.

[186] Там же. С. 223.

[187] Березкина О. Указ. соч. С. 56.

[188] Известия ЦК РКП(б). 1922. № 1.

[189] РГАСПИ, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 177, л. 13.

[190] Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 174.

[191] XII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. С. 56.

[192] XIII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1924. С. 125-126.

[193] Березкина О. Указ. соч. С. 57.

[194] II Пленум ЦКК созыва XIV съезда ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1926. С.91.

[195] X съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 308.

[196] Березкина О. Указ. соч. С. 58.

[197] РГАСПИ, ф.17, оп. 68, ед. хр. 428, л. 35.

[198] Там же.

[199] ГАРФ, ф. Р – 3316, оп. 60, ед. хр. 10, лл. 17-37.

[200] Там же.

[201] РГАСПИ, ф. 17, оп. 68, ед. хр. 428, л. 6.

[202] Там же.

[203] Там же. Л. 8.

[204] Ленин В.И. ПСС. Т. 40. С. 236.

[205] КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 94.

[206] Там же. Т. 4. С. 475.

[207] Там же. Т. 3. С. 96.

[208] Там же. С. 97.

[209] Там же.

[210] Там же. С. 98.

[211] РГАСПИ, ф. 82, оп. 2. Ед. хр. 12.

[212] КПСС в резолюциях… Т. 3. С. 224.

[213] Там же. С. 99.

[214] Там же.

[215] Там же. Т. 4. С. 474.

[216] Там же. Т. 3. С. 99.

[217] РГАСПИ, ф. 325, оп. 2, ед. хр. 62, л. 11.

[218] Там же. Ф. 17, оп. 7, ед. хр. 467, л. 14.

[219] КПСС в резолюциях… Т. 3. С. 155.

[220] Там же. С. 100.

[221] Там же. С. 157.

[222] Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Каталог. Т. 1. С. 288, 296, 306.

[223] КПСС в резолюциях… Т. 3. С. 158.

[224] Там же. С. 154.

[225] Сталин обращал внимание Зиновьева и Каменева на этот лозунг Троцкого. РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, ед. хр. 88, л. 41.

[226] КПСС в резолюциях… Т. 3. С. 154.

[227] После XIV съезда ВКП(б) учетно-распределительный отдел был переименован в организационно-распределительный.

[228] Там же. Т. 4. С. 157.

[229] Там же. Т. 3. С. 442.

[230] Восленский М.С. Номенклатура. С. 82.

[231] КПСС в резолюциях… Т. 4. С. 159.

[232] Там же. С. 474.

[233] Там же. С. 159.

[234] Там же. С. 474.

[235] РГАСПИ, ф. 17, оп. 74, ед. хр. 7, л. 58.

[236] КПСС в резолюциях… Т. 4. С. 476.

[237] Там же.

[238] Там же. С. 473-474.

[239] Там же. С. 159.

[240] Там же. С. 158.

[241] Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Каталог. Т. 2. С. 141.

[242] Решение Политбюро о возвращении на заводы способных к труду квалифицированных рабочих. (Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Каталог. Т. 2. С. 154).

[243] Письма И.В. Сталина – В.М. Молотову 1925-1936 гг. С. 225, 226.

[244] См.: Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т.2. С. 301; Его же. Сталин. Т.2. С. 277.

[245] См.: Хрущев Н.С. Воспоминания. М., 1997.

[246] РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, ед. хр. 10, л. 73.

[247] Там же. Ф. 558, Оп. 11, ед. хр. 8, л. 61.

[248] Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930-1950 годы. С. 508.

[249] Шульгин В. Три столицы. М.: Современник, 1991. С. 135-137.

[250] Брутенц К.Н. Тридцать лет на Старой площади. М., 1998. С. 83.

[251] См.: Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Каталог. Т. 1 и 2.

[252] РГАСПИ, ф. 17, оп. 34, ед. хр. 26, л. 65.

[253] Подсчитано автором по: Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Каталог. Т. 1.

[254] РГАСПИ, ф. 17, оп. 34, ед. хр. 26, л. 73.

[255] Основными источниками этих данных являются бывшие члены большевистской элиты: Л.Д. Троцкий, Б.И. Николаевский, Н.В. Валентинов, Б. Бажанов, С. Дмитриевский, А. Авторханов.

[256] РГАСПИ, ф. 17, оп. 68, ед. хр. 428, л. 167.

[257] Там же. Ф. 81, оп. 3, ед. хр. 70, л. 7-10.

[258] Там же. Ф. 17, оп. 68, ед. хр. 428, л. 168.

[259] Там же. л. 169.

[260] КПСС в резолюциях… Т. 3. С. 213.

[261] РГАСПИ, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 186, л. 4.

[262] Там же. Оп. 68, ед. хр. 429, л. 170.

[263] Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Каталог. Т. 1. С. 606.

[264] Архив УФСБ по СО, ф. Р – 6210, оп. 2, рассекреченных архивно - следственных дел. 1918-1938, лл. 1-3.

[265] Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 2. С. 153.

[266] Там же. С. 179.

[267] Бармин А.Г. Указ. соч. С. 306.

[268] Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 2. С. 174-175.

[269] Бажанов Б. Указ. соч. С. 113.

[270] Там же.

[271] М.И. Ульянова об отношении В.И. Ленина к И.В. Сталину // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 199.

[272] Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 2. С. 176.

[273] Там же.

[274] Там же. С. 177.

[275] Бармин А.Г. Указ. соч. С. 307.

[276] Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 2. С. 179.

[277] Выражение употребляемое Д.А. Багировым в отношении некоторых сотрудников партаппарата. См.: Брутенц К.Н. Указ. соч. С. 84.

[278] Сталин и кризис пролетарской диктатуры // Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 171.

[279] Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 2. С. 182.

[280] Сталин и кризис пролетарской диктатуры. С. 171.

[281] Ульянова М.И. О Владимире Ильиче // Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С.192.

[282] Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 2. С. 188.

[283] Там же.

[284] См.: там же.

[285] Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 2. С. 169.

[286] Бармин А.Г. Указ. соч. С. 203.

[287] См.: Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 2. С. 199.

[288] См.: Бармин А.Г. Указ. соч. С. 114.

[289] См.: Бажанов Б. Указ. соч. С. 111.

[290] Цит. по: Спирин Л.М. Сталин и война // Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 94.

[291] Коэн С. Бухарин. С. 255.

[292] ВКП(б). Съезд, 14-й. Москва. 1925. Стенографический отчет. М., 1926. С. 274.

[293] См.: Правда. 1927. 24 июля; Большевик. 1927. №11-12. С. 38-39.

[294] *Коэн С.* Указ. соч. С. 263.

[295] Там же. С. 264.

[296] В мае 1929 года Бухарин обращался в Политбюро с просьбой разрешить ему «иметь аспирантов при Академии наук в желаемом количестве». (См.: Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 1. 2000. С. 691).

[297] РГАСПИ, ф. 593, оп. 1, ед. хр. 271, л. 43.

[298] Там же. Л. 84.

[299] XV конференция ВКП(б). 26 октября – 3 ноября 1926 г. Стенографический отчет. М. - Л., 1927. С. 633.

[300] КПСС в резолюциях… Т. 4. С. 446.

[301] РКП(б). Съезд, 13-й. Москва. 1924. Стенографический отчет. М., 1963. С. 526.

[302] XV конференция ВКП(б) … С. 42.

[303] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 2. С. 255.

[304] КПСС в резолюциях… Т. 4. С. 440-441.

[305] Ленин В.И. ПСС. Т. 8. С. 350.

[306] Цит по: Коэн С. Указ. соч. С. 330.

[307] Там же.

[308] Я. Агранов был арестован 20 июля 1937 г. в Саратове, где он возглавлял областное УНКВД // Свободная мысль. 1997. № 7. С. 113.

[309] ГАРФ, ф. Р – 3316, оп. 60, ед. хр. 10, л. 17-37.

[310] КПСС в резолюциях… Т. 4. С. 490.

[311] РГАСПИ, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 186, л. 4.

[312] Там же.

[313] Там же. Оп. 68, ед. хр. 428, л. 176.

[314] КПСС в резолюциях… Т. 3. С. 148.

[315] Цит. по: Коэн С. Указ. соч. С. 369.

[316] Г.Е. Зиновьев – Л.Б. Каменеву // Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 197.

[317] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 756, л. 8.

[318] Там же. Ф. 593, оп. 1, ед. хр. 137, л. 12-17.

[319] Там же. Ф. 17, оп. 3, ед. хр. 795, л. 5.

[320] Боголепов М.И. – профессор, член президиума Госплана СССР.

[321] Письма И.В. Сталина – В.М. Молотову. С. 220.

[322] Там же. С. 221.

[323] См.: там же. С. 223-224.

[324] Там же. С. 222.

[325] Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Каталог. Т. 1. С. 689, 694, 724.

[326] Письма И.В. Сталина – В.М. Молотову. С. 211-212

[327] Там же. С. 203.

[328] Цит. по: Коэн С. Указ. соч. С. 392.

[329] Бармин А. Указ. соч. С. 206.

ГЛАВА 5. РОТАЦИЯ КАДРОВ ПО СТАЛИНСКИ (1930 – 1939 гг.)

5. 1 ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ НОВОЙ ПАРТИЙНОЙ ЭЛИТЫ

30-е годы – один из наиболее трагических периодов в истории советской политической элиты. Троцкистская ее часть уже была не только смещена со своих постов, но и продолжала подвергаться все более жестким преследованиям и репрессиям. Сторонников Троцкого ссылают, усиливая их изоляцию и от внешнего мира, и от единомышленников: «Раковского, – требует Сталин от Молотова, – надо бы услать куда-либо дальше вглубь, чтобы он не мог впредь брехать в печати на большевиков»[1]. Политбюро берет этот вопрос под свой строгий и постоянный контроль и принимает меры, ужесточающие режим их содержания:

«а) Указать ОГПУ и НКПочтелю на недопустимость пропуска антисоветских телеграмм Раковского и др. и предложить впредь этого не допускать;

б) Предложить ОГПУ выслать из Саратова Раковского в отдаленные уезды Ср[едне]-Волжской или другой области. Те же меры провести и в отношении других видных троцкистов, не прекращающих своей работы»[2].

Члены и других оппозиционных групп последовательно устраняются с высоких руководящих должностей в партийных, правительственных и хозяйственных структурах и получают назначения с существенным понижением, а всех лидеров оппозиции по решению Политбюро снимают с работы[3]. Генсек активно обрабатывает своих соратников. В течение 1928-1929 гг. Сталин так составляет повестки дня Политбюро, что вопросы, связанные с оппозицией и оппозиционерами, обязательно сопровождались информацией ОГПУ о контрреволюционной, террористической и диверсионной деятельности[4]. Удаленные с партийно-политических постов и из средств массовой информации оп-

позиционеры были не в силах оказывать, хоть сколько-нибудь заметное, влияние на решения касающиеся жизни страны.

В работу аппарата ЦК были внесены существенные коррективы. С января 1930 г. Политбюро ЦК вопросы «О реорганизации аппарата ЦК», «О заседаниях Оргбюро и Секретариата ЦК», «О заведующих отделами ЦК», «О реорганизации аппарата национальных ЦК, краевых, областных и окружных комитетов ВКП(б)» и др., рассматривает параллельно с вопросами «О реорганизации НКВнудела», «Об организации Московского областного органа ГПУ», ставившимися в повестки дня многократно[5].

Наиболее активные деятели оппозиции находились под постоянным и неусыпным контролем Сталина. По его указанию, отделом руководящих партийных органов (ОРПО) ЦК ВКП(б) (так с 1930 года стал называться orграспред), проводился скрупулезный учет оппозиционеров всех направлений, занимавших элитные посты в организациях, учреждениях и предприятиях, которых, от их общего количества, было 47,9%[6]. Это положение вполне объяснимо. Значительная часть талантливых, склонных к творческой работе людей шла за Троцким, позднее за Бухариным. Тот же, кто плохо понимал суть споров и дискуссий, исходил главным образом из прагматических соображений личного свойства: пойдешь за Сталиным, сумеешь сохранить и приумножить уже достигнутое, а поддержка Бухарина грозит концом карьеры, удалением с ответственных постов[7]. В ответ на указание ЦК развивать самокритику даже в среде рабочих нередко рассуждали так: «Обращение ЦК понятно, но критиковать опасно», «критиковать можно тех, от кого не зависишь», «критиковать можно тех, кто стоит ниже», «критиковать можно малосемейным, если уволят, будет легче вынести», «критиковать может такой квалифицированный рабочий, которого трудно заменить»[8] и т.д. Аналогичным образом размышляли не только рабочие, но и кадры партийных руководителей. Среди работников аппарата, как и обществе в целом, стала формироваться «атмосфера недоверия и подозрительности друг к другу»[9].

Нельзя утверждать, что попыток, если и не переломить, то хотя бы обратить всеобщее внимание на складывающуюся ситуацию, не было. Мартемьян Рютин (по оценке Н. Угланова, один из способнейших и квалифицированнейших членов партии)[10] в платформе возглавляемого им «Союза марксистов-ленинцев» писал, что Сталин «не терпит около себя людей самостоятельного партийного мнения, людей духовно, идейно, теоретически стоящих выше его, опираясь на партаппарат и ГПУ, вышиб их с руководящих постов, оклеветал, раздул их прошлые ошибки и «изобрел» десятки новых, обманул партию, терроризировал партийные массы и на место опороченных им руководителей партии поставил людей ограниченных в теоретическом отношении, невежественных и беспринципных, но ручных, покорных холуев и льстецов, готовых «признать» любую его «теорию» за ленинскую, любую его антиленинскую статью за «историческую»»»[11]. Однако по-большевистски прямая и жесткая агитационно-пропагандистская деятельность «Союза», направленная на силовое устранение «сталинской клики»[12], в начале тридцатых годов уже не могла увенчаться успехом и сколько-нибудь повлиять на положение в партии. Она лишь демонстрировала аппарату, что подпольное инакомыслие в партии продолжает существовать. Несмотря на то, что Зиновьев, Каменев, Бухарин и другие видные оппозиционеры были знакомы с платформой и солидарны с двумя основными документами «Союза»: манифестом «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» и обращением «Ко всем членам ВКП(б)» – Рютин и его сподвижники не собирались привлекать их к борьбе за ленинизм, так как считали, что лидеры троцкистско-зиновьевской оппозиции и вожди правого уклона не могут ее возглавить из-за их полного банкротства. «Надо рассчитывать, – писали авторы платформы, – на свои силы. Выдвинутся новые вожди, новые организаторы масс…»[13]. Членами «Союза» ставилась задача «ликвидации диктатуры Сталина и его клики; немедленный слом всей головки партийного аппарата, назначение выборов партийных органов на основе подлинной внутрипартийной демократии и с созданием

твердых организационных гарантий от узурпации...»[14]. В беседе с одним из близких ему членов партии А. Немовым М. Рютин сформулировал такую гарантию: «Никаких Генеральных секретарей больше не будет. Мы будем настаивать, чтобы управлял коллектив, ибо, если будет Генеральный секретарь, то нет гарантии, что не повторятся те же комбинации и фокусы, которые проводятся Сталиным. Вообще состав Политбюро придется чаще менять, чтобы там не засиживались, ибо в основном нынешний состав Политбюро оторван от масс»[15].

Судьба этого очень опасного для Сталина человека трагична: он был осужден, провел пять лет в одиночном заключении, а затем расстрелян как «враг народа» по обвинению в «терроризме».

Центральный Комитет вел особенно тщательную слежку за оппозиционными деятелями: руководящими работниками союзных, республиканских, краевых, областных, автономных, окружных, межрайонных учреждений; секретарями горкомов, райкомов, первичных парторганизаций и их заместителями; начальниками управлений, отделов и их заместителями; заведующими секторами, ответственными редакторами, референтами, консультантами. В общей сложности таких было 1 478 человек из 3 083 зарегистрированных[16]. Эта цифра не поражает воображение своей величиной, но время, когда стоящие за ней люди пользовались огромным влиянием и авторитетом профессиональных революционеров и героев гражданской войны, еще не отодвинулось за исторический горизонт и память о той роли, которую они играли в момент социально-политического переворота и отстаивания завоеванного, не успела раствориться в сознании тех, кто имел к ним хотя бы отдаленное отношение. В обществе нередки были разговоры о том, что Троцкий являлся создателем Красной Армии, а о Сталине в стране и партии никто не знал до того момента пока он не стал Генеральным секретарем РКП(б). В материалах особой комиссии Саратовского крайкома партии по троцкистам примеров подобных разговоров немало[17]. Сталинское руководство, уступающее этим

людям в знаниях, опыте, заслугах и славе, испытывало чувство неуверенности за свое респектабельное положение, которое еще долго и всецело определяло его жизнедеятельность. Оно не могло спокойно существовать до тех пор, пока был возможен, хотя бы и минимальный, шанс возвращения к активной политике троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и других ярких революционных деятелей, составляющих на этом этапе основной костяк ее врагов. У опальных коммунистов не должно было быть перспектив на будущее.

Именно в это время Сталин интенсивно искал и выявлял людей, способных пополнить его достаточно узкую элитную группу. При селекции он руководствовался принципом включения в нее не лучших, а себе подобных. Совершался напряженный искусственный подбор фарисействующих приспособленцев. Общий политический курс сводился к замене сколько-нибудь самостоятельных и даровитых людей посредственностями, которые обязаны были своим положением только новому вождю и его аппарату[18]. Желающие быть ближе к Сталину вынуждены были не только подстраиваться под его психологический склад, перенимать приемы и методы работы, поведение в быту, но и копировать внешность. Хамство, грубость, нелояльность – качества, критикуемые Лениным, – становились в элитной среде нормой.

Активно насаждаемые новые порядки вели к напряженности и конфликтам в партии. Рядовые ее члены, испытывающие на себе ежедневное неуважительное отношение, не желали мириться со сложившимся положением. Есть данные, что только в Киевской области партийные собрания и партийные активы, развивая самокритику, потребовали снятия и привлечения к ответственности за хамство, грубость и всякие извращения 32-х секретарей райкомов, в том числе четырех секретарей райкомов по городу Киеву и второго секретаря Житомирского окружкома[19]. В арсенале методов руководства этих партийных функционеров были грубые окрики, брань, матерщина и оскорбления[20]. Однако у сталинского руководства подобные управленческие приемы не вызывали отторжения. Напротив, они поощрялись. Низовые пар-

тийные работники во всем подражали верховной власти, старались ее копировать. Элитные кадры и претенденты стремящиеся в элиту начинают носить полувоенный китель-френч, бриджи, заправленные в сапоги, сбривают бороду и отпускают усы. «У нас все Политбюро было усатое, – вспоминал Каганович, – Сталин, Молотов, Ворошилов, я, Орджоникидзе, Калинин, Андреев, Микоян…»[21]. Тем же, кто сам не мог догадаться, что вождю неприятна мода, которой следовали старые большевики, Сталин подсказывал. Каганович вспоминал: «Я бороду носил, – Сталин говорит: Зачем тебе борода? <…> Надя, дай ножницы, я ему сейчас срежу бороду! Я отвечаю: – Хорошо, я бороду сниму сам»[22].

В Политбюро складывалась особая атмосфера, специфическая система поведения. Если вождь говорил и даже задавал вопросы, ни к кому конкретно при этом не обращаясь, всем присутствующим полагалось молчать. Вспоминая об одном из своих первых посещений заседаний Политбюро П.К. Пономаренко, в ответ на риторический вопрос заданный Сталиным, решил проявить инициативу. Сталин спросил присутствующих: «есть ли другие мнения. Снова молчание. Ну, что же, – сказал он с недовольной ноткой в голосе, – пусть будет по вашему». Но закрывая заседание, Сталин попросил Пономаренко задержаться. Подошел к нему вплотную и, пристально глядя в глаза, произнес: «Вы что же, товарищ Пономаренко, полагаете, что мы, ставя такие вопросы, заранее их не продумываем? Ошибаетесь, товарищ Пономаренко… Будьте повнимательнее»[23]. Этой «отеческой» рекомендацией П.К. Пономаренко не преминул воспользоваться и больше подобных ошибок не допускал.

Перед сталинским ближайшим окружением возникла непростая задача, которая заключалась в принижении авторитета отстраняемых от власти, их «разоблачения», и возвеличивании вновь назначаемых. Решение этой проблемы связывалось с необходимостью, с одной стороны, придать гласности все порочащие оппозиционеров сведения[24], преувеличив их до вселенского масштаба, а с другой, инициировать процесс «фабрикации искусственных

репутаций, сочинения фантастических биографий», тиражирования рекламных клише «вождей по назначению»[25]. Справедливости ради следует заметить, что оппозиция пыталась использовать те же методы[26]. По словам Троцкого, аппаратом была создана целая наука, посвященная вопросу о почетном президиуме: «Сначала Ленин и Троцкий, затем все Политбюро, потом стали их размещать по алфавиту. Затем этот порядок был нарушен в пользу новой иерархии вождей. На первое место, ненадолго, попал Зиновьев. Еще позднее стали появляться почетные президиумы без Троцкого. Потом первое место стало отводиться Сталину. Карьеры создавались и разрушались в зависимости от расстановки имен в почетном президиуме»[27]. Лозунг «Долой культ вождей», весьма популярный в партии середины 20-х годов, был к началу 30-х совершенно забыт. На смену культа действительных вождей пришел культ вождей мнимых, действительный масштаб которых не шел ни в какое сравнение с их предшественниками. По существу, все «творческое» воображение новоявленных вождей было занято этой работой, но оборона страны, народно-хозяйственные потребности и практические соображения заставляли искать новые кадры работников, способные хоть как-то заменить оппозиционеров.

Задача преодоления кадрового дефицита, возникшего из-за устранения от руководства правых, решалась с огромным трудом. В конце 1930 года Политбюро приняло специальное постановление «Об улучшении дела государственного планирования», в котором признавалась необходимость:

«а) Немедленного укрепления квалифицированными партийными и беспартийными силами Госплана СССР и плановых органов наркоматов СССР – ВСНХ, НКПС, НКЗем, НКТорг, кооперативных организаций и др., имея в виду перевод значительной группы студентов-четверокурсников из экономических вузов для этой работы …

б) Создание Плановой академии в Москве, в которой наряду с постоянными кадром слушателей, особенно из числа квалифицированных партий-

цев – хозяйственников, должны проходить ряд основных курсов (постановка учета, техническая рационализация, экономическая география, теория планирования, пятилетка и ее выполнение) товарищи, работающие в хозяйственных комиссариатах...»[28]. Вместо изгоняемых из государственных учреждений опытных специалистов – профессоров приходили недоучившиеся и не имеющие достаточных практических навыков студенты. Через некоторое время стало очевидно, что подобная рокировка лишь ухудшает положение. Саратовский крайком, например, просил ЦК ВКП(б) пересмотреть свое решение о назначении председателем крайплана Волынского, так как он «недостаточно грамотен как экономист-плановик, допускает серьезные ошибки, с руководством крайплана не справляется»[29]. Однако Сталин менять свое стратегическое решение не собирался: «Я ... послал Микояну, – пишет в это время Сталин Молотову, – приветственное письмо по адресу ПБ по случаю того, что вам удалось **разгромить** гнездо Громанов, Виноградских и прочих буржуазных политиков, засевших в Госплане, в ЦСУ и т.д. Гоните их в шею из Москвы и ставьте вместо них молодых ребят, наших людей, коммунистов»[30].

Ротация кадров специалистов была вызвана не желанием создать более квалифицированные народно-хозяйственные органы, дающие возможность получить оптимальные результаты в сжатые, но научно обоснованные сроки, а необходимостью устранить тех, кому сталинская элита отказывала в доверии. Одновременно лица, известные Сталину и отнесенные им к разряду «своих», в обиду не давались никому. Примером может служить случай с управляющим трестом «Грознефть» Ганшиным, которого из-за халатности, приведшей к большому пожару в Майкопе, привлекали к судебной и партийной ответственности. В письме Молотову Сталин пишет: «Посылаю тебе письмо Ганшина с кое-какими материалами. Если верно, что ПБ привлекает его к судебной ответственности, то я думаю, что Ганшина придется в таком случае снять с ответственной хозяйственной работы и вообще потерять его

на некоторый срок. Нельзя ли смягчить решение ПБ, сняв с Ганшина это самое «привлечение к судебной ответ[ственности]»? Я лично стою за это. Гораздо лучше было бы снять с «Союзнефти» Ломова (который не знает и не будет знать нефт[яного] дела) и поставить на его место Ганшина. Так было бы гораздо лучше»[31]. Мнение Сталина рассматривалось Молотовым как военный приказ, не подлежащий сомнению и обсуждению. Политбюро тотчас отменяет свое прежнее постановление, и Ганшин, вместо уголовной и партийной ответственности, получает серьезное повышение по службе[32]. Аналогичный подход демонстрировался и в отношении кадров партийной элиты. Летом 1930 года члены бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Кузнецов, Базовский, Егер, Клименко, председатель краевой контрольной комиссии Ляксуткин и др. направили Сталину коллективное письмо, в котором критиковалась работа первого секретаря Сибкрайкома Эйхе и ставился вопрос о его срочной замене[33]. Политбюро, обсуждавшее это заявление, не касаясь существа вопроса, постановило: за «беспринципную групповщину и непартийное поведение» наложить взыскания и снять с работы всех жалобщиков[34]. Важнейшая роль Сталина и здесь прослеживается весьма явственно: «Не кажется ли тебе, – писал он Молотову, – более чем странным тот факт, что сибиряки молчали и не требовали снятия Эйхе, пока Сибкрайком обнимал обе половины Сибири, а теперь, когда разбили Сибирь на 2 части и сократили вдвое район деятельности Сибкрайкома (т.е. облегчили работу Сибкрая), Эйхе **вдруг** оказался «несправляющимся» со своими задачами? Я не сомневаюсь, что здесь имеется грубо замаскированная попытка обмануть ЦК и создать «свой», артельный крайком. Советую вышибить всех интриганов и прежде всего Клименко (украинские «методы» подкопа!) со всеми базовскими, ляксуткиными, кузнецовыми и т.п. и оказать полное доверие Эйхе, чтобы впредь неповадно было интриганам всяким клеветать на честных работников и обманывать ЦК»[35]. И 21 августа 1930 г. Политбюро утверждает резолюцию Секретариата ЦК «О беспринципной группировщине в Сибпарторганиза-

ции»[36] (Эйхе будет уничтожен позже, когда вождь-охранитель в нем действительно разочаруется). Но самый вопиющий случай произошел на заседании Политбюро ЦК 14 февраля 1937 года. В пунктах 351 и 352 повестки дня последовательно говориться: во-первых, «освободить от наказания и снять судимость с гр. Трама А.Г.» и, во-вторых, «наградить Трама А.Г. орденом Красного Знамени»[37]. В этот период времени Сталин уже не обращал внимания на необходимость соблюдения хотя бы видимости процедуры освобождения от наказания.

Аналогичные ситуации складывались нередко. В Азербайджане секретарь и заведующая организационным отделом одного из райкомов, Артак и Шатуновская, выступили против руководителей Бакинского горкома партии во главе с Мирзояном, обвинив их в недостаточной борьбе с правым уклоном и в недооценке самокритики. Мирзояна от работы освободили, но Сталин считал это только собственной победой и не собирался делиться её лаврами, «воздав должное» доносчикам: «Артак и Шатуновская, – писал он, – расценивают снятие Мирзояна Цент[ральным] Комитетом ВКП как свою победу, так же, как Шацкин расценивает победу партии над правыми как свою победу над слепковцами. Все это чепуха и глупость. Следовало бы и Шатуновскую, и Артака направить обратно в Москву... Добра от них в Баку нельзя ждать. [...]. Все Шатуновские и Артаки, как работники ничего не стоят...»[38]. Однако, если на ответственного или руководящего функционера падала хотя бы тень подозрения в нелояльности к высшему руководству, дело переходило в иную плоскость: «Посылаю тебе, – пишет Сталин Молотову, – только что полученное письмо Мирзояна. Ты знаешь, что я не сторонник политики «попустительства» в отношении товарищей, допустивших грубые ошибки с точки зрения интересов партии. Должен, однако, сказать, что не в интересах партии добивать (подчеркнуто Сталиным. – Н.С.) сейчас Мирзояна». «Я думаю, что было бы недурно назначить Мирзояна секретарем Пермского (Урал) окружкома... [...]. На Урале, несмотря на его всё растущее колос-

сальное значение для СССР, страшно мало ответственных работников...»[39]. Сомнение, однажды поселившееся в сталинском сознании, не покидало его уже никогда. Оно могло только расти и шириться, выражаясь в травле руководящих и ответственных работников, отстранении их от должности, новых назначениях с понижением, а затем, в перспективе, как правило, аресте и расстреле. «Я думаю, что следствие по делу Кондратьева-Громана-Садырина нужно вести со всей основательностью, не торопясь. Это дело очень важное. Все документы по этому делу нужно раздать членам ЦК и ЦКК. Не сомневаюсь, что вскроется прямая связь (через Сокольникова и Теодоровича) между этими господами и правыми (Бух[арин], Рыков, Томский). Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять.

Нужно обязательно расстрелять всю группу вредителей по мясопродукту, опубликовав об этом в печати»[40]. Сталин, по существу, задает программу действий и своему аппарату, и чекистам, выдвигая расстрел в ряд ведущих средств решения любых вопросов политического, хозяйственного и административного характера. Обнародованием данных о «справедливости» репрессий против «вредителей» население страны готовили к «спокойному» восприятию грядущих, весьма масштабных, карательных акций. Сталин оставлял за собой право единолично принимать решения, кого из элитных кадров казнить, а кого – миловать, кого возносить к вершинам власти, а кого лишать всех ее атрибутов и изолировать. «Революцией поставленный – революцией смещенный» – для вождя это было естественным, обычным делом. Политбюро еще в июне 1932 года утвердило постановление ЦИК и СНК СССР «О революционной законности», в котором, помимо прочего, говорилось: «категорически запретить вмешательство партийных организаций в разрешение отдельных конкретных судебных дел, равно как и всякое снятие или перемещение судебных работников в связи с их деятельностью, без согласования с вышестоящими партийными и судебно-прокурорскими органами»[41].

Массовая операция ОГПУ, проведенная в 1930 году против бывших офицеров старой царской армии, добровольно перешедших на сторону Советской власти[42], не дала желаемых для Сталина результатов, но явилась предвестником неотвратимо надвигающегося 1937 года. Преподаватели военной академии им. Фрунзе Какурин и Троицкий, арестованные по «подозрению» в контрреволюционной деятельности, под давлением следствия дали показания, что Тухачевский (тогда командующий войсками Ленинградского военного округа) якобы считает положение в стране тяжелым и выжидает благоприятной обстановки для захвата власти и установления военной диктатуры, что у Тухачевского имеется много сторонников в военных кругах. Сталин посвятил в тайну этого секретного дела только самых близких к нему людей: Молотова, Орджоникидзе и, вероятно, Ворошилова. «Тухачевский, – писал Сталин Орджоникидзе, – оказался в плену у антисоветских элементов и был сугубо обработан тоже антисоветскими элементами из рядов правых. Так выходит по материалам. Возможно ли это? Конечно, возможно, раз оно не исключено. Видимо, правые готовы идти даже на военную диктатуру, лишь бы избавиться от ЦК, от колхозов и совхозов, от большевистских темпов развития индустрии. Как видишь, показания Орлова и Смирнова (об аресте ПБ) и показания Какурина и Троицкого (о планах и «концепциях» Т[ухачевско]го) имеют своим источником одну и ту же питательную среду – лагерь правых. Эти господа хотели, очевидно, поставить военных людей Кондратьевым-Громанам-Сухановым. […]

Покончить с этим делом обычным порядком (немедленный арест и пр.) нельзя. Нужно хорошенько обдумать это дело…»[43]. Сталин явно обрабатывает своих соратников в нужном направлении, подготавливает их психологически, опробывает на них незамысловатый, но коварный, и потому хорошо срабатывающий в будущем план: арест помощника, секретаря, личного друга, родственника, просто сослуживца или подчиненного, у которого следствие должно было любыми путями вырвать признательные показания в заговор-

щической деятельности интересующей вождя авторитетной и высокопоставленной, но потерявшей доверие, персоны. Сталину уже было мало отстранить своего недруга от должности под благовидным предлогом, его нужно было скомпрометировать политически, растоптать морально и, в конце, уничтожить физически. Смена элитных кадров отныне будет проходить и с использованием подобной примитивной, но почти всегда достигающей желаемой цели, драматургии. Однако именно в этом случае еще окончательно не сложившаяся система дала сбой, номер не прошел, и военным удалось отстоять своего наиболее способного представителя, сохранив его в элитной группе вооруженных сил страны[44].

В начале 30-х годов из ленинской гвардии рядом со Сталиным оставались очень немногие. Причем это были лишь те люди, которые никак не могли составить ему конкуренции, признававшие в нем настоящего вождя: Калинин, Ворошилов, Куйбышев и еще несколько других партийных деятелей. Первый из названных не пользовался большим авторитетом в партии и занимал скорее почетное, нежели властное место в иерархической пирамиде. Второй, выдвигаясь на вершину военной элиты революции, побед не снискал, войсками командовал неудачно. В ходе непродуманных боевых действий еще в 1919 году безвозвратно потерял 60 тысяч бойцов и был судим судом военного трибунала. На суде общее мнение судей выразил комиссар М.Л. Рухимович: «Все знают, – говорил он, – что Ворошилов опытный подпольщик и хороший парень. Но командовать он может ротой, батальоном, с натяжкой – полком. Командармом быть не может – не умеет. Это его беда, а не вина. Его нельзя было назначать командармом…»[45]. Третий был запойным алкоголиком, и Сталин прямо говорил, что «нельзя **надолго** оставлять ПБ и СНК на Куйбышева – (он может запить)…»[46]. Пьянство в сталинской элите было делом обычным и заурядным. Вождь сам всячески поощрял подобное явление и нередко активно в нем участвовал. Н.С. Хрущев вспоминал, что, когда он работал в Москве, «почти каждый вечер раздавался мне звонок:

«Приезжайте пообедаем». То были страшные обеды. Возвращались мы домой к утру, а мне ведь нужно на работу утром выходить. […]. Просто невероятно, что Сталин порой выделывал, – продолжал Хрущев. Он в людей бросал помидоры… Я лично это видел. …обед часто заканчивался швырянием фруктов и овощей, иногда в потолок и стены, то руками, то ложками и вилками. Меня это возмущало: «Как это вождь страны и умный человек может напиваться до такого состояния и позволять себе такое?»[47]. О том же самом упоминает один из лидеров международного коммунистического движения и наиболее последовательный сторонник авторитарных методов правления, практиковавшихся Сталиным и его окружением, – Матьяш Ракоши: «Обстановка на таких ужинах, – пишет он, – была непринужденной, рассказывались анекдоты, нередко даже сальные, под громкий смех присутствующих. Однажды меня попробовали напоить, но вино меня не берет, что присутствующие восприняли с признанием, при некоторой доле удивления»[48]. Ракоши продолжает: «У Сталина … такт и предупредительность почти полностью отсутствовали. У него до конца жизни оставалось что-то от сына сапожника из села Гори, что-то от тех 20 лет, которые он провел, как преследуемый зверь, и от суровости гражданской войны, где часто было не до такта и не до слабостей и где подобные качества могли принести не много пользы, а наоборот, причиняли вред»[49].

Сталину нравилось, когда в его присутствии напивались, и, зная это, некоторые старались ему угодить[50]. Смерть Жданова и Щербакова Хрущев связывает именно с этим обстоятельством. «Умер он (речь в данном случае идет о Щербакове. – Н.С.) от того, что чрезмерно пил в угоду Сталину, а не из-за своей жадности к вину». Щербаков, по словам Хрущева, помогал вождю спаивать своих соратников. Хрущев авторитетно свидетельствует, что именно Щербаков «разоблачил» перед Сталиным Берия, Маленкова и Микояна за то, что те «за обедом» пили не вино, а подкрашенную воду. «Сталин взбесился, что его обманывают», и устроил всем троим «большой скандал»[51].

Олег Трояновский, во времена Сталина совсем молодой переводчик МИДа, подтверждает эти свидетельства Хрущева и Ракоши. В доказательство он привел эпизод, произошедший с ним на даче вождя «Холодная речка»: «Сталин, – пишет О.Трояновский, – обратился ко мне со словами: «Почему бы вам не пожить здесь с нами некоторое время» – и лукаво добавил: «Вот напоим вас как следует и посмотрим, что вы за человек»[52]. Так на практике вождем проверялась поговорка: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». У Хрущева, по его словам, «осталось самое неприятное впечатление» о Щербакове, «недобропорядочном и способном на все, что угодно. Совести он не имел ни малейшей капли. Все мог сделать для того, чтобы поднять собственную персону, и кого угодно готов был утопить в ложке. А Сталину это нравилось. Он любил нас стравливать, взращивая и укрепляя внутренние подлые задатки Щербакова»[53]. Конфликт Хрущева и Щербакова возник, конечно, не на поприще различного отношения к потреблению алкоголя. Щербаков работал на Украине секретарем Сталинского (Донецкого) обкома. Вопреки желанию Хрущева, являвшегося тогда первым секретарем КП(б)У, Сталин решил забрать Щербакова с Украины для руководства московской партийной организацией. Хрущев, вероятно из ревности, противился этому решению, как мог, но из этого ничего не вышло. Щербакову удалось закрепиться на новом месте и завоевать доверие вождя, но отношения с Хрущевым оставались плохими до конца его жизни.

«Нужных» людей Сталин старался «приблизить» к себя, делая для этого всё: звал на охоту, приглашал на свои «грузинские» пиры, приятельски приезжал к ним на дачи во время отдыха. Но далеко не все подходили для этих ритуальных действий. Примером может служить И.М. Москвин, секретарь ЦК и заведующий Орграспредом, выдвинувшийся благодаря искренней ненависти к Зиновьеву и энергичной борьбы против «новой оппозиции». Он, по воспоминаниям члена его семьи Л. Разгона, не пил и не курил, не любил «соленых» анекдотов и грубоватых словечек, не ценил вкусной еды, был

равнодушен к зрелищам и не желал менять своих привычек. Поэтому Москвин «отказывался от августейших приглашений на застолья, от участия в автомобильных налетах на курортные города, от ночных бдений за столом Сталина. Он был совершенно неподходящим «соратником», и падение его было неизбежным»[54]. В этом отношении Москвин напоминал Сталину Троцкого, для которого «хождение друг к другу в гости, прилежное посещение балета, коллективные выпивки, связанные с перемыванием косточек отсутствующих», были отвратительны. «Новая верхушка чувствовала, что я не подхожу к этому образу жизни», – писал он позднее[55].

Люди, обладающие качествами, присущими Москвину и Троцкому, если и попадали в сталинскую элиту, долго в ней не задерживались. Они были для вождя подозрительны, он обвинял их в неартельности, в индивидуализме, в аристократизме и в скором времени отправлял пополнять ряды репрессированных.

Вождь в любой стране для реализации собственных идей нуждается в послушных, практически мыслящих и быстро действующих помощниках. Именно для такой роли Сталин и подбирал себе людей, составляя из них элитные кадры. Ракоши вспоминал, что «Сталин, как правило, критически отзывался о людях, о своих сотрудниках, но вместе с тем признавал их способности». Только о Ленине «он отзывался с теплотой и даже благоговением»[56]. Ф. Чуев утверждает, что подобную манеру оценок элитных кадров переняли и другие приближенные к вождю лица. Делясь своими наблюдениями с Кагановичем, он заметил: «Молотов такой человек, я его изучил: если он о ком-то сказал хорошее, тут же должен сказать и отрицательное. О ком бы он ни говорил. Сказал: «Каганович – самый крепкий, самый преданный». И тут же добавил: «Но в теории плавал». Это характерная черта Молотова, – соглашался Каганович»[57]. На самом деле, основоположником данной традиции в большевистской партии являлся Ленин. В «Письме к съезду» вождь-основатель продемонстрировал образец такого «объективного» подхода к ха-

рактеристике элитных субъектов, квалифицируя не только их сильные, но и слабые стороны.

Руководителям самого высокого элитного уровня было необходимо творческое воображение. При Сталине, для элитного слоя, оно стало категорически противопоказано. Это драгоценное элитное качество в глазах Сталина обретало абсолютно отрицательный характер. Из всей совокупности качественных характеристик сам он в полной мере обладал лишь волей, зачастую выступающей в форме обычного упрямства, и «азиатской хитростью», проявляющейся в виде коварства, которыми и пользовался в полной мере. Примеры сталинского коварства нам еще придется приводить, а примеры упрямства мы во множестве находим в мемуарной литературе. В своих воспоминаниях на них часто ссылаются Н.С. Хрущев, А.И. Шахурин, Г.К. Жуков и целый ряд других деятелей партии, государства, армии. Все мнения наиболее правильно обобщил Хрущев: «Если Сталин сказал, умно … или глупо, полезно или вредно, все равно заставит сделать. И делали!»[58].

Намечая человека к выдвижению, вождь был озабочен тремя обстоятельствами: во-первых, насколько претендент на планируемую большую должность предан лично ему и будет послушен; во-вторых, насколько он исполнителен и инициативен при исполнении; и, в-третьих, сможет ли он в ближайшем будущем завоевать большой авторитет и оспорить ведущее положение вождя. Его не пугало, что претендент окажется слабее, чем он предполагал, опаснее было другое, лишь бы он не оказался намного сильнее.

Используя богатый жизненный опыт профессионального революционера и опираясь на знания закулисной жизни властвующей группы, полученные при общении с такими мастерами интриги, как В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, К. Радек и некоторые другие деятели революционного движения, он редко ошибался в людях. Сталину почти всегда удавалось подбирать и расставлять людей, довольно умело используя отдельные, подмеченные в человеке самые мелкие (особенно искал негативные) черты, интуи-

тивно соотнося их с определенной, нужной именно в это время работой, не забывая, впрочем, о сборе компрометирующих данных на своего протеже. Умение ранжировать людей в соответствии с их качествами, так необходимое всем крупным администраторам и лидерам переходных эпох, в определенной мере было присуще и Сталину. Однако он допускал здесь и серьезные промахи, особенно в конце тридцатых годов[59]. Это происходило потому, что он старался подыскать для партийной работы чаще всего не «славных героев» и «кудесников ремесла», а «цепных псов» и свирепых злодеев, либо тех, кто таковым мог стать при его умелом руководстве. Расстрельные списки, которые подписывались всеми членами сталинского руководства, связывали их в тесную группу ответственных за это лиц. Именно в это время в поле зрения попадают молодые, энергичные и, как ему казалось, не амбициозные люди из второго и даже третьего эшелона партийной олигархии: Г.М.Маленков, Н.И.Ежов, Н.А.Булганин, Л.П.Берия, Н.С.Хрущев, – в дальнейшем оказавшие существенное влияние на политическую жизнь страны, на высший «генералитет» номенклатурной элиты.

«О Маленкове, – справедливо считает Р.А. Медведев, – трудно написать даже самый краткий очерк. В сущности, это был человек без биографии, деятель особых отделов и тайных кабинетов[60]. Он не имел ни своего лица, ни собственного стиля. Он был орудием Сталина, и его громадная власть означала всего лишь продолжение власти Сталина»[61]. По словам людей, близко его знавших, «Маленков по своей натуре был лишен всяких диктаторских черт» и по производимому впечатлению «не был честолюбивым человеком»[62]. Он никогда не относился к категории самостоятельных работников и всегда нуждался в чьем-либо руководстве. Благодаря этому, вероятно, и стал второй в партии и государстве фигурой. Известно, что Сталин особенно ценил людей, которые могли хорошо руководить масштабными делами, «а сами … и мухи никогда не обижали»[63].

Н.И.Ежов работал секретарем одного из провинциальных окружкомов Сибири и производил впечатление тихого, скромного и исполнительного человека. Эти качества и обратили на него внимание И.М. Москвина, вызвавшего Ежова в Москву и сделавшего его сначала инструктором, затем помощником и заместителем заведующего организационно-распределительного отдела. Попав на глаза Сталина, Ежов быстро стал его любимцем. Он сделал невероятную карьеру, заняв пост секретаря ЦК, Председателя ЦКК и Генерального комиссара государственной безопасности, кандидата в члены Политбюро. Москвин о нем говорил: «Я не знаю более идеального работника, чем Ежов. Вернее, не работника, а исполнителя. Поручив ему что-нибудь, можно не проверять и быть уверенным – он все сделает. У Ежова есть только один, правда существенный, недостаток: он не умеет останавливаться. Иногда существуют такие ситуации, когда невозможно что-то сделать, надо остановиться. Ежов – не останавливается. И иногда приходится следить за ним, чтобы вовремя остановить…»[64]. Этот недостаток оказался весьма опасным и в дальнейшем погубил Ежова, а пока черты исполнителя вполне были востребованы, высоко ценимы и находились в перечне важнейших. Сталин в записках, направляемых лично Ежову, весьма одобрительно отзывается именно об этом качестве: «…у Вас обычно слово не расходится с делом и есть надежда, что мою просьбу выполните», или: «хорошо, что вы цепко взялись за дело и двинули его вперед»[65]. Щедрость Сталина распространялась не только на эти скупые словесные похвалы исполнительности Ежова, но и на посты, должности, звания и иные награды. Исполнительность была достаточным свойством характера для того, чтобы стать кандидатом в члены Политбюро и генеральным комиссаром государственной безопасности (звание, равное маршальскому, а, по существу, возносящее его обладателя над военными).

«Н.А. Булганин, – вспоминал бывший управляющий делами Совета министров СССР М.Смиртюков, – звезд с неба не хватал. Сказать или предложить что-то оригинальное не мог. Но прошел хорошую школу: до того, как

возглавить Госбанк, он работал в ЧК, госаппарате, был директором крупнейшего московского предприятия – электрозавода. Тут его и заметили – электрозавод выполнил первый пятилетний план за два с половиной года и гремел на всю страну. Булганин стал председателем исполкома Моссовета, потом Совнаркома РСФСР. У него была очень полезная для продвижения по службе черта характера: он никогда не возражал начальству. Что бы оно ни говорило. [...]. Он потому с легкостью и возглавлял такие разные организации, как Госбанк и Министерство обороны, что в основном передавал подчиненным указания Сталина, оформленные в решения Политбюро, а затем следил за их неукоснительным исполнением»[66].

Пожалуй, одним из наиболее умных и способных среди сталинских клевретов был Л.П.Берия. Знакомство с вождем у него состоялось, по словам А. Антонова-Авсеенко, в 1924 году, когда он сумел обратить на себя внимание «верховного правителя» тем, что «предупредил Москву о готовящемся в Грузии восстании»[67]. Сталин благоволил к сотрудникам ЧК, доверял им больше чем кому бы то ни было, старался их эффективно использовать и по прямому назначению, и на партийной работе. В 1931 году, когда правящая элита освобождалась от сторонников правых в периферийных партийных организациях, Берия назначают первым секретарем ЦК компартии Грузии и вторым секретарем Заккрайкома ВКП(б), а уже через год – первым секретарем Закавказского крайкома. Знавшие его люди говорили, что Берия обладал незаурядными организаторскими качествами и сильным волевым характером. Первое, что он сделал, став заместителем Ежова, – переключил на себя связи с наиболее ценной агентурой, ранее находившейся в контакте с руководителями ведущих отделов и управлений НКВД, которые подверглись репрессиям, и таким образом, превратился в наиболее информированного и, следовательно, наиболее полезного в этом отношении соратника[68]. Берия умел распознать настроение Сталина, толково доложить, понятно объяснить, интересно рассказать, а в случае необходимости, и запугать вождя опасно-

стями покушений, с которыми только он якобы может успешно справиться. Кроме этого, ему удалось, присвоив авторство книги «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», создать о себе славу ученого-историка и литератора-пропагандиста работающего во славу сталинской партии.

Грубый и жестокий в общении с подчиненными, он мог быть внимательным, учтивым, умел оказывать каждодневную поддержку людям, занятым важной работой, защищал их от всевозможных интриг органов или же партийных инстанций[69], создавая и укрепляя тем самым свой собственный авторитет.

Н.С.Хрущев – личность противоречивая и импульсивная. Как всякий малограмотный человек (Шепилов утверждает, что видел лишь одну написанную рукой Хрущева резолюцию на одном из документов; надпись гласила: «Азнакомица»)[70], он больше полагался на чувства, чем на логику разума. Образованность и интеллигентность были для него предметом и восхищения, и зависти. «Тебе-то хорошо, – говорил он много раз Шепилову, – ты десять академий закончил, а я, куда ни поеду учиться, меня тут же – на партийную работу»[71]. Судьба Хрущева весьма типична для претендентов в сталинскую партийную элиту тридцатых. Политический просчет (поддержка троцкистов) в начале его партийной карьеры, признание своих ошибок и обращение за помощью и поддержкой к Генеральному секретарю ЦК КП(б) Украины Л.М.Кагановичу дали определенный толчок его продвижению в верхние эшелоны власти. Каганович рассказал Сталину о Хрущеве, оценив того как хорошего работника, поведал и о его троцкистских увлечениях в молодости. Сталин Кагановичу доверял и только спросил: «А как он, изжил эти ошибки?». Каганович ответил: «Не только изжил, но активно с ними борется». – «Ну тогда, – сказал Сталин, – его надо выдвигать, тем более что он работник хороший». Жена Сталина Н.Аллилуева, учащаяся Промакадемии, подтвердила характеристику Хрущева, данную Кагановичем[72]. В мае 1930 года Хрущев

избирается секретарем партячейки Промакадемии находящейся под сильным влиянием правых. Он прекрасно понимал цену его поддержки Центральным Комитетом партии и расплачивался сполна. За семь месяцев его секретарства из повестки дня заседаний бюро и партийных собраний фактически исчезли все вопросы, кроме персональных дел коммунистов. «При этом, – пишет исследователь А. Пономарев, – использовались разнообразные средства дискредитации обсуждаемых – вплоть до непроверенных слухов, обрывков разговоров, клеветнических заявлений и прямой лжи. Инспирировал подобные нечистоплотные приемы лично Хрущев, проявляя при этом немалые «дирижерские» способности. Обвинения носили порой настолько бездоказательный, огульный характер, что многие не выдерживали»[73]. Наказание, предлагаемое Хрущевым, было всегда одно – немедленное исключение из партии. Подобной экзекуции подверглись около 40 слушателей. Даже спустя много лет Хрущев, говоря о ликвидации «правых» в Промакадемии, с удовольствием бахвалился: «Отбрасывая скромность, скажу, что моя роль в том была первой»[74]. Позднее из всех наиболее близких к Сталину людей Хрущев признавался наиболее покладистым, и Сталин считал его самым верным человеком[75]. После избрания его секретарем Бауманского, а затем Краснопресненского райкомов ВКП(б) масштабы искоренения «неверных» значительно расширились. Его, как раньше Кагановича, стали бросать на «пожарные ситуации». Через полгода он – второй секретарь МГК. Такая явно форсированная карьера вызвала много толков среди людей, хорошо знавших его лично. «Меня и некоторых других, – с недоумением и не без зависти записал в те дни в своем дневнике один партийный функционер – Соловьев, – удивляет быстрый скачок Хрущева. Очень плохо учился в Промакадемии. Теперь второй секретарь, вместе с Кагановичем. Но удивительно недалекий и большой подхалим»[76]. Хрущев взбирался все выше и выше, попутно отрабатывая полученные авансы. В 1936 году, когда он был секретарем МГК и МК, только по Москве было исключено из партии 7,5% от общего числа проверенных.

Отчитываясь на пленуме МГК за прошедший 1935 год, он хладнокровно констатировал: «Арестовано только (!) 308 человек. Надо сказать, что не так уже и много мы арестовали людей… 308 человек для нашей Московской организации – это мало»[77]. П.К.Пономаренко считал, что Хрущев на высшие посты в партии и государстве оказался «волею случая». За кажущейся простотой у него «скрывались такие черты, как хитрость и коварство, злопамятность и мстительность. Он очень угодничал перед Сталиным, а позднее, когда стал первым секретарем ЦК КПСС, – не пресекал лесть и славословие в свой адрес»[78].

Хрущев искренне боролся (или умело создавал впечатление об этом) с оппозиционерами, нарушителями генеральной линии партии. Он ни на минуту не сомневался в правильности указаний ЦК. «Сомнения, – подчеркивал он неоднократно, – черта не наша, не большевистская»[79]. Сомневаться в гениальности вождя – уголовное преступление, и сомневающийся должен быть наказан. Аналогичным образом действовали и другие сталинские соратники. Получая от вождя какое-либо указание, они были готовы сломать «любые барьеры, могли идти на любые жертвы и затраты, чтобы выполнить это задание молниеносно и безукоризненно»[80]. Характеризуя членов сталинской элиты, особенно важно подчеркнуть, что в готовности услужить вождю они просто обязаны были даже не задумываться над вопросом, будет ли «от выполнения этого задания польза или вред государству»[81]. Всех, кто при Сталине состоял в “ближнем круге”, объединяло одно – своим положением они были обязаны только вождю и только ему должны были служить верой и правдой.

Французский философ и идеолог буржуазной революции Клод Адриан Гельвеций однажды сказал: «каждый период имеет своих великих людей, а если их нет, – он их выдумывает». Готовящийся сталинский термидор нуждался именно в выдуманных «героях», а на деле посредственностях, могущество которых заключалось в их политическом дальтонизме, и в нужном количестве они отыскались в серой партийной массе к вящей радости вождя.

Начиная с 1930 года роль Оргбюро и ОРПО в деле подбора и назначения партийно-политических кадров на ответственные и руководящие посты начинает постепенно снижаться. Центр тяжести в данном вопросе перемещается к Политбюро. В 1930 году Политбюро принимало решения о перемещениях, назначениях и смещениях 54 раза, в 1931 г. – 69, в 1932 г. – 64, в 1933 г. – 56, в 1934 г. (год XVII съезда ВКП(б)) – 139, 1935 г. – 56, в 1936 г. – 57, в 1937 г. – 298, в 1938 г. – 215, в 1939 г. – 171 раз[82].

Среди методов партийной работы на ведущее место начинают выдвигаться те, которые не были свойственны цивилизованному обществу. Огромные масштабы стало приобретать доносительство[83]. Поощряемое властью, оно трансформировалось в один из основных факторов политической борьбы. Феномен доноса, всегда свойственный политической борьбе, обрел в тридцатые годы столь значительный размах, что ныне превратился в объект научного исследования[84]. Автор статьи «Феномен доноса» – Владимир Козлов указывает, что явление доноса в Советском Союзе имело традиционные и психологические корни. «Архаические пережитки в политической культуре СССР (почти полное отсутствие традиций судебного разрешения конфликтов между гражданином и институтами власти, «начальниками» и «подчиненными», предельная ограниченность легального права людей на самоорганизацию, непосредственность переживания личностью психологической связи «Я и верховная власть») делали донос в первую очередь конструктивным элементом традиционной для России системы бюрократического управления и лишь затем моральной проблемой»[85]. Элементы властвующей элиты, рассредоточенные по бескрайним просторам СССР, имели возможность длительное время действовать бесконтрольно, необоснованно и произвольно. Причем в их действиях зачастую отсутствовало попечение о государственном благе и элементарная забота о благополучии подопечных граждан. В сложной трехэлементной системе взаимоотношений населения, чиновничества и верховной власти институт доносительства выполнял функции «обратной связи» в

громоздкой, малоэффективной, хотя и стабильной структуре управления, а сам донос был важным элементом управленческой культуры на протяжении веков. Вера в «доброго барина», царя, генерального секретаря в российском народе неистребима. «Донос наряду с жалобами «высшему начальству» через голову чиновников и бюрократов, обидчиков и притеснителей, – пишет Козлов, – нередко заменявший простым людям и суд, и другие институты гражданского общества, был последней надеждой на восстановление справедливости (как они ее понимали), позволял хоть как-то контролировать поведение высокопоставленного чиновничества, сохраняя за верховной властью ореол непогрешимости и праведности, отводя недовольство населения в русло «локальной критики»[86]. Вождь стремился всеми силами поддерживать этот сложившийся в народном сознании миф. Однако власть принимала меры лишь тогда, когда ее собственный узкий или широкий интерес выстраивался в кильватер доноса, создавая иллюзию высшей справедливости. В то же время вина высшего руководства страны во главе со Сталиным состояла не только в преступлениях, совершавшихся по его указанию, но и, что не менее важно, в том, что они позволяли своим подчиненным от их имени уничтожать тех, кто оказывался неугоден местному партийному и чекистскому начальству на районном, областном и республиканском уровнях. По существу дела в партийной элите не было ни одного номенклатурного работника, на которого в структурах КПК или НКВД не хранились бы доносы самого разного характера. Руководители партии и государственной безопасности получили возможность решать даже самые обычные споры, возникавшие в работе чуть ли не каждый день, путем физической ликвидации своих оппонентов[87]. Политические доносы превращались в средство устранения чиновников или соперников либо, что бывало реже, из-за «бескорыстной любви к справедливости»[88], либо, значительно чаще, из-за решения карьерных проблем. Например, секретарь парткома одного из коломенских заводов Х.Э.Рубинчик написал донос на двух партийных функционеров. Последствия не заставили себя долго

ждать: функционеров убрали, а доносчика избрали секретарем Коломенского горкома партии[89]. Партийные чиновники постоянно находились под угрозой доноса, и их политическая и служебная лояльность была обусловлена этим постоянным страхом. Члены партийной элиты жили под гнетом иллюзии тотального контроля за их политической благонадежностью и поведением. Однако на самом деле тотальным был не столько сам контроль, сколько страх перед ним. Постоянное ощущение нависшей, как дамоклов меч, опасности неотступно преследовало партийных функционеров. Сталин поощрял доносительство и соперничество; он понимал, что при этом его власть не только не пострадает, а напротив, даст ему возможность при первой же необходимости избавиться разом от них всех. Он в любой момент мог заменить их более молодыми партийными работниками с мест, которые не имели опыта интриг наверху[90]. Саратовская партийная организация является наглядным примером подобной политики. После нескольких разгромов, учиненных посланцами ЦК в областном комитете ВКП(б) в 1939 году, первым секретарем Обкома становится 36-летний Власов вступивший в партию только в 1929 году, начальником управления НКВД по Саратовской области назначается 27-летний Киселев, член партии с 1931 года, работавший на ответственных должностях в «тайной полиции» всего полтора года[91]. Но для реализации тайных замыслов всеобщей ротации партийно-политических кадров нужна была очень веская причина, для которой годилось даже не всякое преступление.

Центральный Комитет не всегда принимал меры даже по фактам взяточничества, «разложения» и т.п. по докладам Комиссии партийного контроля и органов безопасности. Сталин предпочитал не сразу наказывать преданных высокопоставленных чиновников из своего окружения, а только в случае, если он считал, что достаточной пользы от данного лица он получить уже не сможет. Тогда компромат использовался для увольнения и репрессий[92]. Сталин редко оставлял на свободе отстраненных от должности членов элитных групп. Адмирал Н.Г.Кузнецов, подвергшийся однажды «далеко не

вежливому и незаслуженному разносу» в кабинете вождя, не выдержал и заявил: «Если не пригоден, то прошу меня снять». В кабинете воцарилась гробовая тишина. Сталин, прогуливавшийся по ковровой дорожке, остановился, посмотрел в сторону адмирала и раздельно произнес: «Когда надо будет, уберем»[93]. Приходило время и отработанный элитный материал «убирали» как «ненужный мусор».

Политическое руководство страны требовало от контролирующих органов (особенно ОГПУ – НКВД) дальнейшего накопления конкретных фактов, анализа появляющихся проблем, повышенного внимания к людям оппозиции и тем, кто был с ними связан[94].

Сталин, старался инициировать и разжигать противоречия, возникающих в отношениях между республиканскими партийными, советскими и правительственными учреждениями[95]; аппаратами губкомов и губисполкомов[96] (вызванных приоритетами во власти и материальных ресурсах); местными партийными структурами и органами ОГПУ – НКВД, которые базировались на том, что партийные комитеты в целом, стремясь показать наилучшим образом свою работу, приукрашивали информацию о положении дел на местах, а чекисты, руководствуясь не только желанием продемонстрировать свою полезность, но и подспудными экономическими и идеологическими соображениями, подчеркивали опасность любых шагов по либерализации режима, ссылаясь на активность «классового врага» и политическую неустойчивость части рабочего класса, крестьянства и особенно интеллигенции. Кроме того, в органах безопасности было немало людей, разделявших те или иные оппозиционные взгляды.

Вслед за устранением от руководства правых началась чистка государственных организаций и учреждений. Летом 1931 года произошли серьезные кадровые изменения в управленческих структурах ОГПУ[97]. Событие было столь неординарным, что Сталин лично адресовался к секретарям национальных ЦК, крайкомов и обкомов с письмом-обращением, требуя разъяс-

нить узкому активу работников Объединенного Государственного Политического Управления причины перемен в его руководстве. В письме говорилось о причинах отстранения от начальственных должностей ответственных работников центрального аппарата Мессинга, Бельского, Ольского и Евдокимова. Они обвинялись в том, что: «а) вели внутри ОГПУ совершенно нетерпимую групповую борьбу против руководства ОГПУ; б) распространяли среди работников ОГПУ совершенно несоответствующие действительности разлагающие слухи о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является «дутым» делом; в) они расшатывали тем самым железную дисциплину среди работников ОГПУ. Для партийно-политического укрепления органов разведки и контрразведки, формирования, обучения и распределения кадров в центральный аппарат переведены Акулов, Балицкий и Булатов». «ЦК, – говорилось далее, – подчеркивает, что все разговоры и измышления о «внутренней слабости» органов ОГПУ и «неправильности» линии их практической работы» являются слухами, исходящими, «без сомнения, из враждебного лагеря»[98]. В изощренном «азиатском» уме Сталина уже зрели планы проведения массовых операций против недругов и искоренения их целыми социальными пластами. Он не желал соглашаться с теми чинами в ОГПУ, которые предлагали вести тонкую агентурную работу по выявлению отдельных, враждебно настроенных элементов и не хотевших возрождения методов времен «военного коммунизма». Однако в планы вождя такая осторожная «репрессивная» политика не входила. Он намеревался ужесточить режим. Уже в сентябре 1932 года Молотов, Чубарь, Строганов и Колманович требовали, на период хлебозаготовок, предоставить право ЦК КП(б)У окончательного решения вопросов о приговорах к ВМН (высшей мере наказания)[99]. Вскоре Жданов предлагает «проведение репрессивных мер в отношении населения районов проваливавших сельскохозяйственные кампании», а Шеболдаев просит разрешения на организацию на Северном Кавказе «временного» концентрационного лагеря[100]. Сталинское руководство, вероятно, посчитало, что

данных мер недостаточно. В августе 1933 года, в ответ на неоднократные просьбы партийных функционеров регионального уровня, Ягода подготовил для Политбюро документ «О предоставлении права тройкам полномочных представителей ОГПУ Украины, СКК, Белоруссии, Казахстана, Урала и Западно-Сибирского края применять высшую меру наказания по делам о вооруженном бандитизме»[101]. Вскоре к перечисленным регионам добавились Ленинградская область, Таджикистан и Киргизия[102]. Кроме того, Молотов настаивал на предоставлении права Эйхе лично выносить решение о высшей мере наказания[103].

Сталин, намереваясь опереться на сформированную по его понятиям партийную элиту и элиту «тайной полиции», до конца и ей не доверял. Его «линия, – отмечал П.Судоплатов, – состояла в постоянных перемещениях партийных руководителей высокого ранга и чиновников госбезопасности, не позволяя им оставаться на одном и том же месте более трех лет подряд, чтобы не привыкали к власти», не обрастали «своими» людьми, не устанавливали тесных личных отношений в различных организациях и ведомствах, выявляли недостатки (мифические и действительные), допущенные предшественниками[104]. В этом плане весьма показательно выступление Г.М. Маленкова на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б): «Недавно произошла передвижка трех секретарей обкомов: тт. Семенова (из Крыма в Сталинград), Лаврентьева (Картвелашвили) (из ДВК в Крым) и Варейкиса (из Сталинграда в ДВК). Тов. Варейкис, приехав на ДВК, говорит так: что он не ожидал встретить в ДВК такой запущенности в области партийной работы. Я думаю, что на свежую голову т. Варейкис заметил недостатки, которые не были замечены т. Лаврентьевым.

Тов. Семенов приехал в Сталинград. После того, как он познакомился несколько с положением дел, он говорит, что он не ожидал встретить в Сталинграде такой запущенности партийной работы. Я думаю, что свежему глазу т. Семенова больше заметны такие недостатки, которые не были известны

ЦК. Тов. Лаврентьев приехал в Крым. После того как он познакомился на месте с положением дел, он говорит: я не ожидал встретить в Крыму такую запущенность партийной работы»[105]. Этот эскиз партийной жизни тридцатых годов весьма красноречиво характеризует взаимные связи и отношения в элитной среде и те порядки, которые Сталин и его окружение так настойчиво насаждали в ВКП(б). Препятствием могли быть люди вступившие в партию более десяти лет назад. Вождю требовался новый кадровый источник.

В партию, как и раньше, принимали рабочих и крестьян, занятых физическим трудом на производстве, или служащих в РККА, а затем, постепенно, отсеивали ненадежных. Эти данные показаны в табл. 6[106].

Таблица 6

Год	Принято	Исключено	Выбыло добровольно
1929	297 630	102 273	15 410
1930	670 529	81 408	18 552
1931	997 398	64 625	13 501
1932	762 318	86 102	20 006
1933	нет	364 887	54 919
1934	нет	211 772	17 136
Итого	2 727 875	911 067	139 524

Пик численного роста ВКП(б), за весь предвоенный период, приходился на начало 1933 года. В рядах партии насчитывалось тогда 3 210 575 членов. С этого момента количественно партия начинает неуклонно сокращаться и к концу 1938 года уменьшилась почти вдвое: в 1934 году – 2 416 391, в 1935 – 2 123 033, в 1936 – 1 875 687, в 1937 – 1 777 390, в 1938 – 1 682 549[107]. Из приведенных данных видно, что на одного члена партии, вступившего в ВКП(б) до разгрома оппозиции, приходилось пять партийцев, вступивших в партию после устранения ее представителей из властных структур.

Осуществлялась сплошная перетасовка фабрично-заводских комитетов в главных промышленных центрах – Москве, Ленинграде, на Украине, Урале (замене здесь подверглись от 78 до 85% секретарей всех первичных партийных организаций)[108].

Динамика социального состава ВКП(б) за это время показывает, что качественно партия изменялась несущественно, то есть основные установленные Центральным Комитетом ВКП(б) пропорции (данные в процентах) сохранялись[109](табл.7).

Таблица 7

Годы	Рабочих	Крестьян	Служащих и остальных
1930	65,8	19,7	14,5
1931	66,6	22,3	11,1
1932	65,5	26,1	8,4
1933	63,9	28,3	7,8
1934	61,9	28,5	9,6
1935	62,5	27,4	10,1
1936	62,8	26,9	10,3
1937	62,8	25,4	11,8
1938	64,5	24,6	10,9

Численно состав коммунистов и кандидатов ВКП(б) постоянно снижался. Процесс уменьшения партийных организаций происходил по всем губерниям страны, в том числе и в Саратовской организации[110] (табл. 8).

Таблица 8

Партийный состав	1.01.34г.	1.07.34г.	1.01.35г.	1.01.37г.	1.01.38г.
Членов ВКП(б)	23 327	21 252	20 903	21 573	16 411
Кандидатов в чл. ВКП(б)	13 219	11 157	10 267	8 620	6 427

Количественный состав ВКП(б) на ноябрь 1933 года с учетом партийного стажа представлял собой следующее: с партстажем до 1917 г. – 0,5%, 1917-1920 гг. – 9,5%, 1921-1923 гг. – 2,2%, 1924-1926 гг. – 21,7%, 1927-1928 гг. – 15,3%, 1929-1930 гг. – 12,5%, 1931 г. – 18,7%, 1932 г. – 19,6%[111].

Приведенные данные подтверждают постоянную работу сталинской элиты по корректировке состава ВКП(б), уменьшающую её численность, снижающую роль и влияние той части партии, которая не считалась надежной, но могла повлиять на ее политику. Только 12,2% от ее общего контингента вступили в партию при другом вожде, других отношениях, другой политической линии, а 66,1% – в момент борьбы или уже после разгрома всех оппозиций.

В ноябре 1933 года ВКП(б) состояла из следующих возрастных групп: до 24 лет – 9,3%, 25-29 лет – 31,2%, 30-39 лет – 41,3%, 40-49 лет – 14,3%, 50-59 лет – 3,3%, старше 60 лет – 0,6%[112].

Средний возраст членов партии равнялся 32,8 года. По сравнению с 1927 годом средний возраст членов партии повысился на 1,7 года[113].

Региональная элита, откуда вождь постоянно черпал кадры для центрального аппарата, в подавляющем своем большинстве имела в своих рядах тех, кто по основным критериям ему подходил[114] (табл. 9)

Таблица 9

Критерии	В ЦК нац. компартий	В краевых, обл., губ. комитетах	В райкомах
Партстаж после 1920 г.	51,2	75,5	91,4
Начальное образование.	45,6	58,4	83,2
Без политического образования	57,7	53,9	62,3

Однако далеко не все ответственные партийные работники понимали суть сталинских политических идей. Особенно неясным было запрещение выдвигать на ответственные партийные посты образованных людей. Член ЦК

ВКП(б), секретарь Горьковского, а затем Донецкого обкомов Э.Прамнек, выступая на партийном пленуме, говорил: «Растут партийные кадры медленно… потому, что у них низкий общеобразовательный уровень»[115]. У людей, осуществляющих политическую власть, не было элементарных знаний по истории, экономической географии и даже русскому языку. Прамнек робко пытался поставить вопрос о выдвижении, хотя бы на низовые партийные должности, людей грамотных – техников и инженеров, но поддержки у Сталина и его верховного ареопага не нашел, а вскоре сам был подвергнут репрессии.

Такое положение искусственно поддерживалось вождем и сталинским окружением на протяжении десятилетий. Сталин считал, что подкреплять собственный авторитет и авторитет своих приближенных можно не столько за счет повышения собственного интеллекта, сколько путем постоянного снижения культурного уровня ВКП(б) в целом. Академик Вернадский, длительное время ведущий дневниковые записи, в тетради, относящейся к 1938 году, четыре раза повторил весьма смелую по тем временам мысль, что «вся высшая бюрократия ниже среднего нашего уровня». Мало того, он «смел» оценивать качества выдвиженцев: «Подбор людей (и молодежи) в партии ниже среднего уровня страны – и морально, и умственно, и по силе воли», «щедринско-гоголевские типы – на каждом шагу. Царство их в текущей жизни». Характеризуя персонально знакомых ему Эйхе, Косиора, Петровского, Стецкого, Вернадский записал: «По существу, все это люди средние, может быть и ниже»[116].

Очевидно, что вождь подбирал в свою элиту тех партийных субъектов, которые качественно ему существенно уступали, оттеняя и поднимая авторитет лидера. Формула, выведенная специалистами-управленцами, гласит: «управляющий элемент системы не может быть слабее управляемых» и наоборот – «управляемый элемент не может быть сильнее и влиятельнее управляющего». Это закон любой (а тоталитарной в особенности) управленческой системы. В противном случае вся система управления не в состоянии эффек-

тивно осуществлять свою функциональную деятельность. Она обречена на прозябание, застой, постепенное загнивание, разложение и гибель. Если все властные приказы, распоряжения и постановления подвергаются сомнению, обструкции, а, возможно, и осмеянию, то рассчитывать на их своевременное и точное исполнение нельзя. Затраты расходуемого времени и энергии на осуществление деятельностных мероприятий будут столь огромны, что во много раз превзойдут наличный ресурс полезности правящей элиты, сформированной на сталинских принципах. Каждое управленческое решение в этом случае будет приниматься с боем, с борьбой, с преодолением жесточайшего сопротивления: «В нашей партии, – написал однажды Ленин, – я видел ... такие примеры. «Новые» пришли, стариков не знают. Рекомендуешь – не доверяют. Повторяешь рекомендацию – усугубляется недоверие, рождается *упорство*. «А мы не хотим»!!!

Ничего не остается: сначала, боем, завоевать новую молодежь на свою сторону»[117]. Сталин не собирался уговаривать непослушных и «независимых», прибегать к мерам убеждения, отыскивать и приводить аргументы «за» или «против». Он не объяснял свои поступки, а требовал, заставлял, принуждал и жестоко наказывал за неисполнение. В этих условиях политика распределения малограмотных и некомпетентных людей на властных должностях носила вполне продуманный и целенаправленный характер: этим людям можно было отдавать любые приказания и можно было быть уверенным – они их выполнят[118].

Сталин, по мнению Бухарина, «испытывал непримиримую зависть к тем, кто знает или умеет больше, чем он»[119]. П.К.Пономаренко рассказывал на одной из своих многочисленных встреч, как вождь однажды в его присутствии сказал Берии: «Лаврентий Павлович, если ты будешь убирать всех, кто знает и умеет больше нас, то с кем мы будем работать?»[120]. Однако цена сталинского фарисейства ныне хорошо известна, и не только узкому кругу политиков, специалистов-историков, но и широкой массе рядовых читателей.

Американский политолог М. Левин в своей статье «Бюрократия и сталинизм» подчеркивает, что решающим фактором бюрократизации советской политической системы является неспособность правящей партии выдвинуть в достаточном количестве сильных, энергичных, самостоятельных и инициативных руководителей[121]. Вождь, предъявляя к элитным элементам им самим выработанные «эталонные» требования, внимательно следил, чтобы на высшие партийные и государственные должности не проникли те, кто мог бы стать в дальнейшем харизматической фигурой. Партия уже не рассматривалась Сталиным как отряд единомышленников, преданных социалистическим идеалам и принципам справедливости. Она под его руководством превратилась в машину для управления страной. Тезис М. Вебера о невозможности для бюрократии вырастить в своей среде лидеров, обладающих достаточным опытом для того, чтобы разбираться в глобальных политических вопросах, примером советской России подтверждается полностью. В советской модели, кроме прочего, отсутствовала ответственность элиты перед народом и рядовыми партийцами, как и способность преодолевать негативные и пагубные потенции, заложенные в бюрократии.

5. 2 ФИНАЛ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЭЛИТЫ: РОТАЦИЯ СМЕРТЬЮ

Вопрос о качествах элиты, в которой Сталин серьезно нуждался, был к началу тридцатых годов уже решен, подбор и ротация шли полным ходом. Однако ясности в том, что делать со старой, отстраненной от власти, ненужной вождю, но не желающей уходить из политической жизни «большевистской гвардии», это не добавляло. Старая гвардия, еще имевшая устойчивые позиции в Центральном Комитете ВКП(б), крепкие личные связи в государственных и партийных организациях и учреждениях, продолжала через все доступные ей каналы собирать информацию, анализировать, критиковать правящую группу и убеждать партийную массу в неспособности Сталина и его окружения успешно руководить страной и мировым коммунистическим движением. Возможности для такой критики у старой большевистской элиты все еще были. Она имела некоторые специальные знания, определенный уровень образования и немалый опыт работы на руководящих постах. Очевидно, что в середине тридцатых годов (в момент XVII съезда) её авторитет и влияние в партии и обществе, хотя и были существенно подорваны, но сохранялось, несмотря на изменение численности в среде ответственных работников[122]. (Табл. 10).

Кроме того, определенный ресурс для компетентной и эффективной работы имела также и оппозиционная элита, располагающая в столице кадрами нужной квалификации (табл. 11)[123]. Отсутствовало «немногое»: доверие вождя и его воля использовать ее для позитивной работы.

Таблица 10

Состав ЦК	Всего	1905 и ранее	1906-16	1917	1918-20	1921
Членов ЦК	71	25	36	5	5	0
Кандидаты в члены ЦК	68	15	21	17	14	1

Таблица 11

Учреждения и организации	Ответственных работников – оппозиционеров	Из них			
		Руководителей учреждений и предприятий.	Их замы	Начальн. управлен., отделов	Зав. секторами, референтов и др.
Союза ССР и РСФСР	149	17	11	42	13
Союзных республиках Краевых, обл., автономных Окружных и межрайонных Москвы и Ленинграда	43	12	7	12	5
	116	29	14	27	10
	6	2	1	0	3
	10	4	0	2	4
Городов и городских районов	57	27	8	12	6
Сельских районов	66	49	4	8	5
Сельских организаций	10	10	0	0	0
Первичных организаций	375	187	36	73	9

По важнейшим отраслям народного хозяйства коммунисты-оппозиционеры распределялись следующим образом[124]:

промышленность	1 120	человек
сельское хозяйство	178	- « -
транспорт и связь	197	- « -
строительство	100	- « -
торговля, снабжение, заготовки	183	- « -
культура и наука	612	- « -
здравоохранение	47	- « -
советские и административные органы	346	- « -

партийные, профсоюзные, общественные организации 219 - « -
военные 12 - « -
прочие 51 - « -
неработающие 94 - « -

Данные о коммунистах, участвующих в оппозициях и антипартийных группировках, получены по материалам обмена партийных документов 1936 года поступивших в ЦК ВКП(б) до 1 ноября 1937 года[125]. Однако на февральско-мартовском Пленуме ЦК Сталин в своем выступлении приводил иные, значительно более высокие цифры численности оппозиционеров и их сторонников. Подсчет он осуществлял чрезвычайно просто: «…за троцкистов голосовали 4 тыс., воздержалось 2 600, получается – 6 600. Добавим им 11 тыс. – 18 тыс. вот троцкисты. Тысяч 10 можно положить за зиновьевцев – 28 тыс., давайте *будем класть для объективности больше* (курсив мой. – Н.С.), чем следует, – 28 тыс. И всякая другая шушера: правые и прочие, давайте будем класть 30 тыс., вот вам кадры, количество отнюдь не преувеличенное, люди, которые стояли за антипартийное течение, за троцкистов, за зиновьевцев. Многие стали высказываться за зиновьевцев и потом всякая мелочь: рабочая оппозиция, правые, демократический централизм и т.д. – 30 тыс. […] Сейчас у нас членов партии полтора миллиона … с кандидатами – 2 млн. Из этих кадров троцкистов, зиновьевцев уже арестовано 18 тыс. Если взять 30 тыс., значит, 12 тыс. остается»[126].

Достоверные данные отдела руководящих партийных органов свидетельствуют о чудовищном преувеличении вождем своих политических и личных врагов. В документах мы обнаруживаем следующие данные относящиеся к участвующим в оппозициях и иных группировках[127]:

троцкисты и зиновьевцы……………………..1 849 чел.,
правые (бухаринцы)……………………………107 - « -
право-левацкий блок………………………………9 - « -
левые коммунисты……………………………… 41 - « -

рабочая оппозиция....................................160 - « -

группа «демократического централизма»..........16 - « -

националистические группы........................229 - « -

Кроме оппозиционеров, строгому учету подвергались и колеблющиеся:

троцкистско-зиновьевского характера............634 чел.,

правооппортунистического характера..............70 -«-

националистического..................................44 -«-

Сталин, вероятно с целью снижения шокового эффекта от приведенных в своей речи цифр, успокаивал присутствующих элитных субъектов – членов ЦК тем, что «многие из них (оппозиционеров. – Н.С.) перешли на сторону партии, и перешли довольно основательно. Часть выбыла из партии, часть остается, как будто бы не очень большие силы. Но, – подчеркивал он, – … для того чтобы напакостить и нагадить, для этого не требуется много сил»[128]. Приводя данные, вождь скорее всего опасался упустить кого-нибудь из оппозиционеров, «замазать» чью-то антипартийность, либо о ком-то забыть. Цена обсуждаемого вопроса была слишком высока. Каганович позднее пояснял, что для сталинского руководства иметь в условиях капиталистического окружения «столько правительств на свободе, ведь они все были членами правительств» было слишком опасно. «Троцкистское правительство было, зиновьевское правительство было, рыковское правительство было, это было очень опасно и невозможно. Три правительства могло возникнуть из противников Сталина»[129]. И хотя вождь лично и достаточно долго знал всех отставленных ответственных и руководящих работников и был знаком со многими членами их семей, он без колебаний принял решение об их уничтожении. Тот же Каганович говорил, что «Сталин не признавал никаких личных отношений. Для него не существовала любовь, так сказать, к человеку как к человеку»[130], вождь оценивал лишь меру полезности или вредности для себя того или иного элитного элемента.

Видя, что лидеры оппозиции используют против его руководства весь арсенал ленинских приемов и методов, разработанных для борьбы против буржуазного правительства, вождь принял окончательное решение о безжалостном устранении их с политической арены. «...Они встречались, беседовали о политике ЦК и прочее. [...] Они рассматривали себя как правительство, как подпольное нелегальное правительство. Неустойчивое, но правительство. Как же можно было их держать на свободе», – убежденно говорил Каганович[131]. «Вы же поймите, – продолжал он, – в каком положении Сталин оказался! Этакие могиканы (так в тексте, – Н.С.) – Троцкий, Зиновьев, Каменев» они «не могли простить Сталина за то, что он их, так сказать, сшиб»[132]. «Имея перед собой таких – это киты были, – конечно, Сталин не мог оставаться пассивным и ждать, пока его за глотку возьмут, как Робеспьера, уничтожат. Робеспьера же уничтожили, потому что он ждал примирения, а «болото» его и погубило. Те, кто ему вчера аплодировали, сегодня кричали: «На гильотину!»[133].

Действительно, такой вывод закономерно напрашивается при знакомстве с трудами злейшего сталинского врага – Троцкого, касающихся этой проблемы: «Борьба, – писал он, – идет непосредственно за власть, борьба на жизнь и на смерть – в этом и состоит революция, – какое же значение может иметь в этих условиях тюремное заключение для людей, которые надеются в ближайшие недели овладеть властью и посадить в тюрьму или уничтожить тех, которые стоят у руля?»[134]. Продолжая свои размышления Троцкий писал: «Революция потому и революция, что все противоречия развития она сводит к альтернативе: жизнь или смерть»[135]. В подобных условиях властвующий вождь и те, на кого он опирается, не могут, не имеют права в отношениях с соперниками «ограничиться тюрьмой, хотя бы и долголетней», это означало бы простое поощрение «террористов», ибо вряд ли они верили в прочность и долговечность сталинского режима. Напротив, они постоянно говорили о пагубности его политики и необходимости устранения любыми

средствами Сталина с поста генсека. Троцкий убежденно говорил, «что это единственный путь, который знало до сих пор человечество», «хорош или плох этот путь с точки зрения нормативной философии, я не знаю, и, признаться, не интересуюсь этим»[136]. Таких людей революционная судьба столкнула в жесточайшей исторической борьбе, победителями в которой становились те, кто не слишком был связан принципами морально-этического свойства, нападал первым и шел до конца. Подобные критерии оценок сталинисты распространяли на всех своих противников: «сильные, очень сильные противники, – говорил Каганович Чуеву об оппозиционерах, – такие противники, которые могли и террор устроить, и убить… Все, что угодно»[137].

Для революционных руководителей, живших мировоззренческими доктринами, идея была важнее всего: жены, детей, родителей, братьев и сестер, не говоря уже о массе простого народа. Ради идеи они рисковали собственной жизнью, жизнью своих родных и близких, своих товарищей и это не считалось чем-то из ряда вон выходящим. В этом убеждаешься, читая революционную литературу: «Суровый для себя, он (революционер. – Н.С.) должен быть суровым и для других. Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодною страстью революционного дела»[138]. Такова была стальная логика революционной борьбы.

Руководящие кадры партии, прошедшие подполье и еще полные революционного энтузиазма, стремились поддерживать в соответствующем тонусе и все общество. Методы их действия не могли существенно отличаться от уже опробованных, привычных, простых и ясных для всех, кто ими когда-либо пользовался. Эти методы, хорошо служащие старым целям в новых исторических условиях, сами создавали новые цели и, прежде всего, формировали новую психологию. Вожди, относящиеся к поколению революционеров уже вкусивших от политического господства, полнее и успешнее внедряли их

в практику «созидательной» деятельности. Именно таким путем власть сосредотачивалась в руках сталинской элиты. Но идеи первого периода революции неуклонно утрачивали силу воздействия на сознание того партийного слоя, который непосредственно управлял страной[139]. Этот слой стал рассматривать революционно-пафосную мораль как иллюзию, имеющую целью побуждать других жертвовать собой для будущего, признавая лишь за собой бесконечную самоценность. С помощью такого «самосознания» властвующая элита требовала от своих соперников подавлять все другие стороны своей собственной натуры, заставляя их отказываться от самих себя. Однако такой отказ означал бы для них отказ от исторической перспективы, как они ее понимали[140]. «Требовать от революционеров этого отказа, – писал Троцкий, – могло бы только в конец развращенное чиновничество. Давать такого рода обязательства могли бы только презренные ренегаты»[141]. Сталинское окружение готово было выразить глубочайшую благодарность старой революционной морали за то, что она сделала, но теперь она превращалась в бремя, которое могло стать роковым. Новая элита подспудно понимала, что водворять господство «общечеловеческой» морали на практике способны только те, у кого отсутствует достаточное мужество к безнравственности действий. Этим грехом сама сталинская партийная элита не страдала. Она полагала, что хорошо все, приносящее «желаемые», с точки зрения вождя, результаты и, соответственно, плохо то, что таких результатов не дает. Именно в этом и состояла суть применяемого ею критерия истины. Других критериев революционная элита не признавала, она просто не хотела о них ничего знать. Сталинская группа постоянно подчеркивала и пропагандировала свойства, характерные для посредственности, как самые ценные качества (скромность; коллективизм; способность быть орудием в руках вождя, инструментом его воли; грубость и резкость в отношениях; подозрительность и нелояльность)[142]. Самостоятельность и оригинальность уже однозначно рассматривались как проявления «нечистой совести», как попытка подкопа, подрыва

авторитета, посягательство на устои и т.д. Идеалом становился не действительный человек, а человек «желательный», наиболее «полезный» вождю. Демонстрация действительных качеств становилась смертельно опасной, в то время как выказывание качеств «желательных» могло вознести на властные вершины, приблизить к «престолу». Всякая достигшая господства «желательность» старалась принизить ценность «действительного» человека, его силу, его уверенность в себе. За предел совершенства выдавалось ничтожество со скудной интеллектуальностью, внутренне уверенное в обладании правом на все. Такой желательный элитный субъект стремился унизить и противников-оппозиционеров, и своих соратников-соперников (к которым он относился не намного лучше), свести их до карикатуры. Инстинкт мести и злопамятства был для них одновременно инстинктом самосохранения. Эти элитные кадры никак не могли быть причислены к так любимым в обществе «хорошим людям», которые, по мнению Ницше, «все слабы: они хороши потому, что они недостаточно сильны, чтобы быть дурными»[143]. Слабая элита обречена на гибель, она не способна решать великие задачи и неизбежно будет уничтожена в результате внутренних конфликтов либо внешней агрессии. У добродетельного политика, дожившего до тридцатых годов, не было более права на существование, поскольку у вождя почти совершенно отсутствовала в нем потребность. Следовательно, молодым должно было становиться ясным, что только грубая полезность могла создать для них почетное положение. Добродетельный элитный кадр, чтобы выжить, должен был покорно превратиться в «полезное орудие», в «идеальное стадное животное» и тогда, возможно, вождь поручит ему роль «подпаска», но занять место в высшем ранге ему уже не удастся, для этого требовалось совсем иное.

Однако для того чтобы высвободить свой инстинкт, внушающий окружению страх и трепет, вождю как воздух был необходим какой-то значимый повод. Аналогия напрашивалась сама собой, когда в ночь на 30 июня 1934 года в Германии нацистский террор обрушился на собственные кадры. Гит-

лер одним ударом ликвидировал оппозиционные элементы в своей партии. За сутки в Мюнхене и Берлине сторонниками фюрера были расстреляны начальник штаба штурмовых отрядов капитан Эрнст Рем; обергруппенфюрер Восточной Германии Эдмунд Гейнес; главный начальник берлинских штурмовиков Карл Эрнст и десятки их друзей и соратников. Нацистское движение охватило крайняя тревога и страх.

Свежий опыт фашистской партии подсказывал генсеку направление поиска. Переживая тождественные трудности, Сталин не мог не обратить внимания на этот факт фашистской политики в свете решения собственных политических проблем. У него были свои причины искать выход из ситуации, в которой он оказался к началу 1934 года. В ходе проведения XVII съезда ВКП(б), названного съездом «победителей», Сталин обнаружил, что несмотря на окончательный разгром всех существовавших в партии оппозиций, его положение не более прочно, чем несколько лет назад, до их устранения из элиты партии. Лидеры разгромленных группировок, присутствовавшие на съезде, признавали свои ошибки, каялись в грехах и просили у делегатов прощения за выступления против партийного «руководства и против вождя … товарища Сталина»[144]. Каменев, подытоживая речи всех «ранее заблуждающихся товарищей», заявил, что общей чертой трех «волн» оппозиции было «заострение всей борьбы… против Центрального Комитета и, конечно, против товарища Сталина как его вождя. Это была неизбежная черта любой возникшей контрреволюционной группки, как бы она ни называлась»[145].

Каменев клялся в верности и абсолютном доверии «к командиру, против которого … боролись» и который поборол их «правильно и справедливо». Поэтому на каждом из них «лежит обязанность всеми мерами, всеми силами, всей энергией противодействовать малейшему колебанию этого авторитета, малейшим попыткам в какой бы то ни было степени подорвать этот авторитет». Он подобострастно заявил, что полагает «того Каменева, который с 1925 по 1933 г. боролся с партией и ее руководством, политическим

трупом»[146]. Даже Бухарин, в несвойственной ему манере, обращаясь к генсеку писал: «Сталину, полководцу революционных сил, вождю партии, рулевому Советской страны»[147]. Однако все эти самоуничижения и превосходные эпитеты уже не могли спасти лидеров старой гвардии.

Восторженные выступления, хвалебные оценки, апологетические заявления звучали во всех без исключения выступлениях как «победителей», так и «обозников»[148]. Киров назвал доклад, сделанный Сталиным, «программой всей нашей работы», «самым ярким документом эпохи» и предложил «принять к исполнению, как партийный закон, все положения и выводы отчетного доклада товарища Сталина»[149]. После речи Кирова вождь отказался от заключительного слова, поскольку «прения на съезде выявили полное единство взглядов наших партийных руководителей … по всем вопросам партийной политики»[150]. Однако факты свидетельствуют, что полное единение партийной элиты было обманчивым. Вождю это стало ясно сразу, как только ему доложили результаты тайного голосования по выборам в ЦК. Шатуновская свидетельствует, что «при выборах в ЦК на съезде фамилия Сталина была вычеркнута в 292 бюллетенях. Сталин приказал уничтожить из них 289 … и в протоколе, объявленном съезду, было показано всего 3 голоса против Сталина»[151]. Но и в этом случае 12 членов вновь избранного ЦК имели результат голосования лучше чем у вождя, а еще четверо – такой же[152].

Согласно имеющимся данным, «невозможно безоговорочно утверждать – исчезла ли куда-то часть проголосованных бюллетеней, или 166 [разница между количеством делегатов с решающим голосом (1 225) и количеством бюллетеней, оказавшихся в урне для голосования (1 059)] делегатов с правом решающего голоса по каким-либо причинам не приняли участие в голосовании»[153]. Фальсификация итогов выборов была возможна и даже весьма вероятна, потому что до сего дня неизвестно сколько, было отпечатано бюллетеней и как ими распорядились. Однако наиболее убедительным аргументом в

пользу фальсификации итогов голосования является «сама трагическая судьба делегатов съезда»[154], нашедшая отражение в цифрах табл. 12[155].

Таблица 12

Судьба делегатов XVII съезда	Состав ЦК в целом	В том числе:	
		Члены ЦК	Кандидаты в члены ЦК
Незаконно репрессированы	97	44	53
В том числе в 1937 – 1939 гг.	93	42	51
Умерли своей смертью	32	20	12
Покончили самоубийством	5	3	2
Расстреляны за нарушения социалистической законности	4	3	1
Убит в результате покушения	1	1	–

Очевидно, что вождь и в этот раз не удовлетворился избранным составом партийной элиты. Объективно сложилось так, что почти все её члены вступили в партию до завершения гражданской войны (только 1 кандидат в члены ЦК вступил в партию в 1921 году), тогда как в общей массе коммунистов с таким стажем оставалось лишь 10%. Из 139 членов и кандидатов ЦК были избраны в этот руководящий партийный орган еще при жизни Ленина 37 человек. На избрание 41 человека могли оказать влияние оппозиционеры. Но 61 человек (13 членов и 48 кандидатов) оказались в составе Центрального Комитета исключительно благодаря Сталину, а 41 делегат (почти треть) в 1934 году избирался в состав ЦК впервые. Расчет вождя осуществить в ближайшее время рокировку партийной элиты просматривается вполне определенно. Однако большая часть отобранных (48 человек) и введенных в состав Центрального Комитета в 1930 и 1934 годах испытания не выдержали, доверие не оправдали и вскоре были репрессированы[156].

Если допустить, что Сталин действительно получил 292 голоса «против» от людей, большинство из которых он знал лично, кого приближал, вы-

двигал, кому доверял и на кого полагался, то вряд ли можно расценить данный факт иначе как крайне тревожный для него симптом. Такой вопиющий показатель ненадежности делегатов, которых, как ему казалось, весьма тщательно отфильтровал аппарат, вполне могло свидетельствовать о тайном заговоре. Ведь партийная элита в своем большинстве проголосовала за возвращение к активной политической жизни умеренных сил, еще недавно «отсеченных» от руководства партии по указанию вождя: Томский получил 801 позитивный бюллетень, Рыков – 858, Бухарин, главный идеолог правых, встреченный партийной элитой, собравшейся в зале, продолжительными аплодисментами[157], получил 978 голосов «за»[158]. Все три сталинских врага прошли в состав нового Центрального Комитета партии в качестве кандидатов.

В воспоминаниях Хрущева мы находим такую оценку анализируемых событий: «Кто мог голосовать против Сталина? Это могли быть только ленинские кадры. Нельзя было даже предположить, что Хрущев или подобные ему молодые люди, которые выдвигались при Сталине, могут проголосовать против него.

А вот старые партийцы, которые общались с Лениным, работали под его руководством, хорошо знали Ленина и чье завещание всегда оставалось в их памяти, конечно, не могли мириться с тем, что Сталин после смерти Ленина набрал к XVII съезду партии такую силу и перестал считаться с ними, стал вовсю проявлять те негативные черты своего характера, на которые указывал вождь-основатель. Вот они-то, видимо, и решили поговорить с Кировым и проголосовать против Сталина. Сталин понял, что старые кадры, которые находятся в руководстве, недовольны им и хотели бы его заменить, если это удастся. Эти люди имели возможность повлиять на делегатов очередного партсъезда и добиться изменений в руководстве»[159].

В нелояльности старой партийной элиты по отношению к себе вождь в очередной раз смог вполне убедиться, узнав о состоявшемся на квартире

Орджоникидзе[160] тайном совещании группы крупных партийных руководителей. В числе участников этого совещания, на котором обсуждался вопрос о замене Сталина на посту генсека Кировым, назывались Киров, Эйхе, Шеболдаев, Шарангович, Микоян, Косиор, Петровский, Орахелашвили, Варейкис[161], Оганесов и тот самый Мирзоян, которого Сталин в 1929 году рекомендовал «пока не добивать»[162].

Вождь еще в период царских ссылок хорошо изучил произведения Никколо Макиавелли, за чтением которых он провел немало часов[163]. «Когда снаружи мир, – писал этот итальянский политолог, – то единственное, чего следует опасаться, – это тайные заговоры»[164]. Сложившаяся обстановка не только не опровергала, но, казалось бы, напротив, подтверждала эту мысль. В партии открыто велись разговоры о том, что созрели условия для замены генсека, о невозможности высказывать свою волю, о назначениях партийных работников аппаратом ЦК и т.п.

Хрущев полагал, что инициатива проведения тайного совещания членов ЦК исходила от Шеболдаева, который был давним противником Сталина[165]. Именно он пришел к Кирову со словами: «Старики поговаривают о том, чтобы возвратиться к завещанию Ленина и реализовать его, то есть передвинуть Сталина, как рекомендовал Ленин, на какой-нибудь другой пост, а на его место выдвинуть человека, который более терпимо относился бы к окружающим. Народ поговаривает, что хорошо было бы выдвинуть тебя на пост генерального секретаря»[166]. Молотов считал, что разговор с Кировым вел Оганесов. «Мы, – рассказывал позднее Оганесов[167], – … вызвали Кирова на это совещание и говорим, что вот хотим его выдвигать Генеральным секретарем. И он нас высмеял, изругал: «Что вы глупости говорите! Какой я генеральный?». «Киров, – по словам Молотова, – все выложил Сталину. Рассказал подробно. … И я считаю правильно», что рассказал[168].

С.М. Киров, один из наиболее способных представителей новой генерации лидеров партии, наилучшим образом подходил под эталон сталинского

элитного субъекта. Он был вполне лояльной фигурой по отношению к вождю, работал много и добросовестно, был блестящим оратором, обладал литературными способностями (сказывался журналистский опыт), умел находить общий язык с другими партийными руководителями, не был слишком честолюбив и деспотичен. Кроме этого (для Сталина данный факт был на вес золота), Киров, еще в декабре 1929 года, обвинялся в сотрудничестве с газетой «Терек» находящейся в 1912-1917 гг. на антибольшевистских позициях[169]. Вопрос об этом обсуждался на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума КК с участием 48 высших деятелей партийного руководства. Резолюция специальной комиссии ЦК хранилась в кабинете Сталина под грифом «особая папка»[170] и могла быть извлечена на свет в удобный для вождя момент.

Молотов никогда не считал Кирова фигурой, равной по масштабу фигуре Сталина. «Ни один человек, – по его мнению, – после Ленина, … не сделал и десятой доли того, что (сделал) Сталин»[171]. Он утверждал, что между вождем и его окружением всегда было «огромное расстояние, целая лестница»[172], что никто из сталинской элиты не имел способностей, соответствующих вождю народа и лидеру партии. Молотов, вероятно из скромности, умолчал, что такая ситуация специально создавалась вождем и в начале тридцатых годов она, казалось бы, была достигнута. Услышав от Кирова об этом совещании, Сталин сказал ему: «Спасибо, я тебе этого не забуду!». Хрущев позднее особенно подчеркивал, что подобное заявление для Сталина вполне характерно: «в этом «спасибо» нельзя было понять, благодарит ли он Кирова за сообщение или же угрожает ему. Этот эпизод приоткрывает занавес над причиной, почему была организована затем мясорубка»[173], уничтожившая огромную часть старой большевистской элиты, которая занимала еще важнейшие партийные и государственные посты и пыталась вдохнуть какое-то подобие жизни в тоталитарную модель. Победу одержали силы, ввергшие страну в состояние анабиоза. В обществе ничего не должно было происхо-

дить помимо воли и желания вождя и его «ближнего круга», сосредоточенного в высших партийных и государственных инстанциях. Всех иных из этой группы устраняли (Табл. 13)[174].

Таблица 13

Репрессиям подверглись	Состав ЦК в целом	Из них:	
		Члены ЦК	Кандидаты в члены ЦК
Руководящие работники ЦИК и СНК СССР	6	6	–
Наркоматы СССР и союзных республик, их заместители и члены коллегий наркоматов	41	22	19
Секретари ЦК работники аппарата ЦК ВКП(б)	8	5	3
Работники Исполкома Коминтерна	3	3	–
Руководители местных партийных органов	44	22	22
Руководители местных советских органов	15	5	10
Работники общественных организаций	8	6	2
Военные деятели	8	2	6
Хозяйственные руководители	6	–	6
Итого:	139	71	68

Сталину было необходимо предпринять какие-то шаги, которые делали бы, в глазах всей партии, дальнейшее пребывание его высокопоставленных противников в руководстве ВКП(б) бессмысленным, вредным и очень опасным для будущего народа и страны. Ему необходимо было разработать технологию удаления «стариков» и продвижения молодых. Партийная масса (или ее часть) сама в категорической форме должна была потребовать «крови» ренегатов и объявить мнимых террористов террористами действительными. Такого события – повода слишком долго ожидать не пришлось. Сегодня трудно однозначно утверждать, что Сталин искусственно «подогрел» ситуацию, для этого нет достаточных оснований, но он единственный, кому было выгодно убрать Кирова. И 1 декабря 1934 года он был убит. Это единственный случай, когда жертвой покушения стал член Политбюро, секретарь

ЦК, первый секретарь Ленинградского обкома и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). Трагическая смерть этого человека, всколыхнувшая и партию, и страну, положила начало массовым репрессиям и очередной ротации элиты. Киров безусловно стоял в одном ряду с Орджоникидзе, Куйбышевым и Калининым, возможно, уступая только Молотову, Кагановичу и Ворошилову[175]. Это свалившееся на партию несчастье для вождя было наиболее желательно, а потому «полезно» (если бы оно не случилось, то нужно было бы придумать и организовать что-то подобное). Оно мгновенно легло в основание «правовой» базы репрессий и было использовано Сталиным для открытия охоты на «ведьм», окончательного утверждения собственного единовластия и ослабления роли и влияния элиты партии.

Моментально ужесточается контроль за кадрами партийных работников. Уже в январе 1935 года ЦК переводит в свою номенклатуру и начинает утверждать даже секретарей райкомов и горкомов ВКП(б) отстраняя от этой работы секретарей ЦК национальных компартий и обкомов. Всего номенклатурных работников находящихся на учете в Центральном Комитете насчитывалось, в общей сложности, 5 800 человек. Наибольшее их количество составляли первые и вторые секретари горкомов и райкомов – 5 275 человек. Заведующий отделом руководящих партийных органов ЦК Г.Маленков на февральско-мартовском Пленуме 1937 года говорил, что, утверждая состав секретарей тогда, в январе 1935 г., ЦК признал невозможным оставить в этом качестве 770 человек. В дальнейшем подбор кадров секретарей районного и городского уровней происходил в ходе кампании по обмену партийных документов. Перед ее началом, ЦК вместе с обкомами и крайкомами, ЦК национальных компартий дополнительно не утвердил еще 630 человек. «Таким образом, – подытожил Маленков, – с того времени, когда ЦК ВКП(б) ввел порядок утверждения секретарей районных комитетов, из представленных обкомами, частью вместе с ними, было отведено и освобождено от работы 1 400 человек секретарей райкомов. И все же после такого значительного

отбора секретарских кадров среди них ... было разоблачено 185 врагов партии, в том числе разоблачено троцкистов и зиновьевцев 84 человека, белогвардейцев и кулаков – 18 человек, жуликов – 17 человек, разложившихся – 16 человек»[176]. Иными словами, за два полных года (1935 и 1936) со своих постов было удалено 30% секретарского состава. В этот момент удар, в первую очередь, наносился по среднему звену партийных руководителей, являвшемуся основной опорой партийного «генералитета», – секретарей обкомов и ЦК национальных компартий, которые стояли на очереди. Сталину казалось, что если убрать эту «опору» из-под ответственных партийных работников областного и республиканского масштаба, то они окажутся совершенно беспомощными. Действительно, по возникшему к тому времени обычаю переведенные на новое место работы (а это происходило часто) партийные руководители возили за собой большую группу помощников и секретарей, которых расставляли на ключевые руководящие посты в подведомственном регионе или учреждении. Вождь усмотрел в этом стремление региональных лидеров укрепить собственные позиции, что в результате ослабляло его господствующее положение.

«Что значит, – откровенничал Сталин на печально знаменитом февральско-мартовском Пленуме, – таскать за собой целую группу приятелей ..., которые также коренным образом не связаны с ... (регионом)?. Это значит, что ты получил некоторую независимость от местных организаций и, если хотите, некоторую независимость от ЦК. У него своя группа, у меня своя группа, они мне лично преданы»[177]. В качестве примера вождь привел два случая, когда «люди ... подбираются не по политическому и деловому принципам, а с точки зрения личного знакомства, личной преданности, приятельских отношений, вообще по признакам обывательского характера...»[178]. Казалось бы, что в этом необычного? И Ленин, и сам Сталин старались использовать на руководящей работе хорошо знакомых и наиболее проверенных в деле людей. Однако то, что было позволительно вождям, в отношениях под-

чиненных не допускалось. Вдруг кто-то из них замахнется на роль лидера. «Взять т. Мирзояна, – разглагольствовал вождь. – Работает он в Казахстане, работал он раньше в Азербайджане долго, а после Азербайджана работал на Урале. Я его несколько раз предупреждал: не таскай за собой своих приятелей ни из Азербайджана, ни с Урала, а выдвигай людей в Казахстане, не отгораживайся от местных людей в Казахстане, потому что – что значит таскать за собой целую группу приятелей, дружков, из Азербайджана, которые коренным образом не связаны с Казахстаном? [...]. Вот, глядите, заведующий ОРПО Южно-Казахстанского обкома у него сидит Т. Бадабашьян, взятый из Азербайджана, секретарем Кустанайского обкома сидит т. Саакян, взятый из Азербайджана, секретарем Джата-Горийского райкома сидит у него Т. Саркисян, взятый из Азербайджана, секретарем Сайсанского райкома сидит у него т. Поузбикян, взятый из Азербайджана, секретарем Ленинского райкома сидит у него Айрапетян, взятый из Грузии. Я читаю справку аппарата ЦК...

Ну на что это похоже? – распалялся Сталин. Разве можно так подбирать людей! К чему это ведет, что тут хорошего может быть – я вас спрашиваю. Я ведь предупреждал т. Мирзояна, что нельзя так вести себя, что надо из местных людей подбирать кадры. А он, видите ли, свою группу создал лично ему преданных людей, подобрал не по большевистскому принципу людей, а среди них имеются и троцкисты. Но он надеется, что раз они ему преданы, они вечно будут с ним работать. А если его не станет там?» – угрожающе вопрошал генсек – «пусть скажет нам»[179]. Второй приведенный вождем пример – пример с Орджоникидзе: «Вот тоже т. Серго – он был у нас одним из первых, из лучших членов Политбюро, руководитель хозяйства. Высшего типа, я бы сказал. Он тоже страдал такой болезнью. Привяжется к кому-нибудь, объявит людей лично ему преданными и носится с ними, вопреки предупреждениям со стороны партии, со стороны ЦК. Сколько крови он себе испортил на то, чтобы цацкаться с Ломинадзе ... Сколько крови он

испортил на то, чтобы отстаивать против всех таких, как видно теперь, мерзавцев, как Варданян, Гогоберидзе, Меликсетов, Окуджава – теперь на Урале раскрыт. Сколько он крови себе испортил и нам сколько крови испортил, и он ошибся на этом, потому, что он больше всех нас страдал и переживал, что эти люди, которым он больше всех доверял и которых считал лично себе преданными, оказались последними мерзавцами»[180]. Сталин подкреплял свои аргументы тем фактом, что даже опытный человек и руководитель высшего типа может ошибаться. «Метод личного подбора людей гибелен, – внушал он своей элите, – тем более опыт таких людей, как Мирзоян и Войнов, которых я не могу считать руководителями высшего типа, но привожу, чтобы показать этот опыт, что эти люди подводят их и подводят партию. Этот метод подбора небольшевистский, я бы сказал, антипартийный метод подбора людей, с этим методом товарищи должны покончить, пока не поздно»[181]. С этими методами, заклейменными как «антипартийные», вождь начинает вести открытую войну. Меры партийно-политического воздействия с этого момента отодвигаются на второй план, а на первый выдвигаются методы, используемые органами государственной безопасности. Первый секретарь Саратовского крайкома ВКП(б) А.И. Криницкий в своем выступлении обратил внимание присутствующих, что «среди … работников аппарата … большинство (подвергшихся аресту) – это люди, которые были кооптированы. В немобкоме, – говорил он, – за три года, с января 1934 года из 97 человек членов … осталось 38, 11 кооптировано, из 9 членов бюро 6 кооптировано…»[182]. Первый секретарь Челябинского обкома К.В. Рындин отмечал, что в состав Челябинского обкома партии из 48 человек было кооптировано 30[183]. После февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б) было прямое указание ЦК запрещающее кооптацию[184], но это указание повсеместно нарушалось из-за невозможности выборным органам по другому осуществлять свою деятельность.

Арестовывая заместителей, помощников, выбивая, таким образом, «подпорки» из-под своих врагов (очевидно, что региональные лидеры кооптировали в состав партийных органов только верных себе людей), вождь усиливал собственные позиции, его авторитет становился непререкаемым. Под флагом активизации борьбы с весьма характерными для местных элитных кадров негативными проявлениями: зазнайством, подхалимством, хвастовством и саморекламой – велась работа по превращению региональных лидеров в простые передаточные механизмы. Авторитетные лица, могущие обходиться без «товарища Сталина», больше не требовались. Они представляли серьезную угрозу вождю. В качестве примера на пленуме приводились наиболее красноречивые эпизоды, имевшие место в Ярославской области и Казахстане. Первый секретарь Ярославского обкома А.Р. Вайнов, приехав в Красноперекопский район, сказал: «У вас что-то подозрительно тихо». После этого на всех собраниях, совещаниях, во всех местных газетах развернулась кампания по разоблачению «врагов народа» районного масштаба, сопровождавшаяся безудержным восхвалением не вождя и партии, а областного секретаря. Членам ЦК давали понять, что вовсе не «указание т. Вайнова вскрыло» врагов, а целенаправленная политика ВКП(б) ведет к их истреблению. «В Казахстане, – говорил Маленков, обнародуя случаи нескромного поведения некоторых представителей партийной элиты, – был пик Хан-Тенгри, что в переводе означает «Царь духов» … Теперь нет этого самого Хан-Тенгри. Бюро Казахского крайкома 14 сентября на своем заседании переименовало (в присутствии т. Мирзояна) в пик Мирзояна»[185].

Занимаясь самокритикой (а в этом Сталин предоставил полную свободу), члены Центрального Комитета отмечали, что неправильно подобранные люди (речь шла о коммунистах-специалистах, выпускниках Института Красной профессуры и других действительно элитных кадрах) возвеличивались, приобретали партийный авторитет с неимоверной быстротой, без достаточной проверки. Они «приобрели такой партийный авторитет, – гневно клей-

мил наиболее способных партийцев секретарь ЦК(б)У, кандидат в члены Политбюро Украинской компартии и кандидат в члены ЦК ВКП(б) Любченко, – который ослеплял не только рядовых коммунистов, а и руководящих … работников, ибо они рассматривали, что перед ними ортодоксальные носители марксистско-ленинской доктрины. Это возвеличивание шло по целому ряду путей. Первый – это кооптация, которая не вызывалась никакими обстоятельствами (?). Второй – монополия докладов. Третий – похвала, неимоверная похвала, кстати и не кстати, совершенно незаслуженная… они выглядят как особо доверенные, как особо необходимые работники и, конечно, они никем не контролируются…»[186].

Зная, что недалеко то время, когда сидящие в зале заседаний пленумов ригориствующие функционеры прервут свою успешную карьеру и сменят престижные и удобные кресла на тюремные нары, вождь не только подталкивал их к самобичеванию, но и ставил задачу подготовки кадров, способных сменить их у руля партийной инстанции. Пленум не мог не ощутить ужаса, охватившего зал в момент выступления Сталина, без обиняков потребовавшего: «надо … напрячься и подготовить каждому из вас себе двух замов... Будут ли они нынешние вторые секретари или какие-нибудь другие, более подходящие, это зависит … от вашей прозорливости и от вашего умения распознавать людей. Но замы должны быть настоящими замами, полноценными, способными вас заменить…»[187] и, далее: «мы не можем больше терпеть того, чтобы секретари подбирали себе в заместители замухрышек, людей на побегушках… ЦК будет требовать, чтобы замы были настоящие…»[188], а то «многие из вас боятся конкуренции, поэтому замухрышек выдвигают, а они вам дают плохую помощь»[189]. Эти слова произносились в аудитории обреченных и для них. В зале уже не было Пятакова, Сокольникова, Бухарина, Рыкова, Томского, отсутствовало большинство старой гвардии. В течение ближайших весенних и летних месяцев аресту подверглись 42 члена партийного руководства, а к зиме органами НКВД было арестованы еще 33 человека. Остальная

часть (около 20-ти человек) попала в тюремные застенки немого позднее[190]. На XVIII съезде ВКП(б) из этого состава были вновь избраны в ЦК только 24 человека. Трансформация элиты, осуществляемая такими темпами и по такой привычной схеме, больше напоминала очередную кадровую катастрофу, нежели постепенную и планомерную ротацию – обмена неугодных на более приемлемых. Причем вождю не требовалось подтверждений принадлежности к вражескому стану в виде срывов народнохозяйственных планов работы. Нет. Он прямо говорил, что не заметили троцкистов те товарищи, которые творили и продолжают творить чудеса в социалистическом строительстве. Сталин вывел, из всего этого, даже подобие теории: «Существуют опасности связанные с трудностями, а существуют опасности связанные с успехами – зазнайство, благодушие, головокружение от успехов», когда существо вопроса о борьбе с врагами маскируется успехами и достижениями. Гнилая теория, что там где перевыполняется план нет вредительства»[191].

Исключения из партии и аресты, буквально на глазах «выкашивали» партийные организации. За партийными секретарями началась настоящая охота. Первых и вторых секретарей райкомов, горкомов и канткомов в Саратовском крае в 1934 г. было смещено с постов 27; в 1935 г. – 10; в 1936 г. – 17; за четыре месяца 1937 г. – 14[192]. Были освобождены от должности и арестованы два первых секретаря обкома, два вторых секретаря, председатель облисполкома (бывший второй секретарь Саратовского обкома), пять заведующих отделами обкома партии (ОРПО, сельскохозяйственного, печати, финансово-хозяйственного и особого сектора). Все сотрудники ОРПО и сельхозотдела последовали за своими начальниками. Всего в аппарате Саратовского обкома аресту с 15 по 25 июля 1937 г. было подвергнуто 50 человек[193].

Первый секретарь Саратовского обкома А.И. Криницкий, занимавший этот пост с февраля 1934 года, партийными инстанциями не причислялся ни к троцкистам, ни к зиновьевцам, ни к правым. II Пленум Областного Комите-

та ВКП(б) состоявшийся 17-18 июля 1937 г. постановил: «полностью одобрить решение ЦК о снятии Криницкого с поста 1-го секретаря обкома за неоднократное проявление слабости в деле руководства и безнадежную слепоту к врагам народа, которыми он оказался окружен»[194]. Такое решение принималось на фоне уже проведенных репрессий по отношению к 430 членам партии и 561 кандидатам. Руководящих партийных работников в области было заменено 233[195].

Маленков, высоко оценивая мероприятия партии по искоренению «врагов народа», радужными красками расписывал, какими интеллектуальными ресурсами она теперь обладала. Существенные перемены коснулись, по его мнению, повышения общеобразовательного уровня членов ВКП(б). «За последние 10 лет, – говорил он, – у нас значительно вырос общеобразовательный и культурный уровень коммунистов. Если в 1927 г. коммунистов с высшим образованием было в партии 9 600 человек, то сейчас, в 1937 г., коммунистов с высшим образованием у нас имеется в партии 105 тыс. человек. Если со средним и незаконченным высшим образованием у нас в партии в 1927 г. было 23 тыс. человек, то сейчас, в 1937 г., у нас в партии имеется 267 тыс. человек…». Реализация лозунга партии об овладении техникой потребовала за те же 10 лет подготовить определенное количество коммунистов с высшим техническим образованием. «В 1927 г., – продолжал Маленков, – в партии было всего 751 коммунист с высшим техническим образованием. Сейчас, в 1937 г., мы имеем 47 тыс. коммунистов с высшим техническим образованием. Мы имеем в партии, кроме того, 41 тыс. техников, имеющих среднее техническое образование, мы имеем 5 тыс. агрономов с высшим техническим образованием, 4 тыс. агротехников со средним техническим образованием»[196]. Однако студенческая молодежь и интеллигентские кадры относилась к наиболее подозрительным слоям общества. Только за три первых месяца 1936 года в Саратовском крае по обвинению в «контрреволюционной деятельности» было арестовано 248 человек (100 бывших членов ВКП(б)) при-

надлежавших к «троцкистско-зиновьевским организациям и группам», из них по 28-ми групповым делам – 173 человека, среди которых 53 студента и 17 преподавателей[197].

Между тем, жалобы членов Центрального Комитета на плохие качественные характеристики партийных работников из-за низкого общеобразовательного уровня продолжались и не единожды звучали на пленумах ЦК и Областных комитетов партии. Иллюстрируя свои слова, один из самых молодых партийных работников в составе ЦК ВКП(б), приводил такой пример: «секретарей парткомов и парторгов в нашей организации 2 353 человека … Из них с высшим образованием 86 (3,7%) человек, со средним – 350 (14,9%) человек и 1917 (81,4%) человек с низшим образованием…». Но далее в своей речи, он, не слишком вникший в политику ЦК, допустил серьезную политическую ошибку, посчитав, что его положение в партии дает ему право решать, каких лиц следует продвигать в партийную элиту. Он самоуверенно заявил пленуму: «Сейчас … будут выбираться секретарями парткомов и техники, и даже инженеры. По-моему, инженер может быть выбран секретарем парткома»[198]. Такого своеволия ему не простили. Ведь только один человек мог делать подобные выводы, и замахиваться на его прерогативу означало подвергать себя смертельному риску.

Во всех партийных организациях уже свирепствовали органы НКВД, возглавляемые «не умеющим останавливаться» Н.И. Ежовым. Секретарь ЦК А.А. Андреев в своем выступлении говорил о троцкистском окружении партийного руководства Азово-Черноморского края. Он приводил «основные факты: 5 членов бюро крайкома оказались троцкистами, арестованными. 27 членов крайкома оказались троцкистами, арестованными… Все секретарские посты в городах были заняты троцкистами. […]. Во всех … городах, как правило, первые и вторые секретари оказались троцкистами. Вот в Ростове – Колотилин, первый секретарь, и второй секретарь – троцкисты, в Таганроге – Варданян, в Шахтах – Любарский, Сагоян – троцкисты. Краснодар – Рывкин

– троцкист, Буров – троцкист. Новочеркасск – Шейнин – троцкист, Сочи – Лапидус – троцкист. Новороссийск – Ваньян – троцкист.

Мог ли избежать крайком такого позорного положения? – вопрошал Андреев. И сам же отвечал – Да, мог, если бы он прислушивался к тем предупреждениям и сигналам, которые … шли со стороны ЦК. […]. Однако крайком ограничился только принятием этого дела к сведению, а отнюдь не к исполнению…[…]. 20 заведующих агитпропов оказались троцкистами, 20 заведующих отделов крайкома»[199]. Андреев бил по заранее определенной цели – Б.П. Шеболдаеву, некоторое время работавшему первым секретарем Азово-Черноморского края, организатору заговора по выдвижению на пост генсека Кирова. Андрееву помогал Берия: «Как же вы брали Вартаняна, когда его из Закавказья вышибли? Гогоберидзе (голосовал против исключения Троцкого) был тесно связан с Ломинадзе»[200]. Шеболдаева обвиняли в том, что он с умыслом отбирал в свое окружение людей обиженных, снятых с работы в партийных организациях других краев, областей и республик[201]. Сам Сталин в борьбе с Троцким использовал этот прием, и ему казалось совершенно ясным, каким образом должны были быть использованы «обиженные» враги. «Вы, т. Шеболдаев, – вопрошали у него на пленуме, – почему подбирали людей, которых братские компартии выкидывали?». Шеболдаев искренне и с недоумением отвечал: «Доверял я людям, у меня не было даже мысли, что они могут быть врагами. Я не думал, что этот слой людей может оказаться врагами, шпионами, диверсантами и т.д.»[202]. Но мода на недоверие и нелояльность уже устанавливала свои порядки: «Никому не верить на слово, – говорил вождь на декабрьском Пленуме ЦК (1936г.), – врага надо искать, а мы не искали и не думали, что враг этот есть…»[203]. Практически в каждом выступлении элитных субъектов приводились данные о количестве «разоблаченных» и арестованных ответственных и руководящих партийных работников. Е.Г.Евдокимов назвал 161 человека, которые были «уличены» как троцкисты, зиновьевцы и правые оппортунисты и которые работали на

партийном работе[204]. Борьба с оппозиционерами затронула даже колхозные структуры. Только в одном районе Киевской области в 1936 году по этой причине отстранили 31 (из 67) председателя колхоза и 80 (из 153) бригадиров[205].

Когда народный комиссар водного транспорта Н.И. Пахомов, заговорил о «засоренности» аппарата наркомата троцкистами, сказал об имеющемся у него списке на 77 человек, 2/3 из которых уже арестовано, – это вызвало в зале общий смех, а Сталин недовольно бросил: «Маловато что-то»[206]. Вождь требовал жертв, и чем больше их было, тем лучше. Но его жажда уничтожения должна была быть покрыта мраком таинственности, скрыта за толстыми стенами тюремных казематов, в лубянских подвалах, в далеких колымских лагерях, за туманной формулировкой: «осужден без права переписки». Когда украинские газеты попытались публиковать списки арестованных «врагов», главный редактор «Правды» Л.З.Мехлис их весьма жестко «поправил»: «Киевские товарищи не представляют себе, что сплошное разоблачение в газетах материала о троцкистах создает ложное представление об удельном весе троцкистов в стране»[207]. Для режима всякая объективная, исходящая из официальных органов информация была крайне вредна, она могла нанести ему существенный ущерб, подорвать авторитет партии и вождя и в стране, и за ее пределами. Сталин, в своей элитной среде, пытался создать впечатление, что он занимает центристскую, в определенном смысле даже либеральную позицию. Радикальное требование о предании суду с предопределенным смертным приговором Бухарину и Рыкову, исходившее от части комиссии ЦК по этому вопросу, он не поддержал, а настоял на передаче дела в НКВД[208]. Ему не было необходимости устраивать открытые кровавые драмы и выступать в роли палача, когда вполне можно было сделать все тайно, без излишнего шума.

Вождь выступил в защиту «балласта» – пассивных коммунистов. Ему не нужны были особо активные, грамотные, инициативные и независимые

партийцы, ведь именно из таких формировались оппозиционные оппортунистические группы, которых в партии больше быть не должно. Разумеется, это делалось под лицемерным лозунгом заботы о рядовых партии: «мы проявили много бесчеловечности, бюрократического бездушия в отношении судеб отдельных членов партии», – «сочувственно» говорил он; «такое отношение к рядовому члену партии … это помощь вредителям, троцкистам, врагу вообще. <…> Это дает зацепку троцкистам, врагам нашим, дает им резерв, дает им армию. Сами по себе троцкисты никогда не представляли большой силы в нашей партии»[209]. Сталин был обеспокоен тем обстоятельством, что в стране исключенные из партии уже численно превосходят действующую партию. Приведенный им пример Коломенского завода весьма красноречив: «членов партии (на нем) сейчас имеется 1 400 человек, а бывших членов и выбывших с этого завода или исключенных – 2 тыс., и это на одном (только) заводе…»[210]. Вероятно, вспомнив убийцу Кирова, Сталин говорил, «что не все исключенные примирятся со своим положением» и могут перейти в стан троцкистов, что нельзя исключать только за пассивность и плохое знание марксизма. «Если человек признает нашу программу, принял ее за основу, если он работает в одной из наших партийных организаций, если он платит членские взносы … это полноправный член партии. Нельзя требовать от каждого члена партии, чтобы он усвоил марксизм. Я, – сказал под веселое оживление присутствующих Сталин, – не знаю, многие ли члены ЦК усвоили марксизм? Многие ли секретари обкомов, крайкомов усвоили марксизм? Это вроде бы не беда. […]. Нельзя же требовать этого от каждого члена партии. Это глупо». Вождь назвал ошибкой наказывать исключением провинившегося простого человека. «У наших людей нет другой меры, кроме исключения, как одно время было у нас в уголовной практике – либо расстрелять, либо оправдать, как будто нет промежуточной ситуации»[211]. Такого шанса партийно-политической элите вождь не предоставлял. Сразу после февральско-мартовского пленума ЦК, из состава членов ЦИК, постфактум выводят всех

неугодных. Этих людей лишают постов, званий и заслуженных орденов[212]. Элитный субъект, даже в случае малейшего подозрения, попадал в жертвенник системы и истреблялся, по мере надобности, верховным жрецом. Лишь малой части старой партийной гвардии удалось доказать свою полезность на этом свете.

Лучше всего разбиралась в событиях происходящих в стране, тайная полиция. Лейтенант государственной безопасности Мешик откровенно говорил на допросе арестованному бывшему секретарю ЦК ВЛКСМ Мильчакову: «Такие, как ты, отжили свой век, хотя ты и не старый. Вы цепляетесь за жалкие побрякушки советской и партийной демократии, самокритики. Кому, к черту, они нужны? Вы не поняли изменившейся обстановки. Нужен обновленный, новый режим и прежде всего твердая власть, возглавляемая сильным «хозяином». Пришла эпоха Сталина, а с нею – и новые люди, занимающие все позиции в аппарате. В авангарде новых кадров идет гвардия Сталина, чекисты. И мы сметем всех, кто нам мешает или может стать помехой. Если хочешь знать, мы, чекисты, – партия в партии. Мы вычистим из рядов партии половину всякого хлама, вроде так называемой «старой гвардии» и лиц, связанных со стариками, со взглядами вчерашнего дня. Около миллиона людей, состоящих в партии, мы уже, наверно, вытряхнули. Об этом на днях будет сказано в отчете Центрального Комитета XVIII съезду партии, а остальные будут перевоспитаны. Они пойдут за нами, за Сталиным, как миленькие. Они займут ваши места во всех аппаратах и будут дорожить оказанным им доверием. Вот ты сидишь в тюрьме, будешь расстрелян или сгниешь в лагере. По директиве Инстанции вашему брату Военная коллегия лепит кругленькие приговоры: пятнадцать, двадцать, двадцать пять лет. Трижды можно подохнуть, не на курорт поедете… Ты твердишь: «Я ни в чем не виноват». И я знаю, ты не совершал никаких преступлений. Но тебя надо убрать, ты нам не нужен. И я никогда не скажу, что ты не виновен, так как не хочу сесть на твое место. К тому же Каганович, да что Каганович, – сам Сталин благосло-

вил твой арест. Тут уж железная логика: либо ты, либо я. Понял? Песня твоя спета. Аминь...»[213]. Этот весьма неглупый лейтенант сделал при Сталине блестящую карьеру, стал министром госбезопасности Украины, правой рукой Берия, получил несчетное количество орденов, дослужился до чина генерал-лейтенанта и был уничтожен системой, верным рабом которой был.

Чтобы опорочить, оклеветать большевистских гвардейцев, использовались любые средства: подлог, слух, сплетня, откровенная ложь и клевета. Беззаконие оправдывалось легко и просто: «Причем тут закон? – говорил на исходе собственной жизни Каганович. Если правые, причем тут закон?»[214]. Ему вторил Молотов: «Какое нужно было еще доказательство вины, когда мы и так знали, что они виноваты, что они враги!»[215].

Молох репрессий обрушивался не на тех, кого можно было удалить из партийного руководства без ущерба для дела, а на наиболее способных представителей властвующей элиты. Профессионализм, опыт и компетентность плохо сочетались с бессловесной покорностью и механической исполнительностью. М.С.Горбачев в своих воспоминаниях отмечал, что огромная ответственность возложенная на плечи первого секретаря Обкома, члена ЦК, депутата Верховного Совета СССР сочеталась с почти полным отсутствием прав и финансовых возможностей необходимых для решения проблем. Он не мог изменить структуру областной партийной организации, перекроить штаты, взять несколько толковых работников на хорошую зарплату. «Вместо них, – пишет Горбачев, – вынужден держать пятнадцать низкооплачиваемых, из которых невозможно создать хорошую команду. Москва для всех установила жесткие рамки. В конечном счете это приводит к тому, что аппарат управления становится все более некомпетентным»[216]. Положение сложившееся при Сталине предъявляло члену элитной группы два основных требования: личной преданности и способности сделать план. Все остальное было несущественно или малосущественно[217].

До середины 80-х годов сохранялась обстановка при которой действительные элитные качества являлись тем «недостатком», за который их обладателям пришлось расплачиваться. На самый верх, как правило, поднимались руководители особенно не переживавшие за моральные аспекты своих действий. Качества партийного руководителя оценивались с точки зрения способности достигнуть поставленной цели. Об уме, тем более совести ЦК, Секретариат, Политбюро почти всегда забывали. Властвующая элита, ее партийно-политические кадры упорно переводилась в состояние квазиэлиты и удерживалась в этом положении слишком долго. Феномен партийно-политической элиты состоял в том, что она играла ключевую роль в системе власти. Это была главная опора режима цементирующая весь строй. Свою власть она получала не от народа, а из рук высшего политического руководства, как правило лично генерального секретаря. В этом состояла ее уязвимость и двойственность положения. Каждая элитная персона прекрасно знала, что она тут же лишится и должности, и власти, как только о ней изменится мнение на самом верху, будет потеряно доверие генсека. Сотрудничество члена элитной группы постепенно замещалось на соперничество, затем на завистливую ревность. Подобные отношения были круто замешаны на амбициях и низменных чувствах. Сталинская номенклатура постоянно подчеркивала приверженность ленинским идеалам, но всегда испытывала «чувство глубокого удовлетворения» узнавая, что у соседа дела идут хоть немного хуже. Такие настроения не были безобидными, они вели к ухудшению качественных характеристик элитных субъектов и, в конечном счете, деградации всего социально-политического строя.

Примечания к пятой главе

[1] Письма И.В.Сталина – В.М.Молотову. С. 140.

[2] РГАСПИ, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 162, л. 137.

[3] Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Каталог. Т. 1. С. 577.

[4] Там же. Т. 1 и 2.

[5] Там же. Т. 2. С. 7, 9, 10, 11, 18, 19, 22.

[6] РГАСПИ, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 467, л. 15.

[7] См.: Коэн. С. Указ. соч. С. 414.

[8] ЦДНИ СО, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 1, л. 92.

[9] Там же. Л. 93.

[10] Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 101-115.

[11] Сталин и кризис пролетарской диктатуры // Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 201.

[12] Там же. № 12. С. 193.

[13] Там же. № 3. С. 159.

[14] Там же.

[15] Там же. С. 157.

[16] РГАСПИ, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 467, л. 3.

[17] ЦДНИ СО, ф. 594, оп. 1, ед. хр. 576, л. 13.

[18] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 2. С. 241.

[19] Вопросы истории. 1995. № 7. С. 18.

[20] Там же.

[21] Чуев Ф. Так говорил Каганович. С. 90.

[22] Там же. С. 59.

[23] Куманев Г.А. О чем вспоминал П.К. Пономаренко // Отечественная история. 1998. № 5. С. 134.

[24] Политбюро 15 апреля 1926 г. принимает решение опубликовать письмо В.И. Ленина (от 1917 г. о его разногласиях с Зиновьевым и Каменевым). Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Каталог. Т. 1. С. 452.

[25] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 2. С. 239.

[26] См.: Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 2. С. 281.

[27] Там же. С. 239.

[28] РГАСПИ, ф.17, оп. 3, ед. хр. 800, л. 15.

[29] ЦДНИ СО, ф. 594, оп. 1, ед. хр. 273, л. 10.

[30] Письма И.В. Сталина – В.М. Молотову. С. 156.

[31] Там же. С. 229-230.

[32] РГАСПИ, ф.17, оп. 3, ед. хр. 804, л. 8.

[33] Там же. Ед. хр. 793, лл. 21-23.

[34] Там же. Л. 7.

[35] Письма И.В. Сталина – В.М. Молотову. С. 196.

[36] Политбюро ЦК РКП(б) – ВКПБ(б). Каталог. Т. 2. С. 72.

[37] Там же. С. 839.

[38] Письма И.В. Сталина – В.М. Молотову. С. 145.

[39] Там же. С. 159-160.

[40] Там же. С. 194.

[41] ГАРФ, ф. 5446, оп. 17, ед. хр. 491, л. 11.

[42] ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 7, пор. 523, л. 123.

[43] Письма И.В. Сталина – В.М. Молотову. Примечания. С. 231-232.

[44] См. там же. С. 232.

[45] Цит. по: Геллер Ю. Сталинский нарком // Огонек. 1989. № 13. С. 30.

[46] Письма И.В.Сталина – В.М.Молотову. С. 247, 249.

[47] Хрущев Н. Воспоминания. С. 232-233.

[48] Ракоши М. Видел, как возникает культ личности // Источник. 1997. № 1. С. 116.

[49] Там же. С. 118.

[50] См.: Чуев Ф. Молотов: Полудержавный властелин. С. 312.

[51] Там же.

[52] Трояновский О. Через годы и расстояния. С. 156.

[53] Хрущев Н. Воспоминания. С. 232.

[54] Разгон Л. Непридуманное. С. 9-10.

[55] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 2. С. 244-245.

[56] Ракоши М. Указ. соч. С. 118.

[57] Чуев Ф. Так говорил Каганович. С. 192-193.

[58] Хрущев Н. Воспоминания. С. 234.

[59] Чуев Ф. Так говорил Каганович. С. 193.

[60] Среди личных архивов членов Политбюро хранящихся в РГАСПИ, архив Г.М. Маленкова самый скромный и содержит всего одну небольшую опись основное содержание которой составляют стенограммы выступлений на различных партийно-хозяйственных активах.

[61] Медведев Р. Они окружали Сталина. С. 277.

[62] Шепилов Д.Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 3. С. 11.

[63] Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1974. С. 531.

[64] Разгон Л. Непридуманное. С. 14.

[65] Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сб. док. С. 202, 203.

[66] Жирнов Е. Маршал на все руки // Власть (коммерсант). 2000. № 7. С. 52, 53.

[67] Антонов-Овсеенко А. Берия. С. 19.

[68] Судоплатов П.А. Спецоперации. С. 68.

[69] См. там же. С. 324.

[70] И примкнувший к ним Шепилов: Правда о человеке, ученом, воине, политике. М., 1998. С. 126.

[71] Там же. С. 221.

[72] Каганович Л.М. Памятные записки. С. 566.

[73] Пономарев А. Н.С. Хрущев и репрессии 30-х годов. С. 161.

[74] Вопросы истории. 1991. № 12. С. 56.

[75] И примкнувший к ним Шепилов. С. 132.

[76] Пономарев А. Указ. соч. С. 162.

[77] Цит. по: Пономарев А. Указ. соч. С. 163.

[78] Куманев Г.А. О чем вспоминал П.К. Пономаренко // Отечественная история. 1998. № 5. С. 134, 135.

[79] Там же. С. 164.

[80] Шепилов Д.Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 3. С. 3.

[81] Там же. С. 11.

[82] Подсчитано автором по Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Каталог. Т. 2.

[83] В архиве ЦДНИ СО, ф. 594, оп. 1, ед. хр. 970 существуют документы под грифом «Особый сектор. Секретная часть. Компрометирующие материалы на членов ВКП(б)» содержащие большое количество доносов основанных на клевете, слухах, сплетнях и домыслах.

[84] Козлов В. Феномен доноса // Свободная мысль. 1997. № 4. С. 99-112.

[85] Там же. С. 99.

[86] Там же.

[87] Судоплатов П. Указ. соч. С. 100.

[88] ЦДНИ СО, ф. 594, оп. 1, ед. хр. 970, л. 105.

[89] РГАСПИ, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 467, л. 47.

[90] Судоплатов П. Указ. соч. С. 505.

[91] ЦДНИ СО, ф. 594, оп. 1, ед. хр. 1534, л. 4.

[92] Судоплатов П. Указ. соч. С. 508.

[93] Кузнецов Н.Г. Накануне. М.: Воениздат, 1969. С. 308.

[94] Измозик В.С. Политический контроль в Советской России. 1918-1928 годы // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 50.

[95] Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Каталог. Т. 1. С. 725.

[96] ЦДНИ СО, ф. 594, оп. 1, ед. хр. 28, л. 18.

[97] Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Каталог. Т. 2. С. 204.

[98] Кокурин А., Петров Н. ОГПУ: структура, функции, кадры (1929 – 1934) // Свободная мысль. 1998. № 9. С. 103.

[99] Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Каталог. Т. 2. С. 374.

[100] Там же. С. 382, 393.

[101] ЦА ФСБ РФ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 185, л. 134.

[102] Там же. Л. 192.

[103] Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Каталог. Т. 2. С. 586.

[104] Судоплатов. П. Указ. соч. С. 508.

[105] Маленков Г.М. // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 9.

[106] РГАСПИ, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 186, л. 5.

[107] Там же. Л. 4.

[108] Там же. Л. 13.

[109] Там же. Л. 5.

[110] Там же. Л. 11; ЦДНИ СО, ф. 594, оп. 1, ед. хр. 664, л. 1-14.

[111] Там же. Ед. хр. 177, л. 15.

[112] Там же. Л. 16.

[113] Там же.

[114] Там же. Ед. хр. 208, л. 91.

[115] Вопросы истории. 1995. № 4. С. 8.

[116] Вернадский В.И. Дневник 1938 // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. В 2 т. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы. М., 1997. С. 459, 465, 469.

[117] Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 201.

[118] См.: Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1997.

[119] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 2. С. 184.

[120] Губерман И.М. Пожилые записки. М., 1999. С. 290.

[121] Левин М. Бюрократия и сталинизм // Вопросы истории № 3. С. 27.

[122] Табл. 10 и 11 составлены автором на основании данных, опубликованных в Известиях ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 82-113.

[123] Таблица составлена автором на основании данных РГАСПИ (ф.17, оп. 7, ед. хр. 467, л. 30).

[124] РГАСПИ, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 467, л. 15.

[125] Там же. Ед. хр. 186, л. 4.

[126] Сталин В.И. Выступление на февральско-мартовском (1937г.) Пленуме ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 21.

[127] РГАСПИ, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 467, л. 3.

[128] Сталин И.В. Выступление на февральско-мартовском (1937г.) Пленуме ЦК ВКП(б) С. 21.

[129] Чуев Ф. Так говорил Каганович. С. 138.

[130] Там же. С. 151.

[131] Там же. С. 139.

[132] Там же. С. 81, 140.

[133] Там же. С. 140.

[134] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 2. С. 210.

[135] Там же. С. 211.

[136] Там же. С. 210

[137] Чуев Ф. Так говорил Каганович. С. 139-140.

[138] Там же. С. 48-49.

[139] См.: Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. С. 242.

[140] См. там же. С. 311.

[141] Там же. С. 313.

[142] См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 343-348.

[143] Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 1995. С.138.

[144] ВКП(б). Съезд, XVII-й. Москва. 1934. Стенографический отчет. М., 1934. С. 119.

[145] Там же. С. 516-521.

[146] Там же.

[147] РГАСПИ, ф. 329, оп. 2, ед. хр. 6, л. 87.

[148] Так саркастически Киров назвал побежденных оппозиционеров.

[149] ВКП(б). Съезд, XVII-й. С. 252.

[150] Там же. С. 259.

[151] Аргументы и факты. 1990. № 22. С. 5.

[152] Подсчитано автором на основании данных, опубликованных в «Известиях ЦК КПСС» 1989. № 7. С. 118.

[153] Там же. С. 121.

[154] Там же.

[155] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 87.

[156] Подсчитано автором на основании данных опубликованных в «Известиях ЦК КПСС» (1989. № 12. С. 82-113).

[157] Правда. 1934 г. 31 января.

[158] Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 118-119.

[159] Хрущев Н.С. Воспоминания. С. 78.

[160] Молотов говорил, что это было где-то в зале во время перерыва. См.: Чуев Ф. Молотов: Полудержавный властелин. С. 374.

[161] См.: Роговин В. Сталинский неонэп. М., 1995. С. 52.

[162] Чуев Ф. Молотов: Полудержавный властелин. С. 373-374.

[163] См.: Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879-1929. С. 196.

[164] Макиавелли Н. Государь. М., 1990. С. 55.

[165] Еще в сентябре 1928 года партийная конференция, проходившая под руководством Б.П. Шеболдаева, в резолюции по отчету Бюро ЦК ВКП(б) Нижне-Волжского Края, заявила о необходимости «решительной отмены чрезвычайных мер в деле хлебозаготовок и меры помощи индивидуальным мелким и средним крестьянским хозяйствам» (ЦДНИ СО, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 1, л. 73).

[166] Хрущев Н.С. Воспоминания. С. 77.

[167] Роговин утверждает, что эти слова произнес Шеболдаев. См.: Роговин В. Сталинский неонэп. С. 52.

[168] Чуев Ф. Молотов: Полудержавный властелин. С. 374.

[169] Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Каталог. Т. 1. С. 746.

[170] Там же.

[171] Чуев Ф. Молотов: Полудержавный властелин. С. 318.

[172] Там же.

[173] Хрущев Н.С. Воспоминания. С. 77.

[174] Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 82.

[175] См.: Роговин В. Сталинский неонэп. С. 73.

[176] Маленков Г.М. Выступление на февральско-мартовском (1937г.) Пленуме ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 7-8.

[177] Сталин И.В. Выступление на февральско-мартовском (1937г.) Пленуме ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 13.

[178] Там же.

[179] Там же. С. 13-14.

[180] Там же. С. 14.

[181] Там же.

[182] Криницкий А.И. Выступление на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 4-5.

[183] См.: Рындин К.В. Выступление на февральско-мартовском (1937г.) Пленуме ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 22.

[184] ЦДНИ СО, ф. 594, оп. 1, ед. хр. 1534, л. 5.

[185] Вопросы истории. 1995. № 10. С.10.

[186] Там же. С. 14.

[187] Там же. 1995. № 4. С. 17.

[188] Там же. С. 18.

[189] Там же. 1995. № 11-12. С. 7.

[190] Подсчитано автором на основании данных приведенных в «Известиях ЦК КПСС» (1989. № 12. С. 82-113).

[191] ЦДНИ СО, ф. 594, оп. 1, ед. хр. 887, л. 13-16.

[192] Там же. Ед. хр. 1003, л. 1-3.

[193] Там же. Л. 4-6.

[194] Там же.

[195] Там же. Ед. хр. 877, л. 119, 141

[196] Маленков Г.М. Выступление на февральско-мартовском (1937г.) Пленуме ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1995. № 5. С. 6.

[197] Архив УФСБ РФ СО. Фонд архивно-следственных дел. Оп. 2, ед. хр. 24300, 25111, 26196.

[198] Вопросы истории. 1995. № 4. С. 8.

[199] Андреев А.А. Выступление на февральско-мартовском (1937г.) Пленуме ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 4, 10.

[200] Вопросы истории. 1995. № 4. С. 15.

[201] Политбюро уже приняло постановление «Об ошибках секретаря Азово-Черноморского крайкома Шеболдаева и неудовлетворительном политическом руководстве крайкома ВКП(б). (Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Каталог. Т. 2. С. 829).

[202] Там же.

[203] Там же. С. 17.

[204] Там же. С. 10.

[205] Там же. 1995. № 7. С. 16.

[206] Там же. 1994. № 2. С. 16.

[207] Там же. 1995. № 7. С. 13

[208] Там же. 1994. № 1. С. 12.

[209] Там же. 1995. № 4. С. 20-21.

[210] Там же. С. 21.

[211] Там же.

[212] ГАРФ, ф. Р – 7523, оп. 4, ед. хр. 21, 23, 33.

[213] Мильчакова Н. «Писать все-таки надо!..» // Реабилитирован посмертно. М., 1988. Вып. 2. С. 128-129.

[214] Чуев Ф. Так говорил Каганович. С. 77.

[215] Чуев Ф. Молотов: Полудержавный властелин. С. 478.

[216] Горбачев М.С. Жизнь и реформы. В 2 кн. Кн. 1. М., 1995. С. 149.

[217] Там же. С. 114.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая рассмотрение проблем возникновения, становления и трансформации большевистской политической элиты, можно сформулировать ряд наиболее общих выводов.

Формирование российской революционной социал-демократии как особой социально-политической группы, ориентированной на захват государственной власти, происходило на рубеже XIX – XX веков и осуществлялось в результате закономерного воздействия процессов объективного и субъективного характера. Ее роль определялась убеждением, что с помощью властных ресурсов возможно решать любые общественные проблемы. Декларируя в программных установках РСДРП равенство всех членов партийной организации, борющейся за социальную справедливость, не превратилось в панацею от «олигархического вождизма». Партия, не успев еще окончательно оформиться, почти мгновенно, разделяется на управляющее меньшинство и управляемое большинство. Возникает революционная партийная элитная группа борющаяся за исключительное право принятия окончательных политических решений. Особенности российской ментальности и политического режима, сложившегося к началу XX столетия, неуклонно влекли за собой постоянное возрастание значимости харизматического революционного вождя в формировании такой группы. Эту роль истории было угодно возложить на В.И.Ленина, который прекрасно осознавал, что добиться лидирующих позиций в самой партии, а тем более завоевать с ее помощью политическую власть в стране будет невозможно, если не удастся создать сплоченное, сильное, по военному образцу построенное, строго централизованное, дисциплинированное и авторитетное партийное ядро. Эту сложнейшую задачу удалось успешно решить на первом этапе возникновения и становления партийно-политической элиты. Продвижение Ленина к позициям общепризнанного

вождя революционной организации сопровождалось усилением его желания безраздельно влиять на весь селекционный процесс, что привело к острым противоречиям с соратниками по уставным вопросам, расколовшим партийную организацию на большевиков и меньшевиков. Осуществляя план создания собственной элитной группы, Ленин настоятельно вводил в нее наиболее полезных для дела борьбы за власть партийцев, признающих, к тому же за ним право на политическое лидерство. Эти люди впоследствии и составили группу, получившую наименование «большевистской гвардии». Именно большевистская гвардия, используя свой качественный потенциал, смогла в революционный период повести за собой и неэлитные слои.

После октября 1917 года власть в России оказалась в руках отобранных лично вождем организаторов нелегальных комитетов, пропагандистов и агитаторов обладавших мощными разрушительными возможностями. Сила большевистской партийной элиты в революционной борьбе должна была состоять, по мнению вождя, в умелом соединении негативного заряда отрицательных эмоций, вызванных противоречивостью реалий повседневности народа, и мощного позитивного потенциала утопических обещаний и заверений в полной их теоретической состоятельности и практической осуществимости.

Главным принципом подбора в большевистскую элитную группу на этапе ее формирования был объективный учет всех качественных характеристик, меры оптимального соответствия делу подготовки насильственной революции тех или иных партийных персоналий. Четко определив задачи борьбы, он настойчиво и целеустремленно вычленял из среды революционно настроенной молодежи наиболее приспособленных для их решения лиц. Ленин лично выявлял достоинства кандидата в элиту, определял наиболее желательные качества и намечал место, которое элитный субъект должен был занять в партийной иерархии. Прагматизм подобного подхода позволил вождю сформировать группу, подчиненную единой революционной воле и су-

мевшую, используя ситуацию 1917 года, завоевать и, опираясь на насилие, удержать государственную власть.

Успешно осуществляя массовые разрушительные акции, привлекая на свою сторону широкие неэлитные слои, революционная большевистская элита после захвата власти изменения своего статуса, практически сразу, столкнулась с существенными трудностями созидательного характера, так как качественные черты ее членов значительно отличались от тех, которые требовались в новых исторических условиях. Превосходство волевых свойств, необходимых в борьбе за власть, над интеллектом, опытом, образованием и специальными навыками, важными при строительстве совершенно нового общества, объясняют преобладание в деятельности элиты партии наиболее простых, доступных неграмотным массам, политических лозунгов и насильственных приемов и методов, могущих дать быстрые позитивные результаты.

Второй этап ставил задачу сохранения власти в руках большевистской политической элиты. Во многом его успех зависел от объема собственного авторитета и влияния партийной элитной группы. Решение этой задачи большевики связывали не с выработкой долгосрочной эффективной политики, а с использованием насилия и популистских средств агитационно-пропагандистского характера, поэтому они настойчиво объясняли низкий уровень социально-экономического положения трудящихся не собственной стойкой неспособностью кардинально изменить ситуацию в стране, а происками международного империализма и внутренних врагов Советского государства.

Соперничество за лидирующие позиции и властные полномочия различных элитных персоналий партии явилось основой грядущих конфликтов, кризисов и оппозиционных расколов. Столкновения революционеров, вернувшихся из эмиграции, с постоянно действующими в России, «старой гвардии» с амбициозной молодежью, представителей культурных слоев партии с людьми лишенными образования и не осознающими его ценность, опытных

партийных работников с несведущими, а также вождей между собой оказывали негативное влияние на всю политику РКП(б) – ВКП(б). Они существенно усложняли ход созидательных преобразований, отвлекали силы и внимание от творческих процессов, мешали продвижению вперед.

Путь реализации стратегических планов большевистской элитной группы пролегал через попытку практического осуществления марксистских теоретических установок. Постановка столь широкомасштабного эксперимента по преобразованию общества на коммунистических началах постоянно натыкалась на трудности тактического характера. Оказалось, что лидерам большевистской партии значительно сложнее договориться между собой о приемах, методах, последовательности выполнения созидательных мер, определения приоритетов авторства основных политических акций и народнохозяйственных проектов, чем разрушить старый режим. Усилившиеся разногласия обостряли внутриэлитную напряженность, создавали взрывоопасную обстановку, подвигали партию к катастрофе. Старая большевистская гвардия не желала понимать, что ресурс ее полезности в значительной мере исчерпан революцией и гражданской войной. Она подбиралась и готовилась исключительно для революционного захвата власти, в ее среде почти невозможно было отыскать компетентных администраторов-управленцев, людей обладающих необходимыми знаниями, опытом и способностями управленцев. Это ставило вождя-основателя перед альтернативой: научить революционеров работать в новых условиях, либо, в случае неудачи этого замысла, сформировать новую элитную группу, обладающую требуемыми качествами созидателей. Именно этими обстоятельствами, в первую очередь, были вызваны трансформационные явления набравшими силу в начале 20-х годов. Значительная часть революционной элиты откровенно не хотела вникать в сущность происходящих перемен и мириться с ролью простой исполнительницы чужой воли. Вокруг властных полномочий начинают разгораться яростные схватки, появляются устойчивые оппозиционные группы («левые коммуни-

сты», «военная оппозиция», «рабочая оппозиция», «группа демократического централизма» и т.д.), сложилась ситуация, когда вожди во властвующую элиту стали выдвигать не столько компетентных, сколько всецело преданных им представителей партии. Преданность среди качественных характеристик партийных кадров в условиях неразберихи и анархии выступала важнейшей и всячески поощряемой величиной. Для лидеров РКП(б), постоянно нуждающихся в безоговорочном одобрении и поддержке собственных инициатив, она оказалась особенно полезной. В результате преданность приобрела первостепенное значение из-за полного отсутствия иных средств и источников применения исполнительской дисциплины. Поэтому у вождей и была столь острой нужда в наиболее верных соратниках, которых они старательно подбирали, группировали вокруг себя, выдвигали на важнейшие партийные, государственные и хозяйственные посты. Однако объективные потребности не могли не предоставить шанс на выдвижение в элиту и лицам, обладающим в партии более редкими, и поэтому очень ценимыми, административными качествами: компетентностью, ответственностью, деловитостью, серьезностью и твердостью поступков, усидчивостью, умением оценивать людей и обстоятельства. Обладание специальными знаниями и опытом в той отрасли работы, на которую человек направлялся, открывало возможность действительно элитным персоналиям подняться по служебной лестнице значительно выше. Это одновременно порождало массу завистников из амбициозной и плохо образованной среды рвущейся к власти и привилегиям. Общее невежество победившего класса вступает в вопиющее противоречие с настоятельной потребностью в компетентности, опытности и образованности, присущих действительной политической элите. Партийная гвардия, сосредоточив всю полноту власти в собственных руках, была способна на эффективную деятельность лишь в отношении самой себя. Стремление любыми путями сохранить достигнутое (а при некоторой удаче и приумножить его), объясняет весьма жесткую политику в отношении беспартийных конкурентов.

Кроме того (и это особенно важно), внутри самой партийной элиты возникают субэлиты. Их вожди, являясь профессиональными революционерами, ориентировались на постоянную борьбу за власть. После смерти Ленина в схватке за обладание властными ресурсами последовательно сходились Троцкий с Зиновьевым, Каменевым и Сталиным; Троцкий, Зиновьев, Каменев со Сталиным, Бухариным, Рыковым и Томским; Бухарин, Рыков, Томский со Сталиным. При этом Троцкий группировал вокруг себя специалистов, наиболее способную часть партии, образованный ее слой; Зиновьев и Каменев делали ставку на «старую гвардию» состоящую, главным образом из эмигрантов, и в среде которой они пользовались куда большим влиянием и авторитетом, чем кто-либо другой; Бухарин выбирал себе в помощники наиболее перспективную и теоретически подготовленную составляющую молодого поколения партийцев, Рыков – хозяйственников-прагматиков, Томский – известных организаторов рабочей массы состоящей из верхушки профсоюзов. Сталин в этих обстоятельствах предпочитал для борьбы со своими конкурентами аппарат и выдвигал в партийную элиту (привлекая рядовую массу карьерными возможностями) рабочих «от станка» и крестьян «от сохи».

Сталин, ставший генеральным секретарем Центрального Комитета РКП(б) и лидером аппарата, последовательно устранял не только покровителей соперничающих элитных групп, но и решительно расправлялся с ними самими, безжалостно «выкорчевывая» целые субэлиты. Между этими силами и развернулась ожесточенная борьба, ценой которой, на первых парах, были должность, влияние и привилегии, а затем и сама жизнь.

Наиболее острая схватка происходила между старой партийной гвардией и поколением молодых карьеристов страстно желавших обрести респектабельное положение в обществе, занять в нем господствующие позиции. Внутриэлитное столкновение за более высокие политические посты, дающие возможность воздействовать на выработку и принятие важнейших решений, еще более обострилось. С одной стороны действовали известные всей стране

революционеры, положившие на дело государственного переворота здоровье, благополучие семьи, личную жизнь и ожидавшие вознаграждения за понесенные жертвы, с другой, – молодые и напористые честолюбцы, основным, а иногда и единственным, «достоинством» которых было неуемное стремление воспользоваться представившейся возможностью и быстро взобраться на властную пирамиду. Именно эта группа и составила фундамент сталинской номенклатуры, которая, при помощи своего лидера, постепенно монополизировала все властные политические посты в партии и стране.

Целенаправленный процесс централизации и концентрации власти при вожде-охранителе приобретает характер устойчивой тенденции: демократические ценности элитная группа большевистской партии открыто презирала и жестоко преследовала те политические силы, которые их абсолютизировали. Формальный демократизм, по мнению руководства РКП(б), должен был быть подчинен революционной целесообразности, а не абстрактному политическому принципу. Демократические органы советской власти постепенно, но неуклонно утрачивают свое значение. Предпринимались максимальные усилия для сведения влияния коллегиальных учреждений и организаций к минимуму. Возобладала точка зрения, состоящая в том, что коллегиальность была необходима лишь на ранней стадии социалистического строительства, а при устоявшихся государственных формах осуществление практической работы должно быть связано с единоначалием. Единоначалие, по мнению большевистских вождей, «наилучшим образом использует человеческие способности», раскрывает и приумножает их позитивный потенциал. При этом на вооружение необходимо было брать опыт армии, когда у командира в руках сосредоточивается вся власть. Такой опыт, на взгляд властвующих лидеров, ничем заменить нельзя. Он способен не только помочь удержаться у власти, но и, сформировав строгую ее вертикаль, обеспечить систему «эффективного» и масштабного управления.

Создание подобной системы требовало кадров единоначальников-администраторов, беспрекословно исполняющих директивы вышестоящих инстанций. Полагаться и дальше, как это было в первое послереволюционное время, только на личные связи, сколь обширными бы они ни были, становилось невозможно. Именно поэтому Центральный Комитет РКП(б), выполняя резолюцию VIII съезда, принимает решение об организационном оформлении учетно-распределительной системы формирования кадров партийной элиты. В ЦК создается специальный учетно-распределительный отдел, к функциям которого относилось: «действительное обеспечение идеологического и политического соответствия» партийных работников занимаемым должностям; гарантированное обеспечение руководящего влияния партии в деле подбора кадров госаппарата и хозяйственных органов; систематический пересмотр и осуществление важнейших назначений в государственных и хозяйственных структурах; учет работников в направлениях, намеченных распределительной работой; изучение резервов партии, в частности обучающихся в комвузах и практическое их выдвижение на руководящую работу; организационное оформление учетной, распределительной и организационной систем.

Организационное укрепление этого направления работы сопровождалось переходом от ориентации на количественные показатели к показателям качественным. ЦК РКП(б) отказался от признанной «неосуществимой и вредной» мысли сосредоточить в Центральном Комитете учет решительно всех членов партии, а учраспреду заниматься их распределением непосредственно. Руководство партии пришло к выводу о необходимости учета и распределения лишь в отношении руководящих кадров партии, государственных и хозяйственных учреждений, вошедших в категорию номенклатуры ЦК (т.е. работников уездного, губернского, областного и всероссийского масштаба, назначение или перемещение которых могло быть осуществлено только по распоряжению ЦК).

Стратегический план завоевания партийной элитой господствующего положения в жизни страны базировался на двух взаимодополняющих принципах: один выдвигал требование обособления партийных работников от работников иных общесоветских организаций, при строгих субординационных связях, другой предписывал коммунистам, работавшим в правительственных и хозяйственных учреждениях, полное подчинение решениям соответствующих партийных структур. Логика деятельности учраспредотдела ЦК последовательно вела, во-первых, к созданию института ответственных лиц, во-вторых, – к единоначалию; в-третьих, – к установлению диктатуры партийной элиты над всеми другими элитными группами советского государственного и хозяйственного аппарата. Главное – это корректировка работы советских, военных, чекистских и хозяйственных структур по образцу и подобию структуры партии.

Партийный аппарат, выполняя установки своего лидера Сталина, достаточно быстро взял на персональный учет всех секретарей партийных организаций, вплоть до районного (в городах) и уездного (в сельской местности) уровня, и всех оппозиционеров. Составлялись специальные досье, в которых были собраны данные на членов и кандидатов в члены большевистской элиты по трем основным показателям: как о партийцах, как о специалистах и как о людях. Власть, сосредоточившись на самом «верху», осуществляла передачу управленческих команд и решений сверху вниз. Сталин, превратившись после смерти Ленина в высшего иерарха, распределял весь объем необходимых, по его мнению, действий в партии, возлагая ответственность за каждую ее часть на отдельные элементы собственной элитной группы.

Под воздействием объективных и субъективных причин, влияющих на ротационные и трансформационные процессы, происходящих во властвующей элите, роль и значение старой партийной гвардии как особой, мощной политической силы резко снижалась, а роль номенклатурных кадров, руководителей «нового» типа, постоянно росла. Вынужденно отступая, старая

большевистская гвардия постепенно утрачивала способность к сопротивлению. Усилившееся давление сталинского аппарата и стоящего за ним «агрессивно-послушного большинства» заставляло старых партийцев выбирать: покориться, либо погибнуть.

Партийная гвардия, которую некоторые историки не всегда справедливо называли революционной интеллигенцией, не годилась для интенсивной работы по ускоренному развитию экономической мощи Советской Союза. Она не отвечала новым критериям. Однако те, кого готовили ей на смену, не были лучшими. От предшественников их отличало безграничная вера в мудрость вождя, готовность выполнить любой его приказ, при этом нисколько не задумываясь над его последствиями. Катастрофичность положения с кадрами элитного уровня у большевиков была сформулирована еще Лениным, который с отчаянием констатировал, что найти хороших наркомов в условиях постреволюционной России, используя партийный источник и принципы формирования, невозможно. Необходимость длительной и кропотливой работы по подбору и проверке на пригодность элитных кадров была совершенно очевидной.

Сталин, превратившись в вождя-охранителя, перешел к использованию новых селекционных приемов. В элиту он стал отбирать себе подобных. Властвующие посты стали переходить к эпигонам и фарисействующим приспособленцам. Общий курс трансформации сводился к замене самостоятельных и даровитых людей посредственностями, которые обязаны были своим выдвижением сталинскому аппарату и лично вождю. Желающие быть ближе к Сталину вынуждены были не только подстраиваться под его психологический склад, но и перенимать приемы и методы работы и, даже, копировать внешность. Хамство, грубость, нелояльность – качества, резко критикуемые Лениным, – становятся в элитной среде нормой. В арсенале руководящих методов новых партийных функционеров появились грубые окрики, брань, матерщина, пьянство, доносительство. Сталин, боясь конкуренции, считал, что

движение кадров в элиту должно осуществляться не через длительное обучение наукам, а через получение практических навыков. Неподготовленность, неопытность и необразованность из явно отрицательных качеств, одновременно с возвышением Сталина, превращались в востребованные. Однако члены сталинской элитной группы обладали качествами твердости, цепкости, настойчивости, упорства, хитрости и беспощадности в отношениях к соперникам. Внимание вождя можно было привлечь рабской покорностью, активной деятельностью по точному исполнению его предписаний, способностями и изворотливостью проявляемыми в работе. Не обладающие необходимым минимумом свойств, волей тоталитарного режима превращенных в элитные качества, члены сталинской группы никогда не рекомендовали вождю для выдвижения тех, кто хоть немного превосходил их самих. Тоталитарная политическая система не допускала, чтобы управляемые элементы были способнее и талантливее управляющих, а управляющие были проще и слабее управляемых. Именно поэтому из сталинской элитной группы постепенно и неуклонно «выдавливались» самые полезные для дела, но не устраивающие вождя или его ближайшее окружение, элементы. Закон неустойчивого равновесия побуждал стремящихся к вершинам власти приспосабливаться, ловчить.

Главным уроком, извлеченным нами из анализа проблемы большевистской партийно-политической элиты, является то, что в соответствии с установленными режимом и его лидерами требованиями, в элиту выдвигались не наиболее сильные, образованные, обладающие специальными знаниями и опытом люди, способные осуществлять свою деятельность эффективно и рационально, а людей слабых, управляемых, с готовностью подчиняющихся воле партийных лидеров. Такая элита неизбежно деградирует и придет в упадок. Разлагаясь сама, она обрекает на загнивание и распад объект своего управления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Опубликованные документы КПСС

1.1 РСДРП. Съезд, II. Протоколы. Июль-август 1903. М.: Госполитиздат, 1959. 850 с.

1.2 РСДРП(б). Съезд, III. Протоколы. Апрель-май 1905. М.: Партиздат, 1937. 578 с.

1.3 РКП(б). Съезд, VII, Петроград. 1918. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1962. 401 с.

1.4 РКП(б). Съезд, VIII, Москва. 1919. Стенографический отчет. М.: Коммунист, 1919. 415 с.

1.5 РКП(б). VIII конференция РКП(б). Протоколы. М.: Политиздат, 1961. 315 с.

1.6 РКП(б). Съезд, IX, Москва. 1920. Стенографический отчет. М.: Госиздат, 1920. 412 с.

1.7 РКП(б). IX конференция РКП(б). Протоколы. М.: Политиздат, 1972. 392 с.

1.8 РКП(б). Съезд, X, Москва. 1921. Стенографический отчет. М.: Госиздат, 1963. 915 с.

1.9 РКП(б). Съезд, XI, Москва. 1922. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1961. 873 с.

1.10 РКП(б). Съезд, XII, Москва. 1923. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968. 903 с.

1.11 РКП(б). XIII конференция РКП(б). Бюллетень. М.: Красная новь, 1924. 232 с.

1.12 РКП(б). Съезд, XIII, Москва. 1924. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. 883 с.

1.13 РКП(б). XIV конференция РКП(б). 1925. Стенографический отчет. М.: Госиздат, 1925. 335 с.

1.14 ВКП(б). Съезд, XIV, Москва. 1925. Стенографический отчет. М.: Госиздат, 1926. 1029 с.

1.15 ВКП(б). II пленум ЦКК созыва XIV съезда. Стенографический отчет. М.: Госиздат. 1926. 338 с.

1.16 ВКП(б). Съезд, XV, Москва. 1927. Стенографический отчет в 2 ч. Ч. 1-2. М.: Госполитиздат, 1961-1962.

1.17 ВКП(б). XV конференция ВКП(б). 26 октября – 3 ноября 1926 г. Стенографический отчет. М.-Л., 1927. 773 с.

1.18 ВКП(б). XVI конференция ВКП(б). 1929. Стенографический отчет М.: Госиздат, 1929. 336 с.

1.19 ВКП(б). Съезд, XVI, Москва. 1930. Стенографический отчет в 2 т. М.: Партиздат, 1935.

1.20 ВКП(б). III Пленум ЦКК ВКП(б). Июль 1931. М.: Московский рабочий, 1931. 96 с.

1.21 ВКП(б). XVII конференция ВКП(б). 1932. Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1932. 296 с.

1.22 ВКП(б). Съезд, XVII, Москва. 1934. Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934. 713 с.

1.23 ВКП(б). Съезд, XVIII, Москва. 1939. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1939. 774 с.

1.24 XX съезд КПСС. Стенографический отчет. В 2 т. М.: Госполитиздат, 1956.

1.25 XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. В 3 т. М.: Госполитиздат, 1962.

1.26 Программа российской коммунистической партии (большевиков) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М.: Политиздат, 1983. С. 71-92.

1.27 Шахтинское дело и практические задачи в деле борьбы с недостатками хозяйственного строительства. Резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) 6-11 апреля 1928 г. // КПСС в резолюциях… Т. 4. М.: Политиздат, 1970. С. 84-93.

1.28 Материалы декабрьского (1936 г.) Пленума ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 3-18.

1.29 Материалы февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1992. № 2-12; 1993. № 2, 5-9; 1994. № 1, 2, 6, 8, 10; 1995. № 1-3.

1.30 Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР (1923-1927). В 4 т. М.: Терра, 1990.

1.31 Дело Берия. Пленум ЦК КПСС – 2-7 июня 1953 г. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1-2.

1.32 В.И. Ленин и Я.М. Свердлов – Л.Д. Троцкому и поручение секретарю. 12 декабря 1918 г. // Вопросы истории КПСС. 1991. № 4. С. 6-7.

1.33 Документы Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30 – 40-х и начала 50-х годов // Известия ЦК КПСС. 1989. № 1-2, 4-12; 1990. № 1-2, 9-12; 1991. № 6-7.

1.34 Политический архив // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1-8.

1.35 Письма Н.И. Подвойского И.В. Сталину и Л.Д. Троцкому о всевобуче и вооруженных силах республики (1922 г.) // Вопросы истории КПСС. 1990. № 8. С. 26-31.

1.36 Письма Н.И.Бухарина – Ф.Э.Дзержинскому, В.В.Куйбышеву, Г.К.Орджоникидзе // Вопросы истории КПСС. 1988. № 11. С. 42-50.

1.37 Письма И.В. Сталина – В.М. Молотову (1925-1936). Сб. док. М.: Россия молодая, 1995. 303 с.

1.38 Из архивов партии. Деятельность Центрального Комитета партии в документах (события и факты) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 1-12, 1990. № 1-10, 12.

1.39 Троцкий защищается. Конспект заключительных речей тт. Троцкого и Сталина на совместном заседании пленумов ЦК и ЦКК с представителями 10-ти пролетарских парторганизаций 26 октября 1923 г. // Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 32-43.

1.40 Автобиография Г.Е.Зиновьева // Вопросы истории КПСС. 1990. №7. С. 58-63.

1.41 *Луначарский А.В.* – Жене: «Письма мои к тебе, конечно, исторические». (март – декабрь 1917г.) // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11,12; 1991. № 2.

1.42 Новый документ В.И. Ленина. Протокол допроса о провокаторе Р.В.Малиновском. 26 мая 1917 года // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11. С. 20-26.

1.43 Платформа «Союза марксистов-ленинцев» // Известия ЦК КПСС. 1990. № 8-12.

1.44 Была ли откровенной исповедь? (Материалы партийной чистки Н.И.Бухарина в 1933 г.) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1, 3.

1.45 Я бы хотел, чтобы ... на опыте моих ошибок товарищи научились. (Материалы партийной чистки А.И. Рыкова в 1933 г.) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 6, 7.

2. Архивные материалы

Российский государственный архив современной политической истории. (РГАСПИ)

Центральный комитет РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б). Материалы учетно-распределительного, организационно-распределительного отделов, отдела руководящих партийных органов и статистического отдела ЦК КПСС за 1919 – 1939 гг. Личные фонды членов Политбюро ЦК.

2.1 **Ф. 17.** Оп. 1, ед. хр. 1, ед. хр. 2, ед. хр. 3, ед. хр. 4, ед. хр. 9; Оп. 2, ед. хр. 3, ед. хр. 12, ед. хр. 22, ед. хр. 23, ед. хр. 26, ед. хр. 54, ед. хр. 60, ед. хр. 62, ед. хр. 110, ед. хр. 112, ед. хр. 114, ед. хр. 220, ед. хр. 238, ед. хр. 239; Оп. 3, ед. хр. 793, ед. хр. 800, ед. хр. 804, ед. хр. 890; Оп. 7, ед. хр. 162, ед. хр. 177, ед. хр. 186, ед. хр. 208, ед. хр. 465, ед. хр. 467, ед. хр. 540; Оп. 34, ед. хр. 3, ед. хр. 12, ед. хр. 26, ед. хр. 238, ед. хр. 239; Оп. 68, ед. хр. 53, ед. хр. 59, ед. хр. 428-430; Оп. 69, ед. хр. 137, ед. хр. 138, ед. хр. 259; Оп. 74, ед. хр. 7, ед. хр. 167, ед. хр. 168, ед. хр. 267.

2.2 **Ф. 81** (Л.М. Кагановича): Оп. 3, ед. хр. 8, ед. хр. 18, ед. хр. 19, ед. хр. 70, ед. хр. 80, ед. хр. 90, ед. хр. 99, ед. хр. 100.

2.3 **Ф. 82** (В.М. Молотова): Оп. 2, ед. хр. 12, ед. хр. 146, ед. хр. 147, ед. хр. 170, ед. хр. 180.

2.4 **Ф. 83** (Г.М. Маленкова): Оп. 1, ед. хр. 5, ед. хр. 9, ед. хр. 10, ед. хр. 13, ед. хр. 17.

2.5 **Ф. 323** (Л.Б. Каменева): Оп. 1, ед. хр. 375, ед. хр. 417, ед. хр. 591; Оп. 2, ед. хр. 287, ед. хр. 321, ед. хр. 463.

2.6 **Ф. 324** (Г.Е. Зиновьева): Оп. 1, ед. хр. 507, ед. хр. 510, ед. хр. 543, ед. хр. 544; Оп. 2, ед. хр. 1, ед. хр. 2, ед. хр. 3, ед. хр. 4, ед. хр. 26, ед. хр. 67.

2.7 **Ф. 325** (Л.Д. Троцкого): Оп. 1, ед. 580, ед. хр. 588, ед. хр. 600; Оп. 2. Ед. хр. 62, ед. хр. 95, ед. хр. 96.

2.8 **Ф. 329** (Н.И. Бухарина): Оп. 2, ед. хр. 5, ед. хр. 6.

2.9 **Ф. 558** (И.В. Сталина): Оп. 11, ед. хр. 8, ед. хр. 88, ед. хр. 89, ед. хр. 94.

2.10 **Ф. 593** (М.П. Томского): Оп. 1. Ед. хр. 104, ед. хр. 109, ед. хр. 271.

2.11 **Ф. 669** (А.И. Рыкова): Оп. 1. Ед. хр. 4, ед. хр. 5.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Документы Президиума ЦИК СССР, Секретариата Президиума ЦИК СССР, Президиумов ЦИКов союзных республик (1923 – 1938 гг.)

2.12 **Ф. Р – 3316.** Оп. 9, ед. хр. 186; Оп. 10, ед. хр. 51, ед. хр. 60; Оп. 13, ед. хр. 28, ед. хр. 82; Оп. 15, ед. хр. 30, ед. хр. 99, ед. хр. 143; Оп. 31, ед. хр. 102, ед. хр. 111, ед. хр. 114, ед. хр. 139; ед. хр. 140, ед. хр. 167, ед. хр. 212; Оп. 32, ед. хр. 112, ед. хр. 136, ед. хр. 184, ед. хр. 269, ед. хр. 270, ед. хр. 271; Оп. 60, ед. хр. 10, ед. хр. 11, ед. хр. 12, ед. хр. 18, ед. хр. 19, ед. хр. 20, ед. хр. 21.

Документы комиссии по расследованию контрреволюционной вредительской деятельности групп специалистов на предприятиях и в учреждениях. (1921-1940 гг.)

2.13 **Ф. Р – 5446.** Оп. 17, ед. хр. 4, ед. хр. 73, ед. хр. 91.

Документы Совета Народных Комиссаров СССР (1923-1952).

2.14 **Ф. Р – 7523.** Оп. 4, ед. хр. 21, ед. хр. 24, ед. хр. 33.

Центральный архив Федеральной Службы Безопасности
Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ)

Фонды рассекреченных материалов секретного делопроизводства, фонд архивно-следственных дел, материалы заседаний «троек», фонды секретно-политического отдела ОГПУ по Нижне-Волжскому краю, материалы Полномочного Представительства ОГПУ по НВК.

2.14 **Ф. 2.** Оп. 6, пор. 567; Оп. 7, ед. хр. 8, пор. 523; Оп. 8, ед. хр. 22, ед. хр. 29, ед. хр. 35, ед. хр. 40, ед. хр. 162, ед. хр. 329, ед. хр. 504, ед. хр. 539, ед. хр. 653, ед. хр. 679, ед. хр. 681, ед. хр. 682; Оп. 9, ед. хр. 21.

2.15 **Ф. 66.** Оп. 1, ед. хр. 185.

Центр документации новейшей истории Саратовской области.
(ЦДНИ СО)

Материалы оргкомиссии, учетно-распределительного отдела, организационно-распределительного и организационно-инструкторского отделов, от-

дела руководящих партийных органов, статистического и особого секторов Саратовского губкома, Нижне-Волжского крайкома, Саратовского крайкома и обкома коммунистической партии за 1919 – 1939 гг.

2.16 **Ф. 27.** Оп. 1, ед. хр. 30, ед. хр. 31, ед. хр. 40, ед. хр. 50, ед. хр. 267, ед. хр. 286, ед. хр. 290, ед. хр. 481, ед. хр. 483, ед. хр. 485, ед. хр. 487, ед. хр. 630, ед. хр. 631, ед. хр. 770, ед. хр. 771, ед. хр. 844; Оп. 2, ед. хр. 10, ед. хр. 11, ед. хр. 12, ед. хр. 14, ед. хр. 255, ед. хр. 279, ед. хр. 285, ед. хр. 441, ед. хр. 442, ед. хр. 443, ед. хр. 1045; Оп. 3, ед. хр. 1, ед. хр. 97, ед. хр. 264, ед. хр. 502, ед. хр. 506, ед. хр. 890, ед. хр. 923; Оп. 4, ед. хр. 2, ед. хр. 8, ед. хр. 441, ед. хр. 445, ед. хр. 447;

2.17 **Ф. 55.** Оп. 1, ед. хр. 1, ед. хр. 2, ед. хр. 5, ед. хр. 52, ед. хр. 73, ед. хр. 102, ед. хр. 103, ед. хр. 141, ед. хр. 187, ед. хр. 326, ед. хр. 327; Оп. 2, ед. хр. 8, ед. хр. 20.

2.18 **Ф. 594.** Оп. 1, ед. хр. 1, ед. хр. 2, ед. хр. 4, ед. хр. 27, ед. хр. 28, ед. хр. 238, ед. хр. 239, ед. хр. 258, ед. хр. 273, ед. хр. 272, ед. хр. 288, ед. хр. 358, ед. хр. 382, ед. хр. 519, ед. хр. 541, ед. хр. 542, ед. хр. 552, ед. хр. 576, ед. хр. 577, ед. хр. 578, ед. хр. 579, ед. хр. 616, ед. хр. 664, ед. хр. 877, ед. хр. 879, ед. хр. 887, ед. хр. 888, ед. хр. 893, ед. хр. 909, ед. хр. 930, ед. хр. 970, ед. хр. 1003, ед. хр. 1266, ед. хр. 1267, ед. хр. 1268, ед. хр. 1530, ед. хр. 1534, ед. хр. 1535.

Архив управления Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации Саратовской области (УФСБ РФ СО)

2.19 **Ф. 1.** Оп. 1, ед. хр. 26; Оп. 2, ед. хр. 13.

2.20 **Фонд** архивно-следственных дел. Оп. 2. Ед. хр. ОФ-12756, ОФ-18119, ОФ-18435; ОФ-18728, ОФ-21313, ОФ-22112, ОФ-22407, ОФ-22445, ОФ-23111, ОФ-24135, ОФ-24300, ОФ-25116, ОФ-26196, ОФ-27107, ОФ-27213, ОФ-34014.

2.21 **Фонд** рассекреченных материалов ПП ОГПУ по НВК. Ед. хр. 1.

2.22 **Фонд** рассекреченных материалов СПО НКВД по Саратовскому краю. Ед. хр. 12, ед. хр. 15, ед. хр. 19, ед. хр. 22.

2.23 Протоколы заседаний тройки ОГПУ по НВК. Ед. хр. 1.

2.24 **Фонд Р-6210.** Архивно-следственных дел. 1918-1938 гг. Оп. 2. Ед. хр. 20586, ед. хр. 20 671, ед. хр. 20698, ед. хр. 20 776, ед. хр. 20 899.

3. Труды государственных и политических деятелей

3.1 *Андропов Ю.В.* Учение К. Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. М.: Политиздат, 1983. 31 с.

3.2 *Бухарин Н.И.* Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. 499с.

3.3 *Бухарин Н.И.* Избранные труды. Л.: Наука, 1988. 504 с.

3.4 *Дзержинский Ф.Э.* Избранные речи и статьи. 1908-1926. М.: Политиздат, 1947. 391 с.

3.5 *Дзержинский Ф.Э.* Речь на открытии IV конференции губернских чрезвычайных комиссий // Исторический архив. 1957. № 5. С. 183-192.

3.6 *Красин Л.Б.* Контроль или производство//Огонек.1989. № 24.С.10-13.

3.7 *Ленин В.И.* Насущный вопрос. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 193-198.

3.8 *Ленин В.И.* С чего начать? Полн. собр. соч. Т. 5. С. 1-13.

3.9 *Ленин В.И.* Что делать? Полн. собр. соч. Т. 6. С. 1-192.

3.10 *Ленин В.И.* Шаг вперед, два шага назад. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 185-414.

3.11 *Ленин В.И.* Государство и революция. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 1-120.

3.12 *Ленин В.И.* Удержат ли большевики государственную власть? Полн. собр. соч. Т. 34. С. 287-339.

3.13 *Ленин В.И.* Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 43-59.

3.14 *Ленин В.И.* Очередные задачи Советской власти. Полн. собр. соч. Т. 36. 165-208.

3.15 *Ленин В.И.* Набросок плана научно-технических работ. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 228-231.

3.16 *Ленин В.И.* I Конгресс Коммунистического Интернационала. 2-6 марта 1919. Полн. собр. соч. Т. 37. С.487-511.

3.17 *Ленин В.И.* Собрание партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 207-233.

3.18 *Ленин В.И.* Набросок правил об управлении Советскими учреждениями. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 365-368.

3.19 *Ленин В.И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 235-338.

3.20 *Ленин В.И.* Речь на заседании Московской общегородской конференции РКП(б). Полн. собр. соч. Т. 37. С. 428-429.

3.21 *Ленин В.И.* О кандидатуре М.И. Калинина на пост председателя ВЦИК. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 223-226.

3.22 *Ленин В.И.* Отчет Центрального Комитета. Полн. собр. соч. Т. 38. С.131-150.

3.23 *Ленин В.И.* Великий почин. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 1-29.

3.24 *Ленин В.И.* Ответ на вопрос американского журналиста. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 113-117.

3.25 *Ленин В.И.* Речь перед слушателями курсов по внешкольному образованию отправляющихся на фронт. Полн. собр. соч. Т. 39. 249-250.

3.26 *Ленин В.И.* О введении в Центротекстиле единоличного управления взамен коллегиального. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 181.

3.27 *Ленин В.И.* VII Всероссийский съезд Советов. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 385-436.

3.30 *Ленин В.И.* Заключительное слово по докладу Центрального Комитета. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 258-267.

3.31 *Ленин В.И.* Речь при закрытии съезда. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 281-287.

3.32 *Ленин В.И.* Замечания и добавления к проектам «Положения о рабочей и крестьянской инспекции». Полн. собр. соч. Т. 40. С. 65-66.

3.33 *Ленин В.И.* Директива Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о рабочей инспекции. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 64.

3.34 *Ленин В.И.* Речь о хозяйственном строительстве. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 268-275.

3.35 *Ленин В.И.* Речь на III Всероссийском съезде Советов народного хозяйства. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 76-80.

3.36 *Ленин В.И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Полн. собр. соч. Т. 41. 1-104.

3.37 *Ленин В.И.* Заметки об очередных задачах партии. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 368.

3.38 *Ленин В.И.* Задачи союзов молодежи. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 298-318.

3.39 *Ленин В.И.* Кризис партии. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 234-244.

3.40 *Ленин В.И.* Предложения по вопросу о проверке и чистке личного состава РКП(б). Полн. собр. соч. Т. 43. С. 361.

3.41 *Ленин В.И.* Заметки об условиях приема в партию. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 362-364.

3.42 *Ленин В.И.* Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 155-175.

3.43 *Ленин В.И.* VII Московская губпартконференция. Доклад о новой экономической политике 29 октября. Полн. собр. соч. т. 44. С. 193-220.

3.44 *Ленин В.И.* О значении золота теперь и после полной победы социализма. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 221-229.

3.45 *Ленин В.И.* Письмо А.Д. Цюрупе с проектом постановления ВЦИК и записка членам Политбюро ЦК РКП(б). Полн. собр. соч. Т. 44. С. 253-254.

3.46 *Ленин В.И.* Письмо о применении «живой связи». Полн. собр. соч. Т. 44. С. 268-269.

3.47 *Ленин В.И.* О перестройке работы СНК, СТО и Малого СНК. Письма А.Д. Цюрупе. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 364-370.

3.48 *Ленин В.И.* Письмо В.М. Молотову о работе статистического и учетно-распределительного отделов ЦК РКП(б). 14. II. 1922. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 392-393.

3.49 *Ленин В.И.* О задачах наркомюста в условиях новой экономической политики. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 396-400.

3.50 *Ленин В.И.* Письмо в Политбюро ЦК РКП(б) с замечаниями на тезисы наркомфина. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 425-426.

3.51 *Ленин В.И.* Письмо Л.Б. Каменеву. 3. III. 1922. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 427-430.

3.52 *Ленин В.И.* О международном и внутреннем положении советской республики. Речь на заседании коммунистической фракции всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 1-16.

3.53 *Ленин В.И.* Об условиях приема новых членов в партию. Письмо В.М. Молотову. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 17-21.

3.54 *Ленин В.И.* Постановление о работе замов (заместителей председателя СНК и СТО). Полн. собр. соч. Т. 45. С. 152-159.

3.55 *Ленин В.И.* Пять лет Российской революции и перспективы мировой революции. Доклад на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 278-294.

3.56 *Ленин В.И.* Речь на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 300-309.

3.57 *Ленин В.И.* Письмо И.В. Сталину для членов ЦК РКП(б). Полн. собр. соч. Т. 45. С. 338-339.

3.58 *Ленин В.И.* Лучше меньше, да лучше. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 389-406.

3.59 *Ленин В.И.* Письмо к съезду. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343-348.

3.60 *Ленин В.И.* Письмо С.О.Цедербауму. Полн. собр. соч. Т. 46. С.138-142.

3.61 *Ленин В.И.* Письмо А.Н.Потресову. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 28-33.

3.62 *Ленин В.И.* Письмо Г.М.Кржижановскому. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 258-260.

3.63 *Ленин В.И.* Письмо И.И.Радченко. Полн. собр. соч. Т.46. С. 192-197.

3.64 *Ленин В.И.* Письмо Г.М.Кржижановскому. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 185-186.

3.65 *Ленин В.И.* Письмо Ф.В.Ленгнику. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 187.

3.66 *Ленин В.И.* Письмо И.И.Радченко. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 188.

3.67 *Ленин В.И.* Письмо П.Б.Аксельроду. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 122-124.

3.68 *Ленин В.И.* Письмо Р.С.Землячке. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 4.

3.69 *Ленин В.И.* Письмо С.И.Гусеву. Полн. собр. соч. Т. 47. С.13-16

3.70 *Ленин В.И.* Письмо ЦК РСДРП. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 39-40.

3.71 *Ленин В.И.* Письмо Л.Б.Каменеву. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 114.

3.72 *Ленин В.И.* Письмо Г.Л.Шкловскому. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 133.

3.73 *Ленин В.И.* Письмо А.М.Горькому. Полн. собр. соч. Т.47. С.139-142.

3.74 *Ленин В.И.* Письмо ЦК РСДРП. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 41-47.

3.75 *Ленин В.И.* Телеграмма Архангельскому губисполкому. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 281-282.

3.76 Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и его компании // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 3-230.

3.77 *Маркс К.* Рецензии – А. Шеню «Заговорщики». Л. Делаод «Рождение Республики» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 280-294.

3.78 *Мехлис Л.* Институт Красной профессуры и проблемы кадров // Партийное строительство. 1930. № 2, № 6.

3.79 *Разумов Е.З.* Проблемы кадровой политики КПСС. М.: Политиздат, 1983. 192 с.

3.80 *Рютин М.* Руководящие кадры ВКП(б) // Большевик. 1928. № 15.

3.81 *Сталин И.* Вопросы ленинизма. М.: Госполитиздат, 1953. 651 с.

3.82 *Сталин И.В.* О правом уклоне в ВКП(б). Речь на апрельском (1929г.) пленуме ЦК ВКП(б) // Соч. Т. 12. С. 1-107.

3.83 *Троцкий Л.Д.* Сталинская школа фальсификаций: Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М.: Наука, 1990. 336 с.

3.84 *Троцкий Л.Д.* К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. 447 с.

3.85 *Троцкий Л.Д.* Портреты революционеров. М.: Моск. Рабочий, 1991. 364 с.

3.86 *Троцкий Л.Д.* Политические силуэты. М.: Новости, 1990. 310 с.

3.87 *Троцкий Л.Д.* Преступления Сталина. М., 1994. 309 с.

3.88 *Троцкий Л.Д.* Сталин. В 2 т. М.: Терра, 1996.

3.89 *Хрущев Н.С.* О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля 1956 года // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128-171.

4. Статистические сборники, каталоги, справочные издания

4.1 Великая Октябрьская социалистическая революция. Маленькая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1968. 480 с.

4.2 Власть и оппозиция. Российский политический процесс. М.: Росспэн, 1995. 400 с.

4.3 Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник. (Составители: Турчинов В.А., Леонтюк А.М.). СПб, 2000. 607 с.

4.4 Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923-91. Историко-биографический справочник. М.: Российская энциклопедия, 1999. 640 с.

4.5 Двести двадцать девять кремлевских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК коммунистической партии в лицах и цифрах. Справочник. (Автор-составитель А.Д. Чернев). М.: Редакция журнала «Родина». Научный центр «Руссика», 1996. 336 с.

4.6 Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М.: Советская энциклопедия, 1989. 832с.

4.7 Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. (Составитель К.А. Залесский). М.: Росспэн, 2000. 608 с.

4.8 Новодевичий мемориал. Некрополь Новодевичьего кладбища. (Автор-составитель С.Е. Кипнис). М.: Пропилен, 1995. 430 с.

4.9 Открытый архив. Справочник опубликованных документов по истории России XX века из государственных и семейных архивов (по отечественной периодике 1985-1995 гг.) / Сост. И.А.Кондакова. М., 1997. 363 с.

4.10 Партия в цифровом освещении. М.: Госполитиздат, 1924.

4.11 Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. Справочник. М.: Политиздат, 1990. 270 с.

4.12 Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919-1952. Каталог. В 3 т. Ред. коллег. Г.М. Адибеков, К.М. Андерсон (ответственные редакторы), Л.А. Роговая. М.: Росспэн, 2001.

4.13 Политбюро (Президиум) ЦК партии в 1917 – 1989 гг.: Персоналии. М.: Изд. ВКШ, 1990. 148 с.

4.14 Справочник партийного работника. Вып. 23. М.: Политиздат, 1983. 623 с.

4.15 Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сб. док. М., 1995. 340 с.

5. Периодическая печать. Газеты. Журналы.

5.1 «Аргументы и факты»

5.2 «Большевик»

5.3 «Искра»

5.4 «Известия»

5.5 «Известия ЦК РКП(б) – ВКП(б)». 1919-1929.

5.6 «Известия ЦК КПСС». 1989-1991.

5.7 «Исторический архив»

5.8 «Источник»

5.9 «Коммунист» – Орган Саратовского обкома КПСС и Саратовского областного Совета депутатов трудящихся.

5.10 «Комсомольская Правда».

5.11 «Литературная газета»

5.12 «Партийное строительство»

5.13 «Под знаменем марксизма»

5.14 «Правда»

5.15 «Саратовские известия» – Орган Саратовского губкома и губисполкома.

5.16 «Сегодня»

6. Мемуары

6.1 *Агабеков Г.С.* Секретный террор: Записки разведчика. М.: Современник, 1996. 447 с.

6.2 *Аджубей А.И.* Те десять лет. М.: Сов. Россия, 1989. 336 с.

6.3 *Аллилуева С.И.* Двадцать писем к другу. М.: Захаров, 2000. 223 с.

6.4 *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М.: Терра, 1997. 432 с.

6.5 *Бармин А.Г.* Соколы Троцкого. М.: Современник, 1997. 527 с.

6.6 *Берия С.* Мой отец – Лаврентий Берия. М.: Современник, 1994. 431с.

6.7 *Беседовский Г.З.* На путях к термидору. М.: Современник, 1997. 461с.

6.8 *Болдин В.И.* Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева. М.: Республика, 1995. 447 с.

6.9 *Брутенц К.Н.* Тридцать лет на старой площади. М.: Международные отношения, 1998. 568 с.

6.10 *Валентинов Н.В.* Разговор с Пятаковым в Париже // Страницы истории. Л., 1990.

6.11 *Валентинов Н.В.* Недорисованный портрет. М.: Терра, 1993. 560 с.

6.12 *Ванников В.Л.* Записки наркома // Знамя. 1988. № 1, № 2.

6.13 *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М.: Политиздат. 1974. 542 с.

6.14 *Вернадский В.И.* Дневник 1938 г. // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. В 2 т. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы. М., Наука, 1997.

6.15 *Вернадский В.И.* Коренные изменения неизбежны… // Новый мир. 1995. № 5. С. 109-133.

6.16 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. М.: Политиздат, 1968.

6.17 *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. В 2 кн. М.: Новости, 1995.

6.18 *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. 11-е изд. доп. По рукописи авт. В 3 т. М.: Новости, 1992.

6.19 *Каганович Л.М.* Памятные записки. М.: Вагриус, 1996. 570 с.

620. *Красиков С.П.* Возле вождей. М.: Современник, 1997. 527 с.

6.21 *Кривицкий В.Г.* Я был агентом Сталина: Записки советского разведчика. М.: Современник, 1996. 415 с.

6.22 *Крупская Н.К.* О Ленине. Сб. стат. М.: Политиздат, 1971. 304 с.

6.23 *Крупская Н.К.* Воспоминания о Ленине. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1972. 304 с.

6.24 *Кузнецов Н.Г.* Накануне. М.: Воениздат, 1969. 375 с.

6.25 *Куманев Г.А.* О чем вспоминал П.К. Пономаренко // Отечественная история. 1998. № 5, № 6.

6.26 *Микоян А.И.* Так было. Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999. 640 с.

6.27 *Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. М.: Изд. гуманит. лит., 1995. 510 с.

6.28 О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900-1922 годы. М.: Госполитиздат, 1963. 662 с.

6.29 *Орджоникидзе З.Г.* Путь большевика. Страницы из жизни Г.К.Орджоникидзе. М.: Политиздат, 1986. 350 с.

6.30 *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений // Огонек. 1989. № 46-52.

6.31 *Пятницкий В.И.* Заговор против Сталина. М.: Современник, 1998. 478 с.

6.32 *Разгон Л.Э.* Непридуманное: Повесть в рассказах. М.: Книга, 1989. 287 с.

6.33 *Ракоши М.* Видел, как возникает культ личности // Источник. 1997. № 1. С. 111-140.

6.34 *Раскольников Ф.Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. М.: Политиздат, 1990. 319 с.

6.35 *Судоплатов П.А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930-1950 годы. М.: Олма-Пресс, 1997. 688 с.

6.36 *Судоплатов П.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: Гея, 1997. 508 с.

6.37 *Соломон (Исецкий) Г.А.* Среди красных вождей. М.: Современник, 1995. 509с.

6.38 *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. В 2 т. М.: Книга, 1990.

6.39 *Трояновский О.А.* Через годы и расстояния. М.: Вагриус, 1997. 383 с.

6.40 *Ульянова М.И.* О Владимире Ильиче (Последние годы жизни) // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1-6.

6.41 *Хрущев Н.С.* Воспоминания. В 4 т. М.: Вагриус, 1997.

6.42 *Цюрупа В.А.* Колокола памяти. М., 1996. 316 с.

6.43 *Чуев Ф.* Молотов: Полудержавный властелин. М.:Олма-Пресс, 1999. 736 с.

6.44 *Чуев Ф.И.* Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. М.: Отечество, 1992. 208 с.

6.45 *Шепилов Д.Т.* Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 3-12.

6.46 *Шляпникова И.А.* Правда об А.Г. Шляпникове // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 88-98.

6.47 *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2 кн. М.: Воениздат, 1974.

6.48 *Шульгин В.В.* Три столицы. М.: Современник, 1991. 495 с.

6.49 *Яковлев А.Н.* Омут памяти. М.: Вагриус, 2000. 608 с.

6.50 *Яковлев А.С.* Цель жизни. М.: Политиздат, 1967. 543 с.

7. Монографии и статьи

7.1 *Абрамова Ю.* 1957: Власть и армия // Свободная мысль. 1997. № 12. С. 94-101.

7.2 *Авраамова Е., Дискин И.* Социальные трансформации и элиты // ОНС. 1994. № 3. С. 14-26.

7.3 *Авторханов А.Г.* Технология власти. Мюнхен. 1959. 418 с.

7.4 *Авторханов А.Г.* Сила и бессилие Брежнева: Политические этюды. Посев, Изд. 2-е, дополн. и исправл. 1980. 355 с.

7.5 *Авторханов А.Г.* Происхождение партократии. В 2 т. Франкфурт. Посев, 1983.

7.6 *Авторханов А.Г.* От Андропова к Горбачеву: Дела и дни Кремля. Париж. 1986. 347 с.

7.7 Административно-командная система управления. Проблемы и факты. М.: РГГУ, 1992. 146 с.

7.8 Административно-политическая элита региона. Социологический анализ. Ростов-н/Д. 1994. 167 с.

7.9 *Айхенвальд Ю.И.* Наша революция. Ее вожди и ведомые. М., 1918. 37 с.

7.10 *Андреев Г.* Правящая элита и общество // Сегодня. 1994. 3 августа.

7.11 *Андреев С.Ю.* Наше прошлое, настоящее, будущее: структура власти и задачи общества // Постижение. М.: Прогресс, 1989. С. 484-487.

7.12 *Антонов-Овсеенко А.* Берия. М.: Изд. АСТ, 1999. 480 с.

7.13 *Араловец Н.А.* Потери населения советского общества в 30-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // Отечественная история. 1995. № 1. С. 135-145.

7.14 *Арендт Х.* Тайная полиция // Новое время. 1992. № 6. С. 57-59.

7.15 *Аристотель.* Сочинения. В 4 т. М.: Мысль, 1976.

7.16 *Аристотель.* Афинская полития. 2-е изд. М., 1997. 458 с.

7.17 *Арнольд В.И.* Теория катастроф. М., 1990. 243 с.

7.18 *Арон Р.* Поколение на стыке веков: Дюркгейм, Парето, Вебер // Полис. 1993. № 2. С. 115-121.

7.19 *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. 303 с.

7.20 *Артамонов В.* Катастрофы в истории российской государственности // ОНС. 1994. № 3. С. 61-68.

7.21 *Артизов А.Н.* М.Н. Покровский: финал карьеры – успех или поражение? // Отечественная история. 1998. № 1. С. 77-96.

7.22 *Афанасьев М.* Правящие элиты России: образ деятельности // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 3, № 4.

7.23 *Афанасьев М.Н.* Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М.: Модек, 1996. 223 с.

7.24 *Афанасьев М.И.* Клиентизм и российская государственность. М., 1997. 268 с.

7.25 *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. В 3 т. М., 1991.

7.26 *Ахиезер А.С.* Социокультурная динамика России // Полис. 1991. № 5. С. 51-64.

7.27 *Ахиезер А.С.* Философия истории, историческая наука и современность // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 17-34.

7.28 *Ашин Г.К.* Социология человеконенавистничества. Саратов. 1957. 64 с.

7.29 *Ашин Г.К.* Миф об элите. М.: Знание, 1964. 64 с.

7.30 *Ашин Г.К.* Миф об элите и «массовом обществе». М., 1966. 160 с.

7.31 *Ашин Г.К.* Критика современных буржуазных концепций лидерства. М., 1978. 136 с.

7.32 *Ашин Г.К.* Современные теории элит: критический очерк. М.: Международные отношения. 1985. 256 с.

7.33 *Ашин Г.К.* Правящая элита и общество // Свободная мысль. 1993. № 7. С. 58-69.

7.34 *Ашин Г.К.* Смена элит // ОНС. 1995. № 1. С. 40-50.

7.35 *Ашин Г.К.* Формы рекрутирования политических элит // ОНС. 1998. № 3. С. 85-96.

7.36 *Ашин Г.К.* Элитология в зеркале политической философии и политической социологии // Социально-политический журнал. 1998. № 6. С. 57-70.

7.37 *Ашин Г.К.* Дилемма элиты: истинные и мнимые проблемы // Власть. 1999. № 12. С. 63-69.

7.38 *Бабоева Л.В., Таршис Е.Я., Резниченко Л.А.* Методологические проблемы изучения российской элиты // Общество и экономика. 1994. № 11/12. С. 62-76.

7.39 *Бабоева Л.В., Таршис Е.В., Резниченко Л.А.* Элита России: о настоящем и будущем страны // Социс. 1996. № 4. С. 40-49.

7.40 *Бадовский Д.В.* Трансформация политической элиты России – от «организации профессиональных революционеров» к «партии власти» // Полис. 1994. № 6. С. 42-58.

7.41 *Бадовский Д.В., Шутов А.Ю.* Региональные элиты в постсоветской России: Особенности политического участия // Кентавр. 1995. № 6. С. 3-23.

7.42 *Байрау Д.* Интеллигенция и власть: Советский опыт // Отечественная история. 1994. № 2. С. 122-135.

7.43 *Барзилов С.И., Чернышев А.Г.* Провинция: Элита, номенклатура, интеллигенция: [Социологический анализ] // Свободная мысль. 1996. № 1. С. 44-56.

7.44 *Барсуков Н.А., Юдин И.Н.* Социальная база КПСС. М.: Знание, 1967. 64 с.

7.45 *Бейлин А.Е.* Кадры специалистов СССР: Их формирование и рост. М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1935. 420 с.

7.46 *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.

7.47 *Березкина О.* Революционная элита переходного периода (1921 – 1927) // Свободная мысль. 1997. № 11. С. 56-79.

7.48 *Березовский В., Червяков В.* Современная политическая элита России // Свободная мысль. 1993. № 1. С. 56-65.

7.49 Берия: Конец карьеры. Сб. стат. М.: Политиздат, 1991. 416 с.

7.50 *Бжезинский З.* Большой провал. Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке. N.Y. 1989. 256 с.

7.51 *Бжезинский З.* Идеология и власть в советской политике. М., 1963. 126 с.

7.52 *Биггарт Дж.* Александр Богданов и теория нового класса // Социс. 1993. № 7. С. 139-150.

7.53 *Биггарт Дж.* Бухарин, «культурная революция» и истоки сталинизма // Отечественная история. 1994. № 2. С. 90-104.

7.54 *Боббио Н.* Интеллигенция и власть // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 162-171.

7.55 *Бойков В.Э.* Профессиональная культура государственной службы // Социс. 1999. № 2. С. 34-40.

7.56 *Боффа Дж.* История Советского Союза. В 2 т. М.: Международные отношения, 1994.

7.57 *Булдаков В.П.* Историографические метаморфозы «Красного Октября» // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М.: Аиро – XX, 1996. С. 179-205.

7.58 *Булдаков В.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: Росспэн, 1997. 376 с.

7.59 *Буллок А.* Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание: в 2 т. Смоленск: Русич, 1998.

7.60 *Буранов Ю.А.* К истории ленинского «политического завещания» (1922-1923 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 4. С. 47-56.

7.61 *Бурганов А.Х.* Об одной из причин возможных тактических ошибок революционеров и отношений к ним В.И. Ленина // Вопросы истории КПСС. 1989. № 5. С. 53-69.

7.62 *Бурганов А.Х.* Была ли возможность создания демократического правительства после Октябрьской революции? // Отечественная история. 1993. № 5. С. 26-38.

7.63 *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М., 1985. 384 с.

7.64 *Валентинов Н.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М.: Современник, 1991. 365 с.

7.65 *Валентинов Н.В.* Наследники Ленина. (Сб. статей). М.: Терра, 1991. 238 с.

7.66 *Васецкий Н.А.* Ликвидация: Сталин, Троцкий, Зиновьев. Фрагменты политических судеб. М.: Моск. Рабочий, 1989. 202 с.

7.67 *Васецкий Н.А.* Троцкий: Опыт политической биографии. М.: Республика, 1992. 350 с.

7.68 *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

7.69 *Вебер М.* Класс, статус и партия // Социальная стратификация. М., 1992. Вып. 1. С. 17-31.

7.70 *Вебер М.* Основные понятия стратификации // Социс. 1994. № 5. С. 147-156.

7.71 *Веблен Т.* Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.

7.72 *Великанова О.В.* Образ Ленина в массовом сознании // Отечественная история. 1994. № 2. С. 177-185.

7.73 *Вернадский Г.В.* Ленин – красный диктатор. М.: Аграф, 1998. 320с.

7.74 *Верт Н.* История советского государства. (1900-1991). М.: Прогресс-Академия, 1994. 544 с.

7.75 *Весоловский В.* Классы, слои и власть. М.: Прогресс, 1981. 365 с.

7.76 *Вишневский А.* Высшая элита РКП(б) – КПСС (1917-1989): немного статистики // Население и общество: Информац. бюл. Центра демографии и экологии человека ин-та народнохоз. прогнозирования РАН. 1997. № 21. С. 78-99.

7.77 Власть и оппозиция. Российский политический процесс. М.: Росспэн, 1995. 400 с.

7.78 Вождь: (Ленин, которого мы не знали). Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1991. 288 с.

7.79 Возвращенные имена. (Сб. статей). В 2 кн. М.: АПН, 1989.

7.80 *Волкогонов Д.А.* Ленин: Политический портрет. В 2 кн. М.: Новости, 1994.

7.81 *Волкогонов Д.А.* Сталин: Политический портрет. В 2 кн. М.: Новости, 1996.

7.82 *Волкогонов Д.А.* Троцкий: Политический портрет. В 2 кн. М.: Новости, 1997.

7.83 *Волкогонов Д.А.* Семь вождей. В 2 кн. М.: Новости, 1997.

7.84 *Волкогонов Д.А.* Этюды о времени. М.: Новости, 1998. 416 с.

7.85 *Володин А.И., Интенберг Б.С.* Наследство П.Л. Лаврова в идейной борьбе 1920-х годов // Отечественная история. 1993. № 5. С. 54-74.

7.86 *Восленский М.С.* Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, 1991. 624 с.

7.87 *Галлямов Р.Р.* Политические элиты российских республик: особенности трансформации в постсоветский период // Полис. 1998. № 2. С.108-115.

7.88 *Гаман О.* Региональные элиты современной России: штрихи к портрету // Диалог. 1996. № 8. С. 8-12.

7.89 *Гаман О.* Политические элиты России в историческом процессе. Закономерность формирования и тенденции развития // Россия XXI. 1996. № 3/4, № 5/6.

7.90 *Геллер М.Я.* Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. 216 с.

7.91 *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. М.: МИК, 2000. 856 с.

7.92 *Генис В.Л.* Первая Конная армия: за кулисами славы // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 64-77.

7.93 *Герасименко Г.А.* Трансформация власти в России в 1917 году // Отечественная история. 1997. № 1. С. 60-76.

7.94 *Гидденс Э.* Революции и общественные движения // Диалог. 1992. № 6/7. С. 57-63.

7.95 *Гидденс Э.* Стратификация и классовая структура // Социс. 1992. № 9. С. 112-123.

7.96 *Гимпельсон Е.Г.* Политическая система и НЭП: неадекватность реформ // Отечественная история. 1993. № 2. С. 29-43.

7.97 *Гимпельсон Е.Г.* Путь к однопартийной диктатуре // Отечественная история. 1994. № 4-5. С. 94-110.

7.98 *Гимпельсон Е.Г.* Советские управленцы: политический и нравственный облик (1917 – 1920гг.) // Отечественная история. 1997. № 4. С. 44-54.

7.99 *Гладков Т.К., Зайцев Н.Г.* И я ему не могу не верить… М.: Политиздат, 1986. 256 с.

7.100 *Голинков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР (1917-1925). М.: Политиздат, 1975. 703 с.

7.101 *Головачев Б.В., Косова Л.Б.* Высокостатусные группы: штрихи к социальному портрету // Социс. 1996. № 1. С. 45-51.

7.102 *Горбул А.Д.* Научные основы кадровой политики КПСС. Киев. Выща школа, 1989. 169 с.

7.103 *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Что это было? М.: Политиздат, 1989. 319 с.

7.104 *Горинов М.М.* Советская история 1920 – 30-х годов: от мифов к реальности // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М.: Аиро – XX, 1996. С. 239-277.

7.105 *Гофман А.Б.* Семь лекций по истории социологии. М.: Книжный дом, 1997. 224 с.

7.106 *Грач Л.А.* Идеология обновления и руководитель. М.: Политиздат, 1990. 175 с.

7.107 *Громов Е.С.* Сталин: власть и искусство. М.: Республика, 1998. 495с.

7.108 *Гуревич П.С.* Концепция социальной структуры // Проблемы прогнозирования. 1991. Вып. 6. С. 126-137.

7.109 *Гуревич П.С.* Современный буржуазный элитизм: истоки, версии, тенденции // Социально-политические теории современной буржуазной идеологии. М., 1992. С. 98-203.

7.110 *Гэлбрейт Дж. К.* Новое индустриальное общество. М., 1969. 480 с.

7.111 *Давыдов Ю.Н.* Искусство и элита. М., 1966. 344 с.

7.112 *Давыдов Ю.Н.* Тоталитаризм и бюрократия // Драма обновления. М.: Прогресс, 1990. С. 219-243.

7.113 *Давыдов Ю.* Вебер и Ленин: Кто прав? // Диалог. 1991. № 15. С. 53-61.

7.114 *Дарендорф Р.* После 1989. Размышления о революции в Европе. М., 1998. 271 с.

7.115 *Дедков Н.И.* «Как я документально установил» или «смею утверждать». О книге Д.А. Волкогонова «Ленин» // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М.: Аиро – XX, 1996. С. 115-138.

7.116 *Дей Т., Зиглер Л.* Демократия для элиты. М.: Юридич. лит-ра, 1984. 320 с.

7.117 *Делюга В.* Общество, кадры, элиты. Польша 80-х годов. М.: Прогресс, 1993. 287 с.

7.118 *Джавлаков О.Т., Михеев В.А.* Номенклатура: эволюция отбора (историко-политологический анализ). М.: Луч, 1993. 138 с.

7.119 *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992. 544 с.

7.120 *Дискин И.Е.* Россия: социальная трансформация элиты и мотивация // Труды Интерцентра / Междисциплинарный академический центр социальных наук. 1994. № 1. С. 114-125.

7.121 *Дискин И.Е.* Россия: трансформация и элиты. М.: Элтра, 1995. 64 с.

7.122 *Дискин И.Е.* Реформы и элиты: Институциональный аспект // ОНС. 1995. № 6. С. 29-41.

7.123 *Дискин И.Е.* Элиты как субъекты российских реформ // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1996. № 1. С. 10-17.

7.124 *Донков И.П.* Лев Борисович Каменев // Вопросы истории КПСС. 1990. № 4. С. 90-105.

7.125 *Дробот Г.А.* Внешнеполитические ориентации формирующейся российской элиты: Итоги опросов // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 9. С. 90-101.

7.126 *Ермаков В.Я.* Качественный состав КПСС и повышение активности коммунистов. М.: Знание, 1981. 64 с.

7.127 *Ершова Н.С.* Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома // Труды Интерцентра / Междисциплинарный академический центр социальных наук. 1994. № 1. С. 151-155.

7.128 *Ефимов А.* Элитные группы, их возникновение и эволюция // Знания-сила. 1988. № 1. С. 56-64.

7.129 *Ефимов Н.А.* Сергей Миронович Киров // Вопросы истории. 1995. № 11/12. С. 49-67.

7.130 *Желев Желю.* Фашизм. Тоталитарное государство. М.: Новости, 1991. 336 с.

7.131 *Желев Ж.* Авторитарный образ мышления и культ национального вождя // Диалог. 1991. № 6. 56-66.

7.132 *Жуков Ю.Н.* Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 г. // Вопросы истории. 1996. № 5/6. С. 39-57.

7.133 *Зезина М.Р., Сивохин Т.А.* От сталинской диктатуры к «коллективному руководству». М.: МГУ, 1993. 34 с.

7.134 *Зенькович Н.А.* Вожди и сподвижники. М.: Олма-Пресс, 1997. 480с.

7.135 *Зенькович Н.А.* Маршалы и генсеки. Смоленск: Русич, 1997. 672 с.

7.136 *Зенькович Н.А.* ЦК закрыт, все ушли… М.: Олма-пресс, 1999. 575с.

7.137 *Зерницкий С.В., Трофимова Л.И.* Советской страны дипломат. М., 1968. 261 с.

7.138 *Зотов А.А.* Путь В. Парето к социологии // Социс. 1995. № 10. С.133-137.

7.139 *Зотов А.А.* Ранний период творчества Вильфредо Парето // Социс. 1998. № 11. С. 134-141.

7.140 *Зотова З.М.* Централизм и демократия на этапе формирования РСДРП // Вопросы истории КПСС. 1991. № 3. С. 112-124.

7.141 *Зубкова Е.Ю.* Маленков и Хрущев: личный фактор в политике послесталинского руководства // Отечественная история. 1995. № 4. С. 103-115.

7.142 *Игрицкий Ю.И.* Снова о тоталитаризме // Отечественная история. 1993. № 1. С. 3-17.

7.143 *Измозик В.С.* Временное правительство: Люди и судьбы // Вопросы истории 1994. № 4. 163-169.

7.144 *Измозик В.С.* Перлюстрация в первые годы советской власти // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 26-35.

7.145 *Измозик В.С.* Политический контроль в Советской России. 1918-1928 // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 32-53.

7.146 *Иорданский В.* Холопы власти // Свободная мысль. 1999. № 3. С. 77-88.

7.147 И примкнувший к ним Шепилов. Правда о человеке, ученом, воине, политике. (Сб. статей). М.: Звонница-МГ, 1998. 285 с.

7.148 История советского Союза с 1917 года до наших дней. В 3 кн. М.: МИК, 1995.

7.149 История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-н/Д. Феникс, 1996. 576 с.

7.150 *Капустин М.* Конец утопии? Прошлое и будущее социализма. М.: Новости, 1990. 594 с.

7.151 *Карпов В.* Расстрелянные маршалы. М.: Вече, 2000. 480 с.

7.152 *Карр Э.* История Советской России. Кн.1: Том 1 и 2. Большевистская революция. 1917-1923. М.: Прогресс, 1990. 768 с.

7.153 *Карр Э.* Русская революция от Ленина до Сталина, 1917-1929. М.: Сов.-брит. изд-во «Интер-Версо», 1990. 206 с.

7.154 *Картунова А.И.* В.К. Блюхер: Славная и трагическая судьба коммуниста и полководца // Вопросы истории КПСС. 1991. № 2. С. 119-129.

7.155 *Катунцева Н.М.* Опыт СССР по подготовке интеллигенции из рабочих и крестьян. М.: Мысль, 1977. 208 с.

7.156 *Каутский К.* Терроризм и коммунизм // Полис. 1991. № 2. С. 146-154.

7.157 *Кислицын С.А.* Эволюция и поражение большевистской элиты // История России в вопросах и ответах. Ростов-н/Д: Феникс, 1997. С. 480-599.

7.158 *Клямкин И.* Была ли альтернатива административной системе? // Политическое образование. 1988. № 10. С. 55-65.

7.159 *Клямкин И.М. и др.* Между авторитаризмом и демократией // Полис. 1995. № 2. С. 57-87.

7.160 *Коваль Т.Б.* Элита и нравственность // Мир России. 1995. Т. 4. № 3/4. С. 131-157.

7.161 *Кожинов В.* Россия. Век XX-й (1901-1939). М.: Алгоритм, 1999. 560 с.

7.162 *Кожурин В.С.* Вождь – генералиссимус: К эволюции образа харизматической власти // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 81-89.

7.163 *Козлов В.* Феномен доноса // Свободная мысль. 1998. № 7. С. 100-112.

7.164 *Козлов В., Бордюгов Г.* От «чрезвычайщины» к «тоталитаризму» // Диалог. 1991. № 6. С. 85-92.

7.165 *Кокурин А., Петров Н.* ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД: структура, функции, кадры // Свободная мысль. 1997. № 6, № 7; 1998. № 6, № 7, № 8.

7.166 *Колбановский В.В., Осипов Г.В.* Антинародная сущность теории «элиты» // Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии. М., 1960. 583 с.

7.167 *Колотов В.В.* Николай Алексеевич Вознесенский. М.: Политиздат, 1974. 351 с.

7.168 *Коржихина Т.П.* История государственных учреждений СССР. М., 1986. 398 с.

7.169 *Коржихина Т.П.* История государственных учреждений СССР. Материалы к источниковедению и историографии (1917-1990). М.: РГГУ, 1992. 234 с.

7.170 *Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25-38.

7.171 *Кормер В.Ф.* Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 65-79.

7.172 *Королев А.М.* Кадровая политика КПСС на современном этапе. М.: Знание, 1982. 64 с.

7.173 Косолапов Р.И. Слово товарищу Сталину. М., 1995. 408 с.

7.174 *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография. 1888-1938. М.: Прогресс, 1988. 574 с.

7.175 *Коэн С.* Предчувствие сталинизма // Огонек. 1990. № 28. С. 13-16.

7.176 *Красовицкая Т.Ю.* Власть и культура. Исторический опыт организации государственного руководства национально-государственным строительством в РСФСР. 1917-1925 гг. М.: Наука, 1992. 300 с.

7.177 *Крыштановская О.В.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // ОНС. 1995. № 1. С. 51-65.

7.178 *Крэстева А.* Власть и элита в обществе без гражданского общества // Социс. 1996. № 4. С. 19-29.

7.179 *Кудеярова Н.Ю.* Идейно-политические ориентации элитных групп // Мир России. 1995. Т. 4. № 3/4. С. 25-45.

7.180 *Кудеярова Н.Ю.* Первые изменения постсоветской элиты // Мир России. 1995. Т. 4. № 3/4. С. 46-55.

7.181 *Куколев И.В.* Трансформация политических элит в России // ОНС. 1997. № 4. С. 82-91.

7.182 *Куколев И.В.* Современная бизнесэлита России // Вестник МГУ. Сер. 18. 1995. № 4. С. 12-22.

7.183 *Куманев В.А.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М.: Наука, 1991. 296 с.

7.184 *Кун М.* Бухарин. Его друзья и враги. М.: Республика, 1992. 480 с.

7.185 *Куницын Г.* Вождь в жестоких обстоятельствах // Диалог. 1991. № 2. С. 44-58.

7.186 *Латышев А.Г.* Рассекреченный Ленин. М.: Март, 1996. 336 с.

7.187 *Левин М.* Бюрократия и сталинизм // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 16-28.

7.188 *Ледонн Дж.* Правящий класс России: Характерная модель // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3. С. 31-41.

7.189 *Лекович Д.* Ленин и Сталин // Вопросы истории КПСС. 1991. № 3. С. 64-75.

7.190 *Лейн Д.* Перемены в России: Роль политической элиты // Социс. 1996. № 4. С. 30-40.

7.191 *Лесков Л.* Катаклизмы в России в свете теории катастроф // ОНС. 1994. № 1. С. 150-160.

7.192 *Либман Г.И., Варбузова А.В., Сухарева Э.О.* Теории элит // Социально-политический журнал. 1997. № 4. С. 106-115.

7.193 *Либман Г.И., Варбузова А.В., Сухарева Э.О.* Проблемы политических элит в российском обществе // Социально-политический журнал. 1997. № 5. С. 79-90.

7.194 *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* Власть и народ: «сигналы с мест» как источник по истории России 1917 – 1927 годов // ОНС. 1999. № 2. С. 94-102.

7.195 *Лисюткина Л.Л.* Постиндустриализм и посттоталитаризм // Полис. 1991. № 5. С. 87-97.

7.196 *Литвак К.Б.* К вопросу о партийных переписях и культурном уровне коммунистов в 20-е годы // Вопросы истории КПСС. 1991. № 2. С. 79-92.

7.197 *Логинов В.* Тени Сталин: Генерал Власик и его соратники. М.: Современник, 2000. 224 с.

7.198 *Лосский Н.* Индустриализм, коммунизм и утрата личности // Свободная мысль. 1992. № 3. С. 38-44.

7.199 *Лупацкий В.С.* Теория элит Вильфредо Парето // Философская и социологическая мысль. Киев. 1992. № 11. С. 47-56.

7.200 *Магомедов А.К.* Политические элиты российской провинции // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 4. С. 72-79.

7.201 *Макаревич Э.* Профессиональная хватка ВЧК // Диалог. 1998. № 2. С. 87-92.

7.202 *Макаренко В.П.* Бюрократия и сталинизм. Ростов-н/Д. 1989. 362 с.

7.203 *Макаренко В.П.* Революция и власть. Ростов-н/Д. 1990. 282 с.

7.204 *Макаренко В.П.* Правительство и бюрократия // Социс. 1999. № 2. С. 3-14.

7.205 *Макиавелли Н.* Государь. М.: Планета, 1990. 79 с.

7.206 *Малейко Л.А.* Партийный аппарат. Становление и развитие (1917 – 1941). Ростов-н/Д, 1981. 189 с.

7.207 *Малютин М.* «Новая элита» в новой России // ОНС. 1992. № 2. С. 36-45.

7.208 *Мангутов И.С.* Организатор и организаторская деятельность. Л.: ЛГУ, 1975. 312 с.

7.209 *Маслов Н.Н.* «Краткий курс истории ВКП(б)» – энциклопедия культа личности Сталина // Вопросы истории КПСС. 1988. № 11. С. 51-67.

7.210 *Маслов Н.Н.* Из истории распространения сталинизма (Как готовилось постановление ЦК «О постановке партийной пропаганды в связи с вы-

пуском «Краткого курса истории ВКП(б) // Вопросы истории КПСС. 1990. № 7. С. 94-108.

7.211 Международный семинар «Элиты в посткоммунистических обществах» (Москва, март 1996) // Россия XXI. 1996. № 1/2. С. 25-61.

7.212 *Медведев Ж.А.* Секретный наследник Сталина // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 92-103.

7.213 *Медведев Р.А.* О Сталине и сталинизме. М.: Прогресс, 1990. 488 с.

7.214 *Медведев Р.А.* Они окружали Сталина. М.: Политиздат, 1990. 351 с.

7.215 *Мельниченко В.Е.* Николай Муралов. М.: Знание, 1990. 64 с.

7.216 *Мельниченко В.Е.* Раковский против Сталина. М.:Знание,1991.64 с.

7.217 *Мельтюхов М.И.* Предыстория Великой Отечественной войны в современных дискуссиях // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М.: Аиро – XX, 1996. С. 278-307.

7.218 *Мельтюхов М.И.* Репрессии в Красной Армии: Итоги новейших исследований // Отечественная история. 1997. № 5. С. 109-121.

7.219 *Мерль Ст.* Экономическая система и уровни жизни в дореволюционной России и Советском Союзе. Ожидания и реальность // Отечественная история. 1998. № 1. С. 97-117.

7.220 *Миллс Р.* Властвующая элита. М.: Иностранная литература, 1959. 543 с.

7.221 *Мильнер Б.* Уроки бюрократической системы управления // Вопросы экономики. 1999. № 1. С. 76-85.

7.222 *Минюк А.И.* Современная архивная политика: ожидания и запреты // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М.: Аиро – XX, 1996. С. 11-21.

7.223 *Михайлов Н.* «Тайное» голосование. Сколько делегатов XVII съезда партии голосовало против Сталина? // Диалог. 1991. № 1. С. 79-87.

7.224 *Михельс Р.* Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. № 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 18; 1991. № 3.

7.225 *Моска Г.* Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 187-198.

7.226 *Мохов В.П.* Эволюция региональной политической элиты России (1950 – 1990 гг.). Пермь. 1998. 256 с.

7.227 *Мохов В.П.* Элитизм и история: Проблемы изучения советских региональных элит. Пермь. 2000. 204 с.

7.228 *Мясников О.Г.* Смена правящих элит: «консолидация» или «вечная схватка» // Полис. 1993. № 1. С. 52-60.

7.229 *Назаретян А.П.* Векторы исторической эволюции // ОНС. 1999. № 6. С. 112-126.

7.230 *Нарта М.* Теория элит и политика: К критике элитизма. М.: Прогресс, 1978. 237 с.

7.231 *Наумов В.П.* Александр Гаврилович Шляпников. М.: Знание, 1991. 64 с.

7.232 *Наумов В.П.* Н.С. Хрущев и реабилитация жертв массовых политических репрессий // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 19-35.

7.233 *Небогин Н.Б., Славская М.Д.* «...Нельзя оставить в рядах партии» // Вопросы истории КПСС. 1989. № 5. С. 94-102.

7.234 *Невежин В.А., Пруцкова О.А.* Издание исторической литературы: кризис или стабилизация? // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М.: Аиро – XX, 1996. С. 22-36.

7.235 *Некрасов В.Ф.* Тринадцать «железных» наркомов. М.: Версты, 1995. 416 с.

7.236 Неотделим от партии (малоизвестная статья М.С. Ольминского о В.И. Ленине) // Вопросы истории КПСС. 1990. № 4. С. 135-142.

7.237 *Никитин В.* Ленин и Мартов: несостоявшийся диалог о новой экономической политике // Диалог. 1991. № 10. С. 64-67.

7.238 *Николаев А.Н.* Становление технократической элиты в России: Историко-социологические аспекты. Саратов. 1995. 166 с.

7.239 *Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Транспорт, 1995. 302 с.

7.240 *Ольшанский Д.В.* Взбесившаяся элита // Власть. 1994. № 6.

7.241 Они не молчали. (Сборник) М., 1991. 446 с.

7.242 *Орлов И.Б., Лившин А.Я.* Социологический анализ «писем во власть» (1917-1927 годы) // Социс. 1999. № 2. С. 79-87.

7.243 *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 120-138.

7.244 *Ортега-и-Гассет Х.* Не быть членом партии // Социс. 1993. № 7. С. 103-111.

7.245 Осмыслить культ Сталина. М.: Прогресс, 1989. 656 с.

7.246 *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. М.: Росспэн, 1997. 640 с.

7.247 *Охотский Е.В.* Партийные кадры и демократизация стиля их политической деятельности в современных условиях. М.: АОН при ЦК КПСС, 1990. Ч. 1. 222 с.

7.248 *Охотский Е.В.* Политическая элита. М.: Луч, 1993. 91 с.

7.249 *Павлова И.В.* Современные западные историки о сталинской России 30-х годов: (Критика «ревизионистского» подхода) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 107-121.

7.250 *Павлова И.В.* Механизм политической власти в СССР в 20-30-е годы // Вопросы истории. 1998. № 11-12. С. 49-66.

7.251 *Павлюченков С.А.* Военный коммунизм – в плену большевистской доктрины // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М.: Аиро – ХХ, 1996. С. 222-238.

7.252 *Пайпс Р.* Русская революция в 2 ч. М.: Росспэн, 1994.

7.253 *Пайпс Р.* Россия при большевиках. М.: Росспэн, 1997. 662 с.

7.254 *Парето В.* Трансформация демократии // Тексты по истории социологии XIX-XX. М.: Наука, 1994. С. 170-178.

7.255 *Парето В.* О применении социологических теорий // Социс. 1995. № 10. С. 137-145.

7.256 *Панкратов А.В.* Социальное мифотворчество как средство борьбы политических элит // Вестник ставроп. ун-та. 1996. № 1. С. 147-149.

7.257 *Пантелеев М.М.* Авантюрист или политический деятель? Вопросы истории. 1998. № 9. С. 121-130.

7.258 *Панцов А.В., Чечевишников А.Л.* Исследователь и источник. О книге Д.А. Волкогонова «Троцкий» // Исторические исследования в России // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М.: Аиро – XX, 1996. С. 100-114.

7.259 Первые правозащитные организации Российской Федерации в 20-е годы // Отечественная история. 1995. № 4. С. 159-178.

7.260 *Перегудов С.П.* Организованные интересы и российское государство: смена парадигм // Полис. 1994. № 2, № 5.

7.261 *Перегудов С.П.* Политическое представительство интересов: опыт Запада и проблемы России // Полис. 1993. № 4. С. 115-124.

7.262 *Пернацкий В.* Дуализм революции и противоречивость большевизма // Свободная мысль. 1997. № 10. С. 48-57.

7.263 *Пино Д.* Элиты в демократическом обществе // Вестник московской школы политических исследований. 1995. № 1. 30-46.

7.264 *Платон.* Собрание сочинений. В 4 т. М.: Мысль, 1994.

7.265 *Платонов С.* После коммунизма. М.: Молод. гвардия, 1990. 255 с.

7.266 *Плимак Е.* Политическое завещание В.И. Ленина. Истоки, сущность, выполнение. М.: Изд. Политической литературы, 1988. 142 с.

7.267 *Плимак Е.Г., Антонов В.С.* Тайна «заговора Тухачевского». (Невостребованное сообщение советского разведчика) // Отечественная история. 1998. № 4. С. 123-138.

7.268 *Поварцов С.* Причина смерти – расстрел. М.: Терра, 1996. 186 с.

7.269 *Покровский Н.Н.* Избранные произведения. В 4 т. М.: Политиздат, 1967.

7.270 *Поляков Н.* Воздействие государства на демократические процессы в СССР (1920 – 1930-е г.) // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 122-128.

7.271 *Пономарев А.* Н.С. Хрущев и репрессии 30-х годов // Россия XXI. 1996. № 1/2. С. 159-171.

7.272 *Поппер К.* Открытое общество и его враги. В 2 т. М.: Феникс, 1992.

7.273 *Постон Т., Стюарт И.* Теория катастроф и ее приложения. М.: Мир, 1980. 607 с.

7.274 Правящая элита и общество. М., 1993. 208 с.

7.275 *Пригожин А.* Феномен катастрофы (дилеммы кризисного управления) // ОНС. 1994. № 2. С. 114-126.

7.276 *Пригожин А.И.* Патология политического лидерства // ОНС. 1996. № 3. С. 23-29.

7.277 *Пронин И.И.* Руководящие кадры: подбор, расстановка и воспитание. М.: Мысль, 1981. 224 с.

7.278 *Процко Б.М., Сердюков Г.Н., Шпаков В.Ю.* Политическая элита. Ростов-н/Д. 1993. 365 с.

7.279 *Пугачев Б.М.* Развитие советских элит // Россия и современный мир. 1995. № 3. С. 116-127.

7.280 *Пугачев В.П.* Субъект политики: личность, элита, лидерство. М., 1991. 208 с.

7.281 *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М.: Наука, 1995. 237 с.

7.282 *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. М.: Наука, 1991. 123 с.

7.283 *Рашковский Е.* Опыт тоталитарной модернизации России (1917 – 1991) в свете социологии развития // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 7. С. 105-118.

7.284 Реабилитирован посмертно. Вып. 1 и 2. М.: Юридич. лит., 1988.

7.285 Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов. М.: Политиздат, 1991. 460 с.

7.286 Реввоенсовет Республики, 6 сент. 1918 – 28 авг. 1923. (Сборник док.) М.: Политиздат, 1991. 464 с.

7.287 *Ривера Ш.В.* Тенденции формирования состава посткоммунистической элиты России // Полис. 1995. № 6. С. 61-66.

7.288 *Рисмен Д.* Некоторые типы характеров и общество // Социс. 1993. № 5. С. 144-151.

7.289 *Роговин В.З.* Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М.: Терра, 1992. 398 с.

7.290 *Роговин В.З.* Власть и оппозиции. М.: Терра, 1993. 400 с.

7.291 *Роговин В.З.* Сталинский неонэп. М., 1995. 384 с.

7.292 *Роговин В.З.* 1937. М., 1996. 480 с.

7.293 *Роговин В.З.* Партия расстрелянных. М., 1997. 528 с.

7.294 *Розенберг У.* Формирование новой российской государственности // Отечественная история. 1994. № 1. С. 3-16.

7.295 *Розенталь И.С.* Еще раз о деле провокатора Малиновского // Вопросы истории КПСС. 1989. № 5. С. 103-117.

7.296 *Розенталь И.С.* Провокатор. Карьера Романа Малиновского. М., 1994. 256 с.

7.297 *Розов Н.С.* Возможность теоретической истории: ответ на вызов Карла Поппера // Вопросы философии. 1995. № 12. С. 54-67.

7.298 Российская элита: Психологические портреты. М., Ладомир, 2000. 319 с.

7.299 *Рупасов А., Чистяков А.* Красный «миссионер» // Россия XXI. 1996. № 1/2. С. 148-158.

7.300 *Рупасов А.И., Чистяков А.Н.* Миссия Л.Б. Каменева в Западную Европу // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 125-131.

7.301 *Рывкина Р.В.* Формирование новых экономических классов // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 87-98

7.302 *Рывкина Р.В.* Влияние новой правящей элиты на ход и результаты экономических реформ // Социс. 1995. № 11. С. 35-43.

7.303 *Сажин А.И.* Кадровая политика КПСС: история и современность. М.: Знание, 1989. 63 с.

7.304 *Сакс И.* Прежние модели исчерпаны, нужны новые // Социс. 1995. № 8. С. 91-98.

7.305 *Соловьев Б., Суходеев В.* Секретный доклад Н.С. Хрущева // Диалог. 1996. № 4. С. 58-64.

7.306 *Самсонова Т.Н.* Концепция «правящего класса» Г. Моски // Социс. 1994. № 10. С. 176-187.

7.307 *Сарознов В.* Диктатура нравственности или диктатура террора? // Диалог. 1991. № 9. С. 88-95.

7.308 *Сартори Дж.* Вертикальная демократия // Полис. 1993. № 2. С. 80-89.

7.309 *Сахаров А.Н.* Смуты и авторитаризм в России. Полемические заметки // Свободная мысль. 1996. № 9. С. 90-102.

7.310 *Свак Д.* О некоторых методологических проблемах синтеза в «Историях России» // Отечественная история. 1998. № 6. С. 90-98.

7.311 *Сейерс М., Кан Л.* Тайная война против Советской России. М.: Изд. Иностр. литерат., 1947. 454 с.

7.312 *Селезнев Л.И.* Политическая элита в современном обществе // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 6. 1995. Вып. 1. С. 120-121.

7.313 *Семенникова Л.И.* Историко-партийные концепции: наука или политический феномен? // Вопросы истории КПСС. 1991. № 2. С. 111-123.

7.314 *Сидоров А.В.* Сталинизм: опыт и уроки осмысления // Вопросы истории КПСС. 1990. № 7. С. 137-143.

7.315 *Силласте Г.* Женские элиты в России и их особенности // ОНС. 1994. № 1. С. 112-121.

7.316 *Симонов Н.С.* Термидор, брюмер или фрюктидор? Эволюция сталинского режима власти: прогнозы и реальность // Отечественная история. 1993. № 4. С. 3-18.

7.317 *Сироткин В.Н.* Номенклатура в историческом разрезе // Через тернии. М.: Прогресс, 1990. С. 292-334.

7.318 *Слассер Р.* Сталин в 1917 году. Человек, оставшийся вне революции. М.: Прогресс, 1989. 320 с.

7.319 *Смольков В.Г.* Бюрократизм // Социс. 1999. № 2. С. 40-45.

7.320 Советская интеллигенция (История формирования и роста 1917-1965 гг.) М.: Мысль, 1968. 432 с.

7.321 Советская интеллигенция: Краткий очерк истории (1917-1975 гг.) М.: Политиздат, 1977. 318 с.

7.322 *Соловьев А.И.* Культура власти российской элиты: Искушение конституционализмом // Полис. 1999. № 3. С. 65-80.

7.323 *Соловьев В., Клепикова Е.* Борьба в Кремле: от Андропова до Горбачева. N.Y. 1986. 319 с.

7.324 *Сорокин П.А.* Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 295-424.

7.325 *Сорокин П.А.* Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. 560 с.

7.326 *Спирин Л.М.* Сталин и война // Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 106-120.

7.327 Сталинская модель социализма: становление, развитие, крах (20 – 80-е годы) // Вопросы истории КПСС. 1990. № 12. С.150-161.

7.328 *Стивен С.* Операция «Раскол» // Диалог. 1990. № 14-18, 1991. № 1-10.

7.329 *Столяров К.А.* Палачи и жертвы. М.: Олма-Пресс, 1997. 365 с.

7.330 Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М.: Высш. школа, 1988. 704 с.

7.331 *Сувениров О.Ф.* Репрессии в парторганизациях РККА в 1937 – 1938 гг. // Вопросы истории КПСС. 1991. № 6. С. 17-31.

7.332 *Сувениров О.Ф.* Военная коллегия Верховного суда СССР. (1937-1939 гг.) // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 137-146.

7.333 *Суворова Л.Н.* За фасадом «военного коммунизма»: политическая власть и рыночная экономика // Отечественная история. 1993. № 4. С. 48-59.

7.334 Судьбы русской интеллигенции. Новосибирск: Наука, 1991. 222 с.

7.335 Суровая драма народа. М.: Политиздат, 1989. 512 с.

7.336 *Сухарев С.В.* Лицедейство на поприще истории // Вопросы истории КПСС. 1990. С. 102-118.

7.337 Тайна власти. Харьков: Фортуна-Пресс, 1997. 624 с.

7.338 Тайны государственных переворотов и революций. Минск: Литература, 1998. 640 с.

7.339 *Такер Р.* Сталин: Путь к власти. 1879 – 1929. История и личность. М.: Прогресс, 1991. 480 с.

7.340 *Тангер В.В., Ручка А.А.* Система социологии Вильфредо Парето // Философская и социологическая мысль. Киев. 1992. № 11. С. 30-46.

7.341 *Тойнби А.* Постижение истории. М.: Прогресс, 1990. 730 с.

7.342 *Титов А.Г., Смирнов А.М., Шалагин К.Д.* Борьба Коммунистической партии с антиленинскими группами и течениями в послеоктябрьский период (1917-1934 гг.). М.: Высш. школа, 1974. 360 с.

7.343 *Томпкинс С.Р.* Триумф большевизма: революция или реакция? // Отечественная история. 1995. № 5. С. 137-161.

7.344 *Тощенко Ж.Т.* Как же назвать тех, кто правит нами? // Независимая газета. 1998. 31 декабря.

7.345 *Трубецкой Е.Н.* Катастрофические эпохи и «последние дни» // Из истории мировой гуманистической мысли. М., 1995. С. 380-390.

7.346 *Тулеев А., Сыроветский Ю.* Власть в руках человека и человек в руках власти. Новосибирск: Наука, 1993. 189 с.

7.347 *Тютюкин С.В.* Современная отечественная историография РСДРП // Отечественная историография. 1998. № 6. С. 54-64.

7.348 *Тяжельникова В.С.* В поисках технологии исторического знания // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М.: Аиро – XX, 1996. С. 66-82.

7.349 *Тяжельникова В.С.* Самоубийства коммунистов в 1920-е годы // Отечественная история. 1998. № 6. С. 158-173.

7.350 *Уайлдман Л.К.* Армия и вопрос о законности власти в России // Отечественная история. 1994. № 2. С. 19-30.

7.351 *Ушаков А.И., Федюк В.П.* Гражданская война. Новое прочтение старых проблем // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М.: Аиро – XX, 1996. С. 206-221.

7.352 *Фабрициус М.П.* Кремль в Москве: очерки и картины прошлого и настоящего. М.: Сварог, 1997. 338 с.

7.353 *Фадин А.* Кто правил и кто будет править в СССР // Век XX и мир. 1991. № 5. 56-67.

7.354 *Фарукшин М.Х.* Политическая элита в Татарстане: Вызовы времени и трудности адаптации // Полис. 1994. № 6. С. 67-79.

7.355 *Федотова В.Г.* Судьба России в зеркале методологии // Вопросы философии. 1995. № 12. С. 21-34.

7.356 *Федюкин С.А.* Советская власть и буржуазные специалисты. М.: Мысль, 1965. 256 с.

7.357 *Федюкин С.А.* Великий Октябрь и интеллигенция. М.: Наука, 1972. 471 с.

7.358 *Федюкин С.А.* Партия и интеллигенция. М.:Политиздат,1983. 233 с.

7.359 *Фельштинский Ю.Г.* Как добывались деньги для революции // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 34-51.

7.360 *Фесенко В.В.* Политическая элита Украины: противоречия и развитие // Полис. 1995. № 6. С. 87-94.

7.361 *Филиппов Ф.Р.* От поколения к поколению. М.: Мысль, 1989. 237 с.

7.362 *Фишер Л.* Жизнь Ленина. В 2 т. М.: Книжная лавка, 1997.

7.363 *Фонтобель Х.* Элита и равенство // Вестник Фин. академии.1997. № 4. С. 30-34.

7.364 *Хайек Ф.* Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 10-12.

7.365 *Хлевнюк О.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. 268 с.

7.366 *Хлевнюк О.В.* Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы. М.: Россия молодая, 1993. 144 с.

7.367 *Хлевнюк О.* Ведомственные интересы в советской истории // Отечественная история. 1995. № 5. С. 189-191.

7.368 *Хлевнюк О.В.* Л.П. Берия: пределы исторической «реабилитации» // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М.: Аиро – XX, 1996. С. 139-154.

7.369 *Хлевнюк О.В.* Политбюро ЦК ВКП(б) в 1930-е годы: механизмы политической власти в СССР. М., 1997. 304 с.

7.370 *Холмс Л.* Социальная история России: 1917-1941. Ростов-н/Д. 1994. 144 с.

7.371 *Хофман-Ланге У.* Элиты и демократия: германский опыт // Социс. 1996. № 4. С. 50-58.

7.372 *Цветаев Е.Н.* Г.К.Жуков: начало восхождения // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 163-167.

7.373 *Цыганков А.П.* Политология Роберта Даля // Социально-политические науки. 1990. № 10. 51-64.

7.374 *Чарной О.Ю.* Пометки В.И. Ленина в тезисах Г.Е. Зиновьева // Вопросы истории КПСС. 1990. № 6. С. 30-36.

7.375 *Чернов В.* Страницы из политического дневника // Вопросы истории КПСС. 1991. № 6. С. 113-128.

7.376 *Чигринов Г.А.* Почему Сталин, а не другие? // Вопросы истории КПСС. 1990. № 6. С. 85-93.

7.377 *Чернов В.* Ленин глазами соперника // Огонек. 1991. № 17. С. 6-7.

7.378 *Чижикова Л.М., Родионова Н.И.* Как выбирались делегаты на VIII-XI съезды РКП(б) // Вопросы истории КПСС. 1990. № 4. С. 58-64.

7.379 *Чижова Л.М.* Кто виноват в политической дискредитации Н.А.Угланова? // Вопросы истории КПСС. 1990. № 8. С. 77-87.

7.380 *Шарапов Ю.П.* Ленин и Богданов: от сотрудничества к противостоянию // Отечественная история. 1997. № 4. С. 55-67.

7.381 *Шаститко А.* Фридрих Хайек и неоинституционализм // Вопросы экономики. 1999. № 6. С. 43-54.

7.382 *Шевоцуков П.А.* Страницы истории гражданской войны: взгляд через десятилетия. М.: Просвещение, 1992. 191 с.

7.383 *Шейнис З.* Максим Максимович Литвинов: Революционер, дипломат, человек. М.: Политиздат, 1989. 432 с.

7.384 *Шелестов Д.* Время Алексея Рыкова. М.: Прогресс, 1990. 349 с.

7.385 *Шишкин И.Б.* Тов. Каюров, великолепный питерский рабочий… // Вопросы истории КПСС. 1990. № 2. С. 91-103.

7.386 *Шляга Н.И.* Живая быль, живая боль … // Вопросы истории КПСС. 1991. № 6. С. 3-16.

7.387 *Шмелев А.Н.* Исторический опыт борьбы ленинской партии против троцкизма за построение социализма в СССР (1923 – 1927 гг.) Л.: Изд. ЛГУ, 1984. 249 с.

7.388 *Штамм А.* Эволюция элит // Посев. 1993. № 2. С. 49-58.

7.389 *Штернберг И.З.* Нравственный лик революции. Париж. 1923. 231с.

7.390 *Штурман Д.* О вождях российского коммунизма. В 2 кн. Париж. 1993.

7.391 *Щеголихина С.Н.* Об авантюризме и карьеризме в годы гражданской войны // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 174-175.

7.392 *Эйдельман Н.Я.* «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989. 176 с.

7.393 *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-Пресс, 1999. 416 с.

7.394 Элиты в посткоммунистических обществах. Международный семинар [Москва, март 1996] // Социологический журнал. 1996. № 1/2. С. 25-61.

7.395 *Энкер Б.* Начало становления культа Ленина // Отечественная история. 1992. № 5. С. 191-204.

7.396 *Яковлев А.* О декабрьской трагедии 1934 года // Правда. 1991. 28 января.

7.397 *Янов А.* Происхождение автократии // Диалог. 1991. № 10.С. 68-79.

7.398 *Albertoni E.A.* Mosca and the Theory of Elitism. Oxford. 1987.

7.399 *Aron R.* Social Class, Political Class, Ruling Class // Class, Status and Power. L., 1967.

7.400 *Bottomore T.* Elites and Society. Harmondsworth. 1977.

7.401 *Dahl R.* Who Geverns? Democracy and Power in an American Citi. New Haven. 1961.

7.402 *Dahl R.A.* Critigue of the Ruling Elite Model // The Logic Social Hierarchies. Oxford. 1974.

7.403 *Dahl R.A.* Pluralist Democracy in United States. Chicago. 1967.

7.404 *Djilas M.* The New Class: An Analysis of the Communist System. L., 1957.

7.405 *Dye T.R., Zeiqler L.H.* The Irony of Democracy: An Uncommon Introduction to // American Polities. Belmont. 1972.

7.406 *Eulau N.,* Czudnowski M. Elite Recruitment in Democratic Polities. N.Y. 1996.

7.407 *Farmer K.* The Soviet Administrative Elite. N. Y. 1994.

7.408 *Hewitt C.I.* Elites and Distribution of Power in British Society // Elites and Power in British Society. L. 1978.

7.409 *Higley I., Burton G.* The elite varible in democratic. N.Y. 1987.

7.410 *Klugman I.* The New Soviet Elite. N.Y. 1989.

7.411 *Kornhauser W.* "Power Elite" or "Veto Groups" // Class, Status and Power. L. 1967.

7.412 *Lasswell G.* The Analysis of Political Behavior: An Empirical Approach. L. 1949.

7.413 *Lasswell H.D., Lerner D.* The Comparative Study of Elites. Stanford. 1952.

7.414 *Nicolaevski B.* Power and the Soviet Elite. L. 1965.

7.415 *Pareto V.* Elites and Their Circulation // Structured Social Inequality: A Reader In Comparative Social Stratification. N.Y. 1969.

7.416 *Pareto V.* The Rise and Fall of Elites. An Application of Theoretical Sociology. N.Y. 1991.

7.417 *Prewitt K., Stone A.* The Ruling Elites. Elites Theory, Power and American Democracy. N.Y. 1973.

7.418 *Stanworth P.* Elite and Privilege // Society: Work, Urbanism and Inequality. L. 1984.

7.419 *Giddens A.* Elites in the British Class Structure // *Stanworth P., Giddens A.* Elites and Power in British Society. Cambridge. 1974.

8. Диссертации и авторефераты

8.1 *Кислицын С.А.* Большевистская политическая элита 20-х – 30-х гг. (личность и власть): Дис.... докт. истор. наук (07.00.01). Ростов-н/Д. 1994. 638 с.

8.2 *Кочерга Б.Н.* Сущность и место бюрократии в социальной структуре и системе советского общества: Дис.... докт. истор. наук (07.00.01). М., 1990. 361 с.

8.3 *Котеленец Е.А.* Ленин и его политическое окружение в новейшей историографии. (1987-1999 гг.): Дис.... докт. истор. наук (07.00.09). М., 2000. 315 с.

8.4 *Мохов В.П.* Эволюция региональной политической элиты России (1950-1990 гг.): Дис.... докт. истор. наук (07.00.02). М., 1998. 386 с.

8.5 *Николаев А.Н.* Исторические аспекты становления российской технократической элиты. (1917-1996 гг.): Дис.... докт. истор. наук (07.00.02). Саратов. 1996. 377 с.

8.6 *Пашин В.П.* Партийно-хозяйственная номенклатура в СССР. (Становление, развитие, упрочение в 20 – 30-х гг.). Автореф. дис....докт. истор. наук. (07.00.02). М., 1997. 43 с.

8.7 *Покатов Д.В.* Современная региональная политическая элита: социальные проблемы становления и функционирования: Дис.... канд. социолог. наук. М., 1997. 176 с.

8.8 *Понеделков А.В.* Политико-административная элита: генезис и проблемы ее становления в современной России (региональный политологический анализ): Автореф. дис.... докт. полит. наук. М., 1995. 40 с.

8.9 *Смолянский П.В.* Особенности становления политической элиты современной России: историко-политологический анализ: Дис.... канд. полит. наук. М., 1995. 159 с.